У 25
59

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ III.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ,

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ И ПѢСНИ.

ИЗДАНІЕ ОЛОНЕЦКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.

Въ губернской типографіи.

1864.

2007065008

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 Октября 1863 и 8 Января 1864 года.

Цензоръ. *Ст. Лебедевъ.*

I.

БЫЛИНЫ,

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, СТАРИНЫ И

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ.

I. ВРЕМЯ ДО ВЛАДИМІРА.

БОГАТЫРИ СТАРШІЕ.

САМСОНЪ БОГАТЫРЬ.

I.

(Петрозаводскаго уѣзда, Кижская волость).

Славный Самсонъ, богатырь свято-русьскій,
Ѣхалъ на добромъ конѣ богатырскоемъ
По славному раздольицу чисту полю
И усмотрѣлъ идучись по чисту полю
Дородня добра молодца пѣхотою.
Какъ припуститъ скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,
Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется;
Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,
Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ.
Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
Оны съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались,
Говорили разговоръ промежду собой:
» Что же ты, удаленькой дородній добрый молодецъ!
» Ходишь по чисту полю пѣхотою:
» Какъ припущу на добромъ конѣ богатырскоемъ
» Ѣхать во всю силу лошадиную,
» Ты отъ меня не оставаешься;
» Когда ѣду тихою вольготою,
» Тогда ты на меня не наступываешь?»
Тутъ по Божью повелѣньицу
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой дородній добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечь со могучіихъ

На эту плиту на зеленую
И говоритъ Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
— Отвѣдай взять мою ношицу
— На свои на плечи на могучіи
— И побѣжать по славному раздольицу чисту полю.
Тутъ славный богатырь свято-русьскій
Опущался со своего добра коня,
Принимался онъ за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой,
Никакъ этыя сумочки малыя
На камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ обѣма ручкамы бѣлыма,
Сумочки на камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
И припалъ своей грудью бѣлою
Ко этымъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,
И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ угрязнулъ во зеленъ камень,
Столько могъ подпустить малый духъ
Подъ эты подъ сумочки подъ малыя.
И говорилъ Самсонъ таковы слова:
» Отъ роду я эдакой ношицы не здымывалъ!
» Кто ты есть какой человѣкъ,
» Какого ты рода - племени,
» Откуда идешь, куда путь держишь?
— Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
— Посланъ я ангелъ отъ Господа
— Поотвѣдать твоей силы великія:
— Погружена вся тягота во эты во сумочки.
Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:
» Аще въ небеси было-бы кольцо,
» И притянута оттуда цѣпь желѣзная,
» Притянулъ бы я небо ко сырой земли
» И своей бы силой богатырскою
» Смѣшалъ бы земныхъ со небесныма;

» И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
» Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
» Повернулъ бы краемъ къ верху
» И опять перемѣшалъ бы земныхъ съ небесными.

Тутъ Ангелъ Божій утаился отъ Самсона отъ богатыря, а богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю. За тѣмъ Рябининъ побывальщиной разсказывалъ, какъ Самсонъ, подобно Святогору, (см. т. 1 стр. 40) наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ—жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. Самсонъ богатырь послѣ свадьбы долженъ былъ признать, что

» Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати».
И то поговорье впередъ пошло.

Когда жена Самсона изъ мужняго разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ было разрубить ее на-полы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Съ той поры стала вывѣдывати:
» Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
» Всѣ земли боятся и всѣ орды.
» Отчего-жъ силенъ и славенъ,
» Силенъ и славенъ и громокъ?
— Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,
— Что имѣю на головѣ семь волосовъ ангельскихъ.—
И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,
И сталъ править имянины своему ангелу,
И заводилъ пированьице почестенъ пиръ:
Всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру напивалися,
Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.
И стали наливать ему хмѣльныхъ напиточковъ;
Собирала друзей любимыихъ

И стригла ему голову до-нага,
И связали ему ручки бѣлыя,
И выкопали очи ясныя.
Онъ какъ пробудился отъ крѣпкаго сна,
Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
» Ай же ты жена, змѣя лютая!
» Погубила ты меня на вѣки вѣчныя.
Дала ему крѣпостную служаночку,
И выгнали скитаться между дворамы
Со этой крѣпостной служаночкой;
И ходилъ онъ скитаться между дворамы,
Проходилъ поры времени ровно три годы,
Пріотростилъ на голову желты кудри,
Сталъ во плечахъ имѣть силушку великую,
А столько не имѣлъ во ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
Говорилъ онъ своей вѣрной служаючкѣ:
» Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
» Веди-ко во свой (*) великой градъ,
» Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
» У меня ли были палаты построены
» На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ».
Этая дѣвица служаночка
Приводила его во великой градъ,
Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Славный Самсонъ богатырь свято-русьскій
Не видитъ онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
А имѣетъ во плечахъ силу великую.
И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:
Сидитъ его жена любимая,
Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.
Славный богатырь свято-русьскій
Подошелъ къ столбу ко каменному
Подъ самый подъ большой-уголъ,

(*) т. е. мой.

Схватилъ ручкамы бѣлыма,
Порозсыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поютъ.

(Отъ крестьянина деревни Середки Т. Г. Рябинина).

—

СВЯТОГОРЪ.

2.

Когда я разсказалъ Рябинину побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ, пѣлъ былиною про все знакомство Ильи и Святогора, и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой пѣсни:

Прочитавъ надпись на великомъ гробу,
Говорилъ Илья таковы слова:
« Не наше мѣсто, не намъ и спать! »

А Святогоръ богатырь улегся въ гробъ и говоритъ Ильѣ:

— Окутай меня каменной накрышечкой!
Онъ какъ накуталъ накрышечкой,
Гробъ и сросся въ одно мѣсто.

Изъ той же былины Рябининъ припомнилъ наставленіе каликъ перехожихъ Ильѣ:

« Приходи ко мостику калинову,
« Услышишь заржучись жеребчика
« Во тоя конюшенкѣ стоялыя.
« И что крестьянинъ запроситъ за жеребчика,
« Запроситъ за жеребчика пять сотъ рублей,
« Давай ему пять сотъ рублей;
« А веди жеребчика молодаго,

« И станови во срубъ рубленый,
« И корми пшеной бѣлояровой,
« И пой свѣжей ключевой водой;
« Положи на него золотну узду
« Со тыма поводамы со шелковыма,
« И води-тко по конюшкѣ стоялыя.
« Когда то онъ станетъ черезъ тынъ поскакивать,
« Когда станетъ черезъ тынъ поплясывать,
« Станетъ конь головушкой повертывать,
« Станетъ въ лошадиныя въ ноздри онъ пофурскивать;
« И тогда ты сѣдлай-ко добра коня,
« И полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
« Поѣзжай ко ты въ раздольице чисто поле,
« Ѣзди ты по матушкѣ по святой Руси,
« Тогда, добрый молодецъ, прославишься
« И будешь сильный богатырь свято-русьскій.»

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца къ себѣ въ гости на Святыя горы и на поѣздкѣ Ильѣ наказывалъ: « Когда пріѣдемъ въ мое посельице и приведу тебя къ батюшкѣ, ты моги нагрѣть кусокъ желѣза, а руки не подавай». Какъ пріѣхали на Святыя горы къ Святогорову посельицу и зашли въ палаты бѣлокаменныя, говоритъ старикъ, отецъ Святогоровъ:—Ай же ты, мое чадо милое! Далечель былъ?—«А былъ я, батюшка, на святой Руси?»—Что же видѣлъ и что слышалъ, сынъ мой возлюбленный, на святой Руси?—«Я что не видѣлъ, что не слышалъ, а столько привезъ богатыря со святой Руси.» Отецъ отъ Святогоровъ былъ темный (*), то говоритъ сыну:—А приведи ко мнѣ русскаго богатыря поздоровкаться.— Илья тымъ временемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и даваетъ старику въ руки кусокъ желѣза. Какъ захватилъ старикъ желѣзо, сдавилъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!»

(Отъ Т. Г. Рябинина).

(*) Слѣпой.

II. ВРЕМЯ ВЛАДИМІРОВО.

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА.

3.

(Г. Петрозаводскъ).

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Жилъ былъ славный Владиміръ князь.
Похотѣлъ тутъ князь пожениться
За славнымъ за синемъ моремъ,
У того короля у Литовскаго,
На той Настасьѣ королевичной.
Вызываетъ онъ сватовъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыихъ,
Родимыихъ братьевъ любимыихъ:
Одного звали Ѳедоромъ Ивановичемъ,
А другаго Васильемъ Ивановичемъ.
Приходили они ко князю Владиміру,
Брали они молодыхъ коней,
Брали сѣделышка черкасскія,
И сѣдлали они молодыхъ коней;
Брали они плеточки шелковыя,
И бросали они плеточки шелковыя;
Брали въ руки тросточки дубовыя,
Садились они на добрыхъ коней.
Видѣли молодцевъ сядучи,
А не видли удалыхъ поѣдучи:
Далече они ѣдутъ въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ одна пыль стоитъ;
Куда махнутъ тросточкой дубовоей,
Туда станутъ улицы съ проулками,
Туда станетъ чистая дороженька.
Пріѣхали за славно за сине море
Ко тому королю ко Литовскому;
Становились они середи двора,

Выходили они со добрыхъ коней,
Брали коней за повода шелковыя,
Вязали ко столбичкамъ точеныимъ,
Ко тымъ колечкамъ золоченыимъ.
Говоритъ тутъ Ѳедоръ Ивановичь:
« Ай же ты, братецъ родимый мой!
« Ай же, товарищъ любимый мой,
« На дворѣ ты постой, жеребцевъ поглади;
« Пойду я въ терема высокіе,
« Въ его палаты красовитыя».
Пошелъ онъ въ терема высокіе,
Во тыя палаты красовитыя,
Отворяетъ онъ двери кленовыя,
Снимаетъ онъ шляпу пуховую,
Полагаетъ на стопку золоченую;
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется онъ на двѣ стороны,
Говоритъ королю таковы слова:
« Здравствуй, король Литовскій!»
Говоритъ тутъ король по-Литовскій:
— Ты зачѣмъ зашелъ, удалый добрый молодецъ,
— Во мои палаты красовитыя?—
Говоритъ тутъ Ѳедоръ Ивановичь:
« Я не пѣша пришелъ, на конѣ пріѣхалъ,
« Со своимъ со любезнымъ товарищемъ,
« Со любезнѣйшимъ братцемъ родимыимъ:
« Первое дѣло—себя показать,
« Другое дѣло—тебя посмотрѣть,
« Третье дѣло—есть сватовство
« На твоей любимыя на дочери,
« На той Настасьѣ королевичной,
« За славнаго князя за Владиміра».
Закручинился король тутъ, запечалился,
Не хочетъ дать Настасьи королевичной
За этого князя за Владиміра.

Отъ этого князя отъ Владиміра
Пріѣзжали лакеи молодые,
Привозили писемечко строгое,
Отдавали удалымъ добрымъ молодцамъ,
Говорили они таковы слова:
« Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичь,
« Ай же ты, Василій Ивановичь!
« Буде честью отдастъ, то честью везите;
« Буде честью не отдастъ,—возьмите безъ чести».
Выходила тутъ Настасья королевична
На свое переное крылечушко
Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ,
Въ своемъ нарядѣ господскоемъ,
Говорила она таковы слова:
« Ай же ты, Василій Ивановичь,
« Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичь!
« Буде есть ума разума въ головушкахъ,
« Возьмите-ко вы батюшка родимаго,
« Моего короля любимаго,
« Стаците его вы во чисто поле,
« Закопайте-ко вы во сыру землю,
« Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
« Можетъ, въ ту пору король объумѣется,
« Можетъ, въ ту пору король образумится,
« Можетъ быть, меня Настасью королевичну
« Отдастъ за князя за Владиміра.
« Хоть я не была во городѣ во Кіевѣ,
« Но знаю все имѣнье и богачество.
« У этого у князя у Владиміра
« Стоятъ палаты красовитыя,
« Стоятъ луга гряновитыя;
« У моего батюшка родимаго,
« У моего короля любимаго,
« Палатишки стоятъ пустешеньки,
« Лужишка посѣяны низешеньки,
« Низешеньки лужишка, нелюбешеньки!».

Въ это время король по-Литовскій
Стоялъ за дверями дубовыми,
За этими порогами сѣченными,
Повыслушалъ ея таковы слова,
У своей Настасьи королевичной,
Говорилъ онъ сватамъ таковы слова:
« Возмите вы Настасью королевичну,
Посадите на молодаго жеребчика».
Тутъ видли Настасью справляючи,
Видли Настасью и сядучи,
А не видли королевичной поѣдучи.
Далече ѣдетъ она въ чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ одна пыль стоитъ.
Пріѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Выходитъ тутъ Владиміръ князь
Во своемъ уборѣ господскоемъ,
Во своемъ снарядѣ молодецкоемъ,
Со великою со радостью
Стрѣчаетъ онъ Настасью королевичну.
Бралъ онъ Настасью королевичну
За ручки бѣлыя, за ея перстни злаченые,
Опускаетъ онъ съ молодаго жеребца;
Бралъ онъ ее за груди нѣжныя,
Цѣловалъ въ уста печальныя,
Проводилъ въ палаты бѣлокаменны,
Въ тѣ палаты красовитыя.
Пиръ онъ провелъ по честному,
И людей накормилъ до сытешенька,
А сватовъ напоилъ до пьянешенька.
Всѣ люди идутъ, да похваляются:
« Вотъ у насъ есть солнышко Владиміръ князь,
« Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Нѣтъ таковаго во всей Руси,
« И нѣтъ таковаго въ каменной Москвы».

Тутъ вѣкъ о Владимірѣ старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Со словъ крестьянина Бутылки.)

—

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Въ тоемъ было во городѣ во Кряковѣ,
Въ тоемъ было селѣ во Березинѣ,
У того было Ивана у Иванова,
Родился сынъ Илья у него Муромецъ.
Тридцать лѣтъ онъ сиднемъ сидѣлъ,
Сидѣлъ онъ на печкѣ на муравленой.
Отецъ его и мать на луга ушли.
Онъ слѣзаетъ со печки муравленой,
Беретъ ли своего добра коня,
Добра коня беретъ за шелковъ поводъ,
Беретъ себѣ ножище кинжалище.
Пошелъ онъ изъ города изъ Крякова,
Изъ того села изъ Березина
Ко славному ко городу ко Кіеву
Прямой дорожкой неокольноей;
Онъ чистилъ дороженьку широкую,
Доходилъ онъ до Соловья Рахманова.
Какъ тотъ де Соловей Рахмановичъ
Сидѣлъ онъ на сорока дубахъ,
Засвисталъ онъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному.

Конь у Ильи на колѣна палъ,
Говоритъ ему Илья Муромецъ:
« Ахъ ты, волчья сыть, ты, медвѣжья шерсть!
« Ходилъ ты въ лугахъ во зеленыихъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьинаго
« И не слыхалъ ты крыку звѣринаго?»
Тотъ ли Илья Муромецъ
Натягивалъ скоренько свой тугій лукъ,
Стрѣлялъ во Соловья Рахманова,
Стрѣлилъ онъ ему во правый глазъ,
Свалился онъ Соловей съ сорока дубовъ.
Онъ хватилъ-то Соловья Рахманова,
Привязалъ онъ ко стремени ко правому,
И ѣдетъ онъ къ палаты Соловьиныя.
Закрычала тутъ дочь Соловьиная:
— Ахъ ты ей, государыня матушка!
— Нашъ батюшка ѣдетъ-мужика везетъ.—
Говоритъ тутъ ей родна матушка:
« Что не батюшко ѣдетъ-мужика везетъ,
« Мужикъ-отъ ѣдетъ-везетъ батюшка.
« Поднимай подворотенку сорока пудовъ,
« Спусти-ко мужику въ буйну голову.»
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пріѣхалъ онъ къ воротамъ широкимъ,
Ударилъ своей палицей въ подворотенку,
Сломилъ подворотню сорока пудовъ.
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру;
Выбѣгаетъ Владиміръ столыно-Кіевскій
Со своей княгиной со Апраксіей,
Стрѣчали стараго казака Илью муромца.
Тая ли дочь княженецкая (*)

(*) По словамъ Бутыики дочь княженецкая увидѣла на рукѣ у Соловья золотъ перстень и ухватила было за перстень, а Соловей ей перстъ и оторвалъ. А Илья Муромецъ тутъ ей выговорилъ. «Всю бы руку захватилъ Соловей, такъ и всю бы изогрвалъ.»—Онъ де былъ волшебникъ, пояснилъ Бутыка.»

Выходила на крылечко переное,
Увидѣла Соловья Рахмановича,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ты ай же, Соловей Рахмановичъ!
—Засвищи-ко, ты, по соловьиному,
—Закрычи-ко, ты, по звѣриному.—
Говорилъ тутъ Соловей Рахмановичъ;
« Не твое сегодня ѣмъ, да кушаю,
« Не хочу тебя теперь я слушати.»
Попросила она стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца
— Ты, заставь засвистать по соловьиному
— И заставь закрычать по звѣриному.—
Онъ засвисталъ какъ тутъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Тутъ всѣ воо градѣ назень пали,
Назень пали, и всѣ обмерли.
Тутъ сталъ просить Владиміръ столыно-Кіевскій:
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Шріуйми-ко Соловья Рахманова,
« Оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.»
Онъ пріунялъ Соловья Рахманова.
Тутъ по три дня было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ онъ Соловья Рахманова.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано г. Лысановымъ со словъ крестьянина Андрея Сарафанова).

—

5.

тоже.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость).

Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ 30 лѣтъ,
Неимѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Іисусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу подъ окошечко
И попросилъ напиться.
Говорилъ Илья таковы слова:
« Ай же вы, добрые людюшки!
« Не могу напоить васъ: не имѣю ни рукъ, ни ногъ. »
И говорилъ Господь Іисусъ Христосъ:
— Вставай Илья Муромецъ на ноги,
— Поди-ко напой насъ.—
И высталъ Илья Муромецъ на ноги
И поднесъ имъ яндову квасу.
Истинный Христосъ крестомъ оградилъ чашу:
— Ну, выкушай самъ, что подносишь.—
Илья Муромецъ и выкушалъ,
Господь и спрашиваетъ:
— Каковъ ты нынѣ есть?—
Илья Муромецъ плечмы стряхнулъ:
« Я теперь, добрые люди, корпусъ въ себѣ имѣю. »
Онъ другую чашу нацѣдилъ,
Господь опять оградилъ крестомъ и спросилъ:
— Нынѣ каковъ ты Илья?—
А Илья Муромецъ говоритъ:
« Я теперь, добрые люди, имѣю корпусъ въ себѣ:
« Ежели бы было теперь колько силы поганой,
« Напустилъ бы бить. »
И ушелъ Господь со апостолами.
Илья Муромецъ пригналъ себѣ коня добраго,

Облатился Илья и обкольчужился,
Бралъ съ собой палицу булатную,
Бралъ онъ копье долгомѣрное,
Еще тугой лукъ да калены стрѣлы.
И шелъ Илья въ Божью церковь,
И отстоялъ раннюю заутрину воскресную
И завѣчалъ завѣты великіе:
« Ѣхать ко славному городу ко Кіеву,
« Проѣхать дорожкой прямоѣзжею,
« Не натягивать туга лука,
« И не накладывать каленой стрѣлы,
« Не кровавить коня долгомѣрнаго
« И не кровавить палицы булатнія. »
Бралъ деревцо съ собой кипарисное,
Онъ стружки строгалъ, все кресты ставилъ,
Чинилъ первую поѣздку богатырскую.
Какъ доѣхалъ до города Бѣжегова;
И обступила сила поганая
Тотъ ли городъ Бѣжеговской;
И зашли мужи то Бѣжеговцы
Въ тую во церковь соборную
Они каются да причащаются,
На смертную казнь снаряжаются.
Ильѣ Муромцу жаль стало мужиковъ Бѣжеговскихъ
И того ли города Бѣжегова,
И разрушилъ завѣты великіе,
И приправилъ косматаго бурушка въ чисто поле,
Онъ вырвалъ дубъ да съ кореньями
И обдѣлалъ рукояточку; (*).
И заѣхалъ въ рать-силу великую,
И зачалъ дубомъ помахивать:
И куды махнетъ, тутъ и улочки,
Перемахнетъ, такъ переулочки.

(*) Такимъ образомъ на первой порѣ оружье Ильи, взятое изъ дому, остается неокровавленнымъ.

И усмотрѣли мужики Бѣжеговцы
Во тую во трубочку подзорную,
Что ѣздитъ удалый добрый молодецъ
Въ рать-силы великія,
И палили чашу красна золота,
Другую скатняго жемчугу,
Третью палили чистаго серебра,
И несутъ ему даровья великія:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты коей земли, ты коей орды,
« Коево отца, да коей матери,
« Какъ тебя, удалый, именемъ зовутъ?
И возговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я изъ тамаго (*) изъ города изъ Муромля,
— Изъ этого ли села изъ Карачарова.—
И говорятъ мужики опять Бежеговцы:
« Ай же ты удалый добрый молодецъ!
« Ты бери-ко у насъ злато, серебро,
« И бери у насъ скатней жемчугъ,
« И живи у насъ въ городѣ Бѣжеговѣ,
« Слыви ты у насъ воеводою.»
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же, вы, мужики Бѣжеговцы!
— Не набъ мнѣ-ка не злата, не серебра,
— И не набъ мнѣ-ка скатняго жемчугу;
— И не живу въ городѣ Бѣжеговѣ,
— И не слыву у васъ воеводою;
— А мнѣ покажите дорожку прямоѣзжую
— Ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю Владиміру.—
Говорятъ мужики Бѣжеговцы:
« Ай же ты удалый добрый молодецъ,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!

(*) Прилагательное отъ нарѣчія тамъ.

« Вѣдь на той дорожкѣ прямоѣзжія
« Есть заставы великія:
« Первая застава великая—ольги топучія;
« А другая застава великая, у матушки у Пачей рѣки
« Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ людей на семи верстахъ;
« А третья застава великая,
« Сорокъ сыновъ было со единымъ у Соловья
« А еще у него была любимая дочь,
« Та-ли Марья Соловеевна.
« Дворъ Соловья на семи верстахъ,
« Кругомъ двора тынъ булатній.
Какъ видѣли Ильюшиньку сидучись,
А не видѣли уѣдучись.
И пріѣхалъ онъ къ ольгѣ топучія:
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубья рветъ,
И замостилъ мосточки дубовые.
Какъ пріѣхалъ онъ да ко Пачей рѣкѣ,
Закричалъ Соловей по звѣриному,
И засвисталъ Соловей по змѣиному;
И замызгалъ собака по соловьиному:
Подъ Ильей подъ Муромцемъ
Его добрый конь да отарашился.
Онъ бьетъ коня по тучнымъ ребрамъ, (*)
И самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты волчья выть, (**) травяной мѣшокъ!
— Развѣ ты въ лѣсахъ не бывалъ,
— Развѣ ты звѣрей не видалъ,
— Развѣ ты бабьяго обрыку (***) не слыхалъ?—
И вытянулъ свой тугой лукъ,

(*) Вм. бедрамъ.

(**) Волчья ѣда.

(***) Болтовня, крика.

И накладывалъ калену стрѣлу,
Самъ ко стрѣлочкѣ приговаривалъ:
— Полети, моя калена стрѣла,
— Къ Соловью къ вору Рахматому,
— И попади ты, моя стрѣлочка,
— Соловью Рахматому въ правой глазъ,
— А выдь подъ лѣвую пазуху,
— Оброни Соловья вора Рахматаго безъ навиду— (*)
И полетѣла стрѣлка, завзвивалася,
И пала Соловью Рахматому во правой глазъ,
И вышла подъ лѣвую пазуху;
Какъ упалъ Соловей на сыру землю,
Мать сыра земля да всколыбалася,
Во Начей рѣкѣ вода съ пескомъ помутилася.
И наѣзжалъ тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
И приковалъ его ко стремени булатному,
И ѣдетъ по далецѣ, далечѣ по чисту полю,
Къ тому ли ко двору Соловьиному.
И увидали любимые дѣтушки,
Сами говорятъ таково слово:
« Ай же ты, матушка-родителекъ, Акулина Дудентьевна!
« Батюшко-то ѣдетъ, мужика везетъ.»
Какъ взглянетъ Акулина Дудентьевна,
Зарычала зычнымъ голосомъ:
—Баженыя любимыя дѣтушки!
— Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца везетъ:
— Онъ приковапъ ко стремени булатнему,
— Облился кровью горячею.
— Вы берите шалыги подорожныя,
— Выручайте желаннаго батюшка.—
Какъ похватали шалыги подорожныя,—
Самая послѣдняя шалыга девяносто пудъ,—

(*) Смертной раны.

И выскочили они на широкій дворъ.
А онъ не заѣхалъ во широкій дворъ,
И зарычалъ Соловей во всю голову:
« Ай же вы бажены, любимые дѣтушки!
« Не дразните удалаго добра молодца,
« Налейте вы чашу красна золота,
« А другую скатняго жемчугу,
« А третью чистаго серебра. »
И пометали шалыги подорожныя,
И наливали чашу красна золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра.
Илья Муромецъ говоритъ таково слово:
« Не надо мнѣ не злата, не серебра,
« И не надо мнѣ скатняго жемчугу,
« Я свезу Соловья во Кіевъ градъ,
« На вино пропью, на колачь проѣмъ. »
А эта Марья Соловеевна
Ухватила подворотню булатнюю стопудовую,
Клеснула (*) Ильюшиньку межъ уши въ голову:
Мало Ильюшенькѣ можется,
Сидитъ на конѣ да шатается.
Онъ зналъ ухватку молодецкую,
Соскочилъ да со добра коня,
И бралъ то онъ дѣвку за груди,
Пиналъ то ее правой ногой:
Она летѣла чрезъ дворъ къ заднему тыну,
Сѣла на землю приговариваетъ:
« Чертъ меня хватилъ, водяной бросилъ:
« Раздразнила я удала добра молодца
« И добыла увѣчье вѣковичное. »
И видѣли Ильюшиньку сядучись,
А не видѣли поѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ

(*) Хлыстнула.

У той ли стѣны городовыя;
Не воротамъ ѣхалъ, приворотнями,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Тупымъ концемъ да о сыру землю, (*)
Шелковой поводъ на злаченой гвоздь:
« Вы здравствуйте, царевы приворотники!
« Дома ли Владиміръ князь стольне-Кіевскій?»
И говорятъ ему приворотники:
— Теперь пришелъ отъ ранней отъ обѣдни.—
Онъ у дверей не спрашиваетъ придворниковъ,
А у воротъ да приворотниковъ,
Прямо идетъ въ гридню столовую;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Покланяется на всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру пятой поклонъ въ особину:
« Ты здравствуешь, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!»
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Здраствуешь, удалый доброй молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,—
— Коево отца, коей матери?—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Я есть изъ города изъ Муромля,
« Изъ того да села изъ Карачарова.
« Я во городѣ во Муромѣ,
« Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
« Отстоялъ я раннюю заутрену воскресную,
« Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею».
— Ай же ты удалый доброй молодецъ,
— Старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Вѣдь на той дорожкѣ три заставы.
— Первая застава—ольги тонучія;
— А другая застава великая,
— Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ

(*) Пропущено: копье воткнулъ.

— У матушки у Почей рѣки на семи дубахъ;
— А третья застава великая,
— У Соловья сорокъ сыновъ со единымъ,
— Есть у него любимая дочь.—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« У меня Соловей Рахматовъ сынъ
« Привезенъ во славный во Кіевъ градъ. »
Больше тутъ ничего Владиміръ князь не спрашивалъ,
И побѣжалъ онъ на свой на царскій дворъ,
Глядѣть Соловья сына Рахматова:
И сидитъ Соловей у стремена, какъ сѣнна копна (*).
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
— Закричи-тко ты по звѣриному,
— Засвищи-ко ты да по змѣиному,
— Замызгачь, собака, по соловьиному.—
И возговоритъ Соловей таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Я не у тебя пилъ да кушалъ,
« Не хочу тебя и слушати».
И воротился князь во гридню столовую,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи Соловью закричать по звѣриному.—
Тутъ множество народу сбѣжалося
Соловья глядѣть на царскій дворъ:
И выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ
На заднее царское крылечико переное,
И говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
« Закричи-ко ты да по звѣриному,
« И засвищи-ко по змѣиному,
« И замызгачь, собака, по соловьиному».

(*) Въ видѣ сѣнной копны представляютъ себѣ заонежане и водяника.

И смолился Соловей Рахматовъ сынъ:
— Ай же ты, батюшка, старой казакъ Илья Муромецъ!
— Не могу закричать по звѣриному,
— За свистать-то по змѣиному
— И замызгачить по соловьиному:
— Запеклись у меня кровью уста.—
Тутъ налилъ Илья чашу зелена вина въ полтора ведра
И поднесъ Соловью Рахматову:
Онъ принялъ одной рукой.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ты рычи-ко, Соловей, да въ полголоса!»
Онъ не послушалъ Ильи Муромца,
Онъ хотѣлъ оглушить народъ,
Самъ на уходъ уйти,
И закрычалъ онъ во весь громкой гласъ:
Маломошны домы во Кіевѣ разсыпались,
Маковки съ церквей повалилися,
И всѣ люди на дворѣ мертвы стали.
Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою:
« Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
« Ты заполонилъ Соловья-то, куда хошь клади?»
Отъ отковалъ Соловья отъ стремена булатняго
И приказалъ ему отрубить буйну голову.
Старинушка эта тѣмъ и кончилась.

(Со словъ крестьянина деревни Пирзаковской Трофима Романова).

—

6.

тоже.

(г. Петрозаводскъ).

Была у Ильи дана заповѣдь великая:
Стоять-то у заутрины въ Черниговѣ,
Поспѣть къ обѣднѣ въ Кіевъ градъ.
Перескоку было ровно триста верстъ,

И помѣхи на дорогѣ случилися.
Первая помѣха: во Божьей церквы
Заперты мужики Бѣжеговцы (*)
У тыхъ Татаровей поганыихъ,
Они каются—причащаются,
Къ скорой смеретушкѣ сподобляются.
Тутъ не чѣмъ Ильѣ было биться-ратися:
Не взялъ онъ сабельки вострыя,
Не взялъ копья мурзамецкаго;
И выдернулъ сырой дубъ съ кореньямы,
Взялъ дубъ-отъ за маковку
И прибилъ всѣхъ Татаровей поганыихъ,
И выпустилъ мужиковъ со Божьей церквы.
Говорятъ ему мужики Бѣжеговцы:
« Ай же ты, русскій могучій богатырь!
« Стань-ко къ намъ суды судить,
« Суды судить, да ряды рядить».
Говорилъ Илья таковы слова:
— Ай же вы, мужики Бѣжеговцы,
— Не хочу я къ вамъ суды судить,
— Суды судить, да ряды рядить;
— А покажите мнѣ дорогу прямоѣзжую
— Ко стольному ко городу ко Кіеву.—
Говорятъ ему мужики Бѣжеговцы:
« Нѣтъ у насъ дорожки прямоѣзжія,
« А есть дорога окольняя:
« Засадилъ дорожку прямоѣзжую
« Соловей воръ Рахматовичь,
« У той ли грязи у Смородинской
« Сидитъ-то воръ на трехъ дубахъ,
« На трехъ дубахъ да на семи сукахъ,
« Не пропуститъ ни коннаго, ни пѣшаго,
« Затонули всѣ мостики калиновы».
Думалъ—подумалъ Илья Муромецъ:

(*) Иные поютъ здѣсь, по замѣчанію пѣвца, о Бегежовцахъ.

— Не честь хвала-то мнѣ богатырская
— Ѣхать дорожкою окольною,
— А я поѣду дорогою прямоѣзжею.—
И поѣхалъ дорогой прямоѣзжею,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубье-колодье рветъ,
Дубье-колодье рветъ, да мосты стелетъ.
Будетъ у тоя грязи у Смородинской,
Увидѣлъ Соловей воръ Рахматовичь,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ-то по змѣиному,
Защекталъ (*)-то по соловьиному.
Его добрый конь на колѣни палъ,
Бьетъ коня плеткой шелковою
По тымъ бедрамъ по крутымъ:
« Ай же ты, медвѣжья сыть, травяной мѣшокъ!
« Не ужоль не слыхалъ крыку звѣринаго,
« Свисту змѣинаго и щекатья соловьинаго?»
Тутъ натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
« Не пади, стрѣлка, ни на землю, ни на воду,
« А пади Соловью во правый глазъ.»
И не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью во правый глазъ,
А выходила во лѣво ухо.
Тутъ онъ полонилъ Соловья вора Рахматова,
Привязалъ ко стременкамъ ко булатнимъ,
Кверху ногамы, внизъ головой,
Самъ садился на добра коня
И поѣхалъ къ дому Соловьевому.
И пріѣхалъ онъ къ дому Соловья вора Рахматова,
И глядятъ всѣ малые дѣтушки
Во тое окошечко косящето,

(*) Щекатьемъ обозначается соловьиный свистъ.

Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, свѣтъ государыня матушка!
« Нашъ-отъ батюшко мужика везетъ.»
И глянула Соловьева молода жена
Во тое окошечко косявчето,
Сама говорила таковы слова:
— Ай же вы, малые дѣтушки!
— Мужикъ-отъ везетъ вашего батюшка.—
Скочила на широкій дворъ,
Хватила подворотенку во сорокъ пудъ
И кинула въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло,
Отвелъ подворотенку плетью шелковою.
И говоритъ Соловей воръ Рахматовичъ:
« Давай-ко русскому богатырю
« Злата, и серебра, и скатнаго жемчуга,
« И выкупай Соловья вора Рахматова.»
Говоритъ Илья, Илья Муромецъ:
— Еслибъ тыкнули конецо во сыру землю,
— Еслибъ обносили конецо златомъ и серебромъ,
— И тутъ не отдалъ бы на выкунь Соловья.—
Скоро скажется, а тихо дѣется. . .
Будетъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
И поставилъ онъ добра коня
Середи двора княженецкаго,
Не привязана и не приказана,
А велѣлъ стеречь Соловью вору Рахматову.
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуешь, Владиміръ стольне-Кіевскій,
« Здравствуешь, княгиня Апраксія!
« Я полонилъ Соловья вора Рахматова.»
И говоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
— Гдѣ у тебя Соловей воръ Рахматовичъ?—

« У меня Соловей на широкомъ дворѣ,
« Стерегетъ—берегетъ моего добра коня.»
Солнышко Владиміръ стольне-Кіевскій
Шелъ на широкій дворъ
Посмотрѣть Соловья вора Рахматова,
И говоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, Соловей воръ Рахматовичь!
« Закрычи-тко ты по звѣриному,
« Засвисти-ко по змѣиному,
« Защекчи да по соловьиному.»
А говоритъ Соловей воръ Рахматовичь:
— Не ты меня полонилъ,
— Не тебя хочу я слушати.—
Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Велѣлъ ему засвистать въ полголоса.
Соловей какъ закрычалъ по звѣриному,
Засвисталъ какъ по змѣиному,
Защекталъ какъ по соловьиному,—
Всѣ лѣса зашаталися,
Во теремахъ окошечки разсыпались,
И всѣ люди во Кіевѣ мертвы стали.
Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Отрубилъ ему буйну голову.

(Со словъ крестьянина Г. Оедотова).

—

7.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ.

(Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда)

Ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,

И не могъ убить ни гуся, ни лебедя
И не малыя перелетныя сѣрыя утицы;
А встрѣтилъ онъ калѣку, калѣку сорочинскую,
И говоритъ Илья таково слово:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Давиоль ты бывалъ на святой Руси,
« На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
« Давиоль ты видѣлъ князя Владиміра
« Со стольною княгиною Апраксою;
« Всѣ ли они здравствуютъ?»
Говоритъ калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
— Наѣхало Идолище поганое,
— Съ чиста поля проситъ поединщика;
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилося.
— И сидитъ Татаринъ между княземъ и княгиною,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.—
И говоритъ Илья, Илья Муромецъ:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Молодца въ тебѣ въ два меня,
« И силы то у тебя въ три меня,
« А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
« Скидывай ты платьице каличье
« И надѣвай платье богатырское,
« Садись на моего добра коня
« И поѣзжай въ Муромъ градъ
« Къ тому подворью богатырскому.»
И думывалъ-подумывалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.—
И скидывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,

И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку (*)
Во матушку сыру землю,—
И уходила та клюшка до коковочки; (**)
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гушю сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли. . .
Какъ скоро скажется, тихо дѣется. . .
И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
« Солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Сотвори-ко мнѣ милостыню:
« Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
« Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ татаринъ бросался по-плечь въ окно:
— Ай же вы, горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ.—
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,

(*) Изъ дерева иволги.

(**) До загнутаго верхняго конца палки.

Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ Идолище поганое:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Давноль ты бывалъ на святой Руси,
« Давноль ты видѣлъ Илью Муромца?
« Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
« А мнѣ бы Илью видѣть надо.»
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья есть мнѣ братецъ названый:
— Онъ мнѣ есть братецъ большій,
— А я ему братецъ меньшій.
— Я за своего братца хочу постоять.—
Эти слова татарину не слюбилися:
Схватилъ онъ со стола булатній ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
И тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
А стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь порозсыпался.
Вывернулся Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Бралъ татарина за желты кудри,
И зашибъ его выше буйной головушки,
И бросилъ татарина о дубовый полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.

(Со словъ крестьянина Г. Осютова въ Петрозаводскѣ, 27 іюня 1863 года.)

8.

ТОЖЕ.

(Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда).

Ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Наѣхалъ-то старчище Пилигримище,
И самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старчище Пилигримище!
« Дай-ко ты мнѣ своихъ платьевъ старческихъ,
« Дай-ко мнѣ клюху сорока пудовъ;
« Добромъ буде не дашь, силомъ возьму.»
Сокрутился онъ старчищемъ Пилигримищемъ
И пошелъ по полю по чистому.
Во ту ли пору, во то время
Ѣздило Идолище подъ облакой,
Шибало свою палицу стопудовую,
На конѣ гоняло и само подхватывало.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ты дай-ко мнѣ, Господи, дожжичка
« Частенькаго и то меленькаго,
« Чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго:
« Опустилось бы Идолище на сыру землю,
« Поѣхало-бъ Идолище по чисту полю.»
Далъ тутъ Господь дожжичка
Частенькаго и то меленькаго,
Подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
Опустилось Идолище на сыру землю
И поѣхало по чисту полю,
И увидѣло старчище Пилигримище:
Шляпа у него тридцати пудовъ,
Клюха у него сорока пудовъ
И говоритъ Идолище таковы слова:
— Какъ по платьицу, старчище Пилигримище,
— А по походочкѣ быть старому казаку Илью Муромцу:
— Хоть кто хошь тутъ будь, а жива не спущу.—

Какъ змахнулъ своей палицей булатноей
Во того старчища Пилигримища,
А Илья на ножку былъ повертокъ,
Уверется подъ гриву лошадиную:
Пролетѣла палица во сыру землю.
Какъ скочитъ изъ-подъ гривы лошадиныя,
Змахнулъ клюкой сорока пудовъ,
Ударилъ Идолище въ буйну голову
И убилъ Идолище проклятое.
Тутъ по три дни было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ Идолище поганое.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Со словъ Бутылки, въ Петрозаводскѣ 29 іюня 1863 года.)

—

9.

тоже.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость).

Изъ славнаго изъ города изъ Муромля,
Изъ того изъ села Карачарова,
Пролегала путь дорожка широкая
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Никто по дорожкѣ не прохаживалъ,
Никто по дорожкѣ не проѣзживалъ,
Только шелъ-прошелъ калика прохожая волокитная:
Муница (*) на каликѣ сорочинская,
Шляпа на каликѣ земли греческія.
Когда будетъ калика во Кіевѣ,

(*) гунища, гуня.

И приворачивалъ калика на царевъ кабакъ,
И зарычалъ калика зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, чумаки да цѣловальники!
« Наливайте мнѣ вина на пятьсотъ рублей,
« Мало разопьюсь, такъ на тысячу.»
Тутъ чумаки цѣловальники
Всѣ съ кабаковъ разбѣжалися,
По чуланчикамъ всѣ да разхучалися. (*)
Онъ зашелъ въ погреба глубокіе къ напиточкамъ,
Взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
Другую-то взялъ подъ другую,
А третью-то бочку ногой катилъ.
Зарычалъ калика во всю голову:
« Собирайтесь, калики, на почестный пиръ.»
И напился калика, самъ спать заснулъ
На ту ли на печку муравленую.
Тутъ чумаки цѣловальники собиралися,
Собиралися они въ едино мѣсто,
Пошли къ князю Владиміру жалиться;
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же вы, чумаки цѣловальники!
— Ведите сюда калику, какой онъ есть?—
Зачали калику съ печки побуживати,
Зачали калику потархивати, (*)
И зачалъ калика съ печки спущатися,
За дубову воронечку (**) приниматися,
И убилъ всѣхъ чумаковъ и цѣловальниковъ;
И пошелъ мимо палаты княженецкія,
И зарычалъ калика во всю голову:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Не калика былъ въ кабакѣ прохожая,

(*) Отъ корня хит, хут,—скрывать.

(*) Отъ корня торокъ, ударъ вѣтра; отсюда же—копьемъ торыкать.

(**) Воронецъ—доска, привѣшенная на веревкахъ поперекъ избы.

« Былъ славный казакъ Илья Муромецъ.
« Я теперь пойду во Царь-градъ:
« Тамъ наѣхала поганая Идолища,
« По семи пудовъ хлѣба ѣстъ,
« Ветъ по три быка яловика.»
Идетъ Илья Муромецъ по чисту полю:
На встрѣчу Ильѣ Муромцу
Бѣжитъ калика Игнатище,
Во рукахъ держитъ шалыгу въ девяносто пудъ;
Идетъ калика подпирается,
Подъ нимъ мать сыра земля подгибается.
Возговоритъ Илья Муромецъ:
« Здравствуешь, калика Игнатище!
« Ты откуль идешь, откуль путь держишь?
— Я бѣжу изъ Царя-града отъ Идолищы:
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты, калика Игнатище!
« Силы у тебя противъ меня вдвое есть;
« А смѣлости подъ собаку у тебя нѣтъ.
« Да-ко мнѣ шалыгу девяносто пудъ,
« Я пойду къ Идолищѣ здороваться.»
И будетъ Илья Муромецъ во Царѣ-градѣ,
У палатъ княженецкихъ Цареградскихъ,
Попросилъ онъ милостины:
« Ай же ты, князь Цареградскій!
« Дай ты мнѣ милостину,
« Милостину дай-ко ты мнѣ золоту гривну,
« Не для-ради калики прохожаго,
« Для-ради славного казака Ильи Муромца.»
Отъ крыку Ильи Муромца
Маломощны домы розсыпались,
Маковки съ церквей повалилися,
Идолища, за столомъ сидя, пріужахнулся.
Говоритъ Идолища князю Цареградскому:
— Подь-ко, зови калику въ палаты бѣлокаменны,
— Какой онъ есть?—

Какъ вышелъ изъ палатъ князь Цареградскій,
И увидалъ, что тутъ славный казакъ Илья Муромецъ,
И упалъ на колѣнца княженецкія:
« Ай же ты, батюшко, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Нѣтъ у меня дать тебѣ милостины, золотой гривны:
« Обожралъ Издолина весь Царь-градъ,
« Золота казна да запечатана.
« Ты поди въ палаты бѣлокаменны:
« Напою тебя напитками до пьяна,
« А ѣствами накормлю тебя до сыта.»
И пошелъ Илья въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Покланяется на всѣ четыре стороны,
Князю Цареградскому въ особину,
А Издолинѣ поганому челомъ не бьетъ,
Челомъ не бьетъ и не здравствуетъ.
Говоритъ же Издолина таковы слова:
— Ай же ты, калика прохожая!
— Почему ты знаешь Илью Муромца?
— Великъ ли онъ собой есть?—
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Хоть на его гляди, хоть на меня смотри:
« Такой же, какъ я есть.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Я на руку положу, а другой сверху прижму,
— Блиномъ сдѣлаю и съ собаками не найдешь.
— По многу ли хлѣба ѣстъ вашъ Илья?—
« А нашъ Илья съѣстъ калачикъ, много два, и нѣтъ три,
« И тѣмъ сытъ пребываетъ.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Какъ тремя калачиками сытъ бываетъ:
— Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ,
— И по три быка яловика наварю,
— А что, сверхъ того, напитокъ выпью!—
« Въ нашемъ же городѣ Муромлѣ,

Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
— У нашего-то батюшка
— Была корова обжорчива,
— И вышла въ чисто поле,
— Дробью (*) объѣлась, ей лопнуло.—
Стопталъ Издолина на Илью Муромца ногами;
Илья заздынулъ шалыгу девяносто пудъ,
Ударилъ Издолину въ голову,
И выскочили у Издолины ясны очи, какъ пивны чаши.
И взялъ Издолину за рѣзвы ноги Илья Муромецъ,
И пошелъ на луга Цареградскіе,
И зачалъ Издолиной помахивать:
Куда махнетъ, тутъ улочки,
А взадъ отмахнетъ, такъ переулочки.
И говорятъ поганые татаровья:
« Аще ты, Издолина поганая,
« Тянешься ты, потягаешься,
« А на жильяхъ ты не оторвешься,
« Своимъ татарамъ не снаравливаешь ».
И тутъ-то старина объ Ильѣ Муромцѣ кончилась.

(Отъ крестьянина дер. Пирзаковской Трофима Романова).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ЦАРЬ КОНСТАНТИНЪ БОГОЛЮБОВИЧЬ.

10.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.)

Отъ стольнаго города отъ Кіева
Ко славному ко Царю-граду
Идетъ тамъ калика перехожая;
Гуня (*) на каликѣ сорочинская,

(*) Выжимками.

(**) Верхнее платье.

Шляпа на главѣ земли греческой,
Клюша у калики свинцовая;
Идетъ де старикъ, подпирается,
Но мать-то земля колыбается.
Пришелъ де старикъ-то во Царь-то городъ,
Зашелъ на кружало государево,
Просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
А расписаться-то ладилъ на тысячу:
Въ закладъ давалъ онъ пречудный крестъ
Изъ червоннаго краснаго золота
Никто де тутъ за крестъ не принимается;
Догадался голи кабацкіе,
Сложили голи по деньгѣ въ складъ,
По денежкѣ да по полушечкѣ,
Брали вина полтора ведра,
Подносили каликѣ перехожему.
У нихъ принималъ единой рукой,
А выпивалъ старикъ на единый духъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Вамъ спасибо, братцы, голи кабацкіе!
« На приходѣ старика вы меня опохмѣлили,
« Опохмѣлили, пить раззадорили ».
Пошелъ старикъ съ кабака долой,
Пришелъ ко глубокому погребу,
Пиналъ ворота ногой вальячныя (*),
Со крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ.
Зашелъ де старикъ во глубокъ погребъ,
Бралъ онъ бочку подъ пазуху,
Другую сороковую подъ другую,
Третью-то бочку ногой катилъ,
Выкатывалъ на площадь торговую;
Поилъ ли голей со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упивался до пьяна,
И ушелъ легъ спать на печку кабацкую.

(*) См. вальячочный, вальяжный.

Чумаки-цѣловальники пошли, поразсказались,
Къ царю пришли, поразсказались:
— Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичь!
— Что невѣдомо къ намъ за старой пришелъ,
— И просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Расплатиться ладилъ на тысячу,
— Мы тутъ ему старому не вѣрили.
— И съ того ходилъ онъ во глубокъ погребъ,
— Вышалъ ворота ногой вальячныя;
— Со крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ,
— Выкачивалъ три бочки сороковыя,
— На ту ли на улицу паратную;
— Упоилъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
— И самъ упивался онъ до пьяна,
— Съ того ушелъ на царевъ кабакъ,
— Ложился спать на печку кабацкую.—
Говорилъ царь Константинъ Боголюбовичь:
« Вы глупы, чумаки-цѣловальники!
« Подите, приведите ко мнѣ на лицо:
« Погляжу я, каковъ станомъ, возрастомъ,
« Поспрошу котораго града, урожденія,
« Его какъ молодца зовутъ по имени?»
Пошли чумаки-цѣловальники,
Разбудили его, сонпаго его, хмѣльнаго:
Скочилъ старъ со печки кабацкія,
Ухватилъ воронечку дубовую,
Сталъ воронечкой помахивать;
Прибилъ чумаковъ,-цѣловальниковъ.
Съ того де пошелъ съ кабака долой,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
Закричалъ де старикъ зычнымъ голосомъ:
— Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичь!
— Вели казну за мной славнымъ Ильей Муромцемъ:
— Приходилъ къ тебѣ на славу на великую
— Пить зелено вино безденежно.—
Ушелъ де старикъ во чисто поле,

Разставливалъ онъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ опочинъ держалъ.

(Отъ Поромскаго старика).

—

11.

При поѣздки ильи муромца.

(Пудожскаго уѣзда Уношскій погостъ).

Ѣздилъ старъ доброй молодецъ
Со младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ.
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлый,
Отъ камени пошло три дороженьки,
На камени подпись подписана:
« Въ праву руку ѣхать-богату быть,
« Въ середнюю дорожку ѣхать-женату быть,
« Въ лѣвую руку ѣхать-убиту быть.
Сталъ добрый молодецъ, пораздумался:
— Ничто-то на старость богачествомъ дѣлати,
— Ничто-то на старость молодой женой дѣлати:
— Худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ,
— А какъ хороша взять-на людское счастьице;
— Въ лѣвую руку во дорожку ѣхать-то убиту быть.
— Лутче поѣду во дорожку, гдѣ убиту быть:
— А полно мнѣ ѣздить по святой Руси,
— Убивать головушекъ безповинныихъ,
— Слезить отцевъ-матерей понапрасные.
Ѣхалъ старъ доброй молодецъ три часу,
А проѣхалъ ровно триста верстъ,
И наѣхалъ статьниковъ (*)-разбойниковъ сорокъ тысячей (**).

(*) Отъ корня татъ, воръ.

(**) Слѣдовало бы сорокъ статьшиковъ-разбойшиковъ.

— Здрайствуйте, статынички-разбойнички,
— Удалые добры молодцы!—
Говоритъ больший атаманище статынкамъ-разбойникамъ:
« Убейте стара добра молодца:
« У стара есте добрый конь.»
Стали стараго покалачивать и поцалкивать:
Стоитъ старъ доброй молодецъ, не шатается,
Желты кудри у стараго не стряхнутся,
И говоритъ старъ доброй молодецъ:
— Ахъ вы, разбойники и подорожники!
— Почто вы меня бьете-убиваете
— И съ смертнаго мѣста неспущаете?
— У меня казны съ собой немношечко:
— Во карманчикахъ только пятьсотъ рублей;
— На добромъ конѣ уздица во пятьсотъ рублей,
— Сѣделышко черкасское въ цѣлу тысячу,
— А доброму коню и цѣны нѣтъ.—
Тутъ старъ добрый молодецъ
Выдергивалъ съ головушки свой шелковъ колпакъ,
А тотъ колпачекъ былъ въ сорокъ пудъ,
Сталъ онъ колпачкомъ помахивать,
Шелковымъ перекидывать:
Куда махнетъ, стали улицы,
Перемахнетъ, переулочки.
Стали разбойнички ставиться островьямы,
И прибилъ ихъ до единаго,
И неоставилъ на сѣмяна.
Тутъ-то старый доброй молодецъ
Поворотъ держитъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись подхиривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая подпись была ложная,
— « Что съѣздить во дорожку-убиту быть»:
— А съѣздилъ во дорожку, убитъ не бывалъ.—
Тутъ онъ пораздумался:
— Да-ко я поѣду во дорожку, гдѣ женату быть.—

Ѣхалъ онъ ровно три часу,
А прюѣхалъ триста верстъ,
Наѣхалъ во далечѣ, далечѣ во чистомъ полѣ
Чудо чудное, диво дивное,
Деревня великая, а городъ-село малое,
А все стоятъ палатушки царскія и государскія.
И заѣхалъ онъ на широкій дворъ на царскій;
И увидала съ окна прекрасная королевичша,
И выходила на широкій дворъ,
Встрѣтала стара добра молодца,
И цѣловала во уста сахарнія,
Приказала пянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ
Коня кормить пшеной бѣлояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела въ палату бѣлокаменну, во гридню столовую.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны покланяется,
А королевичной въ особину.
А она дубовы столики задернула,
А забранины скатерти накрывала,
Хлѣба соли наставила,
А ѣствы были все сахарнія,
А питьица были медвяныя;
Садитъ-то стара добра молодца за дубовый столъ,
А сама-то отходя поклонилася,
И сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старъ добрый молодецъ!
« Не наѣдайся до сыта,
« Не напивайся до пьяна:
« Было бы королевичной съ кѣмъ забавиться. »
Тутъ старъ доброй молодецъ
На женскую прелесть не укинулся:
До сыта онъ наѣдается,
И до пьяна напивается;

Тутъ выходитъ за стола за дубоваго,
Отдалъ честь-благодарность великую,
За хлѣбъ за соль за столовую.
И говоритъ прекрасная королевична:
« Ай ты, старъ доброй молодецъ!
« Поди съ пути-дороженьки
« Отдохнуть во ложню во теплую.»
И привела ко кроватки тесовыя,
Ко перины пуховыя:
« Ложись-ко ты на перину пуховую,
« А я лягу подлѣ тебя».
А онъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, прекрасная королевична!
— Ложись-ко о стѣночку,
— А мужеской полъ лежитъ на краечку,
— А у мня на старость мочь не держится:
— Надо старичку часто вонъ ходить.—
Она о стѣночку не ложится;—
Хватилъ онъ ей за шелковъ поясъ,
И бросилъ ю о стѣночку:
А тая была кроватка ложная и подложная,
Улетѣла королевична во глубокъ погребъ.
Тутъ старъ доброй молодецъ,
Выходитъ изъ палаты на широкъ дворъ,
И говоритъ нянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ:
« Подайте мнѣ ключи злаченыя,
« Отомкнуть погребъ глубокій.»
Онѣ говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, дядюшка незнаемый!
— Мы не знаемъ ни ключей-ларчей окованыхъ.—
Онъ прискакивалъ ко дверямъ со каблукомъ,
Вылетѣли двери со липеньями (*).
Отворилъ онъ глубокъ погребъ:

(*) Липень—дверныя притолоки.

Во томъ погребѣ во глубокоемъ
Насажено сорокъ царей-царевичей,
Сорокъ королей и королевичевъ.
И всѣ скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ старичку поклонилися:
« Благодаруй, старый козакъ Илья Муромецъ,
« Богатырь сынъ Ивановичъ!
« Показалъ ты намъ бѣлый свѣтъ.»
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, цари и царевичи,
— И всѣ вы, короли и королевичи!
— Выводите королевичну на широкій дворъ,
— Что знаете, то надъ ней и дѣлайте.—
А они говорятъ ему на мѣсто:
« Ай же ты, старый козакъ Илья Муромецъ,
« Богатырь сынъ Ивановичъ!
« Что знаешъ, то и дѣлай надъ ней!
Тутъ старый козакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ
Выводилъ на широкъ дворъ,
И привязалъ къ тремъ жеребицамъ къ неучамъ.
И розстацили по чисту полю,
Куда руки, куда ноги, и куда . . . . що:
Все улетѣло по чисту полю.
Только старый козакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ и женатъ бывалъ.
Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Поворотъ держалъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись захривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая надпись была ложная,
— « Что съѣздить въ дорожку-женату быть»:
— А съѣздилъ въ дорожку-женатъ не бывалъ.
— А нынь поѣду во дорожку, гдѣ богату быть.—
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
Проѣхалъ ровно триста верстъ,

Поѣхалъ на бѣлъ камень,
На камени подпись подписана:
« Кто можетъ этотъ камень вывалить,
« Подъ каменемъ лежитъ плита чугунная,
« А подъ плитой погребъ глубокій.»
Тутъ прискакивалъ Илья Муромецъ
Ко бѣлому камени со каблукомъ,
И выкатывалъ камень за три поприща,
И выпинывалъ плиту чугунную;
Отворилъ-то онъ глубокъ погребъ,—
Въ томъ погребѣ много злата и серебра,
Много скатняго жемчуга.
Насыпаетъ мису чиста серебра,
А другую красна золота,
А третью мису скатна жемчуга,
Поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
Хочетъ строить три церкви соборныя:
Перву церковь Спасу свѣту милосливому,
А другую церковь Николы Можайскому,
А третью церковь Георгію Храброму.

(Отъ крестьянина деревни Уной-губы Гавриды Амосова)

—

12.

тоже.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость).

Поѣхалъ славный казакъ Илья Муромецъ во чисто поле,
И пріѣхалъ онъ на розстанушки;
И на розстани лежитъ бѣлой камешокъ,
На камешкѣ подпись подписана:
« Въ розстань-ту ѣхать—убиту быть,
« А въ другую ѣхать—богату быть,

« А въ третью ѣхать—женитися.»
И раздумалъ старый своимъ разумомъ:
— Пошто мнѣ ѣхать во ту розстань,
— Въ ту розстань ѣхать, гдѣ богату быть:
— У меня по карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны вѣдь нѣтъ.
— А пошто мнѣ ѣхать во ту розстань,
— Въ ту розстань ѣхать, гдѣ женату быть:
— Хороша взять—чужая корысть,
— А худа-то мнѣ вѣдь не надобна.
— А я поѣду во ту розстань, гдѣ убиту быть,
— Ко тому ли царю городу ко латинскому
— И ко тому ли королю ко латинскому.»
Тамъ была застава великая:
Было сорокъ человѣкъ да разбойниковъ,
Все сильныи могучіи богатыри;
Заперта была земля латинская,
Не было не выходу, не выѣзду.
И разъѣхался старой казакъ Илья Муромецъ,
И закрычалъ атаманъ до во всю голову:
« Ай же вы, ребята разбойники,
« Ночные вы да подорожники!
« А куда-то старая собака поразъѣхалась?»
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Вамъ нечего взять да у стараго:
— Платья цвѣтнаго у меня на себѣ нѣтъ,
— Только взять вамъ-не взять у стараго:
— Кожанъ на себѣ да въ пятьсотъ рублей,
— Чуденъ крестъ на грудяхъ да въ три тысячи,
— По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны нѣтъ.—
Зарычалъ атаманушко во всю голову:
« Ай же, ребята, разбойники!
« Старая собака еще хвастаетъ:
« Отнимайте у стараго добра коня.»
Какъ выкинулъ старой свой тутой лукъ,

И наклалъ старой да калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлочкѣ да приговариваетъ:
— Полети, моя стрѣлочка каленая, въ толстой сырый дубъ
— И разорви-ко на мелкія черепья ножевыя,
— И всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ
— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ.—
И пріѣзжаетъ ко городу латынскому,
Ко той ли стѣнѣ городовыя,
И не воротами ѣхалъ, приворотками,
Прямо ѣдетъ во царевъ кабакъ.
И въ томъ ли кабакѣ царевомъ
Сидитъ горей (*) кабацкихъ смѣты нѣтъ;
И тутова горюны догадалися,
По полушкѣ голи сметалися
И окупили вина полъ-третья ведра,
И подносили старой собакѣ матерыя.
Принялъ старой одной рукой,
Выпилъ во единый духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Спасибо, голи латинскіе!
— Колц умѣли встрѣтить, такъ подьте донесите королю латинскому (**):
— Пріѣхала старая собака матерая,
— Разбилъ онъ заставу великую,
— Всѣхъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ,
— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ:
— Пусть несетъ ко мнѣ даровья великія.—
Онъ налилъ чашу золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра:
— А не набъ мнѣ не злата, не серебра,

(*) Вмѣсто голей, игра словъ.

(*) Стихъ испорченъ: Коли умѣли старую собаку матерую Ск. пути-дороги встрѣтити (см. I. стр. 64), Такъ подьте-донесите королю латинскому.

— И не скатняго жемчугу:
— Отворите-ко погребы съ напитками.—
Онъ взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
А другую подъ другую,
А третью бочку ногой покатилъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Такъ пейте-ко вина, сколько надобно,
— За то, что умѣли старую собаку матерую встрѣтити.—
И поѣхалъ матерый старый казакъ на розстанушки,
Гдѣ лежалъ бручатый бѣлый камешокъ,
На которомъ камню была подпись подписана.
— Я поѣду теперь во ту розстань, гдѣ богату быть.—
Былъ тамъ король, поганое чудище.
Убилъ поганова чудища
И привелъ всю землю свято-Русскую во вѣру крещеную.
И выѣхалъ опять на розстанушки:
— Да-ко я съѣзжу во ту розстань, гдѣ женату быть.—
И пріѣзжаетъ онъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
И выходитъ изъ теремовъ прекрасная дѣвица,
И беретъ за ручки за бѣлыя,
И ведетъ его въ теремы златоверхія,
Сама говоритъ да таково слово:
« Ай же ты, удалой доброй молодецъ!
« У тебя есть ли охота, горитъ ли душа:
« Ложись на кроватку тисовую.»
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Когда ложится мужикъ впередъ на кроватку тисовую?—
И взялъ дѣвицу за бѣлы груди,
И бросилъ дѣвицу на кроватку тисовую,
На тули перинку пуховую.
У ней у злодѣйки была кроваточка подложная:
Упала въ погребъ въ сорокъ саженъ,
А тамъ у ней наобманывано
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
— Ай же ты, злодѣйка, покажи гдѣ къ погребу двери?—
И вывелъ всѣхъ царей, всѣхъ царевичей Илья Муромецъ,

П распустилъ ихъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ,
П самъ поѣхалъ опять во славный во Кіевъ градъ.

[Отъ крестьянина деревни Пирзаковской Трофима Романова.]

—

тоже.

13.

(Пудожскій уѣздъ, Кепозеро).

Ѣздилъ старъ по чисту полю
Отъ младости и до старости.
Ѣхалъ старый чистымъ полемъ
И большой дорогой латынскою,
Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень (*)
И на камешкѣ была подпись подписана:
« Старому казаку Ильѣ Муромцу.
« Три пути пришло, три дорожки широкія:
« Во дороженьку ѣхать—убиту быть,
« Во другую ѣхать—женату быть,
« Во третью ѣхать—богату быть».
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
И головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Сколько я по святой Руси не ѣзживалъ,
— А такого-то чуда я не видывалъ;
— На что мнѣ старому богачество?
— Своего у меня много злата, серебра,
— И много у меня скатняго жемчугу.
— А на что мнѣ старому женитися?
— Женитися мнѣ, не нажитися:
— Молодая жена взять—чужая корысть,
— А старой жены взять не хочется.

(*) Изъ послѣдующихъ стиховъ видно, что этотъ камень—латырь.

— Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.—
И приправливалъ старый добра коня
И поѣхалъ большею дорогою,
И наѣхалъ на дорогѣ станицу разбойниковъ:
И стоитъ разбойниковъ до пяти сотъ,
И хотятъ они у стараго коня отнять.
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ;
Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Вы, разбойники, братцы, станичники!
— Убить старика вамъ меня некого,
— Отнять у стараго нечего:
— Съ собой у меня денегъ семь тысячъ рублей,
— Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,
— Кована сѣдло во двѣ тысячи;
— Своему-то добру коню
— Я цѣны не знаю, бурку, не вѣдаю:
— Межъ ушми у коня у меня скаченъ жемчугъ,
— Дорогое самоцвѣтное каменье,
— Не для ради красы-басы молодецкія,
— А для ради ночки темныя, осеннія,
— Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой добрый конь,
— За три версты видно, за три мѣрныя.—
И говорятъ ему разбойники станичники:
« Ахъ! ты старая собака, сѣдатый песъ!
« Еще долго ты сталъ разговаривать.»
И скочилъ старый со добра коня,
И хватилъ онъ шапку съ буйной головы,
И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнетъ, туды улица,
Назадъ отмахнетъ, переулочки.
И перебилъ онъ станицу разбойниковъ,
Разбойниковъ прибилъ, подорожниковъ;
И садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣхалъ ко латырю ко каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:

— Старому казаку Ильѣ Муромцу.
— Да и та была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Чернигову.
— Да еще было дорожки извѣдати,
— Отъ чего будетъ женитися.—
Приправливалъ старый добра коня,
Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ крѣпость богатырскую:
И стоитъ тутъ церковь, соборная,
Соборная церковь, богомольная;
Отъ той ли обѣдни полуденныя,
Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣвицъ,
Посреди-то ихъ идетъ королевична.—
И говорила королевична таково слово:
« Ты удалый, дородній, добрый молодецъ!
« Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
« Напою, накормлю хлѣбомъ-солію.»
Соходилъ старикъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня,
Не приказана его и не привязана;
Пошелъ старикъ во высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются.
Зашелъ старикъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется;
Садился за столы бѣлодубовые,
Ѣстъ да пьетъ, проклажается
Весь дологъ день до вечера.
Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, душечка красная дѣвушка!
— Гдѣ-ка твои ложни теплыя?
— И гдѣ твоя кровати тесовая,

— Гдѣ-ка мягки перины пуховыя:
— Мнѣ на старость старику опочинуться.—
Привела его въ ложни теплыя,
И стоитъ старый у кровати, головой качаетъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
— Да я сколько по святой Руси не ѣзживалъ,
— Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
— Видно эта кроватка подложная!—
Схватилъ королевну за бѣлы руки
И шибалъ ей ко стѣны кирпичныя:
Обвернулася кроватка тесовая,
Обвалилася королевна во глубокъ погребъ.
И выходилъ старикъ на улицу паратную,
И сыскалъ двери-глубокаго погреба:
Песками были призасыпаны,
Колодьями были призавалены.
Колодья ногами распихивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою вальячныя,
И съ крюковъ, замковъ двери вонъ выставливалъ;
Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
И самъ говоритъ таково слово:
— Вы подьте, цари, по своимъ землямъ,
— А вы, короли, по своимъ ордамъ,
— А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ,
— И молите вы Бога за Илью славнаго Муромца:
— Кабы не я старый казакъ Илья Муромецъ,
— Положить бы вамъ голова здѣсь у погреба.—
Идетъ душечка красная дѣвушка;
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечь буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло женское
И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на съѣденіе,

А черным воронамъ на пограянье.
И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣзжалъ ко латырю каменю,
На камешкѣ подпись подиавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу.
— На бою старику смерть не писана:
— И та была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Царю граду.—
И самъ говорилъ таково слово:
— Да еще было дорожка извѣдати.—
Приправливалъ старъ добра коня,
Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,—
Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
— Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
— Есть несмѣтное злата-серебра.—
Соходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
И взялъ животъ изъ погреба,—золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И по нынѣ его мощи нетлѣнныя.

(Отъ Порожскаго старика).

БОЙ ИЛЬИ СЪ СЫНОМЪ.

14.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро).

Изъ стольнаго изъ города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыри,
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
А другой молодецъ Добрынюшка Никитинничъ.
Пріѣзжали богатыри на Фаоръ-гору,
И разставляли богатыри полотнянъ шатеръ,
Во шатрѣ-то богатыри опочинъ держа,
Спятъ бѣлый день до вечера,
А темную ночь до бѣла свѣту.
И пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Вставай, молодецъ Добрынюшка Никитинничъ!
« У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
« Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
« Вѣща птица, да черной воронъ,
« Черной воронъ, самъ прокыркивалъ,
« И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
« Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
« И погляди по дорогѣ прямо-ѣзжія,
« Не проѣхала ли паленица удалая,
« Не подходитъ ли подъ коней лютый звѣрь?»
И выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра
И приводилъ онъ копей ко бѣлу шатру,
Насыпалъ пшены бѣлояровой
И поглядѣлъ по дорогѣ прямо-ѣзжія.
Проѣхала паленица удалая:
Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано
По цѣлой овчины по барановой;
У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;

Ѣдитъ молодецъ, самъ тѣшится,
Шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
И назадъ-то онъ ѣдетъ, подхватываетъ.
Приходилъ Добрыня назадъ въ полотнянъ шатеръ,
Ильѣ Муромцу сталъ разсказывать:
— Ты, батюшко, Илья Муромецъ!
— Приводилъ я коней ко бѣлу шатру,
— И проѣхала, говоритъ, паленица удалая:
— Его храбра поѣздка молодецкая,
— Ископыти у коня метано
— По цѣлой овчины по барановой;
— У коня изо рта пламя пышетъ,
— Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;
— Подъ стремени борзой выжлецъ (*) выскакиваетъ,
— У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
— Ѣдитъ молодецъ, самъ тѣшится,
— Шибаетъ палицу подъ облаки,
— Назадъ онъ ее подхватываетъ.—
И говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:
« Ты, удалый дородній добрый молодецъ,
« Премладый Добрынюшка Никитиничъ!
« Поѣзжай-ка ты теперь за богатыремъ:
« Буде русскій богатырь, ты побратайся,
« А невѣрный богатырь, ты войны проси.»
Говоритъ Добрынюшка таково слово:
— Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
— Что его храбра поѣздка молодецкая.—
И говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:
« Буде не смѣешь ѣхать за богатыремъ,
« Дакъ больше мнѣ и товарищъ не надобно.
« Поѣзжай-ко ты во Кіевъ градъ
« Къ молодой жены да къ своей матери.»
Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные,

(*) Ловчій песъ

На синіе чулки кармазинные,
Надѣваетъ свою шубу соболиную
И выходитъ изъ бѣла шатра.
Уздаетъ старикъ добра коня,
И сѣдлаетъ скоро на скоро,
Скоро на скоро, и крѣпко на крѣпко.
И скочилъ старикъ на добра коня,
И поѣхалъ Илья за богатыремъ,
И ѣздитъ онъ изъ утра день до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
И на другой день попущается,
И другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
И не можетъ онъ догнать въ полѣ богатыря;
На третій день попущается,
Увидалъ изъ далече въ полѣ богатыря,
И закричалъ Илья зычнымъ голосомъ,
И засвисталъ старикъ по змѣиному:
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго
Подъ богатыремъ конь на колѣны сталъ;
А ѣдетъ богатырь не оглядется.
И бьетъ онъ коня палкой по тучнымъ ребрамъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты, не сытая кляча-конь,
— Ахъ ты, травяной мѣшокъ!
— Что ты въ полѣ птицы шарашешься:
— Налетѣла ворона, поразграялась.—
Закричалъ Илья во второй наконъ
Но звѣриному тошнѣе того:
И подъ богатыремъ конь на колѣни сталъ,
И обворачивалъ богатырь коня къ Ильѣ Муромцу,
И съѣхались два богатыря,
Будто двѣ горы вмѣсто столнулись (*),

(*) Столкнулись.

Ударились богатыри копьями,
Только копья кольцы (*) попригнулись.
Разъѣздъ чинили на 30 верстахъ,
Съѣхались богатыри,
Ударились опять палицами,
Только палицы поломалися;
И сошли они со добрыхъ коней
И пошли богатыри на рукопашный бой.
И хватилъ невѣрный богатырь Илью Муромца,
Ушибъ его о сыру землю,
И садился невѣрный богатырь
Ильѣ Муромцу на бѣлы груди,
И вынималъ изъ чинжалища острый ножъ
И хочетъ пороть Ильѣ груди бѣлыя.
Илья Муромецъ поглядѣлъ на руку правую,
Самъ говорилъ: «о Господи!
« Подписалъ на ручкѣ на правыя,
« Что на бою смерть не писана;—
« А теперь смерть мнѣ приходитъ.»
И сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
И хватилъ невѣрнаго богатыря съ себя,
И шибалъ во чисто поле;
И выскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
И хватилъ онъ богатыря за желты кудри,
Да шибалъ его подъ облаки,
И назадъ его подхватывалъ:
Да кабы не подхватывалъ,
И предалъ бы смерть скорую.
И становилъ онъ богатыря противу себя
И сталъ его спрашивать:
« Скажись, удалый, дороднiй добрый молодецъ!
« Ты коей орды, ты коей земли?
« Тебя какъ молодца зовутъ по имени?»
И говоритъ богатырь таково слово:

(*) т. е. кольцами.

— Не знаю я себѣ роднаго батюшка,
— А одна есть у меня родная матушка,
— Старая дѣвка Сиверьянична (*).—
И говоритъ Илья богатырю таково слово:
« Удалый, дородній добрый молодецъ!
« Скажи ты матушкѣ низкой поклонъ.»
И поѣхалъ богатырь къ своей матери,
Пріѣхалъ онъ къ своей матери,
И говоритъ ему мать таково слово:
— Что ты, чадо, пріѣхалъ изъ чиста поля не веселъ?—
И говоритъ сынъ матери:
« Государыня моя, родна матушка!
« Наѣхалъ на меня въ полѣ богатырь сѣдатый,
« И перво я его побилъ
« И сидѣлъ на бѣлыхъ грудяхъ,
« И хотѣлъ пороть у него груди бѣлыя.
« И онъ меня шибалъ съ себя во чисто поле,
« И ухватилъ за желты кудри
« И шибалъ подъ облака,
« И назадъ подхватывалъ,
« И спрашивалъ меня:
« Коей я орды, коей земли?»
« И я сказалъ, что нѣтъ у меня батюшки,
« А одна есть у меня родна матушка
« Старая дѣвка Сиверьяничча.
« И онъ тебѣ наказывалъ низкой поклонъ.»
И говоритъ ему матушка:
— Чадо ты мое возлюбленное!
— Вѣдь тутъ тебѣ родной отецъ:
— Онъ меня въ полѣ побилъ,
— Со мной грѣхъ творилъ,
— Съ того я тебя и прижила.—

(*) Грузинка? И, можетъ быть, любовная связь Ильи съ этой Сиверьяничной и встрѣча съ обманщицей королевичной, которая заставляетъ за любовь свою поплатиться гибелью, отзвукъ разсказовъ о царицѣ Тамарѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ.

Разгорѣлося у Васьки сердце богатырское:
« Не хочу слыть заугольникомъ (*),
« Поѣду къ старой собакѣ, сѣдатому псу;
« Ему жить, либо мнѣ. »
И поѣхалъ Васька во чисто поле,
И ѣдетъ къ Ильѣ Муромцу,
И увидѣлъ бѣлъ шатеръ,
И закричалъ дѣтина зычнымъ голосомъ:
« Старая собака, сѣдатый песъ!
« Выходи изъ бѣла шатра:
« Тебѣ жить, а либо мнѣ жить. »
Всталъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
И выходилъ изъ бѣла шатра
Въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса.
И набѣжалъ Илья Муромецъ,
И хватилъ съ коня богатыря за желты кудри,
И шибалъ его подъ облаки,
И назадъ его не подхватывалъ,
И предалъ ему смерть скорую,
И самъ говорилъ таково слово:
« Два чада на вѣку было спорожено,
« Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана. »

(Отъ Поромскаго старика).

—

(*) Незаконорожденнымъ.

15.

ДОБРЫНЯ.

БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ЗМѢИЩЕМЪ ГОРЫНИЧИЩЕМЪ,

ВСТРѢЧА СЪ НАСТАСЬЕЙ НИКУЛИЧНОЙ И ЖЕНИТЬБА НА НЕЙ.

(Повѣнецкаго уѣзда, Пудожгорскаго погоста).

Добрынюшкѣ матушка говорила:
« Что молодъ сталъ ѣздить во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
« Выручать-то полоновъ русскіихъ.
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
« Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середня струйка какъ огонь сѣчетъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка въ сѣделышко черкасское (*),
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сѣдѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцату клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (**).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки (***) у подпруговъ все булатныя:

(*) Подстилка подъ сѣдло.

(**) Не выбросилъ.

(***) Пряжечныя шпильки.

Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыхъ змѣенышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце нажадѣлося, (*)
Нажадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай рѣкѣ,
Слезаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрыюшкѣ матушка говаривала,
« Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
« Что не ѣзди далече во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Не топчи-ко младыихъ змѣенышевъ,
« Не выручай полоновъ русскіихъ,
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
« Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середия струйка какъ огонь сѣчетъ.
« А Пучай, рѣка есть кротка, смирна:
« Она будто лужа дожжевая. »
Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,
Какъ въ тую пору, въ то время,
Вѣтра нѣтъ, тучу надвесло,
Тучи нѣтъ, а только дождь дожжитъ,
Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвія,
Молвіи нѣтъ, искры сыпятся,
Летитъ змѣище-Горынчище,

(*) Возжаждало, пожелало, отъ жадати, чувствовать жажду, желать.

О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперечь Добрыня во моихъ рукахъ:
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и въ нору снесу,
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ,
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережокъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой,
Но вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Какъ припадаетъ змѣя къ быстрой рѣкѣ,
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Шибнетъ во змѣю во проклятую,
Ошибъ змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змѣя во ковыль траву.
На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
Добрынюшка на ножку былъ поверткъ,
Скочилъ на змѣиныя груди бѣлыя,
А змѣя Добрынѣ ему змолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитинычъ!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше русскихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскихъ;
— А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,
— Не топташь ти младыихъ змѣенышевъ,
— Не выручать полоновъ русскихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Какъ спустилъ змѣю сподъ колѣнъ своихъ,

Тая змѣя она проклятая
Подымалась она вверхъ подъ облаку;
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкія,
Припадала змѣя ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ столько-Кіевскій
Но три дня онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ докликатися,
Кѣтобы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.
Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
« Что, солнышко Владиміръ столько-Кіевскій!
« Накинь-ко эту службу великую
« На того Добрыню на Никитича:
« У того Добрыни у Никитича
« Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
« Онъ съѣздитъ во далече во чисто поле,
« Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
« Безъ бою, безъ драки-кровопитія.»
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
— Чтоже ты, Добрынюшка Никитинычъ,
— Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя пріобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надемѣялся де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитинычъ:
« Мѣсто было мнѣ-ка по чину
« Чарой на пиру меня не обнесли,
« И дуракъ надо мной не надемѣялся де;

« А покинулъ службу де великую
« Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздить во далече, во чисто поле,
« Сходить на ту гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну.»
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ ставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощеньице плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую.
— Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
— На тоя горы на Сорочинскія,
— Потопчешь младыхъ змѣенышевъ,
— Тыи младые змѣеныши
— Подточатъ они у коня щеточки (*),—
— И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змѣенышевъ отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единаго.—
Какъ будетъ онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
На тыя горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ младыхъ змѣенышевъ,

(*) Мѣсто надъ копытомъ.

Повыручилъ полоновъ русскихъ;
Тыи же младые змѣенышии
Подточили у бурка они щеточки,
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьегъ бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги задніе:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притонталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змѣя тутъ проклятая
Изъ тоя норы изъ глубокія,
Говорила змѣя ему проклятая:
« Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
« Притонталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Ай же ты, змѣя проклятая!
— Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,
— Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Путятичну?
— Отдай ее безъ драки, кроволитія!—
Говоритъ ему змѣя проклятая:
« Не отдамъ я князевой племянницы
« Безъ драки, безъ бою-кроволитія.»
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня змѣи перебить;
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласитъ:
— Молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
— Дрался ты съ змѣей трои сутки,
— Подерись съ змѣей еще три часу:
— Ты побьешь змѣю проклятую.—

Дрался онъ съ змѣей еще три часу,
Онъ убилъ змѣю-то проклятую:
Тая змѣя кровью пошла.
Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,
Не могъ онъ крови той переждать,
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласитъ:
— Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Стоялъ ты у змѣи трои сутки,
— Постой еще у змѣи три часу;
— Возми ты копье бурзамецкое,
— Ты бей копьемъ о сыру землю,
— Самъ къ копью приговаривай:
— « Разступись-ко, матушка сыра земля!
— « На четыре разступись на четверти,
— « Пожри-ко всю кровь змѣиную.»—
Стоялъ онъ у змѣи еще три часу,
Бралъ копье бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копью приговаривалъ:
« Разступись-ко матушка сыра земля
« На четыре разступись на четверти,
« Пожри-ко всю кровь змѣиную.»
Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« Ай же ты, Забава дочь Путятична!
« За тебя я эдакъ страшствую.
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
У тоя змѣи у проклятыя
Напошено силы сорокъ тысячей,

Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
« Всѣ короли, всѣ королевичи!
« А вамъ всѣмъ воля вольная,
« Куда вздумаете, туда пойдете.»
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
Наѣхалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто.(*)
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
« Возми-ка Забаву дочь Путятичну,
« Отвези-ка ю во Кіевъ городъ,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ полѣницу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатною
Тую полѣницу въ буйну голову:
Полѣница назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ былъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ (**),
Самъ говоритъ таково слово:
« Силы у Добрыни есть по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,

(*) Лошадиный бродъ—сказъ, онъ былъ глубокъ: по колѣна вязливалася грязь.

(**) На тонкую драчь.

Ударилъ своей палицей булатноей,
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ саженъ двѣнадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по частиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Силы у Добрыни есть по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому. »
Онъ догналъ поленицу женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую полѣницу въ буйну голову:
Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, комарики покусываютъ,
— Ажно (*) русскій могучій богатырь поцалкиваетъ. »
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь,
Ей добрый конь, голосомъ человѣческимъ:
« Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
« А сила у богатыря супротивъ тебя. »
Говорила Настасья дочь Никулична
— Я повыздыну богатыря изъ карманчика
— Ежели богатырь онъ старыій,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младыій,
— Я богатыря въ полонъ возьму;

(*) Анъ, а между тѣмъ.

— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперь за богатыря за мужъ пойду.—
Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,
Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Приняли они по злату вѣнцу.
Тутъ по три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ
Синему морю на тишину,
Вамъ, всѣмъ добрымъ людямъ, на послушанье.

[Отъ крестьянина Бутылки въ г. Петрозаводскѣ, въ Іюнѣ 1863 годл.]

—

Добрыня въ отъѣздѣ, Алеша Поповичъ.

16.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро).

Изъ за горъ-то было высокихъ,
Изъ лѣсу-то было, лѣсу темнаго
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга рѣка;
Широкая-то Волга подъ Казань прошла,
Пошире, подальше подъ Астрахань;
Мѣсто шла ровно три тысячи,
Рѣкъ и ручеекъ брала и смѣты нѣтъ,
Выпала во море во Каспійское.
И то де Добрынюшкѣ не сказочка,
Теперь старины его началъ пойдетъ.
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра

Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояра,
На сильные могучи богатыри,
На всѣ поленицы удалыя.
Владиміръ-то князь напивалъ чару зелена вина,
Да залилъ онъ чару сладкимъ медомъ,
Засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ,
Поносилъ онъ богатырямъ, низко кланялся:
« Вы братцы, могучіе богатыри!
« Который изъ васъ меня выручитъ,
« Выпей же чару зелена вина:
« Пишетъ Невѣжка за угрозою ко мнѣ,
« Проситъ де въ полѣ поединщика.»
Всѣ во пиру призамолкли сидя (*).
Говоритъ изъ нихъ уже большой богатырь,
Большой богатырь да Илья Муромецъ:
— Вы братцы, могучіе богатыри!
— Хоть долго сидѣть, да говорить будетъ:
— А кому въ полѣ ѣхать поединщикомъ?
— Я вѣдь недавно де изъ походу пришолъ,
— Бился-рубился съ Невѣжей богатыремъ:
— Летаетъ Невѣжка чернымъ ворономъ,
— Не могъ я его на очи обозрѣти;
— Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга лука.—
Службу-работу покинули
Молодцу Добрынюшкѣ Никитьевичу:
Кручинитъ, печалитъ Добрыня молодецъ,
Едва покороталъ онъ почестный пиръ,
Не веселъ Добрыня со пиру пошелъ.
Приходитъ Добрыня къ своей матери,
Говоритъ ему матушка сударыня:
« Что, Добрыня, со пиру не веселъ пришелъ,
« Не веселъ ты, Добрыня, не радешенъ?
« Тебѣ мѣсто было не по вотчины (*),

(*) т. е. сидять.

(**) см. отчинѣ.

« Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али безумица тебя обезчестила?»
Говоритъ Добрыня, матери отвѣтъ держитъ:
— Государыня ты, моя родна матушка!
— Мнѣ-ка мѣсто-то было по вотчины,
— Чара-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Безумица меня не обезчестила.
— Что, мати, спородила несчастливаго,
— Несчастливаго, да неталанливаго,
— Силою меня де ты не смѣлаго?—
Говорила его матушка сударыня:
« Да я рада бы молодца тебя спородити
« Силою въ Самсона Колывановича,
« Смѣлостью-напускомъ во Илью Муромца,
« Поѣздкою во Дюка во Степановича,
« Пошапкой (*) въ Чурила сына Пленковича,
« Красотою въ Осипа Прекраснаго,
« Кудрями въ царя Кудріянища:
« Такова молодца тебя Господь Богъ спородилъ.»
Больше Добрыня не распрашивалъ,
Со своей матерью прощается,
Паче того съ молодой женой.
Младой-то жены самъ наказывалъ:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
— Я въ полѣ проѣзжу до семи годовъ,
— Подъ дубомъ простою всего девять лѣтъ,
— Все, Катерина, ты вдовой живи;
— Тогда я не буду изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди;
— Не ходи ни за князя, ни за боярина,
— Не ходи за купца—гостя торговаго,
— Выбери богатыря противу хоть меня;
— Еще не ходи за Алешу за Поповича:
— Онъ, воръ-собака, мнѣ крестовый братъ,

(*) Пощапкой, щегольствомъ.

— Крестовый-то братъ да паче роднаго.—
Въ тороки кладетъ Добрыня калены стрѣлы,
Въ тороки кладетъ да золоту казну,
Въ тороки кладетъ да платье цвѣтное;
Скоро дѣтина собирается,
Собирался дѣтина на скоро.
Садился Добрыня на добра коня,
Уѣхалъ Добрыня во чисто поле.
Во чистомъ полѣ проѣздилъ онъ семь годовъ,
Подъ дубомъ простоялъ всего девять лѣтъ.—
Ѣздилъ Алеша во чисто поле,
И проѣздилъ онъ съ утра день до вечера,
Пріѣхалъ ко князю, самъ подсказывается:
« Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
« Ѣздилъ я сегодня во чисто поле,
« Видѣлъ Добрыню бита-ранена:
« Лежитъ буйной головой во ракитовъ кустъ,
« Рѣзвыми ногами во чисто поле;
« Орудія вся поразметаны,
« Добрый конь во степяхъ ходитъ,
« Черные враны тѣло трынаютъ (*).
« А его-то хозяйка вдовой живетъ;
« Поди, государь, за меня сватайся:
« Я буду служить тебѣ вѣрой правдою.»
Пошелъ государь на Катерины свататься,
Добрыми словами Катерину уговаривалъ;
На слова Катерина не сдавалася,
Насилу ей князь поневолилъ пойти.
Въ пятницу у нихъ рукобитье было,
Въ субботу у нихъ и свадьба была,
Въ воскресенье-то будетъ столованье.
На свѣтло Христово Воскресенье
Поѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле,
Встрѣтилъ Добрынюшку Никитьевича;

(*) Рвутъ въ клочья.

Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Съ Ильей-то Добрыня поздоровался,
Началъ про Кіевъ-то выспрашивати:
— Премладый Добрынюшка Никитьевичъ!
— Первое словцо тебѣ не радостно:
— Твоя-то хозяйка за мужъ пошла
— За премладаго за Алешу за Поповича,
— Насилу ей князь поневолилъ выйти:
— Сегодня будетъ у нихъ столованье.—
Больше Добрыня не распрашивалъ
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Пріѣхалъ Добрыня на свой широкій дворъ,
И не узнала его матушка родимая.
Нельзя признать Добрынюшку Никитьевича:
Будучись дѣтина во чистомъ полѣ,
Стоючись дѣтина подъ сырымъ дубомъ,
Истаскалися де платья цвѣтныя,
Издержалася вся золота казна,
Испошилъ де кафтаны всѣ звѣриные:
Шапка, сапоги, все звѣриные.
Говорила его матушка сударыня:
« Ты какая паленица наѣхала?
« Не видалъ ли Добрынюшки Никитьевича?
Говоритъ Добрыня матери, отвѣтъ держитъ:
— Государыня ты моя родна матушка!
— Попомнишь ли, вспомянуешь ли:
— У Добрыни на правомъ лицѣ три знамени было?—
Говорила ему матушка сударыня:
« Распекло де у насъ солнце красное,
« Закатается де у насъ свѣтелъ мѣсяцъ:
« Твоя-то хозяйка за мужъ пошла
« За премладаго за Алешу за Поповича,
« Насилу ей князь поневолилъ пойти:
« Сегодня у нихъ столованье.»
Говорилъ Добрыня матери таково слово:
— Государыня ты моя родна матушка!

— Мнѣ надобно, мать, платье скоморошное,
— Еще надобно, мать, гусли хрустальныя.—
Пошелъ Добрынюшка во честный пиръ,
Садился Добрынюшка на упеченку (*),
Началъ во гусли наигрывати:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати
Все свое похожденьице разсказывати.
Князю игра-та по уму пришла,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, дѣтина скоморошина!
« Поитко, дѣтина, во почестный пиръ. »
Пришелъ Добрыня во почестный пиръ,
Садился онъ противу Алеши съ молодой женой
И началъ въ гусли наигрывати:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати
Все свое похожденіе раасказывати,
Никто тому не догадается,
Катя тому и догадалася.
Говорилъ Добрыня Владиміру таково слово:
— Владиміръ, князь столенъ-Кіевскій!
— Прикажи Алешиной молодой жены
— Налить мнѣ-ка чару зелена вина.—
Брала Катерина чарочку,
И наливала зелена вина,
Положила на подносъ на серебряный,
Подносила Добрынѣ, низко кланялась.
Выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
Наливалъ чару да и назадъ подавалъ,
Опустилъ во чару-то златенъ перстень,
Самъ говорилъ таково слово:

(*) На солнечное мѣсто.

— Пей, Катерина, чару досуха вина,
— Выпьешь до дна, такъ увидишь добра.—
Выпивала Катерина чару зелена вина,
Нашла де въ чары-то златенъ перстень,
Говорила Катерина таково слово:
« Не тотъ мнѣ любъ, кой подлѣ меня сидитъ,
« Тотъ мнѣ-ка любъ, насупротивъ де меня,
« Молодецъ Добрынюшка Никитьевичь:
« Я не знаю, откол его Богъ принесъ. »
Князю эта рѣчь за бѣду пришла,
За великую досаду не за малую.
Говорилъ де Добрыня таково слово:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Кабы ты былъ не Владиміръ князь,
— Такъ назвалъ бы тебя я сводникомъ,
— Государыню бы княгиню сводницей:
— Зачѣмъ вы отъ жива мужа жену отняли?—
Больше Добрыня не разговаривалъ,
Бралъ де Алешу за желты кудри,
Прямо черезъ столъ передергиваетъ,
Началъ шалыгой поворачивати:
Въ бухканьи не слышно охканья;
Не далъ ему смерти скорыя,
А далъ ему безвѣчье вѣковѣчное.
Столько-то Алеша женатъ бывалъ,
Столько Алеша съ женою сыпалъ.
Премладый Добрынюшка Никитьевичъ
Бралъ Катерину за руку за бѣлую,
Пошелъ Добрыня изъ почестнаго пиру,
Приходилъ Добрыня къ своей матушкѣ,
Да и сталъ быть-жить, вѣкъ коротати.

(Отъ Пороэскаго старика).

—

тоже.

17.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости).

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
« Ты, родитель моя матушка,
« Честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
« Дай-ко мнѣ проценьице и благословеньице
« Съѣздить мнѣ Добрынюшкѣ во чисто поле,
« Во чисто поле Добрынюшкѣ поляковать,
« Могуче плечо Добрынюшкѣ расправливать
« И добра коня Добрынюшкѣ розганивать. »
Какъ отвѣтъ держитъ родитель его матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна:
— Ахъ ты, чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Ты куда поѣждяешь на широко далече чисто поле,
— На кого ты оставляешь старую матушку
— И честну вдову Мамельфу Тимоѳеевну,
— На кого же оставляешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну,
— На кого ты оставляешь цвѣтны платьица,
— И на кого ты оставляешь добрыхъ коней?—
Отвѣтъ держитъ тутъ Добрынюшка:
« Ты, родитель моя матушка,
« Честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
« Я тебѣ оставлю золотой казны до люби;
« Молодой жены Настасьѣ Микуличной я завѣтъ кладу:
« Какъ не буду я съ чиста поля три году,
« Втепору Настасья хоть вдовой живи,
« Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
« Хоть за князя поди, аль за боярина,
« Али за сильнаго могучаго богатыря,
« А не ходи только за братца за крестоваго,
« За младаго Олешу за Поповича;

« А остатнюю казну въ сундуки замну,
« Въ сундуки замну и въ погреба спущу;
« Цвѣтны платья на вышки кладу,
« Добрыхъ коней въ поле спущу.»
Тутъ же Добрынюшка кладывалъ
На бурушка уздицу тесмянную
И осѣдлывалъ добра коня,
Кладалъ войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкацкое и окованое
И двѣнадцатью подпругами подтягивалъ,
И не для-ради красы-басы и угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскія.
Клалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку,
И тугіе луки во налучія,
Онъ луки во наметы полагалъ,
И по бокамъ онъ раскладалъ
Палицу военну-орудіе,
Востро копье бурзамецкое
И саблю тую вострую.
И садился Добрыня на добра коня,
И поклонъ онъ дѣлалъ ко матушкѣ
И къ той же молодой жены:
« Прощай-ко ты, родитель моя матушка,
« Честная вдова Мамельфа Тимофѣевна
« И молодая жена Настасья Микулична!»
Видли молодца саждаючись
И видли его покланяючись,
А не видли удалаго поѣдучись.
Рѣки, озера конь между ногъ пущаетъ,
Сини моря—около скакаетъ;
Хвостъ по земли растилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Сильно и прытко конь поскакиватъ.
И много времени проклаждалося.
И пріѣхалъ Добрыня въ чисто поле,
Раздергивалъ шатры полотняные,

И втыкивалъ копье бурзамецкое,
И привязывалъ своего коня добраго
Тѣма поводамы онъ шелковыма,
И раставливалъ онъ столики дубовые,
Накладывалъ ѣства сахарныя,
Наливалъ онъ питья медвяныя,
Ѣсть-пьетъ-проклаждается,
Ничего же самъ не опасается,
А на Господа онъ увѣряется,
Поѣлъ, попилъ и покушалъ онъ,
Отпустилъ поклонъ ко Спасителю,
Благодарилъ о всѣхъ благахъ земныхъ
И легъ опочевъ держать.
И засыпалъ онъ тутъ въ богатырскій сонъ.
Тутъ же онъ пробуждается,
На томъ на своемъ добромъ конѣ
По чистому полю прогуляется,
И неможетъ дождаться никакого воина,
Никакого воина къ себѣ и богатыря
День отъ дни времячко проклаждается,
И никакой земли богатырь къ нему не является.
Приходитъ того же времячка и три году,
И не видать Добрыни со чиста поля.—
Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Началъ къ Настасьи подхаживать,
Началъ Настасью подсватывать,
Во замужество Настасью подговаривать,
За младаго Олешу Поповича,
За братца его за крестоваго:
— Поди-ко, молода Настасья Микулична,
— Нынь теперь въ замужество
— За младаго Олешу Поповича.—
Отвѣтъ держала Настасьюшка,
И отвѣтъ тутъ держитъ Микулична:
« Исполнила я заповѣдь мужскую,

« И исполню я заповѣдь женскую:
« Пройдетъ того времячки шесть годовъ,
« Не пріѣдетъ Добрынюшка съ чиста поля,
« Во ту пору, Настасьюшка, хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, или замужъ пойду,
« За князя ли пойду, за боярина,
« За сильнаго-ли могучаго богатыря,
« Не пойду только за братца за крестоваго,
« За младаго Олешу за Поповича.»
Такъ Владиміръ нынь отступается
И времени того дожидается.
И живетъ Добрыня во чистомъ полѣ,
Того онъ ничего не вѣдаетъ.
Какъ времячко проклаждается,
Ѣздитъ по чисту полю да полякуетъ;
Тогда съ добра коня опущается,
И на отдыхъ онъ опредѣляется,
И сномъ онъ обременяется.
И во тую пору, во то времячко,
Шатеръ его сколыбается,
И богатырь къ нему появляется:
Аки богатырь посвистываетъ,
Зычнымъ голосомъ прокрикиваетъ.
Отъ того ли крику Добрынюшка пробуждается,
Поскорешенько убирается,
На добра коня возсаждается,
Во чистое поле отправляется,
Радостью Добрыня снаряждается,
Веселымъ духомъ ободряется:
— Ахъ же ты, богатырь, непроѣзживай,
— Молодой куряте, не поскакивай;
— А будешь, куряте, поиманый,
— И будешь, молодой, оципаный.—
Тутъ богатырь ко богатырю сближаются.
На военныя палицы сражаются,
Другъ друга они не ранили,

Палицы военныя тутъ пополамъ приломалися.
И на тыя на копья, на острыя копья бурзамецкія,
Копья бурзамецкія по яблукамъ срывалися,
И другъ друга же не ранили.
И на тыя на сабли на вострыя,
Сабли по поламъ приломалися,
И другъ друга не ранили,
Оба выпали со добрыхъ коней,
И стали другъ съ другомъ таскатися,
Подъ нима земля подгибатися.
Разгорѣлся Добрыня Микитинецъ
Сердцемъ своимъ богатырскімъ,
И хватилъ короля за желты кудри,
И кидалъ короля о сыру землю,
И садился къ королю на бѣлы груди,
Здымалъ саблю выше плечъ своихъ,
Во плечѣ рука застоялася,
Сталъ короля онъ выспрашивати:
— Скажись, молодецъ, съ коей земли,
— Со коей земли, со коей орды,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,
— И какъ тебя по отечеству?—
Говоритъ король не съ упадкою:
« Ай же ты, богатырь есть нынь!
« Какъ бы я былъ на твоихъ грудяхъ,
« Не спрашивалъ ни роду, ни племени,
« Ни имени твоего, ни отечества,
« Взималъ бы саблю я вострую,
« И пласталъ бы я твою грудь бѣлую,
« И вынималъ бы я сердце со печенью.»
Тутъ Добрынюшка возмущается
Сердцемъ своимъ богатырскімъ,
За вострую саблю принимается,
Въ плечѣ рука застоялася,
Сталъ молодца выспрашивать,
Сталъ молодца вывѣдывать:

— Съ коей земли, съ коей орды,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,
— Какъ тебя по отечеству?
Говоритъ король не съ упадкою:
« Какъ бы я былъ на твоихъ грудяхъ,
« Взималъ бы я саблю вострую,
« Пласталъ бы грудь твою бѣлую,
« Вынималъ бы я сердце со печенью.»
Тогда Добрынюшка возмущается,
На богатыря возъяряется.—
Тогда богатырь привиняется:
« Есть я богатырь Золотой земли,
« Золотой земли, и Золотой орды,
« Король земли Бухарскія.»
Взималъ короля за бѣлы руки,
Подымалъ короля отъ сырой земли,
Цѣловалъ въ уста во сахарнія:
— Поѣзжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,
— Въ Золоту землю, и въ Золоту орду,
— Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
— А отъ Добрынюшки челобитьице,
— Золотые подарки во милости.—
Такъ они распрощаются,
Другъ отъ друга разъѣзжаются.
Пріѣхалъ Добрыня ко бѣлу шатру,
Тутъ Добрынюшка на крѣпкій сонъ ободряется.
Такъ богатырь взадъ ворочается,
Къ бѣлу шатру приближается,
Вострую саблю обнажается,
Хватилъ онъ Добрыню по бѣлой шеи,
Вострая сабля бѣлой шеи не забрала;
Отъ того ли страху ужасается,
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
Схватилъ короля за желты кудри
И кидалъ во сыру землю,—
Предалъ смерть ему скорую.

Со той со великой со радости
Есть и пьетъ-проклаждается.
На тую пору, на это времячко
Налетаетъ голубь со голубочкою;
Полегаетъ голубь въ каменну Москву,
Оставляетъ голубушку на бѣломъ шатрѣ.
Голубушка воспроговорила:
« Полетаешь ты въ каменну Москву,
« Оставляешь меня одинешеньку,
« Не останусь я голубушка:
« Какъ уѣхалъ нынѣ Добрынюшка,
« Оставилъ молоду жену Настасью Микуличну,
« А молода Настасья Микулична нынѣ во замужъ пошла.»
Эти рѣчи Добрынюшкѣ не слюбилися:
Приходитъ Добрыня ко добру коню,
И поѣхалъ Добрыня во свою землю,
И пріѣхалъ Добрыня во свою землю
И спущалъ коня во зеленые луга.
И приходитъ Добрынюшка ко родители ко матушкѣ,
Поклонъ онъ дѣлаетъ по низешенько:
— Здравствуй-ко родитель моя матушка,
— Честна вдова Мамельфа Тимофѣевна!
— При тебѣ-ли моя молода жена Настасья Микулична?—
Отвѣтъ держитъ его матушка:
« Ой же ты, чадо милое,
« Милый Добрынюшка Микитинецъ!
« Молода Настасья Микулична
« Нынь теперь во замужъ пошла
« За твоего братца крестоваго,
« За младаго Олешу Поповича.»
— Ай же ты, родитель моя матушка!
— Принеси-ко ты гусельца яровчаты,
— Дай-ко мнѣ прощеньице и благословеньице
— Идти мнѣ, Добрынѣ, на почестный пиръ,
Тутъ-то Добрыня отряжается,
И на почестный пиръ снаряжается.

Пошелъ тутъ Добрыня на почестный пиръ,
На томъ на пиру много народу умножается,
Не пропустятъ Добрыню на пиръ пройти;
Тутъ Добрыня стерегается,
На честный пиръ пробирается.
Пришелъ Добрыня въ палатушку грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому,
А на пиру народы всѣ ужахнулися.
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка яровчатыя,
Всѣ народы приближалися
И Добрынюшкѣ поклонялися.
Молода Настасья Микулична здрадовалася:
« А ей же ты, молодой Добрыня Микитинецъ!
« Не завидуй-ко разуму женскому,
« А позавидуй-ко разуму мужскому:
« Не въ честь берутъ и неохвотою,
« А берутъ великою неволею. »
Тогда сталъ Добрыня Микитинецъ на рѣзвы ноги
И подходитъ къ Олеши Поповичу:
— Ай же ты, братецъ крестовый,
— Молодой Олеша Поповичъ!
— На что ко чужой жены придираешься
— И во замужество приближаешься,
— И что отъ живаго мужа жену берешь?
— А ты князь Владиміръ стольно-Кіевскій
— На что къ Настасьи подхаживалъ,
— И въ замужество подговаривалъ?—
Беретъ онъ Олешу за желты кудри
И кидаетъ Олешу о кирпичный мостъ,
И только Олешенька женатъ бывалъ,
И тутъ Олешенька кончается,
А Добрынюшка со своей женой возвращается.
Всякой на свѣтѣ женится,
А не всякому женидьба удается,

А удавалася женидьба Добрынюшкѣ Микитинцу
И молоду боярину Ставру Годиновичу.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской Потапа Трофимова Потахина.]

—

18.

тоже (*).

[Пудожскаго уѣзда Уножскій погость.]

« Свѣтъ ты, государыня моя матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Зачѣмъ ты меня несчастнаго спородила?
« Лучше бы ты бѣлымъ горючимъ камешкомъ спородила,
« Выставила бы на гору Сорочинскую,
« Вертѣла бы въ рукавцы во рукавные
« И бросила бы Добрыню въ сине море (**):
« И лежалъ бы тамъ Добрыня вѣкъ по вѣку,
« Отнынѣ и довѣку,
« И не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
« И не убивалъ бы головокъ безповинныхъ,
« Не слезилъ бы очей (***)-матерей понапрасною,»
Говоритъ ему честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, чадо мое милое,
— Дитя ты мое родимое!
— Я хотѣла тебя спородить добра молодца
— Счастками-богатствомъ въ Садка купца богатаго,

(*) Варіантъ, обозначенный буквами П. Б. Д. записанъ въ Большомъ дворѣ, дер. Печанскаго погоста, а буквою К. отъ калики Латышева.

(**) Вар. вмѣсто цвѣтнаго камешка. К.—

(***) Отцевъ-матерей.

— Красотою-басотою въ Осипа Прекраснаго,
— Силою хотѣла тебя спорошить въ Илью Муромца,
— А смѣлостью въ Олешу Поповича.
— Видно ты, чадо мое милое,
— Зародился ты въ ту звѣзду,
— Въ ту минуту безчастную, не въ талашную!—
И говоритъ Добрынюшка своей матушкѣ:
« Свѣтъ ты, моя матушка Офимья Александровна!
« Дай-ко ты мнѣ прощеньице-благословеньице,
« Повыѣхать Добрынѣ въ чисто поле.»
Тутъ ему матушка дала прощеньице,
Дала ему благословеньице
Повыѣхать Добрынѣ во чисто поле.
Выходитъ-то Добрынюшка на широкъ дворъ,
Выводитъ сивушка-бурушка косматаго
Съ конюшни стоялыя на широкъ дворъ
И надѣваетъ уздицу тесмянную;
Кладываетъ потнички, а на потнички войлочки,
А на войлочки сѣдѣлыцо черкасское,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
А подпруги все были шелку шахманскаго,
А не для-ради красы-басы,
А ради крѣпости богатырскія.
Тутъ выходитъ на широкъ дворъ
Молода жена Настасья свѣтъ Микулична,
Говоритъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты, молодой Добрынюшка свѣтъ Никитинычъ!
— Поѣзжаешь ты во далече, далече во чисто поле,
— Когда же тебя ждать со чиста поля?—
Говоритъ онъ ей таковы слова:
« Ай же ты, любимая семья,
« Молода жена Настасья свѣтъ Микулична!
« Ты меня годикъ жди, ты меня другой жди,
« Ты меня третій жди;
« А послѣ трехъ годовъ,
« Хоть вдовой живи, хоть за мужъ иди.»

Видли добра молодца сядучи,
А не видали поѣдучи. . . .
Скоро скажется, тихо дѣется. . . .
Недѣля за недѣлю, какъ дождь дождитъ.
Тому времечку сравнялося ровно три годика.
Наѣзжаетъ смѣлый Олешенька Поповичъ со чиста поля,
Привозитъ вѣсточку не радостну, не веселую
Ко той вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ:
— Не стало твоего чада милаго,
— Молода Добрынюшки Никитича во живности;
— Буйной головой лежитъ онъ въ ракитовомъ кустѣ,
— А рѣзвыми ножками въ ковыль-травѣ,
— Сквозь тѣло бѣло трава проросла,
— Проросла трава и цвѣты разцвѣли.—
Прошло то времечко малое,
Сталъ ходить Олешенька свататься
На Настасьѣ на Микулишной.
Говорила Настасья таковы слова:
« Ай же ты, смѣлый Олешенька Поповичъ!
« Справила я заповѣдь мужнюю,
« А нонь положу отъ себя заповѣдь на три года:
« Буде не пріѣдетъ Добрынюшка со чиста поля,
« Тошто я Настасья хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, хоть за мужъ пойду.»
Опять тутъ скоро скажется, тихо дѣется. . . . .
День-то за день, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, будто рѣка бѣжитъ,
А сравнялось сему времени шесть годовъ;
И не видать Добрынюшки пріѣдучи со чиста поля.
Тутъ сталъ Олешенька похаживать,
Сталъ на Настасьѣ на Микулишной свататься;
А нейдетъ-то Настьсья Микулишна
За Олешеньку за мужъ-то.
Подымаетъ Олешенька князя Владиміра
Ко Настасьѣ идти свататься
Приходитъ-то князь Владиміръ стольне-Кіевскій

Къ Настасьѣ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны покланяется,
Настасьѣ Микулишной въ особину.
Говоритъ князь Владиміръ стольне-Кіевскій:
— Здраствуй, Настасья дочь Микулишна!
— Для чего-жъ ты за Олешу за мужъ пойдешь?
— Я тебя постригу Настасью во старицы,
— Сведу въ монастырь ко старицамъ;
— И вѣкъ ты станешь служить во старицахъ.—
Настасьѣ во старицы идти не хочется:
Сама себя Настасья просватала,
Задернулъ Олешенька почестный пиръ,
Почестный пиръ-пированьице на двѣнадцать денъ (*).
Въ ту пору и въ то время,
Во далечѣ, далечѣ, во чистомъ полѣ,
Подъ сырымъ дубомъ, да во бѣломъ шатрѣ
Добрынюшка Никитичъ опочивъ держитъ.
Налетаетъ голубь со голубкою на сырой дубъ,
Сталъ-то голубь со голубушкою разговаривати:
« Сегодня во Кіевѣ у насъ почестный пиръ,
« Добрынина жена за мужъ пошла. »
А эти рѣчи всѣ Добрынюшка повыслушалъ,
Выходилъ на широку улицу,
Крыкнулъ голосомъ-богатырскимъ,
Свистнулъ голосомъ молодецкимъ:

(*) Тутъ Добрынина матушка расплакалась,
Сѣла подъ окошечко косявчето,
Глядитъ на широкую улочку:
Не свѣтъ-то на улицы разсвѣтается,
Не зори ли утренны,
Не зори-ль вечорныя,
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ выкатается,
Не часты-ль звѣзды разсыпаются,
Не красное-ль солнышко распекло,
Какъ ѣдетъ Добрыня со чиста поля. . . . (П. Б. Д.).

Конь бѣжитъ, мать земля дрожитъ.
Сѣдлаетъ сивушка-бурушка косматаго,
Скоро на скоро сподобляется,
И скочилъ Добрыня на добра коня.
И сталъ его добрый конь, сивушка-бурушка
По чисту полю порыскивать, помахивать,
Отодрался конь отъ сырой земли,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
Рѣки-озера промежъ ногъ сталъ пропускивать.
Пріѣзжаетъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Ко своему подворьицу дворянскому,
Стучитъ у вороточекъ рѣшетчатыхъ,
Отвѣчаетъ ему тамъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди прочь отъ дому отъ сиротскаго.
— Кабы былъ Добрыня во живности,
— Не дошло бы каждому пьяницы
— Надъ моимъ домомъ насмѣхатися.—
А того Добрыня не пытается,
Стучитъ-гремитъ въ другой наконъ.
Отвѣчаетъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди ты отъ дому отъ сиротскаго.—
А того Добрыня не пытается,
Стучитъ-гремитъ по третій наконъ.
И говоритъ Добрыня таковы слова:
« Отворяй же ты, честна вдова Офимья Александровна!
« Я привезъ тебѣ вѣсточку радостную и веселую.»
Отперла-то она воротца рѣшетчатыя,
Опознала своего сына любимаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Гдѣ-то моя молода жена, Настасья дочь Микулишна?»
Говоритъ честна вдова, Офимья Александровна:

— Твоя жена за мужъ ушла (*)
— За смѣлаго Олешу Поповича,
— А не съ охоты шла, а со пристрастки со княжескія.—
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня матушка (**),
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Принеси гуселки створчатыя.»
Онъ натягивалъ въ гуселкахъ, налаживалъ
Двѣнадцать струночекъ злаченыихъ;
Сокручивается во платья скоромошныя,
Бралъ колачиковъ крупичатыхъ,
Пошелъ по широкой по улицы:
Маленьки ребятки играютъ щильцомъ-мячомъ,
Сами говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, Добрынюшка сынъ Никитиничъ!
— Твоя жена за мужъ ушла,
— За того за смѣлаго Олешу Поповича.—
Онъ кидаетъ ребятамъ по калачу по крупичатому:
« А про меня болѣе не сказывайте.»
Пришелъ Добрынюшка къ Олешѣ на почестный пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны покланяется,
Князю Владиміру въ особину:
« Здраствуетъ, Владиміръ князь, со честнымъ пиромъ!
« Да-ко мнѣ мѣсто скоморошины немношенько
« Поиграть во гуслицы во створчатые.»
Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій,
— Скоморошье мѣсто на запечьѣ.—
А Добрыня скочилъ на печку на муравлену,

(*) — Ясенъ соколъ на дворъ прилетѣлъ,
— Слетала сиза голубица съ широка двора (К.).—

(**) « Безсчастнаго ты меня спородила,
« Несчастнаго ты меня возродила,
« И въ третьихъ, матушка, возростила (П. Б. Д.).»

Сталъ въ гуслицы поигрывать (*).
Тая-то игра приглюбилася всему кругу молодецкому,
Всему поѣзду княженецкому.
Говоритъ Владиміръ скоморошины:
— Ай же ты, молода скоморошина!
— Опущайся со печки со муравленой,
— Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое.—
Садился Добрынюшка супротивъ Настасьи на скамеечку,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Прикажи-ко, князь Владиміръ, налить чару зелена вина,
« Прикажи-ко поднести, кому знаю я.»
И говорилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, молодая скоромошина!
— Наливай ты чару зелена вина,
— Поднеси, кому знаешь ты.—
Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Наливалъ чару зелена вина,
Подливалъ меду сладкаго,
Опустилъ въ чару свой злаченъ перстень.
И подноситъ чару Настасьѣ Микулишной,
Самъ Настасьѣ приговариваетъ:
— Пей до дна, такъ видать добра,
— А не пьешь до дна, такъ не видать добра.—
Она брала чашу во бѣлы руки,
Выпивала чару досуха,
Увидала перстень злаченый,
Брала перстень во бѣлы руки,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— А не тотъ мнѣ-ка мужъ, который стоитъ подлѣ меня,
— А тотъ мнѣ-ка мужъ, который сидитъ противъ меня на скамеечкѣ,
— Молодой Добрынюшка, сынъ Никитиничъ.—
Оттрагивала столики дубовые,

(*) Эта игра Владиміру за ужъ пришла (К.).

Брала за ушка, цѣловала во уста во сахарнія.
И говорилъ Добрыня сынъ Никитинычъ:
« Не дивую я Олешѣ Поповичу,
« А дивую князю Владиміру (*),
« Что отъ жива мужа жену беретъ.»
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Кто отъ бѣды откупается,
— А Владиміръ князь на бѣду накупается,
— На эту ли бѣду на великую, на немалую.—
Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Взималъ Добрыня Олешу за желты кудри,
Сталъ Олешеньку потряхивать, помахивать (**),
Изъ угла въ уголъ перекидывать (***),
Чуть Олешеньку въ душахъ оставилъ,
Только Олешенька и женатъ бывалъ.

[Со словъ крестьянина дер. Уной-Губы Гаврилы Амозова, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1863 г.].

—

(*) « А дивую я Олешѣ Поповичу,
« Какъ можно отъ жива мужа жена отнять!
« Похвасталъ къ моему двору пріѣзжаючи,
« А не похвастаешь отъ моего двора отъѣзжаючи [П. Б. Д.].»

(**) Шалыгой по бокамъ поколачивалъ:
Бухканья не слышно,—охканье,
Охканья не слышно,—бухканье;
Сдѣлалъ Олешу въ полвѣка [К.].

(***) Говорилъ Олеша таковы слова:
— Ай же ты, братецъ названыій!
— Прости меня во этой вины во великія:
— Надсмѣялся я надъ твоей молодой женой.—
Говорилъ Добрынюшка Никитинычъ:
« Пошелъ ты, собака подстольная,
« Убирайся, собака подорожная!»
Тутъ-то Олешенькѣ славы поютъ,
И тая слава вѣкъ не минуетъ (П. Б. Д.).

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

19.

[Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.]

Жила честна вдова Овимья Александровна
Въ Москвѣ на Горкѣ на Вшивоей,
И остался отъ батюшка молодой Добрынюшка Никитичъ.
И зачалъ ѣздить Добрынюшка по славной каменной Москвы.
И наказываетъ Добрынюшкѣ матушка:
« Ай же ты, Добрынюшка свѣтъ Никитиничъ!
« Ѣзди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
« Улочками ѣзди и переулочками,
« И ѣзди, Добрынюшка, во далече, далече, во чисто поле;
« Когда будешь Добрынюшка близъ города Кіева
« И заѣдешь ты, Добрынюшка, во Кіевъ градъ,
« Ѣзди Добрынюшка улочками,
« Ѣзди Добрыня переулочками,
« А ты не ѣзди, Добрынюшка,
« Во тыя улочки Маринскія
« И во тые переулочки Игнатьевскіе.»
И забылъ Добрынюшка наказаньицо матушкино,
И заѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Во тыя улочки въ Маринскія,
И во тыя переулочки Игнатьевскія,
Ко злодѣйки Маринкѣ ненавистницы.
У злодѣйки Маринки ненавистницы
Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатыя,
И поставлены колоды бѣлодубовы,
Наличники положены серебряныя,
И на каждомъ окошечкѣ голубь со голубушкою.
И патянулъ Добрынюшка свой тугой лукъ
И стрѣлилъ-то онъ голубя съ голубушкою,
И пролетѣла стрѣлочка каленая

Во ту ли колоду бѣлодубову,
И во тотъ-ли наличникъ серебряный,
И во ту ли то во спальню во теплую,
И на ту ли кроватку тесовую,
И на ту ли перинку пуховую,
И убила у Маринки мила друга,
Поганаго Тугарина Зміевича.
И посылаетъ Добрынюшка Никитичъ
Своего паробка да слугу вѣрнаго
По ту ли по стрѣлку каленую:
« Ай же ты, злодѣйка Маринка ненавистница!
« Давай-ко нашу стрѣлочку каленую. »
И говоритъ злодѣйка Маринка таково слово:
— А кто стрѣлочку стрѣлилъ,
— Шускай самъ сюда придетъ.—
У Добрыни бѣло тѣло распотѣлося,
А богатырско сердце разгорѣлося:
И скочилъ Добрынюшка тутъ со добра коня,
И побѣжалъ во теремы высокіе
Ко злодѣйкѣ Маринкѣ ненавистницы;
Онъ ухватилъ-то Маринку за бѣлы груди,
Кинулъ-то Маринку о дубовый мостъ,
И бралъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ пошелъ изъ ложни изъ теплыя.—
А эта злодѣйка Маринка ненавистница
Брала свой ножъ булатный,
И куда ступалъ Добрынюшка Никитинчъ:
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подсекла слѣды Добрынюшкины,
И спустила Добрынюшку оленемъ рыскучимъ во чисто поле.
И провѣдала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Что оберутъ сынъ оленемъ рыскучимъ во чисто поле,
И зачала искать по каменной Москвѣ докторовъ,
Чтобы отверпуть Добрынюшку добрымъ молодцемъ.
Но не нашла въ Москвѣ докторовъ,

И поѣхала во славный во Кіевъ градъ,
И нашла она бабушку задворенку,
И смолилась она да отъ желаньица:
« Ай же ты бабушка задворенка!
« Отверни-ко ты, Добрынюшка добрымъ молодцемъ.»
И возговоритъ бабушка задворенка
— А возми-тко ты меня саму а въ каменну Москву
— И на ту ли Горку на Вшивую.—
И говорила ей бабушка задворенка:
— Принеси-ко ты Добрынюшкинъ тугой лукъ
— И принеси-ко ты да калену стрѣлу.—
И натягиваетъ старушка тугой лукъ,
И накладываетъ старушка калену стрѣлу,
И сама ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
— Ты летай-ко, моя стрѣлочка, по чисту полю,
— Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
— Оленя рыскучаго въ чистомъ полѣ:
— Пусть бѣжитъ во матушку въ каменну Москву,
— На ту ли на Горку на Вшивую.—
Этая бабушка задворенка
Сдѣлала Добрынюшку добрымъ молодцемъ,
И сама говоритъ таково слово:
— Ты возмешь ли Добрынюшка Маринку за себя за мужъ?—
И возговорилъ Добрынюшка Никитичъ:
« Не надобъ мнѣ Маринки на широкій дворъ.»
Этая бабушка задворенка
Обвернула злодѣйку собакою
— Ты бѣгай-ко, злодѣйка, вѣкъ и по вѣку,
— Отъ нынѣ и до вѣку.—

[Отъ крестьянина деревни Пирчаковской Трофима Романова.]

—

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

20.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЕВИЧЪ.

(Пудожгорскаго прихода, Повѣнецкаго уѣзда).

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
Полагали ему ѣства сахарныя,
Садился Тугаринъ за дубовый столъ.
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Аленушка Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Какъ у моего государя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было псище-то старое,
« Старое псище-то сѣдатое,
« Хватило костище великое,
« Гдѣ оно хватило, подавилося:
« Подавиться Тугарину Змѣевичу
« Отъ меня Аленки отъ Поповича.»
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
Говоритъ Алеша таковы слова:
« Какъ у моего родителя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было коровище великое,

« Выпило питьица лоханище,
« Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
« И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столѣ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
На лету онъ ножъ подхватывалъ,
Самъ къ ножу приговаривалъ:
« Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
« Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
« Съ Тугариномъ супротивиться?»
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Не куда уйдетъ гагара безногая.—
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Ко тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича.
И убилъ Тугарина Змѣевича,
Тутъ вѣкъ про Алешу старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

[Записано со словъ Бутылки въ Петрозаводскѣ, 29 Іюня 1863 года].

—

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

21.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Какъ во славномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра

Было пированье почестный пиръ
На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ браныхъ,
Званыхъ браныхъ гостей и почестныхъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвастаетъ своимъ богачествомъ,
А кто-ль хвастаетъ своей силой богатырскою.
Тутъ выходитъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Говоритъ своимъ княземъ-боярамъ:
« Ай же вы, князи-бояры,
« Удалы добры молодцы!
« Всѣ вы у меня вы поженены,
« Одинъ-то я, солнышко Владиміръ князь,
« Холостъ есть, не женатъ.
« Приберите вы мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови бы были у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
« Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединый.»
Тутъ приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Мы же не бывали на чужихъ на дальнихъ сторонушкахъ,
— Не видали людей чужестранныихъ,
— Послать намъ-не послать на чужу дальню сторону,
— Тихаго Дуная сынъ Иваныча:
— Онъ жилъ-то у короля Литовскаго,
— Онъ двѣнадцать лѣтъ въ конюхахъ.—
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Послать тихаго Дуная сынъ Иваныча.»

И позвали Дуная сынъ Ивановича,
И приходитъ онъ ко солнышку Владиміру,
Говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Зачѣмъ ты меня теперь требуешь?—
« Ай же ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
« Достань мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови были бы у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
« Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединый.»
Тутъ-то говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Дай же ты мнѣ молодца въ пособники,
— Пособничка и помощничка,
— Молода Добрынюшку Никитича.—
Тутъ-то солнышко Владиміръ князь
Наливалъ онъ чару хрустальную,
Хрусталя чара восточнаго,
Края золотомъ позолочены,
Чара мѣрою полтора ведра,
А вѣсомъ полтора пуда.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Бралъ онъ чару одной рукой,
Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
Наливалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Другую чару глубокую,
Подносилъ Добрынюшкѣ Никитичу.
Молодой Добрынюшка Никитичъ
Бралъ онъ чару одной рукой,
Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
И тутъ оны добры молодцы
Выходили на широкій дворъ,
Сѣдлали коней богатырскихъ.

Только видли добрыхъ молодцевъ сядучи,
А не видли добрыхъ молодцевъ поѣдучи.
Оны ѣхали не воротами,
А скакали ихъ кони чрезъ стѣну городовую,
Поили ихъ кони съ горы на гору поскакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Оны рѣки и озера межъ ногъ несли.
И поѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду,
Ко тому королю по-Литовскому
И прямо въѣхали на королевскій дворъ.
И выходитъ король на широкій дворъ
И встрѣчаетъ тутъ Дуная сынъ Ивановича.
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ (*):
« Здравствуй, король по-Литовскій!
« Принимай ты гостей во гостебницо;
« Мы за добрымъ дѣломъ пріѣхали,
« А за добрымъ дѣломъ за сватовствомъ. »
Тутъ возрадовался король по-Литовскій,
Принималъ онъ гостей во гостебницо;
Какъ онъ принялъ гостей во гостебницо,
Тутъ объявляетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
« Ай же ты король по-Литовскій!
« Мы пріѣхали за дѣломъ за сватовствомъ;
« Намъ не надобно большой вашей дочери,
« Большой дочери Настасьи королевичной;
« Мы пріѣхали къ вамъ свататься
« На меньшой вашей дочери,
« Меньшей дочери Феракесы королевичной. »
Тутъ разгнѣвался король да по-Литовскій,
Онъ вскрычалъ-то своимъ князьямъ-боярамъ:
— Соберите-ко вы силы во чисто поле,

(*) Вар. Я пріѣхалъ не биться-не ратися,
На твоей на дочери свататься.

— Убейте-ко вы тихаго Дуная сынъ Ивановича
— И пособничка Добрынюшку Никитича.—
Собрали-то всѣ силы во чисто поле,
Силы нагнали что и смѣты нѣтъ.
Тутъ-то тихій Дунай сынъ Ивановичъ
И пособничекъ Добрынюшка Никитиничъ,
Не ясным соколомъ напущаются
На гусей, лебедей и на утушекъ,
И поѣхали оны тутъ по улицы
И свернутъ-ли, гдѣ переулочкомъ,
Сколько ни оны рубятъ, а вдвоемъ-втроемъ,
Вдвоемъ втроемъ коньми топчутъ.
И тутъ-то король по-Литовскій
Вскрычалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ахъ ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко ты мнѣ воиновъ на сѣмяна,
— А бери-ко ты мою меньшу дочь,
— Мою меньшу дочь Фераксу королевичну
— За солнышка за князя за Владиміра.—
И тутъ оны выѣзжали въ королевскій дворъ
И брали Фераксу королевичну,
Отправлялись они въ свою сторону.
И выѣхали оны во чисто поле,
И глядитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичъ:
Ѣздитъ рыцарь во чистомъ полѣ.
И тутъ-то Дунай сынъ Ивановичъ
Отправляетъ Добрынюшку Никитича
Въ свою сторону, ко граду ко Кіеву
Съ прекрасной Фераксой Королевичной,
А самъ онъ остался во чистомъ полѣ.
И наѣхалъ онъ наѣзднка въ чистомъ полѣ,
Сильнаго наѣзднка храбраго,
И сдѣлали оны разъѣздъ во чистомъ полѣ,
Попробовать своихъ плечь богатырскихъ
И храбрости своей молодецкоей,
И ударились оны палицамы булатныма.

Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Съ коня онъ сбилъ супротивничка,—
Наступилъ тутъ конь на круты бедра,—
И прижалъ копьемъ ко сырой землѣ,
И спрашивалъ, какого роду-племени,
Какого отца, какой матери?
Рыцарь отвѣчалъ таковы слова:
« Сидѣлъ бы я на твоей груди,
« Не спрашивалъ бы роду-племени,
« А пласталъ бы твои груди бѣлыя.
« Есть я дочь короля литовскаго,
« Прекрасная Настасья королевична.»
Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Опущается онъ со добра коня,
И беретъ ее за бѣлы руки,
И цѣлуетъ ее во сахарни уста:
И садялись оны на добрыхъ коней
И поѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
Пріѣхали ко солнышку Владиміру
На почестной пиръ да на свадебный.
Тутъ на пиру наѣдалися,
Тутъ на честномъ напивалися,
Тутъ на пиру порасхвастались,
Порасхвасталась Настасья королевична (*):
« Мы поѣдемъ, Дунай сынъ Ивановичъ!
« Мы поѣдемъ съ тобой во чисто поле,
« Стрѣлять мы станемъ стрѣлочки каленыя.»
Тутъ поѣхали оны во чисто поле
И стали стрѣлять стрѣлочки каленыя.
Стрѣлилъ Дунай сынъ Ивановичъ:
Онъ первый разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,

(*) Впр. Не могло тое сердце утерпѣть женское.

А третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ стрѣлила Настасья королевична,
И стрѣлила она стрѣлочку каленую
И попала она въ цѣль поставленную:
Объ половиночки вѣсомъ ровны.
И тутъ у Дуная сынъ Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хочетъ пластать груди бѣлыя.
И смолилась Настасья королевична:
« Ай же ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
« Не пластай ты грудей моихъ бѣлыихъ,
« Оставь-ко ты меня во живности:
« Я рожду тебѣ трехъ сыновъ:
« И будетъ у нихъ по колѣно ногъ,
« По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
« По конецъ ручки въ золотѣ,
« По косицамъ часты звѣзды,
« Сзади у нихъ будетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
« А во лбу у нихъ красно солнышко. »
Ни на что не взираючи,
Пласталъ онъ ей груди бѣлыя
И вынулъ изъ груди ея трехъ сыновъ:
По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
По локоть ручки въ золотѣ,
По косицамъ часты звѣзды,
Сзади свѣтелъ мѣсяцъ,
А во лбу у нихъ красно солнышко.
И тутъ у Дуная Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
Становилъ онъ копье во сыру землю,
Острымъ концемъ во бѣлую грудь,
И упалъ онъ своей грудью бѣлою
На острый конецъ копья остраго.
Только Дунай и живъ бывалъ.
Протекла тутъ отъ нихъ Дунай-рѣка,

А другая протекла Настасьина (*),
Одна въ сторону рѣка, друга въ другую,
И въ одно мѣсто оны стекалися.
И вѣкъ про Дуная старину поютъ
Сиему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

[Записана Ѳ. Лысановымъ отъ кр. Андрея Сарафанова.].

—

ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧЪ И МИХАЙЛА ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

22.

[Повѣнецкаго уѣзда деревня Каменицы.].

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелося столованьице почесенъ пиръ
На многихъ князей на бояровъ
И на сильныхъ могучіихъ богатырей.
Много на пиру есть князей-бояръ,
И сильныхъ могучіихъ богатырей,
И много поленицъ удалыихъ.
Свѣтлый день идетъ ко вечеру,
Почесенъ пиръ идетъ на веселѣ,
Красно солнышко катилося ко западу.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру сидятъ-хвастаютъ:
Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвалится своимъ добрымъ конемъ,

(*) Вар. Дунай рѣка протекла къ Кіеву,
А Настасьина пала въ Золоту орду.

Иный хвалится своей силой богатырскою.
На томъ на честномъ пиру
Выставалъ удалый добрый молодецъ,
Старый Данила Игнатьевичъ,
Скидывалъ съ буйной головы своей пуховъ колпакъ
И клонилъ голову князю Владиміру,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Благослови меня во старцы постричься
« И во схимію посхимиться.»
Говоритъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, старый Данила Игнатьевичъ!
— Не благословлю тебя во старцы постричься
— И во схимію посхимиться:
— Какъ провѣдаютъ всѣ орды невѣрныя
— И всѣ короли нечестивые,
— Что на Руси богатыри во старцы постригаются,
— Станутъ на насъ они нахалиться.—
Говоритъ ему старый Данила Игнатьевичъ:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Теперечу есть у меня молодой сынъ,
« Молодой сынъ Михайла Даніильевичъ,
« Михайла Даніильевичъ шести годовъ;
« Ай докуль не провѣдаютъ короли нечестивые,
« Той порой будетъ шести годовъ;
« А докуль они снаряжаются,
« Той порой будетъ двѣнадцати:
« Такъ будетъ сильнѣе меня и могутнѣе.»
И благословилъ его Владиміръ князь
Въ старцы постричься и въ схимію посхимиться.
Еще прошло времени три году,
И наполнилось времени девять лѣтъ;
Докуда снаряжались цари и орды невѣрныя,
Опять прошло времяни три году,
И наполнилось всего времени двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ собиралася сила несчетная и несмѣтная

У того короля нечестиваго:
Черну ворону въ вешней день не облетать,
А сѣру волку въ осеннюю ночь не обрыскати,
Пятьсотъ у него Полкановъ-богатырей,
И четыре старосты думныхъ,
И два палача немилосливыхъ.
Кукуются воры и ликуются:
Оны дубья рвутъ съ корешьямы,
И мечутъ высоко подъ облаку,
И подхватываютъ вздъ единой рукой.
А самъ собака похваляется
И на Кіевъ градъ вооружается:
Хочетъ Кіевъ градъ со щитомъ онъ взять,
А князей-бояръ всѣхъ повырубить,
Владиміра князя хочетъ подъ мечь склонить,—
Подъ мечь склонить и голову срубить,
А княгиню Апраксію хочетъ за себя онъ взять;
И хочетъ голову князя Владиміра
Лѣвой ногой своей попинывать,
А правой ручкой княгиню Апраксію
По бѣлымъ грудямъ подрачивать.
Провѣдалъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Собиралъ онъ во Кіевъ почесенъ пиръ.
И много на пиру князей собиралося,
И много сильныхъ могучіихъ богатырей,
И всѣ на пиру пьяны-веселы;
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру сидятъ хвастаютъ:
Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ своей силой богатырскою.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ай же вы, князи-бояры!
« Кто бы ѣхать могъ во чисто поле,
« Ко тому ко войску нечестивому,
« Переписывать силу, пересметывать

« И пометочку (*) привезти мнѣ на золотъ столъ.»
Тутъ большій туляется за средняго,
А средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
А вставалъ удалый добрый молодецъ
Изъ за стола не изъ большаго и не изъ меньшаго,
Изъ того стола изъ окольнаго,
Молодой Михайла Данильевичъ;
Скидывалъ съ буйной головы пуховъ колпакъ,
Поклонился свѣту князю Владиміру,
Говорилъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Благослови меня ѣхать во чисто поле;
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
— И пометочку привезти тебѣ на золотъ столъ?—
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ты смолода, глуздырь, не попурхивай,
« А есть сильнѣя тебя и могутнѣя.»
И говоритъ Владиміръ второй наконъ:
« Ай же вы, могучіи богатыри и паленицы удалыя!
« Кто у васъ можетъ ѣхать ко войску нечестивому
« Переписывать силу, пересметывать
« И пометочку привезти на золотъ столъ ко мнѣ?»
Тутъ большій туляется за средняго,
А средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Выставалъ тутъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Михайла Данильевичъ,
Говорилъ онъ таково слово:
— Благослови меня ѣхать во чисто поле,
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать

(*) Отъ «памяти» пометочка.

— И пометочку привезть къ тебѣ на золотъ столъ.—
И благословилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій
Ко войску нечестивому поѣхати.
Сталъ Михайла Даніильевичъ во чисто поле справлятися:
Взялъ изъ погреба коня батюшкова,
И каталъ-валялъ его по три росы вечернихъ
И по три росы раноутреннихъ,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
И поилъ изварою медвяною,
И сталъ крутиться во платыце родительско
Ѣхать далече во чисто поле;
Надѣвалъ онъ латы родительски,—
Латы ему были тѣсноваты;
И саблю бралъ родительску,—
Сабля ему была легковата;
Обсѣдлывалъ коня онъ и обуздывалъ,
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ онъ во чисто поле,
Не путями онъ поѣхалъ, не воротамы,
А поѣхалъ онъ чрезъ стѣну городовую,
И поѣхалъ мимо пустыню родителя,
Въ которой родитель Богу молится,
Получить благословеніе родителя
Ѣхать во чисто поле ко войску нечестивому.
И выходилъ его родитель изъ пустыни,
Старый Данила Игнатьевичъ,
И плечомъ подымалъ онъ подъ тую грудь,
Подъ тую грудь лошадиную,
И остановилъ ее съ ходу быстраго.
И говоритъ ему Михайла Даніильевичъ:
— Свѣтъ государь мой батюшко!
— Благослови меня поѣхать во чисто поле,
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
— И пометочку привезти ко князю Владиміру.—
И говорилъ ему Данила Игнатьевичъ:

« Ты послушай, дорого мое чадо любимое!
« Ты послушай наказаньице родителя:
« Будешь какъ у войска нечестиваго,
« Не давай своему сердцу воли вольныя,
« Не заѣзжай въ серёдку въ матицу,
« А руби ты силу съ одного края.»
Тутъ поѣхалъ Михайла Данильевичъ
Во чисто поле къ войску нечестивому,
И сталъ рубить онъ съ одного края,
Сѣкъ-рубилъ силу три дни и три ночи,
Хлѣба-соли неѣдаючи,
Ключевой воды не пиваючи
И себѣ отдыху не даваючи.
Воспроговоритъ его доброй конь:
— Мой ты хозяинъ любимый!
— Ты отъѣдь отъ войска нечестиваго,
— Затекли мои очи ясныя
— Поганою кровью татарскою;
— И не могу носить тебя богатыря
— По тому ли по войску нечестивому.—
И отъѣхалъ Михайла Данильевичъ
Отъ того ли войска нечестиваго подъ Бугру гору,
И самъ онъ сталъ ѣсть и пить,
Насыпалъ коню пшены бѣлояровой,
И накрошилъ ему колачиковъ крупивчатыхъ,
И самъ онъ сталъ опочевъ держать.
И заспалъ Михайла Данильевичъ во крѣпкой сонъ,
И спалъ Михайла Данильевичъ
Три дни и три ночи.
А той поры его добрый конь
Ходилъ-скакалъ на Бугру гору
И глядѣлъ-смотрѣлъ на войско нечестивое,
Что поганые татарове дѣлали.
А поганые татарове дѣлали:
Копали три рва, три погреба глубокіихъ,
И ставили рогатины звѣриныя,

И поверху затягивали полотнами холщевыми,
И засыпали песками рудожелтыми.
Тутъ скочилъ Михайла со крѣпкаго сна,
А стоитъ его добрый конь прикручинившись:
Уши у него были повѣшены,
И глаза его были въ зень потуплены:
Воспроговоритъ Михайла Данильевичъ:
« Охъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Ты чего стоишь прикручинившись,
« Пшеница у тебя не зобана
« И колачики у тебя не ѣдены?»
Говоритъ ему его добрый конь:
— Молодой Михайла Данильевичъ!
— Недосугъ мнѣ было ни ѣсть, ни пить,
— Я ходилъ-скакалъ на Бугру гору
— И смотрѣлъ на войско нечестивое,
— Что поганое татарове дѣлали:
— Копали они три рва, три погреба глубокіихъ,
— Ставили рогатины звѣриныя,
— И затягивали полотнами холщевыми,
— И засыпали песками рудожелтыми,
— А ловить станутъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— И сильныхъ могучихъ богатырей.—
Тутъ у Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ осѣдлывалъ добра коня и обуздывалъ,
И вскочилъ Михайла на добра коня,
И подъѣхалъ подъ войско нечестивое,
И началъ онъ рубить съ одного края,
Самъ онъ бьетъ коня шелковой плетью,
Шелковой плетью по тучнымъ бедрамъ.
Воспровѣщится ему его добрый конь:
— Ай ты, молодой Михайла Данильевичъ!
— Ты не бей меня, добра коня, по тучнымъ бедрамъ,
— А и дай волю мнѣ углядывать,
— Куда надобно ускакивать.—
А той порой Михайла не послушался,

А добрый конь его заупрямился,
Захватилъ узду его тучмянную, (*)
И понесъ Михайлу неволею,
И занесъ его въ середку силу-матицу;
Первой подкопъ онъ перескочилъ,
И другой подкопъ онъ перескочилъ,
А на третій подкопъ конь обрушился;
По Божьей по милости
И по Михайлиной по участи,
И падалъ конь межъ рогатины.
А тутъ поганыихъ татаровей,
Будто чернаго ворона, слеталося,
И сметали багры они польскіе,
И поднимали добра молодца изъ погреба глубокаго.
А той поры его добрый конь
Скочилъ изъ погреба глубокаго,
И пронесся онъ на Бугру гору,
И гладѣлъ-смотрѣлъ онъ съ Бугры горы,
Что татарове съ хозяиномъ его дѣлали.
А поганые татарове дѣлали:
Связали Михайлы ручки бѣлыя
Во путыни шелковыя,
И ковали ему ножки рѣзвыя во желѣза булатныя,
И проводили ко королю невѣрному.
А невѣрный царище поганое говоритъ таково слово:
« Ай же ты, молодой Михайла Данильевичъ!
« Послужи-ко мнѣ вѣрой правдою,
« Какъ служилъ ты князю Владиміру:
« Награжу тебя золотой казной несчетною. »
— Ай же, царище поганое!
— Какъ была бы у меня сабля вострая,
— Такъ служилъ бы я на твоей шеи татарской
— Со своей саблей вострою.—

(*) Тесмянную.

Вскричалъ тутъ царище поганое
Своимъ слугамъ вѣрнымъ
И палачамъ немилосливымъ:
« Сведите вы ко плахѣ ко липовой,
« Отрубите вы голову молодецкую.»
Тутъ взяли Михайлу слуги вѣрные
И повели ко плахѣ ко липовой.
Тутъ то Михайла расплакался
И вздохнулъ ко Господу Всевышнему:
— Выдалъ меня, Господи, поганымъ на поруганье:
— Вѣдь то то не столъ за вѣру христіанскую,
— За церкви божьи и за вдовъ и сиротъ!—
Съ небесъ тутъ Михайлы гласъ гласитъ:
« Поразстяни, Михайла, ручки бѣлыя
« И поразправь, Михайла, ножки рѣзвыя!»
Какъ расправилъ Михайла ручки бѣлыя,
Поразлопали путины шелковыя;
Поразстянулъ Михайла ножки рѣзвыя,
Поразлопали желѣза булатныя.
И хватилъ Михайла татарина за рѣзвы ноги
И началъ татариномъ помахивать;
Куда махнетъ Михайла, туда улками,
А назадъ перемахнетъ, переулками,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Гнется татаринъ–не сломится,
— На жилы собака подается.—
И увидалъ его добрый конь съ Бугры горы,
Прибѣжалъ къ хозяину любимому;
Вскочилъ хозяинъ на добра коня,
Молодой Михайла Данильевичъ,
И сталъ сѣчь силу съ одного края,
Сѣкъ–рубилъ силу три дни и три ночи,
Три ночи съ половиною,
Переписалъ всю силу несмертную,
И повезъ помѣточку на золоту столъ Владиміру.
Онъ ѣхалъ далече во чисто поле,

Глядѣлъ-смотрѣлъ во всѣ стороны,
Увидѣлъ далече во чистомъ полѣ,
Не черный воронъ впередъ летитъ,
И не бѣлый кречетъ вонъ выпурхиваетъ,
Идетъ-ступаетъ старый Данила Игнатьевичъ:
Платья у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой
И клюка у него сорока пудовъ,
Той клюкой идетъ, подпирается;
И подъ тую грудь лошадиную плечомъ подпалъ,—
И на ходу коня онъ плечомъ удержалъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, мой любезной сынъ,
« Долго ко мнѣ не являешься?
« Я состарѣлся, тебя дожидаючись,
« Я пошелъ уже искать тебя,
« Я думалъ, что конали татарове невѣрные,
« Я хотѣлъ обкровавить свои платьица,
« Старческія платьица, пустынныя,
« И хотѣлъ пройти всю землю изъ края въ край,
« Хотѣлъ вырубить поганыхъ до единаго,
« Не оставить больше поганыхъ на сѣмяна.»
Тутъ пріѣхалъ Михайла Данильевичъ
Ко ласкову князю ко Владиміру
И привезъ пометочку на золотой столъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Пожаловалъ его золотой казной,
Золотой казной пожаловалъ несчетною.

[Отъ крестьянина корельяка Василья Лазарева.]

23.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

[Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.]

Завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ,
На многіе князи и бояре.
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Одинъ на пиру невеселъ сидитъ,
Понизя сидитъ да буйну голову,
И потупя сидитъ очи ясныя
Во матушку да во сыру землю,
Молодой Иванушко да Годиновичъ,
Княженецкій любезный племянничекъ.
Возговоритъ Владиміръ князь, стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, Иванушко Годиновичъ!
« Что сидишь невеселъ, нерадостливъ?
« Али мѣсто тебѣ не по разуму,
« Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али безумица тобой осмѣялася?»
И возговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— Мѣсто-то мнѣ было по разуму,
— И чара мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Захотѣлося мнѣ, солнышко, женитися.
— Я былъ за славнымъ за синимъ моремъ:
— Во томъ ли во городѣ да во Черниговѣ,
— У Дмитрія гостя торговаго,
— Во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— У него вѣдь есть любимая дочь,
— Тая ли Настасья Митріевна.

— Захотѣлось мнѣ, Владиміръ князь, женитися,
— А эту Настасью за мужъ мнѣ взять;
— Дай-ко мнѣ силы четыре ста,
— Золотой казны да колько надобно:
— Я поѣду ко Митрію свататься.—
Когда будетъ Иванъ за синимъ моремъ,
Во тѣхъ палатахъ да Митріевыхъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
А поклонъ ведетъ да по ученому,
Покланяется Иванъ на всѣ стороны,
Дмитрію гостю торговому въ особлину,
И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, Митрей гость торговый!—
И возговоритъ Митрей гость торговый:
« Ты косей земли, ты косей орды,
« Коево отца, коей матери,
« Какъ тебя удалый зовутъ именемъ?»
— Я изъ славнаго изъ города изъ Кіева
— Молодой Иванушко Гудиновичъ,
— Княженецкій любезный племянничекъ,
— А пріѣхалъ къ тебѣ, Митрій, свататься;
— У тебя вѣдь есть да любимая дочь,
— Тая-ли Настасья Митріевна:
— Отдай-ко ей да за меня замужъ.—
И возговоритъ Дмитрій гость торговый:
« У меня срощена собака на моемъ дворѣ,
« Отдать за тебя, Иванушко Гудиновичъ!»
И возговорилъ Иванушко Гудиновичъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Я не стану у тебя много спрашивать,
— Не стану съ тобой много и разговаривать.—
Вставалъ со лавочки брусовыя
И пошелъ по гриднѣ по столовыя,
Ко той ко завѣсы да ко шелковыя,
Отдынулъ завѣсу шелковую
И бралъ ей, Настасью, за бѣлы руки,

За тые за перстни злаченые,
И цѣловалъ въ уста да во сахарныя;
И повелъ Настасью во широкій дворъ,
И садился Иванъ на добра коня,
А Настасью Митріевну въ тороки вязалъ.
И выходитъ Митрей гость торговыій
И самъ говоритъ таково слово:
« Ай же, Иванушко Гудиновичъ,
« Княженецкій ты любезный племянничекъ!
« Вѣдь моя-то Настасья просватана
« За того ли Кощея Безсмертнаго:
« У насъ записи-то съ нимъ пописаны,
« Къ записямъ у насъ руки приложены,
« Къ рукамъ у насъ головы приклонены
« За того ли Кощея Безсмертнаго.
« Тебѣ отрубитъ Кощей буйну голову:
« Пропадетъ твоя буйная головушка
« Ни за единую денежку. »
И говоритъ Иванъ таково слово:
— Когда срубите съ Кощеемъ буйну голову,
— Тогда будете и хвастати.—
Какъ видѣли Иванушка сядучись,
А не видѣли его уѣдучись.
Когда будетъ Иванушко подъ городомъ подъ Кіевомъ,
И отослалъ онъ силу княженецкую во Кіевъ градъ,
И заѣхалъ во сторону во лѣтнюю,
И разставилъ шатеръ бѣлополотняный,
Зашелъ съ Настасьей забавлятися.
На ту пору да на то время,
Не шумъ шумитъ, да не громъ гремитъ,
Налетѣлъ-то Кощей Безсмертныій;
Зарычалъ Кощей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалася,
Сыры дубья пошаталися:
« Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
« Выходи-тко ты изъ бѣла шатра,

« Станемъ-ко, Иванъ, со мной бой держать,
« Кому на бою будетъ Божья помочь,
« Кому владѣть Настасьею дочерью Митріевою?
Какъ пошелъ Иванъ да изъ бѣла шатра:
— Ай же ты, ворона налетная,
— Налетная ворона, негодная!
— Тебѣ ли будетъ на бою Божья помочь?
— Будетъ-то Иванушку Гудинову!—
Они сѣклися, рубилися три часа,
И пособилъ ему Господи молодцу Ивану Гудинову
Одолѣть Кощея Безсмертнаго.
И садился онъ Кощею на бѣлы груди,
И не случилось у Иванушка вострa ножа,
И не чѣмъ пороть грудей бѣлыихъ,
Вынимать сердечка со печенью.
И закрычалъ Иванъ да во всю голову:
— Ай же ты, Настасья Митріевна!
— Подай-ко ты мой булатный ножъ:
— Я распорю Кощею бѣлы груди,
— Выну я сердце со печенью.—
И закрычалъ Кощей во всю голову:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« За Иваномъ быть тебѣ—крестьянкой слыть,
« А за мной то быть тебѣ—княгиной слыть.»
Какъ идетъ Настасья изъ бѣла шатра,
Она брала Ивана Гудиновича за желты кудри
И стащила съ Кощея Безсмертнаго;
И одолѣла Иванушка Гудиныча
Женска сила да богатырская.
И приковали Иванушка ко сыру дубу
На тѣ ли петелки на шелковыя,
И заѣхали со стороны со сиверныя,
И разставили шатеръ бѣлополотняный,
И зашли съ Кощеемъ да забавлятися.
На ту пору да на то время
Налетѣлъ на дубъ голубь да со голубушкою,

Они промежъ собою вѣдь гуркаютъ (*),
А Ивана Гудиновича распотѣшиваютъ,
А Кощею-то безсмертному наволю даютъ (**),
И говоритъ Кощей безсмертный:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Подай-ко ты мой тугой лукъ, калену стрѣлу,
« Застрѣлю я голубя съ голубушкою,
« Разорю любовь да голубиную.»
Подаетъ Настасья Митріевна
Тугой лукъ и калены стрѣлы,
И говоритъ Настасья таково слово:
— Ты, не стрѣляй-ко голубя съ голубушкою
— И не разоряй любови голубиныя,
— Стрѣляй-ко ты Иванушка Гудинова во бѣлы груди.—
И не попалъ-то Кощей въ Ивана во бѣлы груди,
А пролетѣла калена стрѣла въ толстый сырой дубъ,
Отъ сыра дуба стрѣлочка отскакивала,
Становилася Кощею во бѣлы груди:
Отъ своихъ рукъ Кощею и смерть пришла.
И брала Настасья свою саблю вострую,
Приходила Настасья ко сыру дубу,
Къ молодцу Иванушку Гудинову,
Сама говорила таково слово:
— Отъ бережка откачнутось,
— Къ другому да не прикачнутось.
— Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
— Ты возьмешь ли меня за себя за мужъ,
— У тебя теперь скованы ножки рѣзвыя,
— А связаны ручки бѣлыя:
— Я тебѣ отрублю буйну голову.—
И говоритъ тутъ ей Иванъ да не съ удробою (***),

(*) Воркуютъ.

(**) Досаждаютъ.

(***) Не робѣя.

И самъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Я возьму тебя за себя за мужъ;
« Только дамъ тебѣ три грозы княженецкія.»
У ней женское сердце раздумалось,
И изъ бѣлыхъ рукъ сабля острая выпала
По тымъ ли петелькамъ шелковымъ,
Тутъ-то Иванушко на волѣ сталъ.
Отковался Иванушко отъ сыра дуба,
И взялъ саблю Кощееву во бѣлы руки,
И отрубилъ у Настасьи рѣзвы ноги,
Рубилъ-то ей ножки, самъ приговаривалъ:
« Эты мнѣ ноги не надобны:
« Ношто шли изъ бѣла шатра
« Драть Ивана за желты кудри.»
И отрубилъ у Настасьи бѣлы руки:
« Эти мнѣ руки ненадобны,
« Которыя драли Ивана за желты кудри.»
И распласталъ у Настасьи бѣло тѣло,
Которое спало съ Кощеемъ безсмертнымъ.
Только-то Иванушко и женатъ бывалъ,
И поѣхалъ во Кіевъ градъ,
И поклонъ отправилъ князю Владиміру
Отъ Кощея безсмертнаго, что его жива нѣтъ.

[Отъ крестьянина деревни Нирзаковской Трофима Романова.]

—

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

24.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,

Хорошъ заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояры,
На сильные могучіе богатыри,
На всѣ паленицы удалые.
Бѣлый день идетъ ко вечеру (*),
Хорошо Государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко переное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле,
Изъ далеча, далеча поля чистаго
Толпа мужиковъ появилася,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:
« Солнышко ты наше, Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня у насъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Невѣдомые люди появилися,
« Шелковы неводы заметывали,
« Тетивки были семи шелковъ,
« Плутивца у сѣтокъ серебряныя,
« Камешки позолоченые,
« Рыбу сорогу (**) повыловили:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.
« Скажутся, называются
« Всѣ они дружиною Чуриловой. »
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ да жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!

(*) Пропущенъ стихъ: Почестный пиръ идетъ на веселѣ.

(**) Плотицу.

« Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня на тихихъ на заводяхъ
« Невѣдомые люди появилися,
« Гуся да лебедя повыстрѣляли,
« Сѣрую пернату малу утицу:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.»
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
« Невѣдомые люди появилися,
« Шелковые тенета заметывали,
« Кунокъ да лисокъ повыловили,
« Чернаго сибирскаго соболя:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ
« А тебѣ, Государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.»
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
Ѣдетъ молодцевъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Узды-поводы у нихъ де были сорочинскіе,
Съдельшки были на золотѣ,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ
Кожи на молодцахъ лосиныя,
Кафтаны на молодцахъ голубъ-скурлатъ
Источнями (*) подпоясанось,

(*) Разноцвѣтными струйчатыми поясами.

Колпачки золотые верхи;
Молодцы бы на конихъ бы свѣчи де горятъ,
Кони подъ ними бы соколы бы летятъ.
Ѣхали-пріѣхали во Кіевъ градъ,
Стали по Кіеву уродствовати:
Лукъ-чеснокъ весь повырвали,
Бѣлую капусту повыломали,
Старыхъ-то старухъ обезвѣчили
Молодыхъ де молодицъ соромы де довели,
Красныхъ дѣвицъ опозорили.
Бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ:
Князи-то просятъ со княгинями,
Бояра-то просятъ со боярынями,
Всѣ мужи огородники (*):
— Дай, Государь, свой праведный судъ,
— Дай на Чурила сына Пленковича,
— Сегодни у насъ во городѣ во Кіевѣ
— Наѣхала дружина-та Чурилова.—
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Глупые вы князи и бояра,
« Неразумные гости торговые!
« Не знаю я Чуриловой поселицы (**)
« Не знаю я Чурила, гдѣ дворомъ стоитъ. »
Говорятъ ему князи-бояра:
— Свѣтъ Государь, ты Владиміръ князь!
— Дворъ у Чурила вѣдь не въ Кіевѣ стоитъ,
— Дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоитъ:
— Дворъ у Чурила на Почай рѣкѣ,
— Дворъ у Чурила на семи верстахъ,
— Около двора все булатный тынъ,
— Двери были да все точеныя,
— Воротики были да все стекольчатыя,
— Подворотники дорогъ рыбій зубъ.

(*) Горожане.

(**) Поселыцца.

— На томъ дворѣ на Чуриловомъ
— Стояло теремовъ до семидесяти.—
И поднялся князь на Почай рѣку,
Поѣхалъ со князьями со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми.
Буде князь на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова (*),
У святыхъ мощей у Борисовыхъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
« Право мнѣ, не пролгали мнѣ!»
Дворъ у Чурила на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова,
У святыхъ мощей у Борисовыхъ;
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора все булатный тынъ,
Воротники были все стекольчатыя,
Подворотники дорогъ рыбій зубъ.
На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
На двѣ де, на три на стороны
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Во которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ.
Трои сѣни у Чурила де косерчатыя,
Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатыя,
Трои сѣни у Чурила де стекольчатыя.
Изъ тѣхъ да изъ высокихъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу падовую
Выходилъ тутъ старъ матеръ человѣкъ.
На старомъ шубочка соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были вальячные,
Вальянк-отъ литы красна золота.
Кланяется да поклапяется,
Самъ говоритъ ласково слово:
— Пожалуй-ко, Владиміръ, во высокъ теремъ,

(*) Левашидова.

— Во высокъ теремъ да хлѣба кушати.—
Говоритъ Владиміръ таково слово:
« Скажись мнѣ, старый матеръ человѣкъ!
« Какъ тебя да именемъ зовутъ?
« Хотя зналъ бы у кого хлѣба кушати.»
— Я, говоритъ, Пленко гость Сорожанинъ,
— Я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшка.—
Пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
Въ теремъ-отъ идетъ, самъ дивуется.
Хорошо теремы изукрашены:
Полъ-середа изъ одного серебра,
Печки-то были все муравленыя,
Потики-то были все серебряные,
Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей,
На стѣны сукна набиваны,
На сукна стекла навиваны.
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
Инъ всякія утѣхи несказанныя.
Садился князь за дубовый столъ,
Скрылъ окошечко немножечко,
Поглядѣлъ далече во чисто поле.
Изъ чиста поля толпа появилася,
А ѣдетъ молодцевъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Жеребцы все латынскіе.
Говорилъ Владиміръ таково слово:
« Скажи, Пленко гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ?»
— Нѣтъ Чурила сына Пленковича:
— Ѣдутъ тутъ Чуриловы-то повары,
— Курятъ на Чурила зелено вино.—
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
Ѣдетъ молодцевъ де до пяти ихъ сотъ:

Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Жеребцы все латынскіе,
Узды-поводы сорочинскіе.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Ты скажи-ко, Пленко да гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ?»
— Нѣтъ, сударь, Чурила сына Пленковича:
— Ѣдутъ тутъ Чуриловы-то стольники,
— Ставятъ на Чурила дубовы столы.—
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
И ѣдетъ молодцевъ болѣ тысячи.
Середи-то силы ѣздитъ купавъ молодецъ:
На молодцѣ шуба-та соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были все вальячные
Вальянк-отъ литы красна золота
По дорогу яблуку свирскому.
Владиміръ-то сидѣлъ за дубовымъ столомъ,
Взадъ да впередъ сталъ поелзывати:
« Охти мнѣ, уже куда де буде мнѣ!
« Али же тутъ ѣдетъ уже царь съ ордой,
« Али тута ѣдетъ король съ Литвой,
« Али тутъ ѣдутъ сватовщики
« На моей-то племяшницы любезныя,
« На душкѣ Забавы на Путятичной.»
Говоритъ Пленко да гость Сорожанинъ:
— Да небойся-тко, Владиміръ, не полошайся:
— Тутъ вѣдь ѣдетъ сынишко мое,
— Премладое Чурило сынъ Пленковичъ.—
Ѣдетъ Чурило, самъ тѣшится:
Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Чрезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копье да побрасываетъ,

Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.
Пріѣхалъ Чурила на Почай на рѣку,
Сила-та ушла по своимъ теремамъ.
Сказали Чурилу про незнаемыхъ гостей,—
Бралъ де Чурила золотые ключи,
Ходилъ де въ амбары магазейные,
Бралъ сорокъ сороковъ черныхъ соболевъ,
Многія пары лисицъ да куницъ:
Подарилъ онъ князю Владиміру,
Бояръ-то дарилъ да все лисками,
Купцевъ да дарилъ все куницами,
Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ,
« А побольше того челомбитчиковъ:
« А теперь на Чурила я суда де не дамъ. »
Говоритъ де Владиміръ таково слово:
« Премладой Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Хошь ли идти ко мнѣ во стольники,
« Во стольники ко мнѣ, во чашники? »
Иной отъ бѣды дакъ откупается,
А Чурила на бѣду и нарывается:
Пошелъ ко Владиміру во стольники,
Во стольники къ нему, въ чашники.
И поѣхали они въ Кіевъ градъ,
Пріѣзжали въ Кіевъ градъ.
Свѣтъ Государь де Владиміръ князь
На хороша на новаго на стольника
Да завелъ де Государь почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,

Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:
— Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
— Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
— Я смотрючись на красоту Чурилову,
— На его на кудри на желтые,
— На его на перстни злаченые,
— Помутились у меня очи ясныя!—
Еще говорила таковы слова:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
— Премладому Чурилу сыну Пленковичу
— Да не на этой ему службѣ быть:
— А быть ему въ постельникахъ,
— Да слать ковры подъ насъ мягкіе.—
Свѣтъ Государь де Владиміръ князь
Снялъ Чурила съ этой большины (*),
Поставилъ на большину на иную,
Во ласковые зазыватели:
Ходить по городу по Кіеву,
Зазывать гостей во почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Улицами идетъ, переулками,
Желтыми кудрями все потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Смотрючись на красоту Чурилову,
Старицы по кельямъ опакишь дерутъ;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Молодые молодицы въ голенище. . . . . ;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Красные дѣвки очелье (**) дерутъ.
Премладая-та княгиня Апраксія
Говорила князю Владиміру:

(*) Должности.

(**) Перед сороки, головнаго убора, надѣваемаго на сверху.

— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Премладому Чурилу сыну Пленковичу
— Не на этой ему службѣ быть:
— Да быть ему въ постельникахъ.—
Видитъ Владиміръ, что бѣда пришла,
Говорилъ Чурилу Владиміръ таково слово:
« Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Хоть въ кельѣ живи, хоть домой поди,
« А больше въ домъ ты мнѣ не надобно.»
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Поклонъ отдалъ да вонъ изъ терема пошелъ,
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
Да уѣхалъ Чурило на Почай на рѣку,
Да сталъ жить-быть да вѣкъ коротати.

(Отъ Поромскаго старика.).

—

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ ПЛЕНКОВИЧА.

25.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Обувается Чурила, снаряжается,
Умываетъ Чурила лице бѣлое,
Надѣваетъ Чурила платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самосмѣянное;
Шапочку беретъ онъ во пятьсотъ рублей,
Пушисту, ушисту, завѣсисту,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
А сзаду бы не видно шеи нѣжноей;
Сапожки на ножки сафьянные,

Этого сафьяну заморскаго,
Этого покрою нѣмецкаго,
Этого шитья было турецкаго.
Поѣзжаетъ во чисто поле поляковать
Со удалыми со добрыми со молодцами,
Беретъ онъ конишка маломочнаго,
Маломочнаго коня, коня Ворона.
Провожаетъ его дѣвушка челядинка,
Черная, послѣдняя подляночка,
Подавала ему въ руки шелковъ поводъ,
Говорила ему таковы слова:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
« Не Чурилушка поѣдетъ, добрый молодецъ:
« Возьми ты въ руки палицу пудовую,
« Пудовую палицу, рублевую;
« Еще возьми оружье малопульное.
« Станешь во чистомъ поле стрѣлятися,
« На добрыхъ коняхъ разъѣзжатися,
« Первой ты разъ стрѣлишь,—не дострѣлишь,
« Другой разъ ты стрѣлишь, не дострѣлишь,
« Третій разъ стрѣлишь, перестрѣлишь.
« Пойдетъ сила-армія великая,
« Черезъ три стѣны кони перемахивать,—
« Твое конишко маломочное:
« Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.»
Не взялъ онъ палицы пудовоей,
Не бралъ онъ оружья малопульнаго.
Съѣхались они во чистомъ полѣ
Съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ:
— Здравствуй, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
— Нынѣче со мной ты поздоровкайся,
— Нынѣче крестами побратаемся,
— Будь-ко ты мнѣ нынѣчку братъ родной,
— Не братъ родной, будешь гость честной.—
Была Катерина Микулична,
Сестрица Чурилы Пленковича,

Богатырша она была великая.
Сидѣла она въ новой горенкѣ
И глядѣла изъ окошечка косящета,
Увидѣла Чурилушку проѣдучи,
Брала она скоренько золоты ключи,
Отмыкала она кованы ларцы,
Брала она денегъ цѣлу тысящу,
Еще взяла пшены бѣлояровой,
Скорешенько бѣжала по новымъ сѣнямъ,
Скорѣе того по чисту полю,
Поймала коня за шелковъ поводъ,
Привязала коня къ зелену саду,
Насыпала пшены бѣлояровой:
« Ѣшь, пей, конь, ты нечистый духъ!
« Я не ради тебя покланяюся,
« А для своего братца родимаго,
« Для своего гостя любимаго. »
Дала она Бурмяну Ивановичу,
Дала она денегъ цѣлу тысящу.
« Ай же, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
« Возьми-тко ты денегъ цѣлу тысящу,
« А отдай мнѣ Чурилушку Пленковича. »
Выводила она во чисто поле,
Приводила она во высокъ теремъ
И замкнула она во дубовый ларь,
Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ:
« Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
« Что ему по разуму разложится,
« Можетъ быть онъ къ намъ не воротится. »
Полтора часу разъѣзжалися,
Полтора часу разгулялися.
Воротился Бурмянъ сынъ Ивановичъ:
— Здравствуй ты, обща полюбовница,
— Сама послѣдняя подляночка!—
« Будя хочешь теперь спознатися,

« Поди, сходи теперь во высокъ теремъ
« Ко той Катерины Микуличной:
« Тамъ обряженъ Чурилушка Пленковичъ. »
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скорешенько онъ выскочилъ съ добра коня,
Пришелъ онъ туда во высокъ теремъ,
Сталъ онъ по терему похаживать,
Сталъ онъ по палатамъ погуливать,
По дубовымъ ларямъ онъ постукивать,
Ударилъ онъ ногой во дубовый ларь.
Эти ключи разлеталися,
Эти замочки разбивалися:
Оттуль выскочилъ Чурилушка Пленковичъ,
Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ.
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скорешенько схватилъ онъ саблю вострую,
Отсѣкъ у него буйну голову.
Говорила Катерина Микулична:
« Ай же, Бурмянъ сынъ Ивановичъ,
« Сильный могучій ты богатырь!
« Гдѣ пала головушка Чурилина,
« Туда пущай падетъ головка Катеринина. »
Онъ скорешенько схватилъ саблю вострую:
— Что же у тебя не гость гоститъ,
— Не гость гоститъ, видно пакоститъ.—
Отрубилъ головку Катеринину
И пошелъ, къ общей полюбовницы,
Къ самой послѣдней подляночкѣ:
— Ахъ ты, черна дѣвка-челядинка,
— Сама послѣдняя подляночка!
— Знала бы ты, дѣвка, коровъ доить,
— Знала бы ты, дѣвка, телятъ поить,
— Незнала бы ты, дѣвка, мужнихъ женъ губить.
— Завела говорить, договаривай,
— Завела доказывать, доказывай.—

Стрепетало ей сердце дѣвочьее,
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Онъ отсѣкъ у ней буйну голову,
Пріѣхалъ онъ тогда во чисто поле:
— Здравствуйте, могучіе богатыри,
— Здравствуйте, любезные товарищи!—
Говорятъ ему богатыри могучіе:
« Гдѣ ты теперь во гостяхъ побывалъ?»
— Я не долго гостилъ, много винъ натворилъ,
— Много винъ натворилъ, много головъ убилъ,
— Черезъ саму послѣдню подляночку,
— Черезъ этую общу полюбовницу.—
Тутъ спроговорятъ богатыри могучіе:
« Ай же ты, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
« Не хватило у тебя ума-разума.
« Черезъ самую послѣднюю подляночку
« Ты убилъ-побилъ три головушки:
« По сесвѣтному (*) есть погрѣшеньице,
« Въ будущемъ вѣцѣ нѣтъ прощеньица.»
Раздумался Бурмянъ, самъ расплакался:
— Дайте вы мнѣ коня добраго,
— Подайте вы мнѣ копье вострое.—
Подали ему коня добраго,
Подали ему копье вострое.
Тутъ садился онъ на добра коня,
Сталъ онъ по полю разгуливать,
Пустилъ онъ копье о сыру землю,
Тупымъ концемъ во сыру землю,
Острымъ концемъ во бѣлую грудь:
Со той со великой со досадушки,
Придалъ онъ себя тутъ смеретушкѣ.
Хоронили богатыри могучіе,
Хоронили его во зеленый садъ;
Взяли его коня добраго,

(*) Сесвѣтный,—сего свѣта.

Выѣзжали они до чиста поля,
Разсудили богатыри могучіе:
« Не хватило у него ума-разума:
« Погубилъ онъ свою душу грѣшную,
« Потопилъ онъ свое тѣло бѣлое,
« И не будетъ ему тамъ прощенья.»

[Записана О. Лысановымъ отъ кр. Андрея Сарафанова].

—

тоже.

26.

[Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости].

Ѣздитъ Кирилушка, погуливаетъ,
На своемъ Чирилушка на добромъ конѣ.
Шапочка ушиста, и пушиста, и надвѣиста.
Спереди не видно лица бѣлаго,
И сзади не видно шеи бѣлыя.
У Кирилушки лапотцы изъ семи шелковъ:
Подъ пяты-пяты шиломъ востры,
Около носовъ яицомъ прокатить,
Подъ пяты-пяты воробей пролетитъ.
Пріѣхалъ Кирилушка къ Вельминову дому,
Закричалъ ту Кирилушка во всю голову:
« Въ домѣ-ль Вельма сынъ Васильевичъ?»
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Нѣтъ Вельмы сына Васильевича,
— Ушелъ Вельма во Божью церкву,
— Господу Богу Вельма молится,
— Во сырую во землю Вельма клонится.
— Что же ты, Кирила, вечоръ не бывалъ?

— У меня ѣства сахарнія залежалися,
— Питья во стаканахъ застоялися,
— Бѣлоярово пшено призагормовѣло (*).—
Отвѣтъ тутъ держалъ Чирилушка,
Отвѣтъ тутъ держалъ Попленковичъ:
« Я вечоръ не бывалъ, а нынь пожаловалъ къ тебѣ. »
Брала ту Катеринушка
За ручки его за бѣлыя,
За его перстни за злаченые,
Приводила во гридню столовую,
Садила за столы за дубовые,
За тыя за ѣства сахарнія,
За тыя за питья медвяныя,
Отходя сама низко кланялась:
— Ѣшь-ко ты, пей-ко, Чирилушка,
— Покушай-ко ты, сынъ Попленковичъ!—
Поѣлъ, попилъ и покушалъ,
Господу Богу испомолится,
На всѣ стороны испоклонится,
Катеринушкѣ въ особину:
« Благодарствуй тебѣ, Катеринушка! »
Отвѣтъ держала ему Катеринушка:
— Во добро здоровье, Чирилушка,
— Во добро здоровье, Попленковичъ!—
Подходъ-то держитъ Катеринушка
Къ нему она ко Чирилушкѣ,
Брала она за ручки за бѣлыя,
За его перстни за злаченые,
Проводила во спальню во теплую,
Ко той ли ко кроваткѣ ко тисовенькія,
Ко той ли ко перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьицу,
Къ одѣялу тому соболиному.
— Изволь-ко ложиться, Чирилушка!—

(*) Призаплесневѣло.

Возлегъ тутъ Чирилушка
Подлѣ бочка Катеринушкина,
Стали жить и быти они,
Между собой времечко коротати.
На тую пору и въ тое времячко
Провѣдала дѣвка дворовая,
Тая ли дѣвка челядична,
Башмачонки надѣвала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,
Бѣжала дѣвчонка ко Божьей церкви,
Кричала дѣвчонка во всю голову:
« Ахъ же, Вельма сынъ Васильевичъ!
« Стоишь, Вельма, во Божьей церкви,
« Господу Богу, Вельма, молишься,
« Во сырую во землю, Вельма, клонишься,
« Надъ собой же незгодушки не вѣдаешь:
« Есть у тебя во твоемъ дому нелюбимый гость,
« Ѣстъ-пьетъ-проклаждается,
« Со твоей женой забавляется. »
Отвѣтъ держалъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Ахъ ты, дѣвка дворовая!
— Не кто тебя, дѣвку, спрашиваетъ,
— Не кто тебя, дѣвку, вывѣдываетъ.
— Знала бы дѣвка свое дѣло дворовое,
— Знала бы дѣвка коровъ доить
— Коровъ доить и телятъ поить.
— Правду говоришь, во замужъ возьму,
— Неправду говоришь, голову срублю.—
Пошелъ Вельма отъ Божьей церкви,
Приходитъ ко конюшни стоялыя,
Видитъ тутъ коня Чирилушкина:
Зоблетъ пшену бѣлоярову,
Вельминъ-отъ конь пріотогнанъ.
Приходитъ Вельма ко своей ко палатушкѣ,
Къ тынмъ ко воротцамъ ко рѣшетчатымъ,
Ко тынмъ ко пятничкамъ (*) къ булатнымъ,

(*) Пятничкъ, крюкъ у воротъ.

Ко тымъ ко петелькамъ къ шелковенькимъ,
У тенхъ воротичекъ колотится,
У тенхъ воротецъ давается.
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Въ одненхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
У ней женскіе волосы растрепаны,
Нѣжная грудь у ней показаная,
Бѣлое лицо у ней намазаное.
Спрашиваетъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Что же ты, Катеринушка,
— Въ одненхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
— Женскіе волосы растрепаны,
— Бѣлое лице у тя намазаное?—
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
« Мнѣ теперь Катеринушкѣ
« И не можется, и хворается.»
Пошелъ Вельма по палатушкѣ,
Увидѣлъ шапку Чирилушкину:
— Эгую шапку у Чирилушки видалъ,
— Этую шапку у Чирилушки слыхалъ.—
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
« Этая шапка братца моего,
« По смерти по моей по душѣ отдать.»
Увидѣлъ Вельма лапотцы его Чирилушкины:
— Этыи лапотцы у Чирилушки видалъ,
— Этыи лапотцы у Чирилушки слыхалъ.—
Приходитъ Вельма во спаленку,
Ко той ли кроватки тисовенькія,
Ко той ли першушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьицу,
Ко тому одѣялу соболиному;
Увидалъ онъ тутъ Чирилушку:
Спитъ-лежитъ Чирила, не прохватится,
Надъ собой ли незгодушки не вѣдаетъ.

Отвернулся Вельма сынъ Васильевичъ
На тую на ручку на правую,
Ко той ли ко стѣночкѣ лицовыя,
Ко той ли ко стопкѣ (*) ко точеныя,
Взималъ поскорешенько саблю вострую
Съ той ли со стопки со точеныя,
Отсѣкъ онъ Чирилы буйну голову.
Поворотъ сдѣлалъ къ Катеринушкѣ:
Гдѣ пала головка Чирилушкина,
И тутъ пади головка Катеринушкина.
Тутъ говорилъ Вельма сынъ Васильевичъ
Той же дѣвкѣ дворовыя:
— Умойся-ко побѣлешенько,
— Уберись-ко ты поскорешенько.—
Бралъ онъ за ручки за бѣлыя,
Пошелъ Вельма во Божью церкву,
Принималъ Вельма по злату вѣнцу.
Съ той поры, съ того времячка
Стали жить и быть они,
Между собой времячко коротати.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской, Потапа Трофимова Потахина.]

—

тоже.

27.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

На канунѣ праздника было Христова дня,
Канунъ де честнаго Благовѣщенія,

(*) Вм. стойки.

Выпадала порошица–снѣгъ молодой.
По той де порохѣ, по бѣлому снѣжку,
Не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ,
Ходилъ де гулялъ купавъ молодецъ,
На имя Чурило сынъ Пленковичъ (*).
Вслѣдъ ходя малые ребятушки,
Обирали гвоздочки серебряные,
Тѣмъ де ребята головы кормятъ.
Загулялъ Чурило ко Бермяту, къ высокому терему:
Бермятаго дома не случилося,
Одна Катерина прилучилася,
Отворяла окошечко косерчетое,
Не бѣлая лебедушка прокырчила (**),
Говорила Катерина–та Микулична:
« Удалый дородній добрый молодецъ,
« Премладый Чурило сынъ Пленковичъ!
« Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
« У меня Бермяты во дому не случилося,
« Я одна Катерина прилучилася. »
Пришелъ де Чурило во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Катерины Чурило въ особину.
Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
« Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ;
« А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей. »

(*) Здѣсь долженъ быть стихъ о томъ, какъ Чурила выранивалъ серебряные гвоздики.

(**) Закричала.

Первый разъ Чурило ей матъ давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ сто рублей;
Другой разъ игралъ, ей другой де матъ давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей;
Третій разъ игралъ, ей де третій матъ давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.
Бросала Катерина доску хрустальную,
Шахматы бросала серебряные,
Сама говорила таково слово:
« Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
« Я не знаю глядѣть на твою красоту,
« На твои-то на кудри на желтые,
« На твои на перстни злаченые:
« Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
« Помутились у меня очи ясные,
« Смотрючись де Чурило на твою красоту.»
Брала Чурила за руки за бѣлыя,
Вела его въ ложни во теплыя,
Да ложилась на кровать спать слоновыхъ костей,
На мягкую на перину на пуховую;
Начали съ Чуриломъ забавлятися.
Была у Бермяты де дѣвка черначка его,
Ходитъ она по терему мурчитъ да бурчитъ:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
— Ужъ я пойду къ Бермяты накучу да намучу.—
Того Катерина не пытаючи,
Въ ложни съ Чуриломъ забавляется.
Пошла де дѣвка въ Божью церковь,
Приходила де дѣвка въ Божью церковь,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Говорила дѣвка таково слово:
— Ласковый мой хозяинушка,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!

— Стоишь ты во церкви, Богу молишься,
— Надъ собой ты невзгоды невѣдаешь;
— А у тебя въ терему уже гость гоститъ,
— Незваной де гость, неприказываной,
— Да съ твоей-то женою забавляется.—
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Правду говоришь, дѣвка, пожалую,
« А нѣтъ, тебѣ дуры срублю голову
Говорила дѣвка таково слово:
— Мнѣ, сударь, не вѣришь, поди, самъ смотри.—
Пошелъ де Бермята изъ Божьей церкви,
Пришелъ де Бермята ко высокому ко терему,
Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спитъ Катерина, непробудится;
Застучалъ де Бермята во второй наконъ,
Спитъ Катерина, непробудится;
Застучалъ Бермята во третій наконъ
Изо всей могуты (*) богатырскія:
Всѣ теремы пошатался,
Маковки поломалися.
Услышала Катерина Микулична,
Выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одиѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкія ворота,
Запущала Бермяту Васильевича.
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Что, Катерина, не снарядна идешь?
« Сегодня у насъ вѣдь честный праздничекъ,
« Честное Христово Благовѣщенье.»
Говорила Катерина-то Микулична:
— Ласковый мой хозяинушко,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— Болитъ у меня буйная голова,

(*) Мощи, силы.

— Опустилась поясница ниже пупа и до пояса,
— Во тѣ ли во нижнія во черева:
— Не могу я хорошо обрядитися.—
Пришелъ де Бермята во высокъ теремъ,
Увидѣлъ де платье все Чурилово,
И шапку и сапоги все Чуриловы,
Говорилъ Бермята таково слово:
« Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
« Я это платье на Чурилы все видалъ.»
Умѣетъ Катерина какъ отвѣтъ держать:
— Ты ласковый мой хозяинушко,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— У моего у родимаго у брателка
— Конями съ Чуриломъ помѣняноси,
— Цвѣтнымъ-то платьемъ побраталоси.—
Того де Бермята не пытается,
Беретъ де со стопки саблю острую,
Идетъ де Бермята въ ложню теплую,
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоновыхъ костей.
Наши (*) лучная зоринька просвѣтлила,
Острая сабелька промахнула;
Не бѣлый горохъ растилается,
Чурилова кровь проливается,
По той де по середы кирпичныя,
Чуриловы кудри валяются.
Услыхала Катерина-та Микулична,
Брала два ножа она два острые,
Становила ножи черепемъ въ сыру землю,
Разбѣгаласи на ножики на острые
Своею она де грудью бѣлою,
Подрѣзала жилья ходячія,
И выпустила кровь-ту горячую.
Погибнуло двѣ головушки,

(*) Будто.

Что хорошія головы наилучшія,
Тутъ-то Чурилу смерть пришла.
А старый Бермята сынъ Васильевичъ
Дождался Христова Воскресенія,
Да прожилъ де недѣлю-то онъ свѣтлую,
Да старую дѣвку черинавушку,
Взялъ ее за правую за рученьку,
Сводилъ де дѣвку въ Божью церковь,
Принялъ ли съ дѣвкой золотые вѣнцы,
Сталъ быть-жить да вѣкъ коротати.

—

А мы съ тоій поры Бермяту въ старинахъ скажемъ,
Да премладаго Чурила сына Плепковича.
Вамъ де счастье да вѣнецъ,
Моимъ старинушкамъ конецъ!

(Отъ Поромскаго старика.)

—

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

28.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ,
Собирался почестенъ пиръ.
Всѣ во пиру наѣдалися,
Всѣ во почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру пьяны-веселы.
На томъ ли на пиру на почестноемъ
Случилось быть (честной) вдовы Блудовой жены;

И подносили ей чару зелена вина,
Она чарочки не выкушала (*),
За той ли за чарочкой посваталась
У той ли вдовы Купецъ-жены,
На той ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
И говоритъ она таково слово:
« Уже ты, молода вдова Купецъ-жена!
« Сдѣлаемъ-ко родню промежду собою:
« У тебя-то есть дочушка Офимьюшка,
« У меня-то есть Котенюшка Блудовичъ.»
Тая-та вдова Купецъ-жена,
Она чары-то не выкушала,
Во яспы очи выплеснула,
Сукой-б. . . . . оклескивала:
— Ужъ ты, сука-б. . . . , ты, Блудова жена!
— У тебя-то есть Котенюшка Блудовичъ,
— Ѣздитъ по городу, уродуетъ,
— Ищетъ бобоваго зернетка,
— Гдѣ бы то Котенѣ обѣдъ снарядить.
— У меня-то есть дочушка Офимьюшка,
— Сидитъ-то во высокихъ во теремахъ:
— Ее буйны вѣтры не обвѣяли,
— Холодные морозы не общелкали,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣялся.—
Тая вдова Блудова жена
Пошла домой, закручинилась,
Закручинилась-пошла, запечалилась.
Стрѣчаетъ Котенюшка Блудиовичъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, матушка, кручинишься,
« Что же, государыня, печалишься?
« Али мѣсто тебѣ было не по отчины
« Чарой ли тя пообнесли,

(*) Здѣсь пѣвецъ какъ кажется: Блудова жена поноситъ сама чару Купецъ-женѣ, и та чары-то не выкушала.

« Мужикъ-ли пьяница пообсмѣлся?»
Тутъ возговоритъ Котенина матушка:
— Ай же ты,чадо мое милое,
— Молодой Котенюшка Блудовичъ!
— Мѣсто мнѣ было по отчины,
— Чарочкой меня не обнесли,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣялся.
— Поднесли мнѣ-ка чару зелена вина,
— И за той за чарочкой посваталась
— За тебя, Котенюшка Блудиновичъ,
— У той-то вдовы Купецъ-жены,
— На той-ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
— Она чары-то не выкушала,
— Во ясны очи выплеснула,
— Сукой б. . . . . оклескивала:
« Ужъ ты, сука б. . . . . ты, Блудова жена!
« У тебя есть Котенюшка Блудиновичъ,
« Ѣздитъ по городу, уродуетъ,
« Пщетъ бобоваго зернетка,
« Гдѣ бы то Котенѣ обѣдъ снарядить.
« Моя-то дочушка Офимьюшка
« Сидитъ-то во высокихъ во теремахъ:
« Ее буйные вѣтры не обвѣяли,
« Холодные морозы не общелкали,
« Мужикъ-пьяница не осмѣялся.»—
Тутъ-то Котенюшка Блудиновичъ,
Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ (*),
Какъ возговоритъ Котенюшка:
« Ай же ты, матушка, не кручинься-тко,
« Государыня родима, не печалься-тко:
« Будетъ Офимка въ нашихъ рукахъ.»
Тутъ-то Котенюшка снаряжается,
Снаряжается ѣхать во чисто поле:

(*) « Отребы или отрепы» низшій сортъ льна.

Онъ беретъ коня богатырскаго,
Одѣваетъ уздичу-ту тесмяную
И накладываетъ сѣдельнико черкацкое,
Подтянулъ онъ подпругъ шелковыи
И стянулъ въ пряжки-ты золоченые,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія;
Още беретъ саблю вострую
Да палицу военную во триста пудъ,
И още беретъ-то съ собоіі паробка вѣрнаго,
Паробка вѣрнаго, любимаго товарища.
Садился тутъ Котеня на добра копя,
Поѣхалъ во чисто поле поляковать:
Отъ Котенина коня кутельба стоитъ,
А у паробка конь стрѣлоіі летитъ.
Подъѣхалъ Котенюшка Блудиновичъ
Ко высокому ко терему, злату верху,
Крыкнулъ богатырскімъ голосомъ:
« Ахъ ты, Офимка, Офимьюшка!
« Идешь ли ты за мужъ за меня,
« За меня, за Котенюшку Блудинова:
« Буде въ честь идешь, за себя возьму;
« А не въ честь ты идешь,—
« За паробка за своево, любимаго товарища.»
Тая-то Офимка отвѣтъ держитъ:
— Хоть я есть дочи безотняя,
— А сестра есть не безбратняя:
— Есть у меня девять братцовъ,
— Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ,
— Да още-то есть и родна матушка!—
Тутъ-то Котенюшка не вовсе глупъ,
Не вовсе глупъ, не отребноі клубъ,—
Хватилъ Котеня богатырскую палицу,
Ударилъ онъ по высокому по терему:
Въ теремахъ стѣны да тыны поразсыпалися,
Кирпичныя печки поразвалилися,

Орловыя (*) грядки повыпадали,
Въ теремахъ верхи какъ огнемъ пожгло.
Поѣхалъ Котеня во чисто поле поляковать,
И раздернулъ Котенюшка свой бѣлъ шатеръ,
Становилъ коня ко бѣлу шатру,
И насыпалъ пшены бѣлояровой;
И входилъ тутъ Котенюшка во бѣлъ шатеръ,
Самъ говоритъ таково слово
Свому паробку, любимому товарищу:
« Ты сиди, да востро гляди во чисто поле:
« Какъ пріѣдетъ девять братцовъ,
« Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
« Аще станутъ тотъ напередъ, да другой напередъ:
« Тому-то надо выславиться,
« Да другому надо выславиться,—
« Это есть не храбрые воины,—
« А если поѣдутъ всей грудью,
« И такъ буди меня отъ великаго сна. »
Тутъ-то ложился Котенюшка спать,
И заснулъ-то Котеня богатырскимъ сномъ.
И смотритъ паробокъ во чисто поле,
И видитъ пріѣхало девять братцовъ,
Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
Аще ѣздятъ тотъ напередъ, да другой напередъ:
Тому-то надо выславиться,
Да другому надо выславиться,—
Это есть не путніи воины.
И тутъ не будилъ-то паробокъ
Котенюшки съ богатырскаго сна,
И садится паробокъ на Котенина коня;
И разъѣзжаетъ паробокъ по чисту полю,
И наѣхалъ паробокъ на девять братцовъ,
На девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;

(*) Слѣдовало бы « орлецыя. »

Трехъ братцовъ конемъ потопталъ,
Трехъ братцовъ къ стременамъ привязалъ,
Трехъ братцовъ въ полонъ побралъ.
И пріѣхалъ тутъ паробокъ ко бѣлу шатру,
И пробудился Котеня съ богатырскаго сна
И говоритъ паробку таково слово:
« Не твое дѣло было по полю пырять (*),
« Не твое было дѣло коня потурять. »
И такъ поѣхалъ Котеня со чиста поля.
И увидѣла тутъ Офимьина матушка,
Тая-то вдова Каструлична жена (**),
Ѣдучи Котеню со чиста поля,
Видитъ бѣду неминучую,
Затыкаетъ-то дыру онучею:
Взяла тутъ кису золотой казны,
И бѣжала скорешенько ко князю ко Владиміру,
И говоритъ ему таково слово:
— Ужъ ты, солнышко Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!
— Ты давай-ко Офимью за Котенюшку Блудишова,
— И называй-ко ты крестницей и родной племницей;
— И давай-ко ты золотой казны безсчетноей,
— И още давай города съ пригородками
— И села со подселками.—
А тутъ-то Котеня честнымъ пиркомъ да за свадебку.
И далъ-то ему Владиміръ князь
Города съ пригородками
И села со подселками.

—

И още на томъ же на почестномъ пиру
Жена мужу говоритъ таковы слова:

(*) Корень пыр означаетъ быстроту движенія; отъ того же корня-порхать; потурять отъ корня тр, откуда туркой, См. 1 ч.

(**) Обыкновенно она называется «Члсовой женой», а «Купецъ-жена» значитъ только, что она жена купеческая.

« Всѣ люди сидятъ, будто свѣчки горятъ,
« Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ,
« Бороду закуситъ, усъ разлощитъ,
« Усъ разлощитъ, глаза вытаращитъ.
« Глядитъ на меня, будто чертъ на попа,
« А я на него помилѣе того.»

[Записано со словъ крестьянина Сарафанова.]

—

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

29.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь земли изъ богатыя,
Изъ той Карелы изъ упрямыя,
Изъ тоя Индіи богатыя,
Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ пропорхивалъ,
На гуся ѣхалъ Дюкъ, на лебедя,
На сѣру пернату малу утицу.
Не наѣхалъ Дюкъ ни на гуся, ни на лебедя,
И не сѣрой пернатой малой утицы,
И растрѣливалъ Дюкъ триста стрѣлъ,
Триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы.
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« Почему эти стрѣлы были дороги?
« А потому эти стрѣлы были дороги,
« Что на три грядочки были строганы

« Изъ той тростиночки (*) заморскія.
« Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что на три гряночки были строганы,
« Тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что перены (**) перьемъ сиза орла;
« Не того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по святой Руси,
« Бьетъ сорокъ, воронъ и сѣру галицу:
« Того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по синю морю,
« Бьетъ гуся и лебедя
« И сѣру пернату малу утицу;
« И отлетаетъ, садится самъ
« На бѣлъ каменный степянъ (***),
« И кроится перьяча (****) орлиныя,
« Отлетаетъ на море на синее;
« И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
« И обираютъ перьица сиза орла,
« Развозятъ перьица по всѣмъ ордамъ,
« По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
« Дарятъ царей и царевичевъ,
« Дарятъ королей да и королевичевъ,
« Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей.
« И пришли эти перья въ даровьяхъ,
« Оперилъ я этимъ перьемъ три стрѣлы.
« Да еще не тѣмъ эти стрѣлы дороги,
« А тымъ эти стрѣлы дороги:
« Втераны были въ пяты (*****)

(*) Тростника.

(**) Оперены-сажены.

(***) Можетъ быть: на бѣлъ горючъ камень?

(****) Падаетъ отъ трещія объ камень перьица.

(*****) Конецъ стрѣлы, противоположный острію.

« Каменье самоцвѣтное, все яхонты;
« Гдѣ стрѣла летитъ,
« Отъ нея лучь печетъ:
« Въ день красно солнышко,
« Въ ночь отъ свѣтлаго мѣсяца.
« И тымъ были стрѣлы дороги.»
Собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ,
И пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ.
А дѣло-то, братцы, дѣется
Во ту ли субботу великоденную,
И ушли ко вечерни ко Христовскія.
Сходилъ Дюкъ со добра коня
И пошелъ ко вечерни ко Христовскія,
И, отстоявши вечерню въ церкви Божіей,
Выходилъ Дюкъ изъ Божьей церкви,
И становился на крылечко на переное.
Выходила его матушка изъ Божьей церкви,
Понизешенько Дюкъ покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли:
« Государыня свѣтъ, моя матушка!
« Во всѣхъ городахъ, мати, много бывано,
« А во градѣ во Кіевѣ не бывано,
« Владиміра князя, мать, не видано,
« Государыни княгины свѣтъ Апраксіи.
« Дай, мать, прощенье и благословеніе
« Съѣздить во Кіевъ градъ,
« Повидать солнышка князя Владиміра,
« Государыню княгину свѣтъ Апраксію.»
И говоритъ ему мать таковы слова:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
— Молодой ты боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣзди ты во Кіевъ градъ:
— Живутъ тамъ люди лукавые,
— Изведутъ тебя, добраго молодца,
— Бывъ хорошаго наливнаго яблока.—
И говоритъ Дюкъ матери:

« Государыня свѣтъ, моя матушка!
« Дашь, мать, прощенье, поѣду,
« И не дашь прощенья, поѣду.»
И давала ему матушка прощенье и благословенiе,
И давала плеточку шелковую.
Поклонъ Дюкъ отдалъ и прочь пошелъ,
Ходилъ на конюшню стоялую,
И выбиралъ жеребца себѣ неѣзжана,
Изъ ста бралъ Дюкъ, не изъ тысячи;
Выбиралъ себѣ бурушка косматаго:
У бурушки была грива трехъ локотъ,
Хвостъ былъ у бурушки трехъ саженъ,
Шерсточка была у бурушки трехъ пядей,
На всѣ стороны разсыпается,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Уздалъ узду ему точмянную,
И сѣдлалъ сѣделышко во двѣ тысячи,
Накинулъ попону не суреднную:
Срочена была попона въ три строки,
Перва строка была красна золота,
Другая строка чиста серебра,
Третья мѣдью-казаркою,
Которая мѣдь подороже злата и серебра,
Подороже скатнаго жемчуга:
Дорога была попона во три тысячи.
И снарядилъ Дюкъ лошадь богатырскую,
Отходилъ прочь и самъ посматривалъ,
Головой качаетъ, приговариваетъ:
« Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь:
« Подъ прягу добра коня не видѣти. »
Въ тороки кладетъ Дюкъ платье цвѣтное,
Въ тороки кладетъ калены стрѣлы,
Скоро дѣтина собирается,
Скоро садится дѣтина на добра коня.
Хорошо подъ нимъ добрый конь повыскочилъ
Черезъ стѣну-мать городовую

И чрезъ высокую башню наугольную.
И хорошо пошелъ въ полѣ добрый конь:
Мети мечетъ (*) конь по версты,
Мети мечетъ по двѣ версты,
И мети мечетъ по три версты,
По три версты и по пяти де верстъ,
И повыше дерева жаровчата,
И пониже облака ходячаго;
Рѣки и озера между ногъ спустилъ,
И гладкіе мхи перескакивалъ,
Сине-то море кругомъ де ѣхалъ.
Налетала на молодца Горынь-змія,
О двѣнадцати главахъ зла-лиха,
Хоботомъ хочетъ добра коня огнемъ сожечь
Съ боярскимъ сыномъ Дюкомъ Степановичемъ,—
Добрый конь у змѣя ускакивалъ
И добраго молодца отъ смерти упашивалъ.
Напалъ на молодца лютый звѣрь
И хочетъ добра коня схватить-сглотить,—
Добрый конь у звѣря ускакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти упашивалъ.
Налетѣло на молодца стадо грачевъ,
По нашему, стадо черныхъ вороновъ,
И хочутъ вороны молодца расторгнути (**),—
Добрый конь у грачевъ ускакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти упашивалъ.
Проѣхалъ Дюкъ тыя заставы,
На заставу пріѣхалъ четвертую:
Край пути стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ-то спитъ добрый молодецъ,
Старый казакъ де Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ Дюкъ ко бѣлу шатру,
Не съ разума Дюкъ сговорилъ:

(*) Перемахиваетъ участки въ версту

(**) Расторгнути, разтерзать.

« Кто де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ?
« Выходи-ко съ Дюкомъ поборотися
« И поотвѣдати Дюковой храбрости!»
Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
И выходитъ изъ бѣла шатра,
Самъ говоритъ таково слово:
— Смѣю я съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдати Дюковой храбрости.—
Подошла статья Дюка Степановича,—
И падалъ съ коня Ильѣ во бѣлы ноги,
Самъ говоритъ таково слово:
« Одно у насъ на небѣ солнце красное,
« Печетъ во всю землю святорусскую;
« А одинъ на Руси могучь богатырь,
« Старый казакъ де Илья Муромецъ.
« Кто смѣетъ съ нимъ поборотися,
« Тотъ боками отвѣдати матки травы.»
Ильѣ эти рѣчи полюбилися,
Самъ говоритъ таково слово:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Будешь ты во городѣ во Кіевѣ:
— Живутъ тамъ люди все лукавые,
— И станутъ налегать на тебя на молодца,
— То пиши грамотку скорописчату,
— Ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— И растрѣливай стрѣлы во чисто поле:
— У меня летаетъ тамъ ясенъ соколъ,
— Собираетъ стрѣлы со чиста поля.
— Пособлю, дѣтина, твоему горю.—
Поклонъ отдалъ Дюкъ,
Самъ садился на добра коня,
Поѣздку казалъ лучше прежняго.
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву
Чрезъ стѣну-мать городовую.
Чрезъ башню наугольную,

Пріѣхалъ прямо въ палаты княженецкія,
Сходилъ со добра коня,
Становилъ добра коня
Не приказана и не привязана,
И зашелъ Дюкъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны Дюкъ покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли.
Владиміра дома не случилося,
Одни люди ходятъ стряпчіе,
Стряпчіе люди, дворецкіе.
Говоритъ Дюкъ таково слово:
« А гдѣ самъ Владиміръ князь? »
Говорятъ ему люди стряпчіе:
— Удалъ дородній добрый молодецъ!
— Изученіе видимъ твое полное,
— А не знаемъ ни имени, ни вотчины.
— У насъ Владиміра дома не случилося:
— Уѣхалъ ко заутрени Христовскія.—
И больше Дюкъ не разговаривалъ,
Выходилъ на улицу паратную,
Садился Дюкъ на добра коня,
Пріѣхалъ къ собору Богородицы,
Соходилъ онъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня
Не приказана и не привязана.
Пришелъ Дюкъ въ церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду Владыку Черниговa,
И промежду Бермяты Васильева,
И промежду Чурила Пленковича;

Кланяется да поклоняется,
Самъ посматриваетъ:
« Погода-та, братцы, весенняя: »
« Обрызгалъ свое платье цвѣтное. »
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Скажись, удалый добрый молодецъ!
— Какой орды, какой земли,
— Тебя какъ молодца зовутъ по имени?—
Говоритъ Дюкъ, отвѣтъ держитъ:
« Свѣтъ Государь Владиміръ князь!
« Есть я изъ города Галича,
« Изъ Волынь земли богатыя,
« Изъ той Карелы упрямыя,
« Изъ той изъ Сорочины широкія,
« Изъ той Индіи богатыя,
« Молодой боярской сынъ ,Дюкъ Степановичъ:
« На слову (*) пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ. »
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Скажи, удалый добрый молодецъ!
— Давно ли ты изъ города Галича?—
« Я вечерню стоялъ во славномъ Галичѣ,
« Ко заутренѣ поспѣлъ въ славенъ Кіевъ градъ. »
Слушаютъ князи и бояра:
— Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Много ли отъ Кіева до Галича разстоянія?—
Говорятъ князья и бояра:
« Прямымъ ходомъ на три мѣсяца,
« А окольней дорогой на шесть мѣсяцевъ:
« Были бы де кони перемѣнные,
« Съ коня на конь де перескакивать;
« Изъ сѣдла въ сѣдло переметывать. »
Говоритъ Государь Владиміръ князь:
— Скажи удалый добрый молодецъ!

(*) На славу, по слуху о славѣ Кіева.

— Дороги ли у васъ кони во Галичѣ?—
« Есть у насъ кони и по рублю,
« Иная лошадь есть и за два рубли,
« Есть по сту и по два и по пятисотъ;
« А моему добру коню
« Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю.»
Говорятъ тутъ князья и бояра:
— Свѣтъ Государь Владиміръ князь!
— Не бывать тутъ Дюку Степанову,
— Только быть мужиченку засельщику
— И быть деревенщины:
— Жилъ у купца-гостя торговаго
— И укралъ у него платье цвѣтное;
— Жилъ у иного у боярина,
— Угналъ у боярина добра коня;
— На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,
— Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
— Надъ нами, боярами, пролыгается.—
И отстоявъ они во церкви Божіей заутреню
Со обѣднею и святые честные молебены,
И выходили на улицу паратную.
На улицы стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Смотрятъ на лошадь богатырскую
И на его снаряды молодецкіе.
Садилися по добрымъ конямъ,
Поѣхали ко высокому терему,
Ѣдетъ Дюкъ де, головой качаетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Моцены мосты были все дубовые,
« Сверху стланы сукна багречевыя,
« Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
« За лопатниками пойдутъ метельщики,
« Очищаютъ дорогу сукна стланаго;

« А твои мосты, сударь, неровные,
« Неровные, все сосновые.»
Пріѣхали ко широку двору,
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« А у Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Надъ воротами было иконъ до семидесяти,
« Всѣ иконы были на золотѣ;
« А у тебя, Владиміръ, десятка нѣтъ.»
Заѣхали на широкій дворъ,
Головой качаетъ Дюкъ, поговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
« Продернуты кольца позолоченыя,
« Разоставлена сыта медвяная,
« Есть насыпана пшена бѣлоярая,
« Есть что добрымъ конямъ пить и кушати.—
« А у тебя, Владиміръ, того не случилося.»
Пришли во высокъ теремъ,
Садились за столы бѣлодубовые,
Понесли по чаркѣ зелена вина.
Пьетъ Дюкъ да головой качаетъ,
Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« А у Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Глубокіе погреба сорока саженъ
« Были въ землю копаны,
« Зелено вино на цѣпяхъ виситъ серебряныхъ,
« Были въ поля трубы понаведены:
« Повѣетъ вѣтеръ со чиста поля,

« Пропоситъ затохаль великую;
« А твое, сударь, горькое зелено вино,
« Пахнетъ на затохаль великую. »
И понесли послѣдню яству-колачики крупивчаты,
Головой качаетъ, Дюкъ проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Колачикъ съѣси, а другаго хочется;
« Твои, сударь, горькіе колачики
« Пахнутъ на фою (*) сосновую. »
И тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говоритъ таково слово:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Когда правдой дѣтина похваляется,
— Пусть ударитъ со мною о великъ закладъ:
— Щепить-басить по три года
— По стольному по городу по Кіеву,
— Надѣвать платье на разъ,
— На другой платье не перепанивать.—
И ударились они въ великъ закладъ,
Порокъ (**) поставили пятьсотъ рублей:
Который изъ нихъ не перещепитъ,
Съ того взять и пятьсотъ рублей.
По Чурилѣ сынѣ Плешковичѣ
Всѣмъ городомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился князь со княгиною;
А по Дюкѣ никто не ручается,—
Набиралось голей кабацкихъ до пятисотъ,
По Дюкѣ болѣ всѣ ручаются.

(*) Хвою.

(**) Порукъ, заклада.

Дюкъ тому догадается,
Скоро садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые,
Ко стрѣламъ ярлыки припечатывалъ,
Разстрѣливалъ стрѣлы во чисто поле.
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Не ясенъ соколъ налетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ напорхивалъ,
Пахалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Но Дюкѣ Илья ручается:
Подписалъ коня и свою голову.
И стали они щепить и басить
По стольному городу по Кіеву.
Чурило сынъ Пленковичъ
Обулъ сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яйцомъ кати;
Надѣлъ онъ шубу-то соболью:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завѣсисту:
Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
По Кіеву не снаряденъ шелъ:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого каменье все яхонты,—
Который же камень самоцвѣтный
Стоилъ города всего Кіева,
Опричь знаменья Богородицы
И опричь прочихъ святителей;
И надѣта была у него шуба-та расхожая:
Во пуговкахъ литы люты звѣри,

Во петелькахъ шиты люты змѣи,
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ,
Засвистали во петелькахъ люты змѣи.
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго,
Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Старый и малый на землѣ лежитъ;
Только малые люди оставалися,
За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулися:
« Тебѣ спасибо, удалый дородній добрый молодецъ!
« Перещепилъ ты Чурила сына Пленковича. »
Тогда онъ взялъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Купилъ на пятьсотъ зелена вина
Своимъ голямъ порутчикамъ:
Тогда голи всѣ возрадовалися.
Но тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говорилъ таково слово:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Когда онъ правою дѣтина похвалится,
— Пошлемъ мы туды переписчика,
— Во славную Волынь землю,
— Житья его, богачества описывать.—
« Кого намъ послать переписчикомъ?»
— А пошлемъ мы Добрынюшку Никитьевича.—
И поѣхалъ Добрыня во Галичъ градъ,
Житья его богачества описывать;
И пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,
И зашелъ во высокъ теремъ,
И крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется

Желтыми кудрями до сырой земли.
Сидитъ жена стара матера,
Мало шелку вся въ золотѣ,
И говоритъ Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« Понизку велѣлъ поклонъ поставити.»
И говоритъ жена стара матера:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины,
— А изученье вижу твое полное.
— А не Дюкова я здѣсь есть матушка,
— А Дюкова есть здѣсь колачница.—
И тутъ Добрынѣ стало зазорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную,
На утро пріѣхалъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,—
Не видалъ теремовъ такихъ на семъ свѣтѣ,—
Зашелъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется да поклоняется
На всѣ четыре на сторонушки
Желтыми-то кудрями до сырой земли:
Сидитъ жена стара матера,
Мало шелку, а вся въ золотѣ.
Говорилъ Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй же, Дюкова ты матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« И по низку велѣлъ поклонъ поставити.»
Говоритъ старуха таково слово:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
— А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.
— Я не Дюкова здѣсь есть матушка,

— А Дюкова я здѣсь есть бажатушка:
— Не найти тебѣ Дюковой здѣсь матушки.
— На утро у насъ Христово воскресенiе.
— И стань на улицу паратную,
— Гдѣ настланы сукна багречевыя;
— Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ метельщики,
— Очищаютъ дорогу сукна слтанаго;
— И потомъ пойдетъ толпа де вдовъ,
— Потомъ пойдетъ уже другая толпа
— Подсолнечныхъ сорока сажень.
— Умѣй, дѣтина, поклонятися.
— Пойдетъ тутъ Дюкова-та матушка.—
И тутъ Добрынѣ стало зазорно,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную.
И на утро онъ пріѣхалъ во Галичъ градъ
И сталъ на улицу паратную,
Гдѣ-ка стланы сукна багречевыя.
Напередъ пошли тутъ лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Очищали дорогу сукна стланаго;
Потомъ пошла уже толпа де вдовъ,
Поклонъ отдалъ, да и прочь отсталъ;
Потомъ пошла уже другая толпа
Подсолнечныхъ сорока сажень.
Умѣетъ Добрыня покланятися
Желтыми-то кудрями до сырой земли,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитiе,
« Но низку велѣлъ поклонъ поставити. »
И говорила Дюкова матушка:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
— А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.

— Сегодня у насъ Христово Воскресеніе:
— Пойдемъ въ Божью церковь
— И простоимъ обѣдню воскресную;
— Заберу молодца тебя въ высокъ теремъ,
— Напою-накормлю хлѣбомъ-солію. —
И пошли они въ Божью церковь,
Простояли обѣдню воскресенную,
И забрала молодца во высокъ теремъ,
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
И выходилъ Добрыня изъ-за стола изъ-за дубоваго,
И самъ говорилъ таково слово:
« Государыня свѣтъ ты, Дюкова матушка!
« Я вѣдь пріѣхалъ сюда не тебя смотрѣть,
« Житья твоего, богачества описывать:
« Приразхвастался твой сынъ Дюкъ у насъ богачествомъ:
И скоро старуха брала золотые ключи
И вела въ амбары магазейные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе:
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ товарамъ и смѣты дать;
Привели въ погребы темные,
Гдѣ-ка складена деньга нехоженая;
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ деньгамъ смѣты дать.
Садился Добрыня на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые
И самъ говорилъ таково слово:
« Да намъ изъ города изъ Кіева
« Вести бумаги на шести возахъ,
« Да чернилъ вести на трехъ возахъ,
« Описывать Дюково богачество,—
« Да не описать будетъ.»
Прощался Добрыня съ Дюковой матушкой
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ Добрыня во Кіевъ градъ,
А ярлыки на дубовъ столъ клалъ:

И тогда Дюкова правда сбывается,
Будто вешня вода разливается.
Ишъ еще Чурилу стало зазорко,
И самъ говорилъ таково слово:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
— Когда онъ правдой дѣтина похваляется,
— Такъ и пусть ударитъ со мной о великъ закладъ:
— Скакать черезъ матушку чрезъ Почай рѣку
— На добрыхъ коняхъ и назадъ отскакивать.—
И ударились они о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
А ударились о своихъ буйныхъ головахъ:
Который изъ нихъ не перескочитъ,
У того голова срубить.
Чурило-то сынъ Пленковичъ
Выводилъ Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ самолучшаго,
Разганивалъ и разъѣзживалъ
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля.
Молодой боярской сынъ Дюкъ Стенановичъ
Не разганивалъ и не разъѣзживалъ,
Съ крутаго берега коня приправливалъ,
И скочилъ за матушку Почай рѣку,
И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,
И Чурила къ крутому берегу притягивалъ,
И выдергивалъ саблю острую,
И хотѣлъ ему срубить буйну голову.
И тогда вступился князь со княгинею:
« Удалый дородній добрый молодецъ!
« Не руби ты Чурилы буйной головы,
« Да спусти ты Чурила на свою волю. »
И тогда Дюкъ пялъ Чурила правой ногой,
Улетѣлъ Чурила во чисто поле,
А говорилъ Дюкъ таково слово:
— Ай ты, Чурило сухоногое!
— Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами,

— А не съ нами, съ добрыми молодцами.—
Садился Дюкъ на добра коня,
И самъ говорилъ таково слово:
— Прощай свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь,
— И прощай, княгиня Апраксія,
— И прощайте, бояре всѣ Кіевскіе,
— И прощайте, купцы именитые,
— И прощайте, мужики огородники!—
И поѣхалъ Дюкъ ко городу ко Галичу,
И чрезъ стѣну махалъ прямо городовую,
И чрезъ высоку башню наугольную.
И уѣхалъ Дюкъ во Волынь землю богатую,
Во Волынь землю
И въ славенъ Галичъ градъ.

(Отъ Поромскаго старика.)

—

тоже.

30.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Мы още начнемъ старину стародавнюю.

—

Во той ли во Индеи во богатыя,
Во той ли во Корелы упрямыя,
Въ томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ свой тугой лукъ
И още беретъ тридцать три стрѣлы:
Тридцать стрѣлъ каленыихъ
И три стрѣлы золоченыихъ,
Золоченыихъ и перьями саженыихъ.

А перьямы сажены орловыма,
Не того орла, который летаетъ во чистомъ полѣ,
А того орла, который на синемъ морѣ;
Сидитъ-то орелъ на камени,
На тоемъ на камени на латырѣ;—
Аще тотъ орелъ сворахнется,
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ;—
Тутъ ѣздятъ гости карабельщики,
И берутъ-то перья орловые,
И привозятъ ихъ во подарочкахъ.
И пошелъ-то Дюкъ Степановичъ по заводямъ,
По заводямъ да вѣдь по зарѣкамъ,
И стрѣлялъ гуся и лебедя
И пернастыхъ сѣрыихъ утушекъ.
И разстрѣлялъ-то онъ тридцать три стрѣлы,
И не поналъ онъ ни въ единую.
« Мнѣ не жалко тридцати стрѣлъ каленыихъ,
« А жаль-то мнѣ столько трехъ-то стрѣлъ золоченыихъ,
« Золоченыихъ и перьями сажоныихъ,
« Тыма ли перьямы орловыма. »
И тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ
Во свои палаты бѣлокаменны,
И проходитъ онъ во гридни во столовыя
Ко своей ко матушкѣ Емерѣ Тимофеевной,
И говоритъ таково слово:
« Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
« Я хочу поѣхать ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
« Богу помолиться, князю Владиміру поклониться:
« Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ. »
И говоритъ-то ему матушка:
— Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Эта есть дорожка дальняя:
— Прямою дорогою ѣхать три мѣсяца,
— А окольнею дорогою ѣхать три году;

— А прямой-то дорогою ни конный не проѣзживалъ,
— Ни пѣшій не прохаживалъ,
— Ни звѣрь не прорыскивалъ;
— На этой на дорогѣ есть три заставы великія:
— Перва застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава есть пять богатырей:
— Въ первыхъ есть Донской казакъ Илья Муромецъ,
— А второй есть Добрынюшка Никитьевичъ,
— А третій есть Алешинька Поповичъ,
— А четвертый есть Михайла Долгомѣровичъ,
— А пятый—Василей Буславьевичъ (*).—
И тутъ-то пошелъ Дюкъ Степановичъ
По дворамъ да по конюшенкамъ,
Выбиралъ коня себѣ по разуму,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости-то богатырскія;
И выбралъ-то коня бурушка-кавурушка,
Маленькаго бурушка и косматенькаго,
И одѣвалъ-то онъ уздичу тесмяную,
И кладывалъ-то мустукъ (**) золоченыій,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія;
И онъ встегалъ тутъ пряшки-ты серебряны,
И вдергивалъ онъ иглы золоченыя,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.
И онъ ведетъ коня ко крыльцу ко переному,
Ко тому подъѣзду лошадиному,
И привязалъ коня ко столбу точеному, къ кольцу золоченому.

(*) По моему мнѣнію, здѣсь надо быть Василью Игнатьевичу во первыхъ потому, что Василій Буславьевичъ богатырь Новгородскій, а во вторыхъ онъ «удалъ не обычно есть»: по Новгородскому представленію, онъ такие непобѣдимъ, какъ Илья Муромецъ у Кіевлянъ. Развѣ, можетъ быть, тутъ проглядываетъ областное соперничество, и былина нарочно сводитъ удалаго Новгородца Василья Буславьевича съ Д. Ст., чтобы онъ погибъ отъ руки встрѣчнаго заѣзжаго молодца.

(**) Мундштукъ

Онъ проходитъ въ палаты бѣлокаменны
И заходитъ во гридни во столовыя:
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому,—
На всѣ стороны поклоняется,
Своей матушкѣ во особину.
Онъ проситъ у матушки прощеньица и благословеньица
Ѣхать во дальній путь во дороженьку,
Ко тому ко городу ко Кіеву.
И даетъ-то ему матушка
Прощеньице и благословеньице,
И говоритъ-то ему матушка таково слово:
— Ты поѣдешь, мое дитятко,
— Молодой бояринъ ,Дюкъ Степановичъ!
— Ты не дѣлай-ко обиды народу православному
— И не проливай крови неповинныя.—
И тутъ пошелъ-то ,Дюкъ Степановичъ
По палатамъ бѣлокаменнымъ,
И надѣваетъ онъ доспѣхи богатырскіе,
И выходитъ онъ на то крыльцо переное,
И отвязалъ коня отъ кольца золоченаго,
И ступилъ ногою во стремяночку,
И садился онъ во сѣдельнико черкацкое,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ родной матушкой онъ прощается.
Видѣли добраго молодца сядучись,
А не видли добраго молодца поѣдучись,
Столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ.
И поѣхалъ тутъ молодой боярской сынъ ,Дюкъ Степановичъ
Прямою дорогою черезъ три заставы великіихъ.
И пріѣхалъ онъ къ первой заставѣ змѣиноей:
И тутъ змѣи разсержаются,
,Дюка проглотить хотятъ,
А ,Дюкъ Степановичъ сталъ коня понужывать,
Сталъ онъ бурушка подправливать,
А косматенькой сталъ поскакивать,

И тутъ змѣи оставаются.
И пріѣхалъ къ другой заставы звѣриной:
Тутъ звѣри разъяряются,
Съ двухъ сторонъ приближаются;
Дюкъ коня останавливаетъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И накладываетъ на тугой лукъ,
И пустилъ онъ стрѣлу на лютыхъ звѣрей:
Стрѣла-та летитъ,
А звѣрей какъ косой коситъ,
И тутъ проѣхалъ Дюкъ заставу звѣриную.
И пріѣхалъ къ третьей заставы великой,
Гдѣ есть пять сильныхъ, могучихъ богатырей,
И выходитъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ;
И тутъ видитъ Дюкъ Степановичъ
Донскаго казака Илью Муромца,
И сходитъ онъ со добра коня,
Бьетъ онъ челомъ о сыру землю,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты здравствуй, нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ! »
И сталъ тутъ Илья Муромецъ его выспрашивать:
— Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,
— Изъ какой земли, да изъ какой орды,
— Куда ѣдешь, куда путь держишь,
— Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству?—
Тутъ-то Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
« Есть я со Индей со богатыя,
« Съ того города со Волынца,
« Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« А ѣду я ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Въ церквахъ Богу помолиться
« И князю объявиться.
« А я ѣхалъ прямою дорогою
« И переѣхалъ я двѣ заставы великіихъ:
« Первую заставу змѣиную,

« А другу заставу звѣриную.»
И говоритъ ему „Донской казакъ Илья Муромецъ:
— Почему ты знаешь и по имени меня называешь?—
И тутъ говоритъ-то молодой боярской сынъ „Дюкъ Степановичъ:
« Потому я знаю тебя,
« Что слава происходитъ про тебя въ городахъ и въ деревняхъ,
« Называютъ тебя сильнымъ и храбрымъ могучимъ богатыремъ,
« И во всемъ свѣтѣ нѣтъ противъ тебя супротивника.»
Это слово Ильѣ полюбилося
И сказалъ ему Илья Муромецъ:
— Ты поѣдешь, удалый добрый молодецъ,
— Молодой боярской сынъ „Дюкъ Степановичъ,
— Ко тому ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру,
— И не будетъ ли тебѣ обиды и притѣсненія,
— И такъ держи къ намъ извѣстіе.—
И тутъ поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
И пріѣзжаетъ онъ ко подъѣзду княженецкому,
Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому,
И онъ приходитъ тутъ во церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Князю Владиміру въ особину.
И тутъ видитъ князь молодца незнакомаго,
Изъ другихъ земель пріѣзжаго;
Оны тутъ Богу помолилися,
И обѣдню простояли воскресенскую,
И выходятъ тутъ изъ церкви-то соборныя,
И сталъ-то тутъ князь его выспрашивать:
« Ты скажи-тко, удалой доброй молодецъ,
« Изъ какой земли да изъ какой орды,

« Я вижу лицо твое да незнакомое,
« И още скажи, какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству,
« Куда ѣдешь, куда путь держишь?»
185. Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
— Я есть изъ дальнихъ странъ молодецъ,
— Изъ той-ли изъ Индеи изъ богатоей,
— Изъ того города со Волынца,
— А по имени зовутъ и по отечеству
190. — Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
— И я прослышалъ про славный Кіевъ градъ:
— Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ.—
Еще сталъ князь его выспрашивать:
« Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,
195. « Долго-ли ты ѣхалъ изъ Индеи изъ богатыя
« И которою ѣхалъ дорогою?»
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Я поѣхалъ изъ Индеи изъ богатыя послѣ заутрени,
— А пріѣхалъ я сюда къ рашія обѣдни;
200. — А ѣхалъ я прямою дорогою
— И переѣхалъ я черезъ три заставы великіихъ:
— Перва застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава—пять богатырей,
205. — И видѣлъ я Донскаго казака Илью Муромца.—
И говоритъ ему Владиміръ князь:
« Пойдемъ-ко ты, удалый добрый молодецъ,
« Ко мнѣ въ палаты пообѣдати,
« Хлѣба-соли покушати.»
210. И пошли они отъ церкви-то соборныя,
Дюкъ Степановичъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И пришли они на княжей дворъ,
Дюкъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И приходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны
215. И во ты-ли во гридни во столовыя,
Самъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Князю со княгинею въ особину.
И садился они за столы-ты за дубовыи,
За скатерти за браныя,
Ѣдятъ-пьютъ-кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
И тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ чары зелена вина
И подноситъ Дюку Степановичу,
Онъ полчарки пьетъ, друго такъ кладетъ;
И наливаетъ стаканъ меду сладкаго,
Онъ полстаканчика пьетъ, друго такъ кладетъ;
Поднесли ему калачики крупивчатыи,
Онъ полкалачика ѣстъ, друго такъ кладетъ.
И тутъ говорятъ князи да бояра:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ ,Дюкъ Степановичъ!
« Ты пошелъ-то отъ церкви соборныя на княжей дворъ,
« Самъ идешь да головушкой покачиваешь;
« И ты прошелъ въ палаты бѣлокаменны
« И во тыя-ль во гридни во столовыя,
« Самъ идешь да головушкой покачиваешь;
« И сѣлъ за столы за дубовыя,
« И чару тебѣ поднесли зелена вина,
« И ты полчарочки пилъ, друго такъ положилъ;
« И поднесли тебѣ стаканъ меду сладкаго,
« И ты полстаканчика пилъ, друго такъ положилъ;
« Поднесли тебѣ калачики крупивчатыи,
« Ты полкалачика ѣлъ, друго такъ положилъ.»
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— У васъ все не по нашему:
— Я подъѣхалъ ко подъѣзду княженецкому,
— Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому;
— У насъ столбики точеные, верхи и кольца золоченые.
— И мы пошли отъ церкви-то соборныя,—
— У васъ все не по нашему:

— Дорожки не разчищены,
— Желтымъ пескомъ не засыпаны,
— Ковры да сукна не подосланы;
— У насъ дорожки-ты разчищены,
— Желтымъ пескомъ призасыпаны,
— И сукна-ты подосланы, сукна одинцовыи,
— А по крыльцамъ и по ступенькамъ ковры все шелковыи,
— Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ,
— А по обѣ стороны разсажены-сады виноградные.
— У васъ все не по нашему:
— И мы пришли на княжей дворъ,
— У васъ ворота-ты сосновыя,
— А на дворѣ хоть медвѣдь ногу ломи;
— У насъ ворота кости слоновыя,
— А въ воротахъ столбы-ты золоченыи,
— Дворы-ты у насъ убраны,
— Ковры и сукна-ты подосланы,
— Ковры-ты шелковыи,
— Сукна одинцовыи,
— Конюхи и дворники по двору гуляютъ,
— Въ бабки и шашки играютъ.
— У васъ все да не по нашему:
— Мы шли въ палаты бѣлокаменны,
— У васъ ступени изъ чернаго каменя,
— А поручени у васъ точеныя;
— А у насъ ступеньки кости слоновыя,
— И подосланы ковры-ты шелковыи,
— Поручени точеныя и вовсе золоченыя.
— И пришли-то мы во гридни во столовыя:
— У васъ мосты сосновыи,
— Стѣны и потолки у васъ не росписаны,
— Столы у васъ дубовыи,
— Скатерти забраныя;
— У насъ во гридняхъ во столовыихъ
— Мосты-ты все кленовыи,
— Стѣны-потолки всѣ росписаны,

— У насъ столы кости слоновыя,
— Скатерти у насъ на столахъ шелковыя,
— А по угламъ висятъ кисти золоченыя.
— У насъ вина пьютъ виноградныя,
— Чарочку пьешь, а по другой душа горитъ,
— Стаканъ пьешь меду сладкаго,
— А по другомъ душа горитъ;
— Крупивчатый колачикъ ѣшь,
— А по другомъ душа горитъ.
— У васъ все не по нашему:
— У васъ вина-ты хлѣбныя,
— Меды-ты у васъ кислые,
— А у насъ меды-ты стоялыи.
— У васъ все не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А помяльца-ты сосновыя,
— У васъ колачики на хвойку пахнутъ;
— У насъ печки-ты изразцовыя, карнизы золоченые,
— У насъ помяльцы-ты шелковыя,
— А помяльца-ты мочятъ въ меды стоялыи,
— Потому колачикъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ.
— У васъ все не понашему:
— Какъ идетъ-то Владиміръ князь ко церкви-то соборныя,
— По дорожкѣ у васъ сукна-ты не слашыя,
— А у князя сапожки на ножкахъ сафьянные;
— А у насъ-то матушка моя поѣдетъ во церковь-то соборную,
— Впереди идутъ лопатники,
— Во слѣдъ идутъ метельщики,
— Опце идутъ постельщики:
— Лопатчики дорожку разгребаютъ,
— А метельщики песочкомъ посыпаютъ,
— А постельщики по дорожкѣ сукна постилаютъ,
— И все сукна одинцовыя,
— А по ступенькамъ стелютъ ковры-ты шелковыи,

— Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ;
— А у матушки нижняя одежа дорогой камки,
— Верхняя одежа золотой парчи,
— На головушкѣ шляпа изъ крупнаго жемчуга,
— Спереди положенъ камень самоцвѣтный,
— Лапотики на ножкахъ плетеные,
— Плетеные изъ семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А въ носики вставлено по славному по каменю по яфонту.
— И тутъ няньки напередъ идутъ,
— А служанки подъ руки ведутъ.—
И тутъ говоритъ-то Владиміръ князь:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле—
« Съ нашими богатырями силы поотвѣдати. »
Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
— Я още витязь молодый,
— Съ вашима богатырями незнакомый,
— Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли.—
И тутъ съѣхалось на княжей дворъ,
Сильныихъ могучіихъ богатырей:
Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
А во вторыхъ Добрынюшка Никитьевичъ,
А третій Олешинька Поповичъ,
Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
Пятой Василій Буслаевичъ,
Шестой Чурилушка Щепленковичъ,
Седьмой Иванъ сынъ Годиновичъ.
Тутъ садилися они да на добрыхъ коней,
И поѣхали они во чисто поле.
И тутъ сѣдлаетъ коня Дюкъ Степановичъ
И надѣваетъ на себя всѣ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ на добра коня,
И тутъ поѣхалъ съ нимъ Владиміръ князь
Посмотрѣть на дѣло ратное, на побоище смертное.
Не ясные соколы по полю летаютъ,

А сильніи могучіи богатыри разъѣзжаютъ.
И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
Онъ бурушка подправливаетъ,
Косматаго понуживаетъ,
И столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ,
А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
Не два ясныхъ сокола слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:
Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,
А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
И оборачиваетъ копье тупымъ концомъ,
И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь,—
И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
И палъ на землю, что овсяный снопъ.
И подъѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владиміру,
Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,
И князь его выхваляетъ.
Тутъ ѣхать ли-не ѣхать Василью Буславьевичу.
Тутъ не два орла слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:
Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;
Другъ друга оны ударяютъ,—
У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;
И другой разъ разъѣзжаются,—
У Дюка сердце разгоряется,
А Василій на Дюка разъярлется,
А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,
И тутъ палъ-то Василій о сыру землю.
И тутъ-то Дюкъ разъѣзжается,
А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
Съ княземъ Владиміромъ прощается и съ богатырями;
И тутъ-то онъ разъѣзжается,
И съ Дюкомъ-то онъ сражается,—
Дюку-то онъ покоряется,
И мирно поѣхали они ко городу ко Кіеву.
И говоритъ-то Олешинька Поповичъ:

« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Мы поѣдемъ-ко черезъ Ипь-рѣку (*) скакать.»
Олеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣлъ.
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Ты поѣзжай-ко, Олешинька Поповичъ, напередъ,
— А я за тобою вслѣдъ.—
И ѣдутъ они со чиста поля,
Олешинъ-то конь на заднія ноги сталъ,
И въ срѣдину Ипь-рѣки Олеша съ конемъ палъ,
А Дюковъ конь черезъ Ипь-рѣку скочилъ,
А Дюкъ Олешу за волосы рукою хватилъ,
И на другую сторону Ипь-рѣки перетащилъ,
И Дюкъ оборотился ко князю Владиміру,
Бьетъ-челомъ да поклоняется,
А князь Дюкомъ похваляется.
И тутъ возговоритъ Чурилушка Щепленковичъ:
« Ужъ ты молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
« Не угодно-ли тебѣ со мною походить,
« Передъ дѣвками пощапить
« И каждый день платье цвѣтное смѣнить?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я ѣхалъ не для того въ поле:
— Съ богатырями штурмовать,
— И черезъ Ипь-рѣку скакать,
— И още передъ дѣвкамы щепить;
— Я думаю, такъ вы надо мною насмѣхаетесь,
— На мои слова не увѣряетесь:
— Если хочете городъ нашъ узнать,
— Надоть на три дни сроку дать.—
И още говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Съ моего коня сѣдло не сымается,
— Тутъ пущай-ко, Добрынюшка Никитичъ въ дорожку снаряжается.—

(*) Т. е. Днѣпръ-рѣку.

А Дюкъ Степановичъ сталъ писать ярлыки скорописаны
Своей матушкѣ Емерѣ Тимофеевной,
Бьетъ челомъ да поклоняется:
— Ужъ ты, матушка Емерѣа Тимофеевна!
— Какъ пріѣдетъ нашъ скорой посолъ,
— И ты прими его какъ сына своего,
— Хлѣбомъ-солью угости;
— А въ чемъ я тебя прошу, то все съ нимъ отпусти.—
И още-то Дюкъ Степановичъ
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Пишетъ другой ярлыкъ да скорописаный:
— Ужъ ты, матушка Емерѣа Тимофеевна!
— Ужъ какъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
— Бьетъ челомъ да поклоняется.
— Ужъ ты, матушка Емерѣа Тимофеевна!
— Ты пришли-тко мнѣ платье цвѣтное на цѣлый годъ,
— На каждый день платье смѣнное.—
И тутъ Добрынюшка снарядился,
И на Дюкова коня-то онъ садился,
И на всѣ стороны поклонился.
Видѣли добраго молодца сядучись,
А не видѣли поѣдучись,
Столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ.
И пріѣхалъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Въ эту во Индею во богатую,
Во тотъ ли городъ городъ во Волынецъ,
Ко тому двору ко боярскому,
Ко этому подъѣзду лошадиному,
Ко тому столбу точеному, къ кольцу золоченому.
И видитъ Добрынюшка, тутъ все не по нашему:
Тутъ дворы все разглажены,
Тутъ ковры и сукна все разосланы,
Дворники и конюхи по двору гуляютъ,
Въ бабки и шашки играютъ.
И приходитъ тутъ Добрынюшка въ палаты бѣлокаменны,
И заходитъ во гридни во столовыя,

Самъ идетъ да вѣдь дивуется.
Тутъ все не по нашему:
Тутъ мосты-то кленовыи,
Стѣны и потолки все росписаны,
Печки изразцовыя, карнизы золоченыи,
Тутъ столы стоятъ кости слоновыя,
Скатерти на столахъ все шелковыя,
А по угламъ висятъ кости золоченыя. . . .

(Отъ крестьянина Г. Ѳедотова.)

—

31.

тоже.

[Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.]

Изъ того ли изъ города изъ Кориги изъ богатыя,
Изъ той ли изъ Индеи изъ широкія,
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
По тѣмъ ли по мелкіимъ по заводямъ
И по тѣмъ ли луговьямъ по зеленыимъ; (1)
И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ полѣ себѣ супротивника,
Только слышалъ въ далекѣ-далечѣ чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
« Кіевъ градъ на красы стоитъ,
« На красы стоитъ да упечечьи,
« Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ.»
И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:
« Не честь-хвала мнѣ молодецкая
« Поѣхати богатырю безъ того прощенья безъ материна.»
И повернулъ онъ бурушка косматаго
Ко тому ли ко граду ко Галичу
И ко той ли ко Индеи широкія,
И отстоялъ раннюю заутрину воскресную
Во томъ ли городѣ въ Коригѣ богатыя,

Во той ли во Индеи широкія,
И проситъ у матери прощеньица:
« Свѣтъ государыня матушка,
« Честна вдова Авдотья Даниљевна!
« Да-ко ты мнѣ-ка прощеньице
« И да-ко ты мнѣ-ка благословеньице,
« Мнѣ съѣздить богатырю
« Ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко тому ли ко князю ко Владиміру
« И поразъѣздить мнѣ бурушка косматаго,
« И утѣшить мысли молодецкія,
« Разтаскать мнѣ плечи богатырскія. »
Какъ видѣли Дюкушка сядучись,
Не видѣли удалаго уѣдучись.
Не бѣлый крычь перелетываетъ,
А не ясенъ соколъ да перепархиваетъ,
Во далечѣ-далечѣ во чистомъ полѣ
Ѣдетъ богатырь повыше дерева жароваго,
А пониже облака ходячаго.
Какъ будетъ богатырь подъ городомъ подъ Кіевомъ,
И увидѣлъ богатырь во чистомъ полѣ
Тоненькой, новенькой бѣлъ шатеръ:
Спятъ русскіе могучіе богатыри,
Спитъ дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ,
Спитъ старый казакъ да Илья Муромецъ.
И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:
« Я проѣду русскихъ могучихъ богатырей,
« Имъ запреку (*) будетъ за великую,
« За досаду будетъ за немалую.
« Я спущусь на матушку на сыру землю,
« Я пріѣду къ нимъ да ко бѣлу шатру. »
И сопущается богатырь на сыру землю,
И пріѣзжаетъ онъ да ко бѣлу шатру,
И сопущается богатырь со добра коня,

(*) Отъ корня перечить,—въ упрекъ, въ укоръ.

И подходитъ онъ ко бѣлу шатру,
И самъ говоритъ таково слово:
« Здравствуйте, удалы добры молодцы,
« Русскіе могучіе богатыри,
« Дядюшка Самсонъ да сынъ Михайловичъ,
« Здравствуй, старый казакъ Илія Муромецъ! »
Илья Муромецъ со сна пробуждается,
И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли и коей орды,
— Тебя какъ, удалый, именемъ зовутъ,
— Жалуютъ тебя да поотечеству?
— Есть ли у тебя охота горитъ ли душа
— Со мной богатыремъ зборотися?—
И говоритъ молодой Дюкъ Степановичъ
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Нѣту съ тобой да супротивника
« Но матушкѣ по святой Руси:
« Одинъ у насъ богатырь по святой Руси—
« Старый казакъ Илья Муромецъ:
« Не кому съ тобой да вѣдь боротися. »
Эти рѣчи ему да полюбилися:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Теперь будешь ты во городѣ во Кіевѣ,
— Тамъ есть русскіе могучіе богатыри:
— Чурила Пленковичъ, молодой Добрынюшка Никитинычъ,
— Олеша Поповичъ пустохвастишко,—
— Не станутъ ли обижать, сюда вѣсть держи.—
Видѣлъ Дюкушка сядучись,
А не видѣлъ отъ шатра уѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ,
У той стѣны у городовыя,
Не воротами ѣхалъ, приворотками,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Чрезъ тыя башни наугольныя,

Тупымъ концемъ воткнулъ копье во сыру землю,
Шелковый поводъ на злаченый гвоздь,
И самъ говоритъ таково слово:
« Здравствуйте, царевы приворотники!
« Дома ли Владиміръ князь стольне-Кіевскій?»
— Ушелъ онъ къ ранней къ обѣденькѣ.—
И пошелъ молодой Дюкъ Степановичъ
Ко той ко церкви ко соборныя,
Почастешеньку на шубоньку поглядываетъ
И на свои на сафьянные сапоженьки:
На молодцѣ шуба соболиная,
Того ли-то соболя заморскаго,
Заморскаго соболя ушистаго,
Ушистаго соболя пушистаго;
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Носы-поносы шиломъ, пяты вострые,
Около носовъ хоть яицомъ покати,
Подъ пяту, пяту воробеюшки летятъ,
Воробеюшки летятъ, перепархиваютъ.
Пришелъ онъ во церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому (2),
И становился въ мѣсто небольшее,
По лѣву руку князя Владиміра,
И отстоялъ раннюю обѣдню воскресную.
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Ты прими меня удалаго дородня добра молодца
« Въ свои палаты да бѣлокаменныя.»
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Тебя какъ удалый именемъ зовутъ?—
Возговорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ города съ Кориги изъ богатыя,
« Изъ той ли изъ Индеи широкія,
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»

И возговоритъ молодой Шатенька, племянникъ княжескій:
— Ай же ты, любезный дядюшка,
— Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Не молодой тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Есть тутъ удалая скоморошина:
— Онъ угналъ у боярина добра коня,
— Укралъ онъ шубу соболиную,
— Унесъ онъ сапожки сафьянные.—
Пошли изъ церкви соборныя,
И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Какъ у меня во Волынцѣ городѣ во Галицѣ:
« Во Волынь землѣ, во богатой орды,
« Во той ли Индеи широкія,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Какъ построены были церкви соборныя,
« Исподведены звоны колокольные,
« И къ церквамъ-то къ соборнымъ,
« Устланы сукна багрянтовыя,
« Испосыпаны песками рудожелтыми.
« А у вашего князя Владиміра ничего нѣтъ. »
И подходятъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ:
« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня въ Волынцѣ-то въ городѣ во Галицѣ,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Построены тридцать три терема златоверхіе;
« И въ сѣни зайдешь во рѣшатчаты,
« Въ други зайдешь частоберчатыя,
« А въ третьи зайдешь въ стекольчатыя;
« Въ теремы зайдешь златоверхіе,
« На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
« На небѣ зори, и въ теремѣ зори,
« Все-то въ терему по небесному. »
И поддернули подъ него золотъ стулъ,
И поддернули дубовый столъ,
И поставили ему напитки пить, да кольчики ѣсть;
Онъ вынималъ съ кармана свой булатній ножъ,

Верхнюю корочку обрѣзываетъ, на столъ кладетъ,
А нижню корочку подъ столъ мететъ,
А изъ стакана сверху льетъ, а середку пьетъ,
А остатки въ стаканѣ оставляетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня во Волынцѣ во городѣ во Галицѣ,
« Во той ли Индеи во широкія,
« Печка-то была муравленая,
« Помельцо-то было шелковое;
« Спекутъ колачики крупивчатые,
« Колачикъ-то съѣшь, а по другомъ душа горитъ.
« Горитъ душа, а третьяго хочется;
« А напитки-то также: стаканчикъ пьешь,
« А по другомъ душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьяго хочется.
« У вашего князя Владиміра
« Верхняя корка пахнетъ на кору сосновую,
« А нижняя пахнетъ на землю,
« И напитки ваши такіе же.»
На ту пору да на то время,
Отворилася дверь дубовая,
Тая ли гридня столовая,
Идетъ молодой Чурила Пленковичъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю Владиміру въ особину,
А Дюку Степановичу не поздравствовалъ.
И возговорилъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
« Эта слава шла про Чурилушку Пленковича не ложная,
« Что шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
« Личико у Чурилушки будто маковъ цвѣтъ;
« А эта славушка про Чурила шла ложная,
« Что умѣетъ Чурилушка честь отдать и поздравствовать.»

Тутъ завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ
На многіе князи, на бояре,
И на всѣ поленицы удалые.
И всѣ на пиру пьяны и веселы,
И всѣ на пиру да поразхвастались:
Умный хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Сидитъ Дюкъ Степановичъ ничѣмъ да не хвастаетъ.
И возговоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
« Что же ты, молодой бояринъ ничѣмъ не похвастаешь?
« Развѣ мнѣ похвастать, Владиміръ князь,
« Своимъ городомъ Коригой богатымъ?
« Вашъ въ городѣ Кіевѣ гостиный рядъ продать,
« Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать. »
И наклали бумаги три воза,
И посылаютъ Алешу Поповича
Описать имѣніе Дюка Степановича.'
И говоритъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
« Не посылайте вы Олешу Поповича:
« Поповски глаза завидливы, на мой животъ обзарятся;
« Вы пошлите Добрыню Никитича. »
И будетъ Добрынюшка во городѣ Коригѣ богатыя,
Во той ли во Индеи широкія,
Стоитъ тридцать три терема,
Вершки свиваютъ въ одно мѣсто.
И приходитъ въ терема златоверхіе,
Увидалъ тамъ женщину въ златѣ и серебрѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
« Я не Дюкова матушка,
« Я есть Дюкова коровница. »
Приходитъ онъ въ другой теремъ,
Увидалъ женщину въ златѣ и серебрѣ:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
Она ему говоритъ таково слово:
« Я не Дюкова матушка,

« Я на Дюка хлѣбы пеку.»
И увидалъ третью женщину и поздравствовалъ.
Она ему говоритъ таково слово:
— Я не Дюкова матушка,
— Я есть Дюкова наложница.—
И сталъ Добрынюшка спрашивать.
« Гдѣ Дюкова матушка?»
— А Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла,
— А постой у церкви у соборныя:
— Пойдетъ двадцать человѣкъ лопатниковъ,
— Пойдетъ двадцать человѣкъ метельниковъ,
— Пойдетъ двадцать человѣкъ, станутъ сукна стлать,
— И поведутъ изъ церкви Дюкова матушку.—
Пошли изъ церкви двадцать человѣкъ лопатниковъ,
Пошли двадцать человѣкъ метельниковъ,
Пошли двадцать человѣкъ, стали сукна стлать,
И повели изъ церкви изъ соборныя Дюкову матушку.
И подошелъ Добрынюшка Никитичъ поблизехонько:
« Здравствуешь, Дюкова матушка!»
И говоритъ Дюкова матушка:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И гдѣ моего Дюка Степановича видѣлъ?—
« Твой Дюкъ Степановичъ во городѣ во Кіевѣ,
« Похвасталъ животомъ на честномъ пиру:
« Послали меня вашего живота описывать.»
И брала его за ручки за бѣлыя,
Вела въ терема златоверхіе.
И поддернули подъ него золотъ стулъ,
И поддернули дубовый столъ,
И принесли ему колачики ѣсть:
Онъ колачикъ съѣлъ, а по другомъ душа горитъ,
А третьяго хочется;
И принесли напитки пить:
Онъ стаканчикъ пьетъ, по другомъ душа горитъ,
А третьяго хочется.
И повела его живота казать,

Стала погреба отворять:
И въ погребахъ висятъ бочки на цѣпяхъ
Красна золота да чиста серебра,
Какъ бѣлы лебеди гычутъ.
Не то Добрынюшкѣ описать,
Ума рѣшился, глядя на Дюковъ животъ.
И въ этихъ тридцати трехъ теремахъ,
У каждаго окна сидятъ счетчики, казну сводятъ,
Другъ про дружку не знаютъ,
Кто сколько казны свелъ.
И поѣхалъ Добрынюшка назадъ во Кіевъ градъ.

(Отъ крестьянина Трофима Романова.)

—

(1) Съ пересказа Л. Богданова.

Послѣ 5-го стиха:

Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Скобочки были серебряныя,
Ободочки были позолоченые;
Шилъ-то шубоньку соболиную
Со тымъ со дорогимъ асамитомъ;
Шилъ-то онъ шапочку пушистую,
Пушистую шапочку, завѣсистую:
Спереду не видать лица румянаго,
А сзаду не видать шеи бѣлыя.
Одѣвалъ онъ шубоньку соболиную
И пошелъ онъ къ заутрени Христосьскія,
Отстоялъ-то заутрину Христосьскую
И пошелъ-то онъ ко домишечку-посельицу,
Ко тому посѣльицу вдовиному;
Приходилъ къ конюшеньку стоялую,
Ко тому ко сивушку косматочку:
У тоголь у сивушка косматочка
Шерсточка серебромъ завивалася,
Грива у него колесомъ стоитъ,

20. Съ ноздрей искры сыпются,
Съ ушей кудревастый дымъ стоемъ стоитъ.

(2) Послѣ 110 ст. (Л. Б.):
Князю Владиміру въ особину,
А князьямъ-боярамъ челомъ не бьетъ,
Челомъ не бьетъ, не кланяется;
Становился онъ во мѣсто большее,
Во большее мѣсто богатырское.

(3) Вмѣсто 129 ст. (Л. Б.):
Мужикъ онъ есть Залисскій,

(4) Послѣ 159 ст. (Л. Б.):
Садился онъ во мѣсто большее,
Во большее мѣсто богатырское.

(5) (Л. Б.):
Ударивши съ Чурилой о закладъ, чтобы носить три года платьица смѣнныя и ѣздить на жеребчикахъ смѣнныихъ, Дюкъ требуетъ изъ дому жеребчиковъ неѣзжаныхъ и нелегченыхъ, на три года снова-на-ново смѣнныихъ. . . .

На послѣдній денечекъ на Дюкѣ одѣта одежа самолучшая:
Какъ поведетъ по пуговкамъ,
Такъ заграютъ черные вороны,
И закукуютъ малыя пташечки,
Сѣрыя уточки невеличушки,
И тутъ нечѣмъ Чурилы хвастати.

—

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

31.

(Пудожскаго уѣзда, Филиппоповской волости.)

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскому,
Щелья-каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинскія.
5. Изъ за той ли горы высокія,

За того ли острова Кодольскаго
Выходитъ-выѣждаетъ душечка, удалый добрый молодецъ,
Младъ Соловей Будиміровичъ,
На тыхъ ли на черныхъ (*) на корабляхъ;
Выходитъ-выбѣгаетъ тридцать кораблей:
На тыхъ-то на корабляхъ тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ безъ едина молодца,
Самъ-то Соловей во тридцатыихъ,
Тридцать одна его матушка родна.
Хорошо корабли изукрашены:
Носъ-корма по туриному,
Широки бока по лосиному,
Парусы крупчатой камки,
Якори на кораблѣ булатніе,
У якорей колечики серебреные,
У колечиковъ кодолы (**) съ семи шелковъ.
Мѣсто руля было повѣшено
По дорогу по соболю заморскому,
Мѣсто бровъ было наведено
По заморской лисицы по дорогой,
Мѣсто глазъ было вставлено
По заморскому камени по яфонту.
Воспроговоритъ младъ Соловей Будиміровичъ:
« Вся моя дружина хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повѣленое
« И слушайте большаго атамана:
« Ставайте во мачты высокія,
« Имайте трубочки подзорныя,
« И глядите во славно во сине море
« Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру
« И наглядите пристань корабельную. »

(*) Вмѣсто черленыхъ.

(**) Толстые канаты.

И ставала тутъ дружина хоробрая
Во тыя во мачты высокія,
И глядѣла во трубочки подзорныя
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
И наглядѣли пристань корабельную.
Скоро будучи они подъ Кіевомъ,
И забѣгали во пристань корабельную.
Сходенку выкидывалъ поволжаную,
Другую выкидывалъ серебряную,
Третью выкидывалъ позолоченую;
Самъ-то идетъ по сходенкѣ позолоченой,
Матушка его по серебреной,
А вся его дружина изъ поволжаной.
Матушка его несетъ подарочки,—
Тую ли камочку заморскую,
Заморскую камочку узорчатую:
Въ золотѣ камочка не согнется,
И гнется камочка, не сломится.
Приходитъ младъ Соловей Гушиморовичъ
Ко тому ли ко Владиміру на широкъ дворъ,
И приходитъ во палату во убраную,
Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на четыре на стороны,
Солнышку Владимиру въ особину.
« Здравствуй, князь стольно-Кіевскій! »
Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгини ко Опраксины,
Подаетъ тую камочку узорчатую.
Принимала молодая княгина Опраксія,
Развернула камочку,—дивуется,
Головушка на плечахъ качается.
Сталъ тутъ Владиміръ выспрашивати:
— Скажись, молодецъ, со коей земли,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,

— И какъ тебя по отечеству?—
« Изъ славнаго моря за Дунайскаго,
« Изъ-за того острова Кодольскаго,
« Душечка удалый добрый молодецъ,
« Младъ Соловей Гудиморовичъ.»
— И зачѣмъ ты сюда побывалъ,
— Торгомъ ли торговать,
— Али гостемъ погостить,
— Али на съѣздъ ко мнѣ?—
Зговоритъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ко ты мнѣ мѣстечко
« (Подлѣ бока и подлѣ себя):
« Есть у тебя любимая племянница,
« Молода Забавушка Путятична,
« У ней есть три сада,
« Дубье-вязье зарощеное.
« Позволь-ко мнѣ исповырубити
« И изъ саду вонъ повыметати,
« Построить мнѣ тамъ ровно три терема.»
Зговоритъ князь стольно-Кіевскій:
— За твои за дороги подарочки,
— За твою рѣчь за умильную,
— Что знаешь, и то теперь дѣлай-ко.—
И пошелъ младъ Соловей Гудиморовичъ
Со своей со родителью со матушкой
И на тые на черные на корабли
Ко своей дружины ко хоробрыя:
« Вся дружина хоробрая!
« Скидывайте вы платья хорошія,
« А надѣвайте вы платья рабочія,
« Имайте вы топорики булатніи,
« И подѣлайте кирочки и лопаточки;
« И дѣлайте дѣло повелѣное,
« А слушайте большаго атамана:
« Изъ тѣхъ изъ зеленыхъ садовъ

« Дубье-вязье повырубите,
« Изъ саду вонъ повымечите;
« Состройте тамъ ровно три терема,
« И со троима со сѣнямы нарядныма,
« Со чистыма окошкамы убраныма.»
Пошла его дружина вся хоробрая,
И дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали большаго атамана:
Дубье-вязье все повырубили,
Изъ саду вонъ повыметали,
Состроили тамъ ровно три терема
Со троима со сѣнямы съ нарядныма,
Со чистыма со окошкамы убраныма.
По утру на день они жить пошли.

—

По утру ставала Забавушка Путятична,
По утру ставала ранешенько,
Умывалась водою бѣлешенько,
Утиралась полотенцомъ сушешенько,
И Господу Богу помолилась,
Глядѣла во косявчато въ окошечко,
Сама счудовалася,
И сама сдивовалася:
— Чудо теперь мое счудилося,
— Вино-пиво теперь воспрокурилося (*):
— Зеленые сады пріочищеные,
— Построено тамъ ровно три терема,
— И со троима со сѣнямы со убраныма.—
Башмачки обувала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,
И приходитъ во тые зелены сады.
И приходитъ ко первому ко терему:

(*) Вышитое пиво-вино теперь ударило въ голову.

Во первомъ терему шепоткомъ говорятъ:
Молится Соловьева матушка
И умоливаетъ за сына за любимаго,
За младаго Соловейка Гудиморова;
Приходитъ ко другому ко терему,
Въ другомъ терему стучитъ и гремчитъ:
Считаетъ Соловей золоту казну;
Приходитъ она ко третьему ко терему:
Играютъ въ гуселка яровчатыя.
Заходитъ она въ бѣлой шатеръ,
Крестъ кладывала по писаному,
И поклоны вела по ученому
И всей его дружины въ особину;
И садилась на брусовую на лавочку
И сидѣла день съ утра до вечера,
И со вечера до полуночи,
А съ полуночи до бѣла свѣту.
А по утру приходитъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Здравствуйте вы, дружина хоробрая!
« Чья у васъ дѣвича непосватанная?»
Ставала Забавушка на рѣзвы ноги.
Поклонилась Забавушка низешенько,
Говорила Забавушка поскорешенько:
— Здравствуй, завѣдій доброй молодецъ!
— Ты молодецъ непожененъ есть,
— А я дѣвича теперь на выдаваньи.—
Говоритъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« А за все тебя, дѣвича, я люблю,
« А за одно, дѣвича, никакъ не люблю:
« А сама себя, дѣвича, просватала.»
Взялъ онъ за ручки за бѣлыя,
Убирался въ платья хорошія,
Пошли они во церковь во Божію,
Принимали они по злату вѣнцу,
Святой крестъ цѣловали тутъ,
Въ тѣ терема возвращалися.

Стали жить и быть они,
Между собой времячко коротати.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской, Потапа Трофимова Потахина.]

—

тоже (*).

33.

(Каргопольскій уѣздъ.)

Рѣки да озера къ Новугороду,
А мхи да болота къ Бѣлу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темные лѣси Смоленскіе,
Высоки горы Сорочинскія,
Широки ворота Чигарицкіе,
Широка мать Волга подъ Казань прошла,
Подалѣ того и подъ Астрахань.
Да изъ-подъ дуба, дуба сыраго,
Изъ-подъ вязу, сподъ чернаго,
Изъ-подъ бѣлаго горючаго сподъ камешка,
Выбѣгала мать Нѣпра рѣка,
Да устьемъ впадала въ море Черное.
За этихъ острововъ Кодольскіихъ
Не тученьки затучивали,
Не сини облаки задергивали,
Бѣжали-выбѣгали тридцать кораблей,
(Тридцать кораблей со единымъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ);
Высокешенько головушка завздынута,

(*) Пропуски этой былины пополнены стихами изъ №№ 53 и 54 I тома и 31 II.

Носъ-корма по звѣриному,
Боки-ты сведены по турицому;
Мѣсто оцей было втерано
По дорогу по каменью по яхонту;
Мѣсто бровей подергивано
По черному соболю Сибирскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По сѣрому по волку по турецькому.
(На томъ ли черленомъ на кораблѣ,
Середи корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравленый.
Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
Со своей государыней со матушкою,
Съ молодой Ульяной Васильевной).
Играетъ Соловей въ гусли яровчатые,
Спотѣшаетъ дружину хоробрую.
(Скоро выходитъ на черленъ корабль,
Сталъ по кораблю похаживать,
Желтыми кудерками потряхивать,
Самъ говоритъ таковы слова):
« Ой же вы, дружинушка хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« (Скоро подымайте паруса крупчатые,
« Побѣгайте ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Тутъ его дружинушка хоробрая
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скоро подымали паруса крупчатые,
Побѣгали ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру).
Будутъ гости у Кіева,
У тыя пристани корабельныя,
Тычки къ берегу притычивали,
(Кидали якори булатніе,
Приставали во пристань корабельную.

Пошли они по славному по городу по Кіеву),
Идутъ къ ласковому князю Владиміру
На столованіе-почетный столъ,
На пированіе-почестный пиръ.
Младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
Будетъ у честна пиру,
Князей тыихъ дарилъ краснымъ золотомъ,
Княгинь тыихъ дарилъ скатнымъ жемчугомъ,
Малую чету (*) чистымъ серебромъ,
Княгини дарилъ камочки двоеличневой.
— Спасибо ти, удалой, на подарочкахъ!
— Чѣмъ тебѣ, добра молодца жаловать
— За твои за дороги подарочки:
— Городомъ ли тея ударить съ пригородками,
— Али селами ударить съ приселками?—
« Солнышко, князь столыно-Кіевскій!
« Дай-ко мнѣ мѣсцо малешенько. »

На данноемъ мѣстѣ, въ орѣшникѣ, противъ терема, Соловей въ одну ночь съ своего дружиною ставитъ три чудные дома:

Въ каждомъ домѣ ходятъ солнце и мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота подпебесная.

Рано утромъ княгиня видитъ построенные въ саду терема и спрашиваетъ съ неудомѣніемъ:

— Что въ саду не по старому,
— Что въ саду не по прежнему?
— Что это чудо счудилося,
— Что это диво сдѣлося?
— Какая это наѣхала богатая богатина?

(*) Чадь—князевыхъ ближнихъ людей.

Она идетъ въ садъ и подслушиваетъ у теремовъ: въ одномъ тишкомъ (*) говорятъ,—тамъ мать Соловья; въ другомъ стучитъ-болчитъ,—тамъ казна его; въ третьемъ

Тонецъ поетъ и гудокъ гудитъ.
Скоро отпирала дубовую дверь,
Она Господу Богу не молилася,
На эты игры заглядѣлася,
Сидѣла день до вечера,
Темную ночь до бѣла свѣта.

Словами Соловья, упрекающаго княгиню за то, что она, непрошенная и не перекрестившись, вошла въ теремъ къ его дружинѣ, оканчивается былина.

[Изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1857 г. № № 31 и 32.]

—

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

34.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было столованьице, почестный пиръ,
На многихъ князей, на бояръ
И на русскихъ могучихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Ктоль хвастаетъ отцемъ-матерью,
Ктоль хвастаетъ молодой женой,
Ктоль хвастаетъ золотой казной:

(*) Шишкомъ, шепотомъ.

Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
И бѣлой лебеди не рушаетъ,
И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Душка Иванъ Гостиный сынъ!
« Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
« Бѣлыя лебеди не рушаешь,
« И ни чѣмъ ты, молодецъ, не хвастаешь?
« Хлѣбъ ли-соль тебѣ не по душѣ,
« Чарою ль тебя пообошли,
« Али пьяница надъ тобою надсмѣялася?»
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
— Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
— Чарою меня не обошли,
— И пьяница надо мной не надсмѣялася.
— А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
— А столько я похвастаю:
— Естьли у васъ единъ молодецъ
— Ѣхать-то на добрыхъ коняхъ
— Ко тому ко городу Чернигову,
— А перебѣгу ровно триста верстъ
— И тридцать три версты мѣрныихъ:
— И съѣздить намъ промежъ обѣдней и заутреней,
— Съѣздить намъ и къ обѣдни поспѣть?—
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Во хмѣлю дѣтина порасхвастался:
« Не на комъ тебѣ будетъ повыѣхать,
« По широкому раздолью разгуливать.»
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!

— Станемъ мы бить въ великъ закладъ:
— Ты заложи казны своей сорокъ тысячей,
— А я заложу свою буйну голову.—
Тутъ скоро написали письма крѣпкія
И приложили ручки бѣлыя.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
Скоро прихóдитъ на широкъ дворъ,
Беретъ своего добра коня
За поводы шелковые,
За подброздья (*) серебряныя,
Палъ онъ коню въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную;
— Ай же ты, мой добрый конь!
— Былъ я сегодня на честномъ пиру,
— Билъ я сегодня въ великъ закладъ:
— Князь заложилъ казны сорокъ тысячей,
— А я заложилъ буйну голову.
— Можешь-ли ты мою буйну голову повыкупить,
— Князя Владиміра къ стыду привести,
— А большаго брата посоромить (**)?—
Провѣщалъ тутъ ему добрый конь
Голосомъ человѣческимъ:
« Я твою буйну голову повыкуплю,
« Князя Владиміра къ стыду приведу,
« А большаго брата посоромлю. »
Кормитъ онъ коня пшеной бѣлояровой
И поитъ медомъ сладкимъ,
Сталъ онъ коня по двору поваживать,
Сталъ конь его за шубку похватывать,
По черному соболю выдергивать.
Тутъ всѣ собрались князи-бояра;

(*) Отъ бровды, бразды, означающія узда конскую, желѣзный колѣнчатый прутъ, которымъ посредствомъ узды взнуздываютъ лошадей.

(**) Подразумѣвается братъ коня.

Всѣ стоятъ, всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
— Глупый Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортитъ твою шубу добрый конь:
— Этой бы ты шубой подарилъ князя Владиміра,
— Онъ простилъ бы тебя во великой вины.—
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ имъ не съ упадкою:
« Глупые вы, князи и бояра!
« Живъ молодецъ,—шубу наживу,
« А помретъ молодецъ,—шубу держивалъ.
« Эта шуба была въ пятьсотъ рублевъ,
« А сошьетъ молодецъ въ цѣлу тысящу.»
Тутъ ночь пришла, и всѣ спать легли,
А душка Иванъ Гостиный сынъ
По утру вставаетъ ранешенько;
Умывается онъ бѣлененько,
Въ шелкову ширинку утирается
И Господу Богу онъ молится.
Приходитъ онъ на широкій дворъ,
Беретъ своего добра коня
За повода за шелковыя,
За подброздья серебряныя,
Положилъ онъ сѣдельшико точено,
Стремена у него были золочены,
А кисточки висятъ шелковыя.
Садился онъ тихохонько,
И поѣзжалъ онъ точно какъ на ярмонку;
И скочилъ его конь на три поскока,—
Пріѣхалъ къ князю Владиміру:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Не время ли намъ будетъ поѣхати
« Къ этому городу Чернигову?»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Говоритъ онъ тутъ своимъ конюхамъ:
— Ай же вы, мои конюхи!

— Бѣжите вы на широкій дворъ,
— Выбирайте-тко вы изъ трехъ сотъ жеребцовъ
— И изъ тридцати жеребцовъ
— И изъ трехъ жеребцовъ,
— Сивогривыихъ и кологривыихъ,
— Маленькаго полонена воронка:
— На него надежа великая.—
Тутъ прибѣжали его конюхи
И творятъ жалобу великую;
Что душки Ивана Гостинаго
Скрычалъ конь по звѣриному
И засвисталъ по змѣиному,
Что триста жеребцовъ всѣ мертвы лежатъ,
А тридцать жеребцовъ ископытились,
А сивогривый, кологривый
И маленькій полоненъ воронке
Голову залячилъ и хвостъ заломилъ,
Черезъ Пущай рѣку скочилъ и въ чисто поле ушелъ.
Тутъ не на комъ князю повыѣхать.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
« Не держи меня добра молодца,
« Отсчитай мнѣ великъ закладъ,
« Великъ закладъ сорокъ тысячей. »
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Отсчиталъ ему казны сорокъ тысячей.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Подари-тко мнѣ добра коня:
— Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхать.—
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Мой конь купленъ въ Большой Орды,
« Въ Большой Орды изъ-подъ матери.

« За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
« А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
« Развѣ Владиміра конемъ подарить?»
Какъ подарилъ Владиміра добрымъ конемъ,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ своимъ конюхамъ:
— Подите-тко, мои конюхи,
— Возьмите вы коня добраго
— Душки Ивана Гостинаго,
— Сведите въ конюшню бѣлодубову,
— Кормите пшеной бѣлояровой
— И пойте медомъ сладкимъ.—
Скоро прибѣгаютъ его конюхи,
Творятъ жалобу великую:
« Конь душки Ивана Гостинаго
« Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
« Скрычалъ онъ по звѣриному,
« И засвисталъ онъ по змѣиному,
« И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ.»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
— Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобенъ, поѣзжай домой!—

(Записано отъ кр. Андрея Иванова въ Петрозаводскѣ, 12 Октября 1863 г.)

—

III. ВРЕМЯ ТАТАРСКОЕ.

КАЛИНЪ ЦАРЬ И ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ. БАТЫГА ЦАРЬ И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ. ЦАРЬ БАХМЕТЪ И АВДОТЬЯ ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

35.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.)

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ Владимірѣ,
Наѣзжалъ собака-воръ Калинъ царь
Съ сорока царямы-царевичмы,
Съ сорока королямы-королевичмы.
У всѣхъ силы было набрано,
У всѣхъ было силы заправлено:
У всѣхъ было силы по сороку тысячей,
У самаго собаки царя Калина смѣты нѣтъ.
И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силы по поганыя:
« Ай же вы, слуги мои вѣрные!
« Кто знаетъ баять по русскому,
« Толмачить по татарскому;
« Кто бы сходилъ во Кіевъ градъ,
« Снесъ письмо ко князю Владиміру,
« Чтобы отдалъ стольній Кіевъ градъ
« Безъ бою, безъ драки великія,
« Безъ большаго кроволитія?»
И сыскался татаринъ поганый:
Знаетъ баять по русскому
И толмачить по татарскому,
И беретъ письмо у собаки царя Калина.
И садился татаринъ на добра коня,
И поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ ко князю Владиміру;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
И становилъ коня середи двора,

Идетъ въ палаты бѣлокаменны;
И не крестится татаринъ, не кланяется,
Не бьетъ челомъ на четыре стороны,
И князю Владиміру не поклоняется,
А бросилъ письмо на дубовый столъ:
— Разсматривай, Владиміръ князь, писемочко
— Отъ нашего собаки царя Калина.—
И разсматривалъ Владиміръ князь писемочко,
И въ письмѣ писано:
« Отдалъ бы Владиміръ князь Кіевъ градъ,
« Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки великія,
« Безъ большаго кроволитія. »
И назадъ Владиміръ князь отписывалъ:
— Ай же, собака-воръ Калинъ царь!
— Дай намъ сроку на три году,
— И на три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
— Накурить-то бы намъ зелена вина
— И наварить бы намъ пива пьянаго,
— И было бы стрѣтить чѣмъ царя Калина.—
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
И слезно Владиміръ князь расплакался:
« Раздразнилъ какъ я сильныхъ могучихъ богатырей,
« Всѣ богатыри разъѣхались.
« Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
« И тотъ бы постарался
« Ради дому пресвятыя Богородицы,
« И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныихъ.
« И посадилъ я Илью въ погреба во глубокіе,
« И заморилъ я смертію голодною. »
И у князя у Владиміра
Выходила дочь княженецкая,
Красная дѣвица во семнадцать лѣтъ,
И сама говоритъ таково слово:
— Можетъ, живъ старый казакъ Илья Муромецъ,
— Бываетъ, съѣздитъ во Кіевъ градъ да постарается.—

Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій
« Ай же ты, дочь моя одинакая!
« Гдѣ живому быть Ильѣ Муромцу:
« Сидитъ въ погребахъ онъ три году.»
И знали дѣвицы про Илью Муромца,
И въ каждый день носили ѣствы сахарныя.
— И однако сходимъ-ко, батюшка,
— Во погреба во глубокіе.—
И беретъ Владиміръ князь ключи отъ погреба (*),
И отложаетъ двери погребны,
И заходитъ Владиміръ князь во погреба глубокіе,
И сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ
И читаетъ книгу онъ евангелью.
Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,
« И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныихъ.»
И будто Илья Муромецъ не вѣдаетъ:
— А что, Владиміръ князь надъ Русью сдѣлалось?—
Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Да наѣхалъ къ намъ собака-воръ Калинъ царь
« Съ сорока царями-царевичмы,
« Съ сорока королями-королевичмы,
« У всѣхъ набрано силы по сороку тысячей,
« А у самаго царя Калина и смѣты нѣтъ.
« И мнѣ было письмо отъ собаки царя Калина,
« « Чтобы отдалъ Владиміръ князь Кіевъ градъ
« « Безъ бою, безъ драки великія,
« « Безъ большаго кроволитія.»
« И на то письмо собакѣ царю Калину отписывалъ:

(*) Ср Кир. I, V, 2, IV, Илья Муромецъ, 6.

« — Далъ бы намъ сроку на три году,
« — На три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
« — Накурить бы намъ зелена вина,
« — Наварить бы намъ пива пьянаго,
« — Чтобъ оподчивать татаровей.—»
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я поѣду царя Калина упрашивать.—
И садился Илья на добра коня,
И скакалъ черезъ стѣнку городовую,
Черезъ тую башню наугольную
И пріѣзжаетъ ко собакѣ царю Калину:
— Здравствуй, собака воръ Калинъ царь.—
И говоритъ воръ Калинъ царь:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!»
И говоритъ воръ Калинъ царь:
« Что считали, нѣтъ жива Ильи Муромца,
« Ажно живъ Илья Муромецъ!»
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дай сроку намъ на три году,
— На три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
— Накурить намъ зелена вина
— И наварить намъ пива пьянаго,
— Чтобъ татаровей оподчивать.—
« Вѣрю тебѣ, Илья Муромецъ, по старости.
« Встрѣтьте меня царя Калина,
« А татаровей оподчивайте.»
И поѣзжаетъ Илья Муромецъ отъ царя Калина
И не могъ силы и счету дать.
Онъ на гору на высоку поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со первой горы опущается,
На вторую поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со второй горы опущается,

На третью гору поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И узрѣлъ въ восточной стороны шатеръ бѣлополотняный,
И поѣзжаетъ на востокъ Илья Муромецъ. . . .
И скоро скажется, а по узку дѣло дѣется. . . .
Пріѣзжалъ онъ ко бѣлу шатру:
И тамъ стоитъ шатеръ бѣлополотняный,
И стоятъ тридцать коней богатырскихъ,
И зоблютъ пшену бѣлоярову,
И кони знакомые, Кіевскіе,
Отца крестнаго Самсона Самойлова.
И поставилъ онъ своего коня ко бѣлу шатру,
И заходитъ Илья во бѣлой шатеръ.
И сидятъ тринадцать богатырей
За дубовымъ столомъ, хлѣба кушаютъ:
Отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ
И двѣнадцать богатырей.
И выстали всѣ на рѣзвы ноги изъ за дубова стола:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
« Мой крестникъ любезный!
« Садись хлѣба-соли кушати
« И бѣлой лебеди рушати. »
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ты, батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ
— И всѣ двѣнадцать богатырей, кресговые, названые!
— Поѣдемте вы мнѣ на помочь,
— Пособите прогнать царя Калина прочь отъ Кіева,
— Что наѣхалъ воръ-собака Калинъ царь
— Съ сорока царямы-царевичмы,
— Съ сорока королямы-королевичмы:
— У всѣхъ силы по сороку тысячей,
— У самаго царя Калина и смѣты нѣтъ.—
И говоритъ отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ:
« Ай же ты, любимый крестничекъ,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!

« Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
« Не бывать бы мнѣ во городѣ во Кіевѣ,
« И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра
« И на княгиню Апраксію не сматривать,
« И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ.
« Онъ слушаетъ князей-бояръ,
« А не почитаетъ богатырей. »
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Батюшко крестный Самсонъ Самойловичъ!
— Не ради князя Владиміра
— И княгини Апраксы королевичны,
— Ради дому пресвятыя Богородицы
— И чудотворцевъ Кіевскихъ
— И ради матушки свято-Русь земли
— Положи ты половину грѣха на меня,
— Поѣдемъ ко мнѣ на помочь.—
И говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
« Нѣтъ, крестничекъ мой любимый,
« Великій мой грѣхъ:
« Не поѣду стоять за Кіевъ градъ. »
— Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!
— Положи же весь грѣхъ на меня
— И поѣдемъ ко мнѣ на помочь:
— Пособи же мнѣ прогнать царя Калина.—
И упросилъ Илья Муромецъ
Самсона Самойловича и двѣнадцать богатырей.
И садилися четырнадцать богатырей
На своихъ добрыхъ коней богатырскіихъ,
И мать сыра земля всколыбалася,
И пріѣзжаютъ близь города Кіева,
Близь собаки царя Калина,
Раскинули они шатеръ бѣлополотняный;
И хлѣба-соли они покушали,
Легли они спать да опочевъ держать.
Ильѣ Муромцу не спится, мало собится (*)

(*) Не по себѣ.

И садился Илья на добра коня,
И поѣхалъ противъ царя Калина.
Не ясенъ соколъ на гусей-лебедей напущается,
Илья Муромецъ на рать силу великую.
И зачалъ Илья по силы поѣзживать,
Зачалъ Илья по силы помахивать:
Куда рукой махнетъ, улица лежитъ,
Отмахнетъ, переулкамы.
Его добрый конь провѣщился языкомъ человѣческимъ:
« Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Есть у собаки царя Калина
« Выкопано три подкопа глубокіе:
« Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
« Тебя Илью повышесу;
« И въ другой скочу, повыскочу,
« Тебя Илью повышесу;
« И въ третій скочу, повыскочу,
« Наврядъ тебя, Илья, повышести.»
И бьетъ коня онъ по тучной бедры:
— Ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Развѣ подкоповъ не видывалъ,
— Не ужоль съ этихъ ямочекъ не выскочишь?—
Онъ въ подкопъ скочилъ, повыскочилъ;
Въ другой скочилъ, повыскочилъ;
Въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
Не могъ Илью повынести.
Упалъ Илья въ подкопы глубокіе,
Обостали татарове поганые,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Связали ему ручки бѣлыя
И привели къ собакѣ царю Калину.
И говоритъ воръ-собака Калинъ царь:
« А чтоже ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Я повѣрилъ тебѣ, по старости,
« Почто ты тепереча извѣрился?
« Послужи ты мнѣ собакѣ царю Калину:

« Я дамъ тебѣ мѣсто подлѣ себя,
« Или хоть супротивъ себя,
« Третье, гдѣ ты похочешь, тутъ живи;
« Положу на тебя пененизо великое.»
Говоритъ Илья таково слово:
— Какъ была бы у меня одна ручка правая,
— Отрубилъ бы тебѣ голову.—
Говоритъ-то собака воръ Калинъ царь:
« Поведите, татарове, Илью во чисто поле,
« Отрубите Ильѣ буйну голову,»
И повели Илью во чисто поле,
Ведутъ мимо церковь соборную,
Возмолился Илья Господу Богу отъ желанія:
— Не выдай, Господи, татаровамъ поганымъ:
— Я буду стоять за вѣру христіанскую.—
И услышалъ Господь его моленье,
Посылаетъ Господь двухъ ангеловъ:
Оборвали съ рукъ поводья шелковые,
Оборвали съ ногъ оковы желѣзныя.
Сталъ Илья на своей волѣ,
Ухватилъ поганаго татарина за рѣзвы ноги,
Началъ татариномъ помахивать.
И бѣжитъ къ нему добрый конь
Со всей со сбруей богатырскоей;
Онъ садился на добра коня
И выѣхалъ на мѣсто на высокое.
И беретъ-то онъ себѣ тугой лукъ,
Натягивалъ тетивочку шелковую,
Накладывалъ стрѣлочку каленую,
И самъ онъ стрѣлы приговаривалъ:
— Лети ты, стрѣла, выше лѣсовъ темныихъ,
— Не пади, стрѣла, ни на воду ни на землю,
— Прямо лети въ бѣлъ шатеръ,
— Гдѣ спятъ свято-русскіе богатыри,
— Пробей-ко ты крышу во бѣлѣ шатрѣ
— И прямо пади въ Самсона богатыря,

— Моего крестнаго батюшка, во бѣлую грудь,
— Проломи ты у него латы колчужныя,
— И пройди-тко ты въ ретиво сердце,
— Что онъ спитъ-проклаждается.—
Летѣла та калена стрѣла
Выше лѣсовъ высокіихъ,
И не пала она ни на воду, ни на землю,
А пала она прямо въ бѣлъ шатеръ,
И пробила крышу шатровую,
И упала прямо въ грудь Самсона богатыря,
И пробила ему латы корчажныя (*),
И ударила ему въ золотъ крестъ.
Тутъ со крѣпка сна Самсонъ пробуждается,
И говоритъ онъ таково слово:
« Ставайте-тко, братцы крестовые!
« Вѣрно моему-то крестничку не собится.»
Тутъ всѣ тринадцать богатырей
Садились на добрыхъ коней и поѣхали,—
Мать сыра земля воскольбалася.
Пріѣзжали они къ силы несмѣтноей
Собаки-вора царя Калина,
Тутъ силушку повырубили.
Поѣхалъ собака-воръ Калинъ царь отъ города отъ Кіева,
И говоритъ таково слово:
— Закажу я дѣтямъ и внучатамъ
— Ѣздить ко городу ко Кіеву.—
Тутъ Владиміръ князь съ княгиной Апраксою
Стлали сукна драгоцѣнныя
До той до силы до поганоей,
И полагали они на мису чиста серебра,
На другую мису красна золота,
А на третью мису скатна жемчуга,
И брали они лисицъ-куницъ,
Лисицъ-куницъ, черныхъ соболей,

(*) Кольчужныя.

Дарилъ онъ ихъ и жаловалъ.
И въ то время у богатырей сердца кончились,
Стали ѣсть, пить и веселится.

[Записано со словъ захожаго Каргопольскаго калѣки слѣпаго.]

—

тоже.

36.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.)

Наѣзжалъ собака-воръ Каинъ царь,
Наѣхалъ подъ славный подъ Кіевъ градъ,
Со своей силой со поганою.
И прибрано у вора у царя Каина
Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
И на каждаго на царя и на царевича,
И на каждаго на молодаго на королевича
По сту по сороку тысячь нагнато подъ Кіевъ градъ,
На тые ли луга на зеленые
И на тыя на травы на шелковыя.
Изъ этой силы изъ поганыя
Выбиралъ Тугарина поганаго,
И котораго Тугарина дюжѣе нѣтъ,
И котораго Тугарина сильнѣе нѣтъ,
И самъ Тугарину наказываетъ:
« Ай же, Тугаринъ поганый!
« Ты будешь, Тугаринъ, во градѣ во Кіевѣ,
« У тыхъ палатъ княжепецкихъ,
« Отворяй дверь на пяту,
« Напередъ ступай лѣвой ногой,
« И клади письма на дубовой столъ,
« И говори съ царемъ не съ упадкою:

« « Вотъ только-то силы нагнато подъ Кіевъ градъ:
« « Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
« « И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
« « На каждаго царя, на каждаго царевича
« « И на каждаго молодаго королевича
« « По сту по сороку тысячъ силъ нагнато.»»
Садился Тугаринъ на добра коня,
Ѣхалъ Тугаринъ въ Кіевъ градъ,
Дѣлалъ онъ дѣло повелѣное.
И тутъ-то солнышко Владиміръ князь пріужахнулся,
Рѣзвы ножиньки подломилися,
Царски ручьки пріопали объ себя.
На ту пору, на то время
Отворилась дверь-то дубовая,
Та ли гридня столовая,
Идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Видно, хорошъ гостекъ къ намъ подъѣхалъ-то!
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Налей-ко ты чару зелена вина,
— Зелена вина чашу въ полтора ведра,
— Вѣсомъ чашу полтора пуда,
— Подноси-тко ты татарину поганому.—
Принялъ татаринъ одной рукой
И выпилъ Тугаринъ во единой духъ.
И говоритъ опять старый казакъ Илья Муромецъ:
— Видно, хорошъ гостекъ подъѣхалъ къ намъ!
— Налей-ко ты чашу другую водки сладкія.—
И вставалъ татаринъ на рѣзвы ноги,
И принялъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единый духъ.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Налей-ко третью чашу меду сладкаго.—
Принялъ опять татаринъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единой духъ,
И выпилъ питья полъпята ведра.

И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Сокидай-ко ты шубу соболиную со царскихъ плечь,
— Надѣвай-ко на татарина поганаго,
— Отпущай татарина во чисто поле,
— Къ собакѣ къ вору къ царю Каину.
— Послѣ этого собирай князей-бояръ на почестный пиръ,
— Станемъ выбирать мы посланника
— Искать дядюшку Самсона Михайловича богатыря.—
Тутъ большій хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго.
И ходитъ старая собака матерая,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Но той по гридни по столовыя:
— Видно, не кому мнѣ замѣнитися,
— Не кому мнѣ защититися.
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Насыпь-ко ты чашу красна золота,
— Другую насыпь скатна жемчугу,
— А третью налей чиста серебра:
— Я поѣду къ собакѣ къ вору Каину
— Просить сроку на три года изъ Кіева выбраться.—
И садится старый казакъ Илья Муромецъ
На маленькаго сивушка-бурушка косматаго,
Облатился и обколчужился.
И провожаетъ его Владиміръ князь стольне-Кіевскій
Со всѣмъ да со усердіемъ,
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Заложи-ко ты ворота крѣпко на крѣпко,
— Туго на туго, во стѣны городовыя
— И прикажи засыпать пескамъ рудожелтыма.—
И будетъ Илья Муромецъ на горахъ Сорочинскихъ,
Привязываетъ бурушка косматаго ко сыру дубу,
И пошелъ на луга на зеленые къ собакѣ къ вору Каину,
И даваетъ ему даровья великія:

— Ай же ты, собака воръ Каинъ царь!
— Прими у насъ даровья великія
— И дай намъ сроку на три года изъ Кіева выбраться.—
И закричалъ собака воръ Каинъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты, старая собака, сѣдатый песъ!
— Не дамъ тебѣ сроку на три года,
— И не дамъ тебѣ сроку на полтора года,
— И не дамъ тебѣ сроку на три мѣсяца;
— Только тебѣ дамъ сроку на три дня,
— На три дня и на три часа.—
И вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ,
И приходилъ къ косматому бурушку,
И садился на добра коня,
И поѣхалъ во сторону во западну
Искать дядюшку Самсона Манойловича.
И съ утра весь день ѣздилъ до вечера,
И не могъ найти во чистомъ полѣ бѣла шатра.
Отъ тойли отъ ночки отъ темныя,
Выѣхалъ на горы Фараонскія,
И проспалъ онъ ночку темную,
И по утру онъ вставалъ ранешенько,
И садился опять на бурушка косматаго,
И поѣхалъ во сторону во сиверну,
И опять проѣздилъ весь день до вечера,
Не могъ найти богатыревъ.
Отъ тойли отъ ночки отъ темныя
Выѣхалъ на горы Фараонскія,
И проспалъ опять онъ ночку темную,
И по утру вставалъ онъ ранешенько,
Умывался онъ тутъ бѣлешенько,
И поѣхалъ во сторону подвосточную,
И пріѣзжаетъ онъ ко славну ко синю морю,
И увидѣлъ онъ шатеръ бѣлополотняный:
Видно, быть тому шатру бѣлополотняному,
Крестъ на шатрѣ будто жаръ горитъ.

И приправилъ косматаго бурушка къ шатру бѣлополтяному,
Сопущается со добра коня.
— Здраствуй дядюшка Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ
— Со своей дружиной со хороброю!
— Ты пьешь, ѣси да прохлажаеси,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Какъ надъ нашимъ-то надъ городомъ надъ Кіевомъ
— Учинилась невзгода великая:
— Наѣхалъ собака-воръ Каинъ царь,
— И прибрано подъ себя сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
— И сорокъ молодыхъ королевичевъ,
— На каждаго по сту сороку тысячь силы нагнато.
— Ты поди ко мнѣ вѣдь на помочь,
— Ты пособи мнѣ съ поганымъ дратися.—
И говорилъ Самсонъ сынъ Манойловичъ:
« Нейду я къ тебѣ на помочь
« И не пособлю тебѣ съ поганымъ дратися.»
И говоритъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты, желанный мой дядюшка,
— Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ!
— Ты не для-ради города Кіева,
— Да и не для-ради князя Владиміра
— И не для-ради меня стараго племянника,
— Стараго казака Ильи Муромца,
— Для-ради матери пресвятыя Богородицы
— Ты поди вѣдь ко мнѣ помочь.—
И говоритъ ему Самсонъ Манойловичъ:
« Ай же ты, любезный мой племянничекъ,
« Старый казакъ да Илья Муромецъ!
« Подь-ко ты для вечера да поужинай,
« А въ эвтую силу поганую
« А за-утра я пріѣду пообѣдати
« Со своей дружиною со хороброю.»
Какъ вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ

Изъ шатра бѣлополотнянаго,
И садился опять на бурушка косматаго,
Облатился да обкольчужился,
И выѣхалъ на горы Фараонскія,
И смотрѣлъ онъ во трубочку въ подзорную,
Еще ли во Кіевѣ по старому,
Еще ли во Кіевѣ да по прежнему:
И звонятъ во Кіевѣ въ плакунъ-колоколъ.
И ему молодцу за преку пришло,
И сталъ косматаго бурушка потаркивать,
И зачалъ косматый бурушка поскакивать;
И заѣхалъ въ рать силу великую,
И зачалъ по силы поѣзживать,
И зачалъ по силы помахивать:
Куды махнетъ тутъ улочки,
Куды отмахнетъ, переулочки.
Отъ пару лошадинова не пропекаетъ солнце красное
На томъ ли на небѣ на ясноемъ.
И пристигла опять его темна ночь.
Отъ той ли отъ ночки отъ темныя
Выѣхалъ опять на горы Фараонскія,
И проспалъ ночку темную,
И по утру вставалъ ранешенько,
И садится опять на маленька бурушка косматаго,
Опять облатился да обколчужился.
И возговоритъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Есть у вора у Каина подкопаны три подкопы:
— Я первую подкопь перескочу,
— И другую-то подкопь перескочу,
— А третьей подкопы не могу скочить,
— Упаду я въ подкопы глубокія.—
Онъ бьетъ копя по тучнымъ ребрамъ:
« Ты волчья выть, да травяной мѣшокъ!
« Мнѣ вѣдь на бую (*) смерть не писана. »

(*) На бою.

И заѣхалъ опять въ рать силу великую,
И зачалъ опять по силѣ поѣзживать,
И зачалъ силу опять помахивать:
И куда махнетъ опять улочки,
А перемахнетъ онъ, такъ переулочки.
И доѣхалъ до подкопы до первыя,
Конь черезъ подкопь перескочилъ;
И доѣхалъ до подкопи до другія,
И другую-то подкопь перескочилъ;
И доѣхалъ до подкопи до третьей,
И приправилъ косматаго бурушка,
И призамялся его добрый конь,
И упалъ въ подкопи глубокія:
Его добрый коня изъ подкопи выскочилъ,
И остался старой казакъ въ подкопи глубокія.
И набѣжали татаревья поганыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
И связали ему ручки бѣлыя
Тѣма-ли петлямы шелковыма,
И повели къ собакѣ вору Каину.
И зарычалъ собака воръ Каинъ царь:
— Ай же ты, старая собака матерая!
— Всю ты у меня силушку вырубилъ.
— Ведите на болото на житное,
— На ту ли на плаху на липову
— Рубить ему буйну голову
— По тѣмъ ли по плечкамъ могучіимъ.—
И видитъ старый казакъ Илья Муромецъ бѣду немилучую,
И сталъ изъ подлобья выглядывать,
И по плечу оружьины присматривать.
И увидѣлъ того Тугарина поганова,
Который Тугаринъ былъ во Кіевѣ посланникомъ,
Который выпилъ питья полъпята ведра.
Какъ ухватилъ-то Тугарина за ноги
И началъ Тугаринымъ помахивать:
Перелопали петли шелковыя на бѣлыхъ рукахъ,

Потрескали желѣзы булатныя на рѣзвыхъ погахъ.
Какъ на тую пору на то времячко
Наѣхалъ дядюшка Самсонъ да сынъ Маноѣловичъ
Со своей дружиной со хороброю,
Какъ метлой пахнули (*) силу поганую
И убили собаку-вора царя Каина.
А у Ильи Муромца бѣжалъ конь во Кіевъ градъ,
И не воротамъ бѣжалъ онъ, привороткамы,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
И поминаютъ Илью Муромца, что жива нѣтъ.
Онъ приходитъ ко городу ко Кіеву
И поколотился у стѣны у городовыя:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Встрѣчай Илью Муромца съ великой радостью:
« Тутъ вся сила поганая прикончена. »
Тѣмъ старина эта и кончилась.

(Записано со словъ крестьянина деревни Пирзаковской Трофима Романова.)

—

БАТЫГА БАТЫГОВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ.

37.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости.)

Изъ-подъ того креста Леванидоваго,
Изъ-подъ тоя березки изъ-подъ бѣленькой
Выходило два тура и три тура,
И шли они туры мимо Кіевъ-градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
Выходила дѣвица и слезно плакала,
На рукахъ держитъ книгу свято евангелье,
А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ.

(*) Смели.

Соходилися туры съ родной матушкой:
« Здравствуешь, турица родна матушка!
« А шли мы туры мимо Кіевъ градъ,
« И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
« Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
« Выходила дѣвица и слезно плакала,
« На рукахъ держитъ книгу свято евангелье,
« А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ.»
И говоритъ турица родна матушка:
— Глупые туры, малы дѣтушки!
— А не дѣвица выходила и слезно плакала,
— А плакала стѣна городовая,
— А она свѣдала надъ Кіевомъ незгодушку:
— А наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ
— И со своимъ сыномъ Батыгою Батыговичемъ,
— И со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
— И со тымъ (*) дьячкомъ съ выдумщичкомъ.
— А у князя у Батыги силы сорокъ тысячей,
— И у сынушка силы сорокъ тысячей,
— И у зятя силы сорокъ тысячей,
— И у дьячка силы сорокъ тысячей.—
И пріѣхалъ Батыга подъ Кіевъ градъ,
И проситъ Батыга поединщика,
И проситъ Батыга супротивника:
« Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай-ко мнѣ поединщика
« И дай-ко мнѣ супротивника,
« А чтобы со мною съ Батыгой поправиться.»
А несчастіе во Кіевѣ случилося,
А что ни лутчихъ богатырей не случилося:
Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ,
Илья да Самсонъ у синяго у моря,
А Добрынюшка Никитинецъ въ чистыхъ во поляхъ,
А Олеша богомолъ въ богомольной стороны.

(*) Вар.: чернымъ

А жилъ тутъ былъ богатырь добрый молодецъ,
А на имя Василій Игнатьевичъ,
Жилъ Василій при царевомъ кабакѣ,
И пропилъ-промоталъ все житье бытье свое,
Житье-бытье свое и приданое женино.
Приходитъ Василій ко Владиміру на дворъ,
И заходитъ Василій во палатушку,
И крестъ кладетъ по писаному,
И поклоны ведетъ по ученому,
А солнышку Владиміру въ особицу:
— Здравствуй, князь со княгиною!
— Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною,
— А у Васи со похмѣлья буйна голова болитъ,
— Съ перепою у Василья ретиво сердце щемитъ.—
Ставалъ тутъ Владиміръ поскорешенько
И наливалъ чару зеленаго вина,
А другу наливалъ пива пьянаго,
А третью наливалъ меду сладкаго,
И сливалъ питье во единое мѣсто,
Становилося питья полтора (*) пуда,
Полтора пуда и полтора ведра.
Принималъ тутъ Василій единой рукой
И выпилъ Василій единымъ духомъ,
И тутъ же Василій спромолвился:
— Теперь я могу на своемъ конѣ сидѣть,
— Теперь я могу своей саблей владѣть,
— Которая сабля въ девяносто пудъ.—
Такъ же Василій пріотправился
Со своимъ орудіемъ военнымъ,
А выѣхалъ Василій за эту за стѣну городовую,
За тую за башню за угловую,
И стрѣлялъ по головкамъ что ни лутченькимъ
Съ того лука со натяжнаго,
И убилъ три головки что ни лутченькихъ:

(*) Вар.: полпята пуда и полпята ведра.

Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова
П того дьячка и выдумщичка.
И у Батыги были кони хорошіе,
И у Батыги были кони снарядные,
Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцевъ,
Посылаетъ гонцевъ во Кіевъ градъ.
А Кіевъ градъ не малый есть:
А соколу летѣть на меженный день,
А маленькой птицы не перелетѣть,
И виноватаго во Кіевѣ не взыскати;
Что ни лутчіе богатыри поразъѣхались,
А виноватый въ сей часъ ко Батыгѣ на лицо,
А на имя Василій Игнатьевъ сынъ.
Садился Василій на добраго коня
Со той военной орудіей,
Клалъ стрѣлочки въ подзолоточки,
Тугія лука во налучія,
Онъ луки во намегы полагалъ,
И бралъ копье свое бурзамецкое
И саблю свою девяносто пудъ.
И ѣдетъ Василій, помахиваетъ,
Съ горы на гору конь его поскакиваетъ,
Съ холмы на холму конь его поплясываетъ,
Рѣки-озера межу ногъ пущалъ,
Синія моря около скакалъ:
Хвостъ по земли разстилается,
А грива подъ копыта подвивается,
Искра съ ноздрей разсыпается,
Огненное пламя распаляется,
Огненнымъ щитомъ сбороняется.
Того ли чуда князь Батыга ужасается:
« Колько ни на свѣтѣ проѣзживано,
« И такого чуда на свѣтѣ не видывано,
« Нынѣ ѣдетъ богатырь добрый молодецъ,
« Великою страстью ухраняется

« Огненнымъ щитомъ сбороняется.
А пріѣхалъ Василій къ Батыгѣ на лицо:
— Здравствуй, князь Батыга Батыговичъ,
— И со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— И со зятемъ Таракапчикомъ Корабликовымъ,
— И со тымъ дьячкомъ и выдумщичкомъ!—
А отвѣтъ держалъ Батыга князь:
« Нѣту сына Батыги Батыговича,
« И нѣту зятя Таракапчика Корабликова,
« И нѣтъ тутъ дьячка и выдумщичка.—
А сговорилъ на имя Василій Игнатьевъ сынъ:
— А прости-ко ты меня въ первой вины,
— А прости-ко ты меня во другой вины,
— Во другой вины и великія,
— И прости-ко ты меня во третьей вины;
— И дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей:
— Я поѣду нынь ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— А мы Кіевъ градъ огнемъ пожгемъ,
— А Владиміра въ полонъ возьмемъ.—
И на тыи лясы Батыга пріукинулся,
И далъ ему силы сорокъ тысячей.
А повыѣхалъ Василій во чисто поле,
Поворотъ онъ сдѣлалъ на рученьку на правую,
И взималъ онъ саблю въ девяносто пудъ,
И приѣкъ-прирубилъ до единой головы.
А ѣдетъ Василій ко Батыгѣ на лицо:
— Да прости-ко ты меня во первой вины:
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей,
— А дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.
— А я теперь-же во Кіевѣ повысмотрѣлъ,
— И я же во Кіевѣ повыглядѣлъ,
— Гдѣ были воротца отложеныя,
— И гдѣ были воротца незаложеныя.—
Далъ ему силы сорокъ тысячей,
И сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

А злата-серебра ему смѣты нѣтъ.
Повыѣхалъ Василій во чисто поле
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
И ѣдетъ Василій ко Батыгѣ на лицо:
— Прости-ко меня во второй вины и великія:
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей,
— И дай мнѣ силы сорокъ тысячей.—
И далъ ему силы сорокъ тысячей,
И сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Злата-серебра ему смѣты нѣтъ.
Повыѣхалъ во чистое во поле,
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
Натягивалъ Батыга трубочку подзорную,
И глядѣлъ онъ во славно во чисто поле,
И видитъ дѣло неминучее;
И сбирался Батыга на добрыхъ коней,
И поѣхалъ Батыга во свою землю,
И клянется Батыга, проклинается:
« Не дай, Боже, бывать,
« И подъ Кіевомъ стоять:
« И въ Кіевѣ богатыревъ смѣты нѣтъ. »

—

Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
Золота казна во Черниговѣ,
А цвѣтно платье во Новѣгородѣ,
А хлѣбны запасы во Смоленцѣ городѣ;
А мхи да болота во Заморской стороны,
А разструбисты сарафаны по Мошѣ по рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской стороны.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской Потапа Трофимова Потахина.]

—

ЦАРЬ БАХМЕТЪ И АВДОТЬЯ ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА.

38.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.)

—

Подступалъ тута царь Бахметъ турецкій,
И разворилъ онъ старую Казань (*) городъ подльскую,
И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставалася во Казанѣ одна женка Рязаночка,
Стосковалася женка, сгоревалася:
У ней полонилъ три головушки,
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любезнаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
« Пойду я во землю турецкую
« Выкупать хотя единыя головушки
« На дороги хорошіе на выкупы. »
Царь Бахметъ турецкій,
Идучи отъ Казани отъ города,
Напустилъ все рѣки-озера глубокія,
По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
Чтобы никому ни пройти, ниproѣхати.
Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла
(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полденъ прошла

(*) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что женка называется Рязаночкой.

(О полденъ люты звѣри да опочинъ держатъ).
Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,
Пришла де во землю турецкую,
Къ царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
« Ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Когда ты разорялъ старую Казань городъ подлѣсную,
« Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,
« У меня полонилъ три головушки:
« Милаго-то братца родимаго,
« И мужа вѣнчальнаго,
« Свекра любезнаго.
« И пришла я къ тебѣ выкупати хоть единыя головушки
« На дороги ли хоть на хорошіе на выкупы.
Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?
— У меня напущены были всѣ рѣки-озера глубокія,
— И по дорогамъ были поставлены разбойники,
— А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты звѣри,
— Чтобы никому ни пройти да ни проѣхати.—
Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:
« Батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Я такъ прошла путемъ да и дорогою:
« Мелкія-то рѣчушки бродомъ брела,
« А глубокія рѣчушки плывомъ плыла,
« Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла
« (О полночь разбойники опочинъ держатъ),
« Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полденъ прошла
« (О полденъ люты звѣри опочинъ держатъ).
« Я такъ прошла путемъ да и дорогою.»
Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
— Такъ умѣй-ка попросить и головушки
— Изъ трехъ единыя;

— А не умѣешь ты попросить головушки,
— Такъ я срублю тебѣ по плечь буйну голову.—
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
« Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Я въ Казани-то была женка не послѣдняя,
« Не послѣдняя я была женка, первая.
« Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
« Свекра стану звать батюшкомъ;
« Приживу я себѣ сына любезнаго,
« Такъ у меня и сынъ будетъ;
« Приживу я себѣ дочку любезную,
« Воспою-скормлю за мужъ отдамъ,
« Такъ у меня и зять будетъ.
« Не видать мнѣ буде единыя головушки,
« Мнѣ милаго братца родимаго,
« Да не видать вѣкъ да и по вѣку.»
Спжучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
— Ты, Авдотья женка Рязапочка!
— Когда я разорялъ вашу сторопу Казань городъ подлѣсную,
— Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
— Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
— За твои-то рѣчи разумныя,
— За твои-то слова за хорошія,
— Ты бери полону, сколько надобно:
— Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела де полонъ во свою Казань городъ подлѣсную,
Разселила Казань городъ по старому,
По старому да по прежнему.

[Отъ Поромскаго старика.]

IV. УДАЛЬЦЫ И МУЖИ НОВГОРОДСКІЕ.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

39.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

—

Жилъ-былъ Буславъ во Новѣ-градѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысячу;
Живучись Буславъ не старился,
Не старился, переставился.
Съ Новымъ-городомъ Буславъ не споривалъ,
Съ каменной Москвой преты (*) не было.
Оставалось чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
И сталъ Василька на улицу похаживать,
Сталъ съ ребяткамы шуточки пошучивать:
Кого дернетъ за руку, рука прочь,
Кого дернетъ за ногу, нога-то прочь.
Стали къ Васильевой матушкѣ похаживать,
Похаживать стали, пожаливаться:
« Ай же ты, честна вдова Амелфа Тимофеевна!
« Уйми-тко свое чадо милое;
« А не уймешь Василья сына Буслаева,
« Пихнемъ его въ рѣку Волхову. »
Со того со горя со кручинушки
Накурилъ Василій зелена вина,
Наварилъ Василій меду сладкаго,
Сдѣлалъ Васильюшка почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ
И на тыхъ мужиковъ Новогородскіихъ.

(*) Не перечился.

И говоритъ Василька таковы слова:
— Кто изопьетъ чару зелена вина,
— Мѣрой чару полтора ведра,
— Вѣсомъ чару полтора пуда,
— И кто истерпитъ черленый вязъ,
— Тотъ ступай на почестный пиръ.—
Идетъ на пиръ Потанюшка маленькій,
Маленькій Потанюшка, храбренькій,
На ножку припадывать, съ подлобья выглядывать;
Принималъ онъ чару одной рукой,
Выпиваетъ чару за единый духъ.
Бьетъ Васильюшка Буславьевичъ
Своимъ вязомъ черленымъ
По него буйной головы:
Стоитъ Потанюшка, не крянется,
Желты кудри не сворохнутся,
Поклонъ воздалъ и на пиръ пошелъ.
Идетъ на пиръ Костя Новоторжанинъ.
Тутъ Василій сынъ Буславьевичъ
Ставилъ столы дубовые,
Ѣствица клалъ сахарныя,
Питьица клалъ медвяныя,—
Меды были все стоялые,—
Выкатывалъ бочки на кольчужный дворъ:
— Ѣшьте у меня до сыта,
— И пейте у меня до пьяна,
— Только между собой не споривайте.—
Тутъ мужики-то Новгородскіе
Ѣли они до сыта
И пили они до пьяна.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ,
И всѣ стали пьяны-веселы,
И между собой поразспорились.
И беретъ Василій черленый вязъ,
И сталъ по двору помахивать,

И сталъ мужичкамъ пощалкивать.
И пошли мужики со честна пира раскорякою:
« Ты къ черту, Васильюшка, со пиромъ!
« Поѣдено было на пиру, попито
« И на вѣкъ увѣчьице зачажено (*).»
Тутъ мужики-то Новгородскіе
Сдѣлали свой почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей.
Походитъ Василій на почестный пиръ
И не одинъ походитъ, со дружиною.
И говоритъ его родная матушка:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Младый Василій сынъ Буславьевичъ!
— Хоть ты походишь на почестный пиръ,
— Тамъ все гости званые,
— А ты походишь гость незваный.—
« Ай же ты, родна матушка,
« Честна вдова Амелфа Тимофеевна!
« Да я прійду гость незваный,
« Куда посадятъ, тамъ сижу,
« А что могу достать своей рукой, ѣмъ да пью.»
И приходитъ Василій на почестный пиръ
И не одинъ приходитъ, со дружиною,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуй, Микула Селянинович (**),
« Здравствуй, Козьма Родоновичъ!»
— Поди-ко, Василій Буславьевичъ!
— Садись, Васильюшка, за дубовый столъ.—
Садился Василій въ большомъ углу,
Не одинъ садился, со дружиною.

(*) Отъ зачагать, достать.

(**) Вѣроятно вмѣсто: Микула или Викула Зиновьевичъ.

Говорятъ тутъ гости званые:
« Ай же ты, Василій Буславьевичъ!
« Хоть ты садишься въ большомъ углу,
« Ты есть гость незваный,
« А мы гости званые.»
— Хоть я гость незваный,
— Куда посадятъ, тамъ сижу,
— А что могу достать своей рукой, ѣмъ да пью.—
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ,
И всѣ стали пьяны-веселы,
И всѣ на пиру поразхвастались.
Тутъ-то Василій сынъ Буславьевичъ
Глупымъ умомъ, хмѣльнымъ разумомъ,
Ударилъ Василій во великъ закладъ:
Изъ утра идти на Волхово,
Василью идти-со дружиною,
А мужикамъ идти биться всѣмъ Новымъ-градомъ.
Тутъ пошелъ Василій со честна пира,
Повѣсилъ голову на правую сторонушку,
Утопилъ очи во сыру землю.
Приходитъ къ палатамъ княженецкимъ,
Говоритъ его родна матушка:
« Ай же ты, чадо мое милое,
« Младый Василій сынъ Буславьевичъ!
« Что идешь кручиноватъ, печаловатъ?
« Али мѣсто тебѣ было не по отчины,
« Али чарой тебя обнесли,
« Али мужикъ-пьяница насмѣялся ти?»
Василій не можетъ дать матушкѣ
Ни отвѣтушка, ни привѣтушка,
А говоритъ его дружина хоробрая:
— Мѣстечко было Василью по отчины,
— Чарой Василья не обнесли,
— И мужикъ-пьяница его не обругалъ;
— А ударилъ Василій во великъ закладъ

— Съ тыма мужикамы Новгородскима:
— Изъ утра идти на Волхово,
— Василью идти со дружиною,
— А мужикамъ идти биться всѣмъ Новымъ-градомъ.—
Тутъ его родная матушка,
Честна вдова Амельфа Тимофеевна,
Чеботы надѣла на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
И брала золоты ключи,
И шла она во погреба глубокіе,
Наклала мису красна золота,
Другую мису чиста серебра,
А третью мису скатна жемчуга;
И пришла къ мужичкамъ на почестенъ пиръ.
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуй Микула Селянинович,
« Здравствуй, Козьма Родіонович! »
И положила подарочки на дубовый столъ:
« Примите-тко отъ Василья подарочки
« И простите Василья въ этой во вины. »
Говорятъ мужики Новогородскіе:
— Не примемъ отъ Василья подарочковъ
— И не простимъ Василья во этой во вины.
— И пособи намъ, Господи, Васильюшка полонить,
— И на Васильевыхъ добрыхъ коняхъ поѣздить,
— И Васильевыхъ цвѣтныихъ платыцевъ подержать,
— И Васильевой золотой казны потащить.—
Тутъ честна вдова Амельфа Тимофеевна
Воротилася со честна пира
И ударила своей ножкой правою
Во тую во стоечку кленовую,—
И стоечка улетѣла во задній тынъ,
Задній тынъ весь порозсыпался.

—

Василій спитъ по утру, проклаждается,

Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ дѣвушка Чернавушка,
Приходила по ключь по воду,
Сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
« Хоть спишь ты, проклаждаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь;
« А бьется твоя дружина хоробрая
« На томъ ли на мосточкѣ на Волховѣ:
« И проломаны буйны головы,
« И завязаны платкамы все бѣлыма.»
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Скорешенько пробуждался отъ крѣпкаго сна,
Чеботы надѣлъ на босу ногу,
Накинулъ соболиную шубоньку на одно плечо;
И бралъ Василій свой черленый вязъ,
И поскочилъ Василій на поле на Волховò.
И стрѣтился Василью старчище Андронище (*)
На томъ на мосточкѣ на Волховомъ,
И несетъ на головѣ Софеинъ большой колоколъ.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
— Ай же ты, старчище Андронище,
— Аще крестовый батюшка!
— Не дано тобѣ яичко о Христовскомъ днѣ,
— Такъ дамъ тобѣ яичко о Петровомъ днѣ.—
И ударилъ своимъ вязикомъ черленымъ
По Софеину большому колоколу,
И убилъ старчище Андронище,
Своего крестоваго батюшка.
И прибѣжалъ на поле на Волхово,
И сталъ вязикомъ помахивать:
Куда махнетъ,—падутъ улицы,
Перемахнетъ,—переулочки,

(*) Можетъ быть отъ Андронова монастыря.

И перебилъ всѣхъ мужиковъ Новогородскихъ.
И пошли мужички къ Васильевой матери:
« Ай же ты, Васильева родна матушка,
« Честна вдова Амельфа Тимофеевна!
« Уйми свое чадо милое,
« Оставь-ко мужиковъ хоть на сѣмена.»
Тутъ его родная матушка,
Честна вдова Амельфа Тимофеевна,
Чеботы надѣла на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
Прибѣжала на поле на Волхово,
Захватила Василья въ соболиную шубоньку,
И принесла въ свои палаты бѣлокаменны,
И кормила-поила удалаго добра молодца.

(Отъ родственника А. Богданова.)

—

СМЕРТЬ ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.

40.

(Тамъ же).

Говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Была у меня дана заповѣдь великая
« Съѣздить намъ въ Іерусалимъ градъ:
« Святой святынѣ помолитися,
« И ко Господнему гробу приложитися,
« Во Іорданъ рѣкѣ окунатися.»
И онъ поѣхалъ во Іерусалимъ градъ
Со своима дружинушкамы хоробрыма.
И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору.»

И зашли они на матушку на Сіонъ гору,
И нашелъ Василій косточку сухояловую (*),
И сталъ онъ косточку попинывать
По матушкѣ по Сіонъ-горы.
И провѣщется косточка сухоялова
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Не пинай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Ты будешь лежать со мной
— На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку.—
Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Сама спала, себѣ сонъ видѣла! »
Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святынѣ помолились
И ко Господнему гробу приложились,
Во Іорданъ рѣкѣ стали купатися.
Василій-то сынъ Буславьевичъ
Куплится нагимъ тѣломъ,
И говоритъ дѣвушка Черпавушка:
— Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Какъ ты куплишься нагимъ тѣломъ:
— Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
— Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ.—
Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
« Посмотримъ косточки сухояловы. »
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючь камень.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Станемъ скакать черезъ бѣлъ горючъ камень. »
И стали скакать черезъ бѣлъ горючъ камень.

(*) Т. е. голую кость, отъ яловый, пустой.

Дружина скачетъ передомъ,
А онъ Василій сынъ Буславьевичъ
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И упалъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И раскололъ буйную головушку,
И остался лежать вѣкъ по вѣку.

[Отъ него же].

—

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

41.

[Повѣнецкій уѣздъ, дер. Кямоницы.]

Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ опыма (*) своей буйной головой,
« Что я у васъ повыкуплю товары всѣ,
« Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу:
« Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
« Да на свои корабли повыгрузить,—
« Отдамъ отсѣчь свою буйную голову! »
И сталъ онъ въ Новѣгородѣ гулять,
Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость:
« Дружги и братья корабельщики!
« Катайте-ко якори съ синя моря,
« Распущайте-ко парусы полотняные! »
И всѣхъ кораблей было тридцать три:

(*) Съ Новогородцами.

Единый корабль передомъ пошелъ,
На которомъ ѣдетъ Садко купецъ богатый гость.
И ѣдетъ Садко купецъ, богатый гость, середи моря,
И остановился корабль Садки купца богатаго.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:
« Ай же, дружки-братья корабельщики!
« Берите-ко щупы желѣзныя,
« Щупайте во синемъ морѣ:
« Нѣтъ ли луды или камени,
« Нѣтъ-ли отмели песочныя?»
Тутъ скрычалъ Садко купецъ, богатый гость:
« Эй вы, дружки-братья корабельщики!
« Вы спускайте во сине море якори мертвыи
« И становитесь всѣ по поряди.»
Оны кидали якори мертвыи
И становились всѣ по поряди,
И собиралися на одинъ корабль.
И говоритъ Садко купецъ:
« Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
« Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
« Другую насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга,
« Положите на дощечку золоту казну
« И бросьте дощечку во сине море.
« Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
« А Поддонному царю пошлины не плачивалъ:
« Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ!»
Положили на дощечку золоту казну:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголемъ плыветъ.
Тутъ говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
« Вѣрно не пошлины Поддонный царь требуетъ,
« А требуетъ онъ голову человѣческу!
« Возмите-тко дерево сосновое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,

« Подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море,
« Ко тому царю ко Поддонному.»
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребья гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—сосновое!
« А возмите вы дерево еловое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« И подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море,
« Ко тому царю ко Поддонному.
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это дерево есть неправое,
« Неправое дерево—еловое!
« Возмите-ко дерево ольховое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
« И подпишите подпись по отечеству:
« Кому у насъ братцы, итти во сине море,
« Ко тому ко царю ко Поддонному?»
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое!
« А возмите-ко дерево дубовое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« Подпишите подпись по отечеству.»

Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—дубовое!
« А возмите-ко дерево кипарисное,
« И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« И подпишите жеребьи по отечеству:
« На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распятъ есть,
« Это есть дерево правое,
« Правое дерево—кипарисное.
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросали жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Видно бѣда пришла мнѣ неминучая
« Самому Садку купцу богатому,
« Пттить будетъ во сине море.
« Насыпьте-ко, братцы, мису чиста серебра,
« Другу насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы угодника,
А во лѣвую гусли яровчаты (*),
Камочку Сибирскую да заморскую,
Въ которой пагрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи пагрыши, Сибирскіи.

(*) Опредѣленіе гусель въ 123 ст. и слѣд. отнесено пѣвцомъ къ каликѣ.

И приказалъ Садко купецъ, богатый гость,
Мисы класть на дощечечку,
И самъ садился на тую же:
И будто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменемъ ко дну.
И приняло дощечку во синемъ морѣ
Ко той палаты бѣлокаменной,
А корабли его всѣ въ ходъ пошли.
А онъ пришелъ въ палату бѣлокаменну
Ко тому царю ко Поддонному,
Онъ ему съ царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Зачѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говоритъ Поддонный царь:
— Я затѣмъ тебя сюда требовалъ:
— Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
— Что у васъ на Руси есть дорого?
— У насъ съ царицею разговоръ идетъ,
— Злато или серебро на Руси есть дорого,
— Или булатъ-желѣзо есть дорого?—
Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Я скажу тебѣ и повѣдаю:
« У насъ злато-серебро на Руси дорого,
« А булатъ-желѣзо не дешевлѣя;
« Потому оно дорого,
« Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
« А безъ булату-желѣза жить-то неможно,
« А неможно жить вѣдь никакому званію.»
Говоритъ ему Поддонный царь:
— Что у тебя есть во правой руки
— И что у тебя есть во лѣвой руки?—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Есть у меня во правой руки

« Образъ Миколы угодника,
« А во лѣвой руки гусли яровчаты.»
Тутъ беретъ Садко купецъ, богатый гость,
Беретъ онъ гуселышки яровчаты:
Тутъ Поддонный царь распотѣшился
И началъ плясать по палаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко ровно три часу.
Говоритъ ему царица Поддонная:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Сломай-ко ты гусли яровчаты:
— Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
— А скачетъ царь по крутымъ берегамъ;
— Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
— Безповинныя буйны головы.—
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И привалъ струны золоченыя.
Тутъ Поддонный царь велитъ играть,
Велитъ играть друго три часу;
Тутъ отвѣтъ держитъ Садко купецъ, богатый гость:
« У меня сломались гусли яровчаты.»
Говоритъ ему Поддонный царь:
— У насъ есть слесаря, и починятъ ихъ.—
Говоритъ Садко купецъ богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Не починить здѣсь моихъ гуселышекъ яровчатыхъ:
« Надо починить—на Русь сходить.»
Говоритъ ему Поддонный царь:
— Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—
Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
« Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
Тутъ пошелъ Поддонный царь по хорошихъ дѣвицъ.
Говоритъ ему царица Поддонная:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонный царь,

— Такъ въ той толпы княгини ты не выбери,
— А скажи царю ты Поддонному,
— Что въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;
— Такъ приведетъ царь толпу другую,—
— И въ другой толпы княгини ты не выбери;
— А третью толпу приведетъ Поддонный царь,—
— Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
— Которая идетъ позади всѣхъ,
— Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
— Тогда ты будешь на святой Руси,
— Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
— Увидишь и солнце красное.—
Тутъ привелъ царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садко купца богатаго
Выберать себѣ княгину по разуму.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь толпу другую,
И говоритъ онъ Садку купцу богатому:
— Выберай княгину ты по разуму.—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь
Толпу дѣвицъ третью,
И говоритъ Садку купцу богатому:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Выберай княгину ты по разуму.—
Въ той толпы Садко купецъ, богатый гость,
Сталъ выберать себѣ княгину по разуму
И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Эта мнѣ дѣвица полюбилася. »
И тую дѣвицу царь за его отдалъ,
И далъ ему въ приданыихъ

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга.
Отвезли Садка во ложню спать,
Заснулъ Садко купецъ богатый во крѣпкій сонъ.
Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу,
На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

[Записано въ 1862 г. отъ Корсяка кр. Василья Лазарева.]

—

тоже.

42.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Во славноемъ было во Новѣ-градѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость.
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,—
Все-то у Садка по небесному.
Непроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Вы берите золотой казны по надобью,
« Поѣзжайте въ славенъ въ Новгородъ,
« Откупите-ко товары въ Новѣ-градѣ,
« Чтобы больше товаровъ тамъ не было. »
Слушали дружинушки, прикащики его,

Они брали золотой казны по надобью,
Ѣхали во славенъ въ Новгородъ,
Откупали товары въ Новѣ-градѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Еще берите золотой казны по надобью,
« Поѣзжайте въ славенъ въ Новгородъ,
« Откупите-ко товары во Новѣ-градѣ,
« Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Они брали золотой казны по надобью,
Ѣхали въ славенъ въ Новгородъ,
Откупали товары во Новѣ-градѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Не я-то богатъ, богатъ Новгородъ!»
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Вы берите золотой казны по надобью,
« Стройте-тко тридцать кораблей,
« Носъ-корму кладите по звѣриному,
« Бока-то сведите по змѣиному,
« Мачты кладите красна деревца,
« Блочики кладите все кизюлыные,
« Канатики кладите шелковые,
« Паруса кладите полотняные,
« Якори кладите все булатніе;
« По дорогу по камешку по яхонту
« Вмѣсто глазъ вы вставливайте,
« По черному по соболю Сибирскому
« Вмѣсто бровъ продергивайте,
« По бурыя лисицы по Сибирскія
« Вмѣсто ушей повѣсьте-тко.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Брали золотой казны по надобью,

Дѣлали дѣло повелѣное.
Тутъ-то Садко поѣздъ держалъ
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, они летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Послушайте стараго хозяина,
« Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
« И на жеребьяхъ имена подписывайте,
« И бросайте-тко жеребья на воду.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребья на воду:
Всѣ-то жеребья, какъ гоголи пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Послушайте стараго хозяина,
« Вы тешите дощечики дубовенькія
« И бросайте дощечики на воду,
« Садите Садка купца, гостя богатаго,
« На тыя дощечиньки дубовенькія
« И полагайте мнѣ гуселки яровчаты.»
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики дубовенькія
И полагали ему гуселки яровчаты.

Какъ онъ сѣлъ онъ на тыя дощечики дубовенькія, заигралъ въ гуселышки яровчаты, взялъ его къ себѣ Водяной царь. И стали въ водяномъ царствѣ спорить царь съ царицею. Царь споритъ: «Булатъ злата дороже». А царица споритъ: «Злато булата дороже». И спрашиваютъ Садка: «Что у васъ на Руси дороже, злато али булатъ?» И говоритъ Садко: «У насъ на Руси булатъ дороже злата, потому что булатомъ злато достаютъ.» И сталъ Садко играть въ гуселки яровчаты, и расплясался Водяной царь, и всколыбалось сине море. Тутъ Садка-то унялъ Николай чудотворецъ: «Ты де игрой, а царь пляской много головъ неповинныхъ погубили».

[Записано со словъ крестьянина Г. Федотова, въ г. Петрозаводскѣ 27 Іюня 1863 г.]

—

ТЕРЕНТІЙ МУЖЪ ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

43.

[Пудожскаго уѣзда Уношскій погостъ.]

Жилъ-былъ Терентій мужъ,
Жилъ-былъ Данильевичъ.
У него сдѣлалась незгода великая,
Сдѣлалась жена трудна-больня,
Трудна-больня, очень немочна.
И спустился недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы и до пупа,
А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
Говоритъ Терентью жена:
« Ай же ты, Терентій мужъ,
« Ай же ты, Данильевичъ!
« Поди, сходи найной (*) городъ,
« Поищи молодыхъ скомороховъ,

(*) На иной.

« Молодцевъ поученыихъ,
« Чтобы меня молоду вылечили,
« Чтобы меня молоду выпользовали.»
Пошелъ бѣдный Терентій мужъ,
Пошелъ бѣдный Данильевичъ
На чужу дальну сторону
Искать молодыхъ скомороховъ,
Молодцевъ поученыихъ.
Прошедши онъ Орѣховецъ,
А не дошедши до Онтоновца,
На мосту на Калиновомъ,
У креста Леванидова,
Стрѣтились молодые скоморохи,
Молодцы поученые,
И сами говорятъ таково слово:
« Здраствуй, Терентій мужъ,
« Здраствуй, Данильевичъ!
« Ты куда пошелъ,
« Куда путь держишь?»
— А ей же, вы братцы,
— Молодые скоморохи!
— У меня сдѣлалась дома незгода велпкая.
— Сдѣлалась жена трудна-больня,
— Трудна-больня, очень немочна:
— Спустился у ней недугъ въ буйну голову,
— А съ буйной головы до пупа,
— А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
— А вы бы, добры молодцы,
— Выпользовали и вылечили!—
Они говорятъ таково слово:
« Ай же ты, Терентій мужъ,
« Ай же ты, Данильевичъ!
« Сходи во Холстинской (*) рядъ,
« Купи Холстинской мѣхъ.»

(*) Голштинскій.

Тутъ-то Терентій мужъ
Скоро скочилъ во Холстинской рядъ,
Купилъ Холстинской мѣхъ,
Приносилъ имъ Холстинской мѣхъ.
Взяли-посадили мужа Терентья
Во Холстинской мѣхъ,
Понесли Терентья мужа
Къ Терентьевой жены подъ окно,
Они просятся и колотятся:
« Ай ты, Терентьева жена!
« Дома-ль Терентій мужъ,
« Дома-ль Даниљевичъ?»
А Терентьева жена
Кидалась въ окошечко
Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
— Здраствуйте, молодые скоморохи!
— Не слыхали ли и не видали ли
— Терентья мужа?—
« Ай же ты, Терентьева жена!
« Нѣту Терентья мужа жива,
« Лежитъ буйной головой во ракитовъ кустъ,
« А рѣзвыми ножками во кувыль травы,
« Сквозь бѣло тѣло трава проросла,
« И цвѣты разцвѣли. . . . . .
« Ай же ты, Терентьева жена!
« Пусти насъ въ свой высокъ теремъ
« Въ гуселки поиграть,
« Станемъ Терентья поминать.»
Говоритъ Терентьева жена:
— Ай же вы, молодые скоморохи,
— Молодцы поученые!
— Подьте во высокъ теремъ
— И играйте во гуселышка,
— Поминайте Терентьюшка.—
Тутъ молодцы поученые
Скоро скочили во высокъ теремъ,

Они Богу помолилися,
На всѣ стороны поклонилися,
Терентьевой жены въ особину:
« Здраствуй, Терентьева жена!
« Пусти въ гуселышка поиграть
« И Терентья поминать.»
Говоритъ Терентьева жена:
— Играйте, молодцы поученые,
— Во гуселышка яровчаты
— И поминайте Терентья постылаго,
— Постылаго Терентья и супостатаго.—
Они стали во гуселышка поигрывать
И къ мѣшку приговаривать:
« Слышишь-ли, Холстинской мѣхъ?
« Тебя не позачь бранятъ,
« А въ очи говорятъ.»
Тутъ Терентій мужъ,
Выскочилъ съ мѣшка Холстинскаго,
И хватилъ гирю безмѣнную,
Сталъ молоду жену окладывать
И недуговъ выправливать.
На кровати тесовыя,
На перины пуховыя
Лежитъ молодецъ въ рубахѣ красныя:
Зачалъ Терентій мужъ,
Дѣтину безмѣнной гирей укладывать
И недуговъ выправливать.

[Отъ крестьянина дер. Уной губы Гаврилы Амозова.]

—

V. MOCKBA.

КОСТРЮКЪ КОСТРЮКОВЪ СЫНЪ, МОЛОДОЙ ЧЕРКАШЕНИНЪ.

44.

[Пудожскаго уѣзда Уношскій погостъ.]

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлешнихъ короляхъ,
Царица-то крымская,
Упала (*) татарская,
У царя сдоложилася,
А съ Кострюкомъ подумилася,
Съ молодымъ сговорилася
Ѣхать во землю во русскую,
Въ сильно царство московское,
Отвѣдать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились, и поѣхали.
До Москвы не доѣдучи,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Шатры раздернули
Бѣлополотняные,
Столы разставили
Бѣлодубовые.
И пишетъ ерлыкъ скорописчатый,
Посылаетъ посла въ каменну Москву:
« Ай же ты, молодой посолъ!
« Нейдь (**) прямо воротами,
« А идь чрезъ стѣну городовую,

(*) Упава—красавица (или же усѣченная форма женск. рода отъ упалый).

(**) Не ѣзди.

« Прямо на царскій дворъ;
« Ко крылечку перенному,
« Ко столбу ко точеному,
« Ко колечку золоченому,
« Прикуивай (*)-привязывай
« Своего коня добраго;
« А поди въ палату бѣлокаменну,
« Во гривню столовую,
« Бѣла лица не крести,
« А государю челомъ не бей,
« А грамоту посольную,
« Положи на дубовый столъ,
« Говори царю не съ укладкою,
« Говори со прикладкою:
« « Ай же ты, Грозный царь
« « Иванъ Васильевичъ!
« « Вотъ тебѣ грамота посольная
« « Отъ Кострюка сына Кострюкова.
« « Чисти улки съ пріулками,
« « Дворы съ придворками,
« « Конюшни споражнивай,
« « И дворы разглаживай,
« « И питья размѣривай,
« « Ѣства налаживай,
« « Ѣства сахарнія,
« « Питья медвяныя;
« « И вываживай-налаживай
« « Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
« « Молодушекъ станицами
« « И удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
« « Ѣдетъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
« « Молодой Черкашенинъ,
« « Съ царицею крымскою,
« « Съ Упалой татарскою,

(*) Приковывай.

« « Ѣдетъ въ Москву поборотися,
« « Отвѣдать сила богатырская,
« « Плечо молодецкое:
« « Тридцать ордъ воевалъ,
« « Тридцать борцовъ боролъ,
« « Не могъ отвѣдать силы богатырскоей,
« « Плеча молодецкаго.
« « А не дашь ему борчика,
« « Удала добра молодца,
« « Все царство твое приплѣнитъ
« « И головней покатитъ,
« « А тебя царя въ полонъ возметъ..»»
И поѣхалъ молодой посолъ,
Татаринъ нечистыій,
Татаринъ поганыій,
Въ землю во русскую,
Въ сильно царство московское;
Не ѣхалъ онъ воротами,
Ѣхалъ прямо чрезъ стѣну городовую,
Заѣхалъ онъ на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому
Прикуивалъ-привязывалъ
Своего коня добраго,
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Во гривню столовую,
Бѣла лица не креститъ,
А государю челомъ небьетъ,
Кладываетъ грамоту посольную,
На дубовыій столъ,
И говоритъ царю не съ укладкою,
Говоритъ со прикладкою:
« Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Вотъ тебѣ грамота посольная

« Отъ Кострюка сына Кострюкова.
« Чисти улки съ пріулками,
« Конюшни споражнивай,
« Дворы разглаживай,
« Питья размѣривай,
« Ѣства налаживай,
« Ѣства были бы сахарнія,
« А питья медвяныя;
« И вываживай-налаживай
« Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
« Молодушекъ станицами,
« Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками. »
Убоялся тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ
Грозы великія Кострюковыя:
И тутъ чистилъ улки съ пріулками,
Конюшни споражнивалъ;
Дворы разглаживалъ,
Питья медвяныя размѣривалъ;
Ѣства сахарнія налаживалъ,
Тутъ вываживалъ-налаживалъ
Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
Молодушекъ станицами,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
И наѣхалъ тутъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ
На широкій дворъ на царскій,
Ко крылечку перенному;
Идетъ по нову крыльцу,—
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
Ступеньки подгибаются.
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Во гривню столовую,
Не креститъ бѣла лица,
А государю челомъ не бьетъ,
А садится за столы дубовые,

За ѣства сахарнія,
За питья медвяныя,
И сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ
И бѣлы лебеди не рушаетъ.
И говоритъ тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
— Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь
— И бѣлой лебеди не рушаешь?»—
А царица-то Крымская,
Поляница удалая,
Говоритъ царю:
« Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Далъ бы Кострюку,
« Далъ бы ты удалому
« Борца поборотися,
« Отвѣдать сила богатырская,
« А плечо молодецкое,
« Тошто бы сталъ Кострюкъ,
« Ѣсть-пить-кушати
« И бѣла лебедь рушати.
« А не дашь ему борчика,
« Удала добра молодца,
« Отвѣдать сила богатырская,
« Плечо молодецкое,
« То все твое царство приплѣнитъ
« И головней покатитъ,
« А тебя царя въ полонъ возметъ.»
Тутъ говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Ѳедька дьякъ,
— Молодой посолъ!
— На ножку припадываешь,

— Съ подлобья выглядываешь.
— Поди-ко, выскочи
— Середи царства русскаго,
— Государства московскаго,
— И закричи во всю голову,
— Чтобы слышно было во всю Москву:
— Есть ли въ Москвы борцы,
— Добры молодцы?—
Въ Москвы борцовъ не случилося,—
Случилось съ Подпятницкой пятины,
Съ Подвологодской стороны,
Два братца родимыихъ,
Они дѣти Ондреевы,
Родомъ Поволжана:
Одного зовутъ Ѳедькою,
А другово Михалкою.
Ѳедька-то хвалится,
А Михалка нарывается
Съ Кострокомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися.
Будутъ борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ!
— Хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А удалы добры молодцы,
— На дворѣ стоятъ.—
Не орелъ головы здынулъ,
А Кострюкъ чрезъ столъ скочилъ,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавилъ,
Тридцать поганыихъ задавилъ.
Татара лежатъ,
Будто мыши пищатъ,

А сами клянутся да проклинаются:
« Дай тебѣ, Господи,
« Скокомъ на дворъ итти,
« А со двора раскоракою!»
Онъ Михалку разъ поткнулъ,
И въ другой поткнулъ,
И третій поткнулъ:
Стоитъ Михайла, не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говоритъ Михайла борецъ,
Удалой доброй молодецъ:
— Ай же ты, Грозный царь
— Иванъ Васильевичъ!
— Благослови-ко Кострюка бороть,
— Благослови-ко молода бороть,
— И благослови рука-нога ломить,
— А глазъ вонъ воротить.—
Говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Михайла борецъ,
« Удалой доброй молодецъ!
« Еще Богъ тебѣ пособилъ бы
« Кострюка побороть, молодаго одолѣть,
« И рука-нога ломить,
« И глазъ вонъ выворотить!»
Тутъ Михайла борецъ,
Удалой доброй молодецъ,
Припадывалъ пониже себя,
Выздымливалъ повыше себя,
Выше церкви соборныя,
Михаила архангела,
Креста Благовѣщенска,
Ивана Великаго,
Опускалъ о сыру землю.
Тутъ на немъ кожа-то треснула
Съ бѣлой шеи до гузна,

Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломилъ
И глазъ выворотилъ.
Тутъ царица Крымская,
Поленица удалая,
Въ упалу (*) пріѣхала,
А не въ упалу поѣхала,
Поѣхала по заднимъ по выходамъ.

(Отъ крестьянина дер. Уной губы Гаврилы Амозова.)

—

ГРИШКА РАЗСТРИГШІЪ.

45.

[Петрозаводскій уѣздъ. Кижская волость.]

На насъ, братцы, Господи разгнѣвался, (1)
На славное царство россійское,
На россійское царство, на московское:
Далъ Господи царя несчастливаго;
Называется собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Дмитріемъ,
Дмитріемъ царевичемъ московскимъ.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака пожецитися;
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвы,
Пожепился воръ-собака въ хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердобольскаго (**),
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушкѣ Юрьевной.
Оны свадьбу играли во Филиповъ постъ,

(*) Т. е. въ упаву, хупаво, хорошо.

(*) Прилаг. Сердобольскій (отъ Сердоболь, г. Выборгской губ.) явно замѣняетъ прежнее «Сендомірскій.»

Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,—
Миколы-то было въ пятницу.
Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ко тыя ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка-Разстрижка во мыльню пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка-Разстрижка въ мыльны моется,
Со душечкой со Маринушкой блудъ творитъ.
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,
Воръ Гришка-Разстрижка со мыльны идетъ
Съ душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушкѣ саятъ (*) въ цѣлу тысячу (2).
Говоритъ воръ-Гришка таковы слова:
« Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
« Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
« Ты не кланяйся, Марина, князьямъ-боярамъ,
« Проходи-то, Марина, за дубовый столъ,
« Кушай-рушай лебедь бѣлую.
« Послушай, Марина, что я говорю:
« Проживу буде я три часа,
« Проживу, Марина, тридцать лѣтъ;
« Не проживу буде я трехъ часовъ,
« Не прожить мнѣ-ка и трехъ годовъ. »
Выскакивалъ собака на крылечико на царское,
Закричалъ воръ-собака громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому (3).

(*) Саятъ или саянъ—женское платье, сарафанъ, юпка.

50. Да еще тутъ господа всѣ Московскіе
Собирались господа во единый кругъ,
И думали думушку общую,
И придали Гришкѣ смерть скорую.

Пропѣвъ былину, сказитель пояснилъ, что Гришка просидѣлъ въ тюрьмѣ тридцать лѣтъ и въ это время нарочно заростилъ крестъ въ бѣлыя груди, чтобы походить на Дмитрія царевича. А у настоящаго царевича, какъ онъ родился, крестъ былъ въ бѣлой груди.

[Записано со словъ крестьянина Г. Ѳедотова, въ г. Петрозаводскѣ 27 Іюня 1863 г.]

—

(1) Въ варіантѣ, записанномъ со словъ Бутылки, начало былино таково:

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережатая,
5. Воцарился воръ Гришка Разстрижка Отрепьевъ сынъ.

(2) Вмѣсто 32 и 33 стиха:

На Гришкѣ кафтанъ красна золота,
На Маринкѣ рубаха чиста серебра.

(3) Послѣ 49 стиха слѣдуетъ:

50. « Ай же вы, князи-бояра,
« Очищайте Москву бѣлокаменну:
« Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ дальній гость,
« Дальній гость-любимый тесть. »

(Петрозаводскъ 29 Іюня 1863 г).

—

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

46.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
У того царя сударь Алексѣя Михайловича Московскаго.
Выходилъ какъ онъ изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь-царь:
« Ай же вы, князи, думные бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Надо думать крѣпка дума, не продумать.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« Даваетъ ли намъ Хинскую землю.
« Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Аль намъ за Смоленецъ постояти,
« Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь Астраханскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копѣйки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмите у нихъ Хинскую землю!—
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Аль намъ за Смоленецъ постояти,
« Аль намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ второй князь Бухарскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ ни сколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копѣйки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ себѣ Хинскую землю.—
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Надо думать крѣпка дума, не продумать.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« А даваетъ намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Али намъ за Смоленецъ постояти,
« Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ князь Данила Милославской,
Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:
— Ты ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не литовско,
— А Смоленецъ есть строенице московско;
— Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,
— Во Смоленцѣ казны есть—смѣты нѣту:
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю!—
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ты ай же, князь Данила Милославской!
« Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,
« Я пожалую во Смоленцѣ воеводой. »
Астраханскаго-то взялъ-повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

[Записано со словъ крестьянина Пудожгорскаго погоста Бутылки, 29 Іюня 1863 г.]

—

тоже.

42.

[Пудожскаго уѣзда, Марнаволокскій или Уношскій погостъ.]

Жилъ былъ государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.
И выходитъ отъ ранной заутрени Христосьской,
И ставится на лобное мѣсто,
И на всѣ стороны государь поклонился,
И спроговорилъ надежа-государь-царь:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, а и не продумать бы.
« Что наступаетъ король литовскій,

« Наступаетъ-то на городъ на Смоленецъ.»
А изъ большихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Онъ близенько къ государю подходитъ,
Онъ низенько государю поклонился,
И спроговорилъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови словцо сговорити,
— А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско:
— Во Смоленцѣ силы нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія
— И безъ большаго кроволитія.—
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
И спроговорилъ государь-царь:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, и не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постоять?»
Изъ середнихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
И спроговоритъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ словцо сговорити,
— А не прикажи за словцо сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Силы во Смоленцѣ нѣту, казны не бывало
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія,
— Безъ большаго кроволитья.—

А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
И спроговоритъ государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, а не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постоятн?»
Изъ меньшихъ бояръ боярин выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
И спроговоритъ меньшій боярин:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ словечко сговорити,
— А не прикажи за слово сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не литовско,
— А Смоленецъ есть строенице московско,
— Во Смоленцѣ силы сорокъ тысячъ,
— Казна есть безчетна:
— Надо намъ постоять за Смоленецъ,
— А не надо намъ отдавати.—
И спроговоритъ слово государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ты знаешь съ государемъ говорити:
« Поѣзжай-ко во Смоленецъ воеводой,
« Постой за городъ Смоленецъ.»
Этихъ первыхъ двухъ бояриновъ
Приказалъ царь сказнити.

[Отъ крестьянина дер. Ушой губы Гаврилы Амозова.]

—

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

48.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

А не куличенька по болоту куликаетъ,
Какъ самъ большой князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздитъ-гуляетъ, со полкамы,
Что со тыма со полкамы, съ конными егарямы.
Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ-гадаетъ,
Ужъ какъ думаетъ-гадаетъ, сразмышляетъ:
« Опце гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
« Если полюшкомъ ѣхать, ему очень князю пыльно;
« Если лѣсушкомъ князю ѣхать, ему очень страшно;
« Что болотамы князю ѣхать, ему было грязно;
« Что Москвою князю ѣхать, ему было стыдно:
« Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою-Тверскою,
« Что Ямскою-Тверскою, глухимъ переулкомъ.»
Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
Скидываетъ го князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился онъ князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился, самому Государю всѣхъ ему пониже:
« Ужъ ты здравствуй, нашъ Государь Императоръ!
« Опце жалуешь насъ, Государь, малыма чинамы,
« Опце жалуешь насъ, Государь, мелкима селамы,
« Пожалуй-ко, Государь, Малымъ-Ярославцемъ.»
— Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбился?—
« Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы.»

(Отъ Леонтія Богданова.)

—

СЫНЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

49.

(Тамъ же).

А что во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Откуль взялся-проявился тутъ незнамый человѣкъ,
Баско-щепетко по городу погуливаетъ,
Бархатный камзольчикъ на распашечку одѣтъ,
Черна шляпонька съ прозументомъ на русыхъ на кудряхъ.
А что увидѣлъ-то молодца воевода со крыльца,
Скрычалъ-то воевода своимъ громкимъ голосомъ:
« Охъ вы, сходите-приведите удала молодца,
« Удала молодца со царева кабака! »
Приводили молодца къ воеводѣ на дворъ,
Сталъ же воевода его допрашивать:
« Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ!
« Ты которыхъ родовъ, которыхъ городовъ:
« Съ Казани-ль ты, съ Рязани-ль, али съ Астрахани? »
— Не съ Казани я, не съ Рязани, не изъ Астрахани:
— Уже есть я, молодецъ, Стеньки Разина сынокъ.
— Что хотѣлъ мой батюшка къ вамъ въ гости побывать:
— Ты умѣй же его стрѣчать, его подчивати.—

[Отъ Л. Богданова.]

—

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

50.

(Черниговской губерніи.)

Емельянъ Пугачевъ природою съ Дона,
Въ Рассеи какъ дома;
Пришелъ онъ въ Рассею съ малой дружиной,
А сдѣлалъ ее со великой кручиной. . . .

(Списано въ 1859 г., съ подписи подъ старинными изображеніемъ Пугачева.)

—

VI. БЫЛИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ: КНЯЖЕНЕЦКІЯ, МОЛОДЕЦКІЯ, БЕЗЪИМЕННЫЯ.

О ДВУХЪ ЛИВИКАХЪ.

51.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости.)

На Паневѣ на Улановѣ
Жило-было два Ливика,
Королевскіе два племянника.
Воспроговорятъ два Ливика,
Королевскіе два племянника:
« Ай же ты, нашъ дядюшка,
« Чумбалъ король земли литовскія!
« Дай-ко намъ прощеньице и благословеньице
« А съѣздить намъ на святую Русь,
« Ко тому ко князю Роману Митріевичу.»
Воспроговоритъ имъ дядюшка:
— Ай же вы, два Ливика,
— Королевскіе два племянника!
— Колько ни я на святую Русь выѣждивалъ,
— А счастливъ съ Руси не пріѣждивалъ.
— А вы лутче поѣдьте-тко
— Ко тому ко городу ко красному,
— Ко тому селу ко высокому:
— Ижно тамъ есте
— Добры молодцы по спальнямъ засыпалися,
— А добрые кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ заплеснѣла.
— И получите вы того больше добрыхъ молодцевъ,
— И получите вы того больше добрыхъ коней,
— И получите вы того больше цвѣтна платьица,
— И получите вы того больше золотой казны.—
Тутъ они, два Ливика,

Королевскіе два племянника,
Отъѣздъ держатъ ко городу ко красному,
Ко тому селу ко высокому.
Получили того больше добрыхъ молодцевъ,
Получили того больше добрыхъ коней,
И получили того больше цвѣтна платьица,
И получили того больше золотой казны,
И тутъ отъѣхали на широко далече на чисто поле,
И опочевъ держатъ со великою со радостью.
Тутъ два Ливика раздумались:
« А не честь-хвала намъ молодецкая
« А намъ не съѣздить на святую Русь,
« Ко тому князю Роману Митріевичу. »
Тутъ отъѣздъ держатъ на святую Русь,
Ко тому князю Роману Митріевичу.
Пріѣхали къ перву селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
Стояло три церкви соборныя,
Тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали ко втору селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
Стояло шесть церквей соборныихъ,
Соборныихъ и богомольныихъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали къ третью селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
Стояло девять церквей соборныихъ,
Соборныихъ и богомольныихъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли,
И полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митріевичну
Со тымъ младенцемъ двуемѣсячнымъ.
Пришла вѣсточка нерадостна
Ко тому князю Роману Митріевичу:
Налетала птица, мала пташица,
И садилася ко тому князю Роману Митріевичу,

Въ зеленый садъ на сырой дубъ,
Распустила перья до сырой земли,
А сама стала пѣть-жупѣть и выговаривать:
— Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ есть!
— Ужъ ты ѣшь-пьешь и проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Какъ не стало перва села и высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Литвика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя втора села и высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Литвика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя третья села высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Литвика огнемъ прижгли,
— И полонили они полоняночку,
— Молоду Настасью Митріевичну
— Со тымъ младенцемъ двуемѣсячнымъ.—
А онъ кинулъ головушку между плечье,
А утупилъ ясны очи во калиновъ мостъ:
« Ай же вы, нечистые, поганые два Литвика,
« Королевскіе два племянника!
« А не вамъ бы щенкамъ бѣлогубымъ
« Надо много старикомъ насмѣхатися.»
А хватилъ ножище-кинжалище,
А ударилъ онъ во дубовый столъ,
А прошло-то ножище-кинжалище
Скрозь дубовый столъ во калиновъ мостъ
И во сыру землю по черенье.
И взималъ онъ князь Романъ Митріевичъ
Силушки сорокъ тысячей,
И пріѣхалъ ко той рѣкѣ къ Смородины.
А первая сила пила нападкою,
А другая роскатнымъ шеломомъ,
А третья пила почерпугами.
И воспроговоритъ князь Романъ Митріевичъ:

« Вся моя дружина вы хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большаго атамана:
« И берите вы жеребья поволжаные,
« И всякъ имена свои подписывайте,
« И спускайте жеребья на ту рѣку на Смородину.»
И коя сила пила нападкою,
А тыи жеребья каменемъ въ воду;
А коя пила роскатнымъ шеломомъ,
Тыи жеребья внизъ быстринъ пошли;
А коя пила почерпугами,
Тыи жеребья встрѣчъ быстринъ пошли.
Говоритъ князь Романъ Митріевичъ:
« А не надобно мнѣ-ка силушки сорокъ тысячей,
« А я возьму силы три тысячи:
« А перва сила будетъ ранена,
« А друга сила во полонъ взята,
« А третья сила со радостью, со веселостью.»
И отъѣздъ держалъ отъ той рѣки отъ Смородины
Ко тому селу ко высокому,
Ко высокому и что не лутчему.
И обвернулся онъ князь Романъ Митріевичъ
Сѣрымъ волкомъ заполнѣимъ,
Запольнимъ волкомъ и подъугольнѣимъ,
И заходилъ онъ къ тымъ Либикамъ,
Королевскѣимъ двумъ племянникамъ,
Во тыя во конюшни стоялыя,
И добрыхъ коней повыкололъ,
И глоточки повыхваталъ.
И обвернулся онъ бѣлымъ маленькимъ горностаемъ,
И заскакалъ онъ въ оружейную,
И у оружьицевъ замочики повывертѣлъ,
И по чисту полю пораскидалъ.
И заскочилъ онъ тутъ во лучейную,
У тугихъ луковъ тетивочки повыщелкалъ
И по чисту полю пораскидалъ.

И заскакалъ онъ тутъ во бѣлой шатеръ,
И сталъ по бѣлу шатру побѣгивать,
Побѣгивать и похаживать,—
И весь шатеръ сталъ продрагивать (*).
И речетъ младенчикъ двуемѣсячной,
Двуемѣсячной и двуюхъ годовъ:
— А ты спишь-не спишь, родимая мать,
— Молода Настасья Митріевична?
— А это похаживать и проступывать
— И не бѣленькой маленькой горносталекъ,
— А похаживать-проступывать нашъ дядюшка,
— Князь Романъ Митріевичъ есть.—
Эти рѣчи Ливикамъ не слюбилися,
И скоро ли тутъ отъ крѣпкаго сну пробуждалися,
И взимали тутъ шубу черныхъ соболей,
И стали бѣлаго малаго горносталя поганивать,
И шубой соболиной пріокидывать,
И окинули шубою соболиною;
И увертливый и догадливый,
Бѣлый маленькій горносталекъ
Выскакалъ онъ сквозь тонкой рукавъ,
И на окошечко, а съ окошечка и на уличку,
И обвернулся чернымъ ворономъ
Заполынимъ и подъугольнимъ.
И слетѣлъ воронъ въ чисто поле,
И сѣлъ воронъ на сырый дубъ,
И распустилъ перье до самой земли,
И заграялъ воронъ во первый наконъ.
А заговорятъ тутъ два Ливика:
« А не грай, воронъ чернымъ черенъ!
« А возьмемъ мы оружьица,
« И стрѣлимъ мы тебя черна ворона,
« А прольемъ мы кровь по сыру дубу,
« Распустимъ перье по чисту полю. »

(*) Вар. Ино весь шатеръ сталъ продрагивать.

А того воронъ не спрашиваетъ,
И заграялъ воронъ во второй наконъ.
Зговорятъ два Ливика,
Королевскіе два племянника:
« А не грай, воронъ чернымъ черенъ,
« Упалый воронъ и усталый!
« А возмемъ мы туги луки,
« И стрѣлимъ тебя черна ворона,
« Упалаго и усталаго,
« Мы прольемъ кровь по сыру дубу
« И распустимъ перье по чисту полю.»
И того воронъ не спрашиваетъ,
Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
И вся сила нахлынула,
Двухъ Ливиковъ въ полонъ брали,
Брали въ полонъ и избезчестили:
Одному изъ нихъ глаза выкопали,
И другому руки-ноги повыломали
(И сдѣлали несчастныма уродамы),
И послали двухъ Ливиковъ
Во свою землю жить несчастныма.
И пріѣхали они во свою землю,
А стрѣчаетъ ихъ родной дядюшка,
Чумбалъ король земли литовскія:
— Живите вы теперь вѣкъ свой уродамы.—
И тутъ они два Ливика
Съ той тоски великія кончалися.

(Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской Потапа Трофимова Потахина.)

—

О НАСТАСЬѢ КОРОЛЕВИЧНѢ ПОЛИТОВСКОЙ.

52.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Какъ бы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы младъ соловей
По мхамъ, по болотищамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца
Не служба государева,
(Не наборы солдатскіе),
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской украины.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву:
« Ты батюшко, король литовскій!
« Прими-ко меня во слуги-рабы,
« Во слуги-рабы, хоть во конюхи,
« Избавь меня отъ службы государевой. »
Положилъ онъ добра молодца во конюхи,
Цѣну онъ назначилъ ему по сту въ годъ.
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ онъ молодца во стольники,
Положилъ онъ молодцу по двѣсти въ годъ.
Я во стольникахъ жилъ три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,

А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники,
Положилъ онъ молодцу по триста въ годъ.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три году,
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ (*).
У того короля литовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю литовскому:
« Батюшко король литовскій,
« Литовскій король, земли польскія!
« Мнѣ дай ко кроваткѣ кроватничка.»
Говорилъ король политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей.—
Говорила Настасья королевична:
« Мнѣ не надо ко кровати кроватничка
« Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
« Мнѣ не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
« Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
« А ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
« Своего дай любимаго ключника.»
Пожаловалъ ей любимаго ключника
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьице

(*) Древнѣйшая форма трехъ послѣднихъ стиховъ вѣроятно была такая:
Не пилъ молодецъ зелена вина,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ медамы стоялыма,
Стоялыма медамы сладкима.

И натянуть соболиню одѣяльице.
Три году служилъ я въ кроватничкахъ..
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ,
Заходилъ во кружало королевское
И тутъ молодецъ порасхвастался:
« Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
« Перво три году служилъ я въ конюхкахъ,
« Друго три году служилъ я во стольничкахъ,
« Третье три году служилъ я во ключничкахъ,
« Это три году служилъ во кроватничкахъ.
« Меня Богъ добра молодца миловалъ,
« А король молодца любилъ-жаловалъ.
« Это три году служилъ я у кроватички:
« Не стилалъ я перинки пуховыя,
« Не складалъ круто спальные зголовьицце,
« Не натягивалъ соболиню одѣяльице,
« А я спалъ на кровати тесовыя
« Съ молодой Настасьей королевичной.»
Схватили меня добра молодца,
Донесли королю политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную.
На третій день добра молодца
Повели изъ тюрьмы богадѣльныя
Отрубить мнѣ-ка буйну голову.
Говорилъ я удалый добрый молодецъ:
« Ай вы ей, сторожа политовскіе!
« Берите съ меня золотой казны:
« Ведите меня добра молодца
« Помимо окошко королевнино.»
Закричалъ я удалый добрый молодецъ:
« Прости, молода Настасья королевичная!
« Какъ ведутъ меня добра молодца
« Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя

« Отрубить мнѣ буйну голову.»
Закрычала Настасья королевична:
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову,
— А донесите королю по-литовскому,
— Что отрублена его буйна голова
— За его поступки неумильные.—
Приходилъ я къ Настасьѣ королевичны,
Стала спрашивать меня добра молодца:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Есть ли у тебя молода жена,
— И есть ли у тебя малы дѣтушки?—
Говорилъ я удалый добрый молоденъ:
« Есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
« Есть у меня молода жена,
« И есть у меня малы дѣтушки.»
Говорила Настасья королевична:
— Ты возми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои ковзны ларцы,
— Бери-ко себѣ золотой казны,
— Столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— И осталась бы твоимъ младымъ внучатамъ.—
Простился я съ Настасьей королевичной,
И пошелъ молодецъ въ свою сторону.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

—

Не успѣлъ-то я сегодня угорѣть,
Пришелъ вечеръ голова стала болѣть,
Зашумѣли самовары на столахъ.
Поднесите мнѣ зеленаго вина:

Отлучить (*) бы отъ угару голова.
Мимо вашего широкаго двора
Протекала ноньшироκая Нева,
Мимо вашихъ бѣлокаменныхъ палатъ
Протащили Ваньку волокомъ въ кабакъ.

[Записано со словъ Пудожскаго крестьянина Бутылки.]

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ И ЖЕНА НЕУДАЧЛИВАЯ.

53.

[Пудожскаго уѣзда Уношскій приходъ.]

« Женилъ меня батюшка неволею,
« А родна матушка неохотою,
« Не у голаго женили у богатаго;
« Хоть приданаго-то много, человѣкъ худой.»
Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
« Приданому висѣть въ клѣти на грядочкѣ,
« А золоту монистру (*) лежать въ кованомъ ларцы,
« А худой-то молодой жены на моей рукѣ,
« На моей рукѣ лежать и меня цѣловать.»
А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
И подастъ королю литовскому:
« Ай же ты, батюшка король земли литовскія
« И королевское величество!
« Принимай-ко челобитную и просматривай:
« Желаю я удалый добрый молодецъ
« Служить вѣрою правдою и безъизмѣнною.»
Взимаетъ король добра молодца во служеньице,

(*) Отлечить?

Кладываетъ добра молодца во конюхи.
Три года служитъ молодецъ во конюхахъ.
Богъ-то молодца милуетъ,
А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во стольники.
Въ стольникахъ служилъ онъ три года.
Богъ-то молодца милуетъ,
А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца со стольниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашники.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ.
Богъ молодца милуетъ,
Король молодца крѣпко жалуетъ.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшку во высокъ теремъ:
— Ай же ты, свѣтъ-государь, мой батюшко,
— Король земли литовскія,
— Королевское величество!
— Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольника,
— И нѣтъ у Елены постельника:
— Сама-то я Елена стольничаю и чашничаю,
— И сама то Елена постельничаю.—
Говоритъ-то батюшко, король земли литовскія,
Королевское величество:
« Возми-ко ты, Елена королевская дочь,
« Добра молодца во стольники, во чашники,
« Во чашники, хоть въ постельники. »
Тутъ-то Елена королевска дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особыя;
И сама-то Елена стала стольничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
И сама-то Елена стала постельничать;
Кормитъ-поитъ добра молодца,
Кормитъ-поитъ, низко кланяется,

И стелетъ перину пуховую
На тую на кроватку на тисовую;
И ложитъ-то удалаго добра молодца,
Сама-то Елена подлѣ его легла:
Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Живетъ-то съ Еленой ровно три году.
Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуетъ.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодецъ:
— Спусти-ко, Елена королевска дочь,
— На широкую улицу прогулятися.—
Говоритъ тутъ королевска дочь:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
« Не ходи-ко ты на широку улицу прогулятися.
« Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабакъ,
« Напьешься зелена вина,
« Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ,
« Тутъ ты, удалый, разкуражишься и порозбракаешься
« И мною Еленой порасхвастаешься:
« Тутъ тебѣ удалому живу не бывать.»
— Ай же ты, Елена королевска дочь!
— Не пойду я во царевъ кабакъ,
— Не стану пить зелена вина,
— Запивать медами застоялыма.—
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятися
И дала удалому пятьдесять рублей съ полтинкою.
И пошелъ добрый молодецъ на улицу
Мимо кружала государева,
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И налили чару зелена вина,
И подлили меду сладкаго,

И подносятъ удалу добру молодцу,
Сами низко кланяются:
« Ай же ты, королевской служитель есть!
« Выпей-выкушай чару зелена вина.»
Тутъ-то удалый добрый молодецъ,
Не можетъ отъ нихъ отслышаться.
Наливаютъ другой наконъ вина пьянаго
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меду сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
« Ты выпей-выкушай меду сладкаго.»
И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго,—
Тутъ молодца забрала хмѣлинушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодецъ разкуражился,
И порозбракался, и Еленой порасхвастался:
— Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой,
— Богъ меня милуетъ,
— А Елена молодца крѣпко жалуетъ.—
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали-сказали королю литовскому:
« Ай же ты, батюшко король земли литовскія,
« Королевское величество!
« Твой-то служитель королевскій
« Сидитъ въ кабакѣ государевомъ,
« Пьетъ зелено вино,
« Запиваетъ медами застоялыма,
« Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичной
« Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
« Живу-то я съ Еленой королевичной, будто мужъ съ женой,
« Богъ меня милуетъ,
« А Елена меня крѣпко жалуетъ.»
А тѣ рѣчи королю не къ лицу пришли,
Говоритъ-то король таково слово:
— Ай же вы, слуги королевскіе!
— Подьте скоро на царевъ кабакъ,

— Свяжите удалому руки бѣлыя
— Во тыя пута шелковыя,
— И закуйте удалому ноги рѣзвыя
— Во тыя во желѣза во нѣмецкія,
— И сведите на болото на Куликово
— На тую на плаху на липову,
— Отрубите ему буйну голову.—
Тутъ-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тые пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Куликово,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Тутъ-то удалый говоритъ таково слово:
« Ай же вы, королевскіе служители!
« Вотъ вамъ пятьдесять рублей съ полтиною,
« Не ведите позади дворца,
« А ведите посередъ дворца. »
Запѣлъ тутъ удалый пѣсню жалкую:
« Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
« Служилъ вѣрой правдою и безъизмѣнною:
« Теперь выжилъ у короля смерть-казнь скорую. »
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
И говоритъ она таково слово:
— Ай же вы, королевскіе служители!
— Не ведите удалаго добра молодца,
— На болото на Куликово, на плаху на липову,
— Не рубите буйной головы,
— А ведите къ королевичной на новы сѣни.—
Тутъ-то королевскіе служители,
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говоритъ имъ Елена королевична:

— Вотъ вамъ пятьдесять рублей съ полтинкою,
— Развяжите ему ручки бѣлыя,
— Разкуйте удалому ножки рѣзвыя,
— Спустите удалаго на свою волю.—
Тутъ-то королевскіе служители
Взяли пятьдесять рублей съ полтинкою,
Спустили добра молодца на свою волю.
Говоритъ Елена королевска дочь:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
— Я тебѣ доброму молодцу говаривала:
— Не ходи на царевъ кабакъ,
— Не пей зелена вина.
— Ты какъ зашелъ на царевъ кабакъ,
— Напился зелена вина,
— Запивалъ медами застоялыма,
— Тутъ-то доброй молодецъ разкуражился,
— И порозбракался, и миою Еленой порасхвастался,
— А вотъ тебѣ же добру молодцу живому не бывать.—
И говоритъ Елена королевска дочь:
— Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтинкою.
— А поди-тко въ свою сторону,
— Ищи отца-матери, роду-племени
— И тую худую молоду жену.—
Тутъ-то удалый добрый молодецъ,
Обералъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтинкою,
И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-метери, роду-племени
И тую худу молоду жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ,
Тутъ-то удалый пораздумался:
« Къ отцу къ матери итти—живыхъ не застать,
« Къ роду-племени итти—не спознаютъ-то.
« А пойду я къ худой молодой жены,
« Можетъ быть не спознаетъ-ли?»
Придетъ-то удалый во деревенку,

А во деревнѣ теремъ высокъ сведенъ,
Верхи съ верхами совиваются.
Стоитъ удалый самъ дивуется:
« Чей это теремъ высоко сведенъ?»
А бѣгаетъ по улицы два малыихъ вьюнуша,
Играютъ цильцомъ мячомъ,
И говоритъ удалый добрый молодецъ:
« Ай же вы, ребятка малые вьюнухи!
« Чей это теремъ высокъ сведенъ,
« Верхи съ верхами совиваются?»
— Ай же ты, дядюшка, незнаемый!
— Этотъ-то теремъ нашей матушки,
— А у нашей матушки нѣту батюшка:
— Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу ушелъ,
— Нѣтъ ни вѣсточки ни грамотки,
— Ни низкаго челобитьица.—
А онъ говоритъ таково слово:
« Я вамъ батюшка съ гульбы пришелъ.»
Тутъ-то ребята малые вьюнухи
Бѣжали во высокъ теремъ,
И сказали своей матушкѣ:
— Свѣтъ ты, наша государыня матушка!
— Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,
— Стоитъ онъ у крылечка перенаго,
— Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ.—
Выскакиватъ худая молода жена
Со того со терема высокаго,
И опознала своего мужа любезнаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Свела его во высокъ теремъ.
Тутъ-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,
Тутъ удалому и славу поютъ.

(Отъ крестьянина дер. Уной губы Гавриила Амозова.)

—

ЦАРЬ САЛАМАНЪ (*).

54.

ПОВѢСТЬ О СВЯТОМЪ ГРАДѢ ІЕРУСАЛИМѢ ИЗЪ ДАВНИХЪ ЛѢТЪ.

Было собраніе царямъ, княземъ и всѣмъ Израилтейскимъ мужемъ во святую суботу на горѣ Сіонской у дуба Мамрійскаго. Первый царь Втоломѣй, вторый царь Іаким, третій царь Евгей, четвертый царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ, а всѣхъ ихъ продолженія ради не начахъ писати. Молебное пеніе было и воста царь Втоломѣй и рече: «Бо есте, царіе и князи! Кому сею нощію какое виденіе виделось? не могите того никто утаити. Азъ, братіе, во утреннее пеніе видѣлъ: отъ восточныя страны восходило солнце красное, и освѣтило всю вселенную; а другую сторону взросло древо кипарисное; коренье у древа болотное, ветвіе у древа серебреное, листвіе златое разцвело; то древо драгимъ жемчугомъ созрело, самоцвѣтнымъ каменіемъ. На верху того древа сидитъ белъ кречетъ; колокольчики у него на ногахъ отъ злата аравицкаго. А хто, братія, то виденіе разкажетъ, и азъ того полюби пожалую.» И всѣ цари и князи стоячи промолчали. И выступилъ царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ:—Господине царю Втоломѣю! Азъ тобѣ про то скажу и виденіе твое разгадаю за двенадцать лѣтъ на сына своего Соломана и на дочь твою Саламаниду. А еще ихъ въ утробахъ нѣтъ.—Что отъ восточныя страны восходило солнце красное и освѣтило всю вселенную, то будетъ началный градъ Іерусалимъ; а другую сторону взросло древо кипарисное. . . . .

[Изъ рукописи XVII или начала XVIII столѣтія, принадлежавшей капитану Ивану Дементьеву сыну Плотникову, а нынѣ принадлежащей полковнику Нордштейну. Правописаніе сохранено подлинника.]

—

(*) По словамъ Козьмы Романова, въ сказаніи о Саламанѣ начало всему сонъ отца Саламанова, а потому и мы передъ продолженіемъ побывальщины, записанной въ 54 № II тома, помѣщаемъ 2 варіанта этого сна.

СОНЪ САЛАМАНОВА ОТЦА.

55.

(Кижской волости, Сѣногубскаго погоста.)

Говоритъ царь Антоломанъ Антоломановичъ:
« Ты, премудрый царь Давидъ Асѣевичъ!
« Мнѣ ночесь спалось, восняхъ видѣлось:
« Какъ бывъ у меня въ зеленомъ саду
« Выростало деревцо сахарнее,
« И всѣмъ то деревцо изукрашено,
« Листьицемъ оно изнавѣшено.
« Изъ далеча далеча чиста поля
« Налетала птичка малешенька,—
« Сердцемъ-тымъ зла, нетемъ востра,—
« Сѣла на деревцо сахарнее,
« Распустила крылья до сырой земли:
« Не видать того деревца изъ подъ крылъ его.»
И проговоритъ царь Давыдъ Асѣевичъ:
— Царь Антоломанъ Антоломановичъ!
— Я скажу тебѣ, попровѣдаю,
— Самъ твой я сонъ тотъ порозсужу:
— Не деревцо у тебя выростало въ зеленомъ саду,
— У твоей царицы благовѣрныя
— Будетъ чадо, едина дочь;
— А не птичка налетѣла изъ чиста поля,
— А у моей царицы благовѣрныя
— Будетъ чадо, единый сынъ;
— И пройдетъ времени ровно тридцать лѣтъ,
— И може мой сынъ на твоей дочери женатъ будетъ.

—

(*). Крестьянинъ загадываетъ еще двѣ загадки Саламану, первую: «знаешь ли моему хлѣбу мѣру?» и другую: «который же скотъ

(*) Здѣсь слѣдуетъ продолженіе побывальщины № 51 II тома.

прибыльнѣй держать?» И говоритъ Саламанъ:—А твоему хлѣбу мѣра вострые зубы. Овцу держать прибыльнѣе: шерсть стрижешь, шкуру соймешь, шубу сошьешь, тушу ей варить можно. А другая скотина—корова: шкуру ей соймешь, сапоги сошьешь, тушу варить можно, а молоко въ пользу. . . . . .

ЦАРЬ САЛАМАНЪ, ЦАРИЦА САЛАМАНІЯ И ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ОКУЛОВИЧЪ.

56.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

За славнымъ было за синимъ моремъ,
Во начальномъ-то было во Царѣ-градѣ,
У царя ли Василья Окулова,
Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояра,
На сильны могучи богатыри
На всѣ паленицы удалыя,
На всѣ татары, на уланове.
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ по гриднѣ, выговаривалъ:
« Ужъ вы, мои князи-бояра,
« Всѣ сильны могучи богатыри,
« Всѣ паленицы удалыя,
« Всѣ татары, всѣ уланове
« У меня во Царѣградѣ изпоженены,
« Всѣ дѣвицы-вдовицы замужъ выданы;
« Я прекрасный царь Василій холостъ хожу.
« Вы не знаете-ль мнѣ супротивницы,
« Супротивницы какъ супротивъ меня:
« Станомъ статна была бы, умомъ сверстна,
« У ей очи-то были бы ясна сокола,
« У ей брови-то были бы черна соболя

« У ней рѣчь-пословица умильная
« Будто бѣлыя лебеди пролетныя;
« У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
« У ей ягодницы (*) будто маковъ цвѣтъ,
« Походка бы лани златорогія,—
« Не была бы другая такая на семъ свѣтѣ.»
Тутъ всѣ во пиру призамолкли-сидя (**),
Большой хоронится за средняго,
Середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго царю отвѣту нѣтъ.
Изъ того де стола изъ-за окольнаго,
Со той де скамейки дорогъ рыбій зубъ,
Выставалъ Таракашко гость заморянинъ,
Приходитъ къ царю близешенько,
Покланяется царю низешенько:
— Благослови, государь, слово промолвити!
— Бывалъ я далече за синемъ моремъ,
— Во начальномъ-то градѣ во Іерусалимѣ.
— Тамо есть царица Саламанида:
— Она станомъ стана и умомъ сверстна,
— У ей очи-то были ясна сокола,
— У ей брови-то были черна соболя,
— Рѣчь-пословица умильная
— Будто бѣлыя лебеди пролетныя,
— У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
— У ей ягодницы будто маковъ цвѣтъ,
— Походка будто лани златорогія.
— Не видалъ я другой такой на семъ свѣтѣ.
— Сидитъ, сударь, во высокихъ во теремахъ,
— Ей красно солнышко не оппечетъ,
— Часты мелки дождички не обмочатъ,
— Ей добрые-то люди не осмѣютъ.—
Говоритъ Василій царь Окуловичъ:

(*) Ягодицы, щеки.

(**) Сидятъ.

« Ты глупъ Таракашко гость заморянинъ!
« Еще какъ отъ жива мужа жена отнять?»
— Я вѣдь знаю какъ жена отнять:
— Мнѣ построй-ка три корабля черненые,
— Носы-кормы взводи по звѣриному,
— Бока-то взводи по змѣиному,
— За очи-ты мѣсто (*) зращивай
— По цѣлой лисицы по пещерскія,
— За брови мѣсто почернивай
— По цѣлому соболю сибирскому;
— Поставь по древу кипарисному,
— На древо посади птицы райскія,
— Чтобы пѣли де пѣсенки по царскому;
— Построй-то кровать слоновыхъ костей,
— Въ зголовьяхъ станови, сударь, гуселышка,
— Чтобы сами и гудѣли, сами тонцы вели,
— Тонцы-то вели все Царя-града,
— Утѣха-то была Іерусалима,
— Отпѣвали умъ-разумъ во буйной головы,
— Во буйной головы человѣческой;
— Накати, сударь, водки все дворянскія,
— Накати питья все забудущаго;
— Мнѣ-то дай шкиперевъ, сударь, работниковъ:
— Привезу, сударь, ти Соломаниду.—
Царь все онъ сдѣлалъ повелѣное:
Накатилъ ли какъ водки все дворянскія,
Накатилъ ли питья все забудущаго,
Да и далъ шкиперевъ ему работниковъ.
И скоро Таракашко собирается,
За синее-то море попускается,
Онъ будетъ поблизку града Іерусалима.
Поѣзжаетъ Саламанъ во чисто поле,
Приходитъ къ царицы Соломаниды,
Самъ говоритъ таково слово:

(*) Вм. очей.—

« Ты прекрасна царица Салманида!
« Пришелъ я съ тобой попроститися,
« А поѣду я теперь во чисто поле.»
Говоритъ царица ему, отвѣтъ держитъ:
— Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ!
— Ночесь, государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы да у тебя на правой рукѣ
— Распаялся бы златенъ перстень,
— Выкаталася вставка Новгородская,
— Но твоей середы бы разсыпалася.—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Сама ты спала, себѣ сонъ видѣла.»
Говоритъ царица таковы слова:
— Еще государь мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы изъ твоего саду изъ зеленаго
— Везли де твою лебедь бѣлую.—
Умѣетъ Саламанъ какъ сонъ судить:
« Прекрасна царица Саламанида!
« Не сдавайся на прелести на мужески.»
Попростился, уѣхалъ во чисто поле.
Гость Таракашко заморянинъ
Затянулся во гавань корабельную,
Беретъ честные дороги дарове,
Приходитъ къ царицы во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
— Прекрасна царица Саламанида!
— Примай отъ меня честные дарове,
— А мнѣ дай писаревъ-переписчиковъ
— Переписать у меня животъ, на корабляхъ,
— Съ чего бы ти брать дани-опошлины,
— А мнѣ торговати въ Іерусалимѣ.—

Дала писаревъ ему, переписчиковъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ де имъ водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ имъ питья все забудущаго:
Тутъ писаря всѣ упивалися
И по кораблямъ всѣ развалялися.
Гость Таракашко порасплакался,
Ко царицы пришелъ, поразжалился,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, прекрасна царица Саламанида!
— Заѣзжимъ ты гостемъ посмѣхаешься:
— Не писаревъ ты мнѣ дала, переписчиковъ,
— Дала ты пьянь да голь кабацкую:
— Будто вѣкъ не пивали зелена вина,
— Нонь лежатъ какъ скотина крестьянская.—
Сама-то царица подымалася
Она силы беретъ до пяти сотъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ ей водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ ей питья все забудущаго:
Тутъ царица упивалася.
Гость Таракашко догадается,
Сходни наладилъ, что двоимъ пройти,
Проводилъ Таракашко на третій корабль,
Гдѣ построена кровать-то слоновыхъ костей:
Ложилась царица спать на кровать слоновыхъ костей.
Гость Таракашко догадается,
Закричалъ Таракашко зычнымъ голосомъ:
— Вы всѣ шкиперя мои, работники!
— Подымайте по парусу полотняному,
— Побѣгайте далече во сине море.—
Прохватилась царица изъ-за крѣпка сну,
Всѣ шкипаря пометалися,
Подымали де паруса полотняные,

Побѣгали далече во сине море.
Прохватилась царица изъ-за крѣпкаго сну,
Сама говорила таково слово:
« Гость Таракашко заморянинъ!
« Про себя ты везешь, я съ тобой нейду.»
Умѣетъ Таракашко какъ отвѣтъ держать:
— Не про себя я везу тебя, про друга,
— Про царя Василья Окулова.
— Да вѣдь какъ наша-то вѣра лучше вашея
— Всѣ среды и пятокъ за единый день,
— Среду-пятницу скоромъ кушаютъ.—
Ей эта вѣра полюбилася.
Скоро побѣгали ко Царю-граду,
Затянулись во гавань корабельную,
Встрѣчаетъ царь Василій Окуловичъ,
Беретъ ее де за руки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Ведетъ ее во кирку во соборную.
Принимали по своему златые вѣнцы,
Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.
Пріѣзжаетъ Саламанъ изъ чиста поля,—
И не стало царицы Саламаниды.
Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ,
Онъ набралъ де силы сорокъ тысячей,
Все де какъ латниковъ-кольчужниковъ.
Пошелъ де Саламанъ кругъ синя моря,
Кругъ синя моря да ко Царю-граду.
Онъ будетъ подъ рощами зелеными,
Оставляетъ онъ силу всю подъ рощами,
Силы-то самъ наказывалъ:
« Все мое войско любезное!
« Я одинъ пойду теперь во Царь-городъ.
« И буду я у смерти-то у скорыя,
« Затрублю я де во турій рогъ во первый разъ,—
« Такъ вы скоро сѣдлайте добрыхъ коней;
« Затрублю я въ турій рогъ во второй-то разъ,—

« Такъ вы скоро садитесь на добрыхъ коней;
« Затрублю я въ турій рогъ во третій разъ,—
« Вы будьте скоро у рели (*) у дубовыя,
« Оборопите меня отъ смерти скорыя.»
Попростился, одинъ пошелъ во Цареградъ,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
Закричалъ Саламанъ зычнымъ голосомъ:
« Ты, прекрасна царица Саламанида!
« Подай мнѣ прохожему милостину.»
Отворялось окошечко косерчато,
Не бѣлая лебедушка прокырчила,
Говорила царица таково слово:
— Да я вижу,—не калика перехожая,
— Я вижу,—Саламанъ царь Премудрыій.
— Пожалуй-ко, Саламанъ, во высокъ теремъ:
— Мое, сударь, дѣло поневольное.—
Пришелъ Саламанъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется.
Прекрасна царица Саламанида
Садила за столы бѣлодубовы,
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
Пріѣзжалъ Василій изъ чиста поля,
Застучалъ во кольцо во серебряно,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Прекрасна царица Саламанида!
« Нонь куда мнѣ будетъ подѣватися?»
— А поditко, Саламанъ, во оковапъ ларецъ.—
Отмыкала замки-то двудорожные,
Запущала Саламана Премудраго,
Замыкала Саламана замками двудорожними;
Запущала царя Василія Окулова,
Сама садилась на оковапъ ларецъ,
Говорила царица таково слово:

(*) Рель, висѣлица.

— Прекрасный Василій царь Окуловичъ!
— Сказали Саламанъ-то хитеръ, мудеръ!
— Нонь ужели Саламана здѣ глупѣе нѣтъ:
— Сидитъ подъ . . . . подъ женскою.—
Говорилъ Василій таково слово:
« Прекрасна царица Саламанида!
« Покажи мнѣ Саламана Премудраго.»
Отмыкала замки да двудорожніе,
Выпущала Саламана Премудраго,
Сама говорила таково слово:
— Прекрасный Василій царь Окуловичь!
— Предай ты Саламану смерть-скорую:
— Ужели вѣдь Саламанъ-отъ есть хитеръ-мудеръ.—
. . . . . .
А царь все вѣдь онъ дѣлалъ повелѣное.
Поѣхали ко рели ко дубовыя:
Ѣдетъ Саламанъ царь Премудрый,
Ѣдетъ Василій царь Окуловичъ,
Ѣдетъ царица Саламанида,
Ѣдетъ Таракашко гость заморянинъ.
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Царь Василій ты Окуловичъ!
« Передни-то колеса, конь везетъ,
« Да ужъ задни колеса за тѣмъ чертъ несетъ?»
Никто де тому не догадается.
Пріѣхали къ рели ко дубовыя,
Становился Саламанъ на первой ступень,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Ты, прекрасный Василій царь Окуловичъ!
« Ужъ я за молодость да за ребячество
« Пасывалъ я скотину крестьянскую,
« Благослови заиграть, сударь, во турій рогъ.»
Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ:
Сила-та вся сколыбается,
Скоро сѣдлали добрыхъ коней.
Убоялся царь Василій, уполошался:

— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,
— Еще де что въ чистомъ полѣ стучитъ-бренчитъ?—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Не бойся, Василій, не полошайся:
« Мои-то кони въ Іерусалимѣ
« Пошли со стойла во темны лѣса,
« Бьютъ копытамя въ сыру землю,
« Поминаютъ Саламана Премудраго.»
Ступилъ Саламанъ на второй ступень,
Затрубилъ де въ турій рогъ во второй разъ:
Сила-та вся сколыбалася,
Скоро садились на добрыхъ коней.
Убоялся Василій, уполошался:
— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,
— Еще что де въ чистомъ полѣ стучитъ, бренчитъ?—
« Не бойся, Василій, не полошайся:
« Моя-то птица въ Іерусалимѣ
« Полетѣла изъ саду во темны лѣса,
« Бьетъ крылами о темный лѣсъ,
« Вспоминаетъ Саламана Премудраго.»
Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратнему:
Сила-то вся оболелѣяла,
Будто ясные соколы облетѣли,
Будто сѣрые-то волки обрыскали,
Наѣхали къ рели ко дубовыя,
Спимали де царя Саламана Премудраго,
Съ тоя со рели со дубовыя;
Царя де Василья Окулова,
Положили во петлю шелка бѣлаго,
Прекрасную царицу Саламаниду
Положили въ петлю шелка краснаго,
Гостя Таракашку де Заморскаго
Положили въ петлю шелка чернаго.
Поплѣнили они весь Царь-городъ,
И назадъ пошли вокругъ синя моря,

Вокругъ сиия моря, моря къ Іерусалиму,
Стали жить быть, да вѣкъ коротати.

[Отъ Поромскаго старика.]

—

ПОХОЖДЕНІЯ ИВАНА.

НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ.

57.

[Повѣнецкій уѣздъ, Пудожгорскій погостъ].

При тоемъ царѣ при Ѳедорѣ Васильичѣ
Жилъ-былъ боярищъ богатыій.
У него было три сына три любимыихъ,
И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
Посылалъ онъ перво сына старшаго
Во свой во домъ новостроенный,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же ты, мое чадо милое!
« Что тебѣ во сняхъ привидется (*)
« Тотъ мнѣ сонъ порозскажи. »
Ему во сняхъ ничего не привидѣлось.
По другую ночь послалъ сына средняго,
И ему ничего не привидѣлось.
По третью ночь послалъ сына младшаго,
Ему чуденъ сонъ привидѣлся:
— Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
— А отецъ опосля тую воду пилъ.—
Убоялся удалый добрый молодецъ
И не смѣлъ того сна порозсказать.
Разсердился родитель его батюшка,
Отдалъ его во слуги-рабы
Тому ли большему боярину.
Онъ служилъ у боярина три году,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною,

(*) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: Что тебѣ покажется очевидное.

А бояринъ его любилъ-жаловалъ.
И сталъ у него боярinъ спрашивать:
« Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ,
« За что тебя отдалъ ко мнѣ батюшка?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— А привидѣлся мнѣ-ка чуденъ сонъ,
— И не сказалъ я сну родитель-батюшку.—
« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій.»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку,
— Не скажу и тебѣ, своему барину.—
Разсердился онъ на удала добра молодца,
Отдалъ его во солдатушки.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ въ солдатушкахъ служитъ три году
У того царя Ѳедора Васильича,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
А царь его любилъ-жаловалъ.
И сталъ его царь спрашивать·
« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
« За что тебя баринъ отдалъ во солдатушки?»
— Не сказалъ ему я сну отцовскаго.—
« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій;
« Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,
« Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную.»
И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку
— И не сказалъ своему барину,
— Не скажу тебѣ, царское величество!—
Разсердился царь Ѳедоръ Васильевичъ,
Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную,
Самъ поѣхалъ за сине море
Свататься на Настасьѣ царевичной
У того царя Василья Левидова.
Провожала его любима сестра,
Молода Анна свѣтъ Васильевна,

Простилась она и воротилася,
Домой пошла и заплакала,
Зашла она къ затюремщичкамъ,
Подавала имъ по милостины.
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
— Ай же ты, Анна Васильевна!
— Уѣхалъ твой братецъ за сине море,
— Не будетъ онъ взадъ во живности.—
Тутъ она порасплакалась,
Стала у него выспрашивать:
« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
« Почему ты можешь знать,
« Можешь знать и высказывать?»
Тогда онъ порасхвастался:
— Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,—
— Пойдешь за меня за мужъ
— И назовешься моей молодой женой,—
— Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
— Твоего братца любимаго.—
Тутъ молода Анна Васильевна
Бѣжала къ отцу ко духовному;
Писали они тутъ духовную,
И давали ему золотой казны,
Столько давали, сколько надобно,
Отправляли его за сине море.
Вдучись по тому синю морю
Услыхалъ удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Закрычалъ удалый добрый молодецъ:
— Ай же вы, братцы товарищи!
— Приставайте къ круту бережку.—
Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добрые молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,

— Чего вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна шапочка,
« Одна шапочка невидимочка:
« Не можемъ мы ю породѣлить,
« На томъ мы и поразодрили. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту шапочку:
— Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону:
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой,
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому она доставается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ шапочку невидимочку,
Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойничковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добры молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна скатереточка,
« Скатереточка-хлѣбосолочка:
« Не можемъ мы по породѣлить,
« На томъ мы и поразодрили. »

Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту скатереточку:
— Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону,
— Бѣжите вы слѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому она доставается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ скатереточку хлѣбосолочку,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойничкамъ
И сталъ ихъ доспрашивать:
— Ай же вы, удалые добрые молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы между собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Нашли мы коверъ самолетный:
« Не можемъ его породѣлить,
« На томъ мы и пораздорили.»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю коверъ самолетный:
— Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я калену стрѣлу,
— Стрѣлю въ одну сторону,
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,

— Тому коверъ доставается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ коверъ самолетный,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣхалъ впередъ по синю морю.
Доѣхалъ онъ по синю морю
Ко тому царю ко заморскому,
Ко Грозному Василью Левидову;
Становился во пристань великую
Между тѣхъ черленыхъ кораблей
На своей на малой на лодочкѣ.
Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Стрѣтается царю своему земельному
И самъ ему не спознается:
— Скажи мнѣ, царь, заповѣдай-ка,
— Чего ты идешь, самъ кручинишься?
— Вѣдь ты здѣсь у царя теперь сватаешь.—
Говоритъ царь Ѳедоръ Васильевичъ:
« Сваталъ я у царя Василья Левидова.
« Онъ далъ мнѣ заповѣдь великую:
« Ко тому ко дню ко завтрію
« Шить башмаки сафьянные,
« Какіе онъ еще вздумаетъ.
« А буде не сошью по разуму;
« Отрубитъ мнѣ буйну голову.»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера:
— А все это тебѣ поисправится.—

Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ къ Грозному царю,
Ко Грозному царю Василью Левидову.
Шьютъ тамъ у него сапожники,
Шьютъ-то башмаки зеленъ сафьянъ.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Утянулъ онъ сафьяну зеленаго,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили башмаки сапожнички,
А онъ шилъ однимъ кончикомъ,
Положилъ башмаки на твоздики,
И унесъ ихъ башмаки зеленъ сафьянъ.
Прохватилися удалые добры молодцы
И видятъ, что башмачки они спортили;
Тутъ они закручинилися,
Перешили башмаки, попаводили.
Тутъ-то удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ башмаки зеленъ сафьянъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Накось ти, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Снеси ты башмачки зеленъ сафьянъ
— Ко тому Василью ко Левидову,
— А только напередъ не показывай,
— Чтобы были они съ царскими равные.—
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Грозный Василій Левидовичъ!
« Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
« Покажи-тко свои башмачики,
« И тогда буду свои показывать. »
Какъ сличили они башмачики,
Его башмачики лучше ихъ,
Изъ того же сафьяну изъ зеленаго.

Говорилъ Василій Левидовичъ:
— Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Ко тому ко дню ко завтрію
— Сшей-ко шубу черныхъ соболей,
— А паволоку, какую я здумаю.—
Закручинился царь, запечалился,
Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодецъ:
« Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
« Ты чего идешь, самъ кручинишься?»
— Грозный царь Василій Левидовичъ
— Накинулъ на меня службу великую:
— Ко тому ко дню ко завтрію,
— Сшить шуба черныхъ соболей,
— А паволока, какую здумаетъ онъ;
— Не сошью буде шубы по разуму,
— Отрубитъ мнѣ-ка буйну голову.—
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:
« Поди-ко на свой черленъ корабль,
« Ложись-ко спать рано съ вечера,
« Утро будетъ оно мудрое,
« Мудренѣе будетъ утро вечера:
« Будетъ тебѣ шуба черныхъ соболей.»
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ ко Грозному царю,
Ко Грозному царю Василью ко Левидову.
Шьютъ тамъ у него добрые молодцы,
Шьютъ-то шубу черныхъ соболей,
А паволоку-то дорогаго самита.
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Утянулъ онъ черныхъ соболей,
Утянулъ онъ дорогаго самита,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили они шубу черныхъ соболей,
Сшилъ онъ шубу бѣлой ниточкой;
А заснули удалые добрые молодцы,

Утянулъ онъ ихъ шубу черныхъ соболей,
А повѣсилъ свою шубу на стоечкѣ.
Прохватились тутъ добрые молодцы
И видятъ, что шубу они спортили;
Тутъ они закручинились,
Перешили шубу, понаводили.
Какъ удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ шубу черныхъ соболей,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Накось ти шуба черныхъ соболей,
« Снеси ю ко Василью ко Левидову,
« А только напередъ не показывай,
« Чтобы была она съ царскою равная.»
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Грозный Василій Левидовичъ!
— Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
— Покажи-тко свою шубу черныхъ соболей,
— И тогда буду свою показывать.—
Какъ показали они шубу черныхъ соболей,
Его-то шуба лучше ихъ,
А паволока дорогаго самита.
Говорилъ Василій Левидовичъ:
« Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
« Ко тому ко дню ко завтрію,
« Наживи-тко три волосика,
« Три волосика золоченыихъ,
« Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживешь трехъ волосиковъ,
« Отрублю тебѣ буйну голову,
« А наживешь буде три волосика,
« Отдадимъ завтра за тебя за мужъ свою дочи.»
Закручинился царь, запечалился,

Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодецъ:
— Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
— Ты чего идешь, самъ кручинишься?—
« Грозный царь Василій Левидовичъ
« Накинулъ на меня службу великую:
« Ко тому ко дню ко завтрію
« Нажить мнѣ-ка три волосика,
« Три волосика золоченыихъ,
« Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживу буде трехъ волосиковъ,
« Отрубитъ мнѣ буйну голову;
« А наживу я три волосика,
« Отдаетъ завтра за меня за мужъ свою дочи.»
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:
— Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера.—
Тутъ-то молодая царевична,
Тая-то Настасья Левидовна,
Садилась она на черленъ корабль
И поѣхала впередъ по синю морю.
А былъ у ней дядюшка родимый,
Родимый дядюшка златоволосый,
Во тоемъ ли во царствѣ во Заморскоемъ.
Пріѣзжала она ко цэрству Заморскому,
Выходила на крутъ бережокъ,
Шла-то въ палаты государевы
Ко тому ко дядюшкѣ ко златоволосому.
« Ай же ты, любимый дядюшка!
« Дай-ко мнѣ три волосика,
« Три волосика съ буйной головы.
« Не охвота за царя итти за русскаго:
« Какъ не будетъ у него трехъ волосиковъ,
« Отрубятъ ему буйну голову »

Далъ онъ ей три волосика.
А этотъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Иванушко Васильевичъ,
Надѣвалъ шапочку невидимочку,
Садился на коверъ самолетный,
И догонялъ Настасью Левидовну,
И заходилъ въ палаты государевы.
Какъ тащила она три волосика,
А онъ хватилъ цѣлой пясточкой;
Разсердился удалый добрый молодецъ,
Хватилъ онъ саблю вострую,
Отрубилъ царю буйну голову.
Приходитъ онъ къ Ѳедору Васильевичу,
Подаетъ волосъ цѣлу пясточку,
Подаетъ ему буйну голову,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Ступай-ко ты ко Василью Левидову,
— Покажи волосъ цѣлу пясточку,
— Самъ говори таковы слова:
— « Если тебѣ мало цѣлой пясточки,
— « Такъ есть у меня цѣла голова,
— « Цѣла голова, она отрублена.
— « Коли не выдашь своей дочери,
— « Отрублю тебѣ буйну голову.»—
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Грозный Василій Левидовичъ!
« Вотъ тебѣ волосъ цѣла пясточка;
« Если тебѣ мало этой пясточки,
« Такъ есть у меня цѣла голова,
« Цѣла голова, она отрублена.
« Коли не выдашь своей дочери,
« Отрублю тебѣ буйну голову.»
Закручинился Грозный царь, запечалился,

Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Ѳедора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.
Говорилъ тутъ Иванушко Васильевичъ:
— Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
— Скажи-тко царю Василью Левидову:
— Пусть онъ про твоихъ заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ
— Заведетъ пированье почестенъ пиръ,
— Покормитъ ихъ онъ до сыта,
— Напоитъ-то онъ ихъ до пьяна.—
Грозный царь Василій Левидовичъ
Заводилъ пированье почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На всѣхъ поленицъ на удалыихъ
И на тыихъ добрыхъ молодцевъ заѣзжіихъ.
Собиралися удалые добры молодцы
Во тыя палаты государевы,
Садилися за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку невидимочку,
Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питьица медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть, ни пить.
Тутъ Ѳедоръ Васильевичъ
Звалъ того Василья Левидова
Со своими удалыми добрыми молодцами
На свой черленъ корабль на почестенъ пиръ,
На свое-то угощеньице завозное.
Собирался царь Василій Левидовичъ
Со своима удалыми добрыми молодцами
На него черленъ корабль,
Садились за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ

Палагалъ свою скатереточку хлѣбосолочку,—
Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
Не могли они питьицевъ повыпити.
Говорилъ Ѳедоръ Васильевичъ:
« Ай же ты, Василій Левидовичъ!
« На своемъ пированьѣ, почестномъ пиру,
« Во своихъ палатахъ государевыхъ,
« Не могъ ты забѣжихъ добрыхъ молодцевъ
« Накормить до сыта и напоить до пьяна.
« А на моемъ черленомъ кораблѣ,
« На моемъ угощеньицѣ завозноемъ,
« Наѣдались твои молодцы до сыта,
« Напивались они до пьяна,
« Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
« Не могли они питьицевъ повыпити. »
Тутъ царь Василій Левидовичъ
Отпускалъ свою дочи любимую,
Отпустилъ сорокъ кораблей.
Поѣхали они по синю морю.
А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетныій
И полетѣлъ впередъ черленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную.
Какъ пріѣхалъ Ѳедоръ Васильевичъ,
Стрѣчаетъ сестрица любимая,
Тая ли Анна Васильевна:
— Здравствуй, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Здорово-ль ѣздилъ за сине море?—
« А все у меня благополучно ли?»
— Еслибъ не я, такъ ты бы и живъ не былъ.—
Говорилъ ей Ѳедоръ Васильевичъ:
« А ты чѣмъ же мнѣ тамъ помогла?»
— Подала я тебѣ башмачики зеленъ сафьянъ,
— Подала тебѣ шубу черныхъ соболей
— Подала тебѣ волосъ цѣлу пясточку.—

« А кто у тебя ко мнѣ отпущенъ былъ?»
— Былъ отпущенъ затюремный добрый молодецъ;
— А я давала ему заповѣдь великую
— Тому добру молодцу затюремному,
— Тому Иванушку Васильевичу,
— Пойти за него за мужъ,
— Когда избавитъ тебя отъ смерти напрасныя.—
Приказалъ тутъ Ѳедоръ Васильевичъ
Повыпустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства-полъменства.
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него пированье, почестенъ пиръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Напоили его питьями медвяными,
Положили спать въ покои царскіе.
Какъ ѣздилъ Иванушко за сине море,
Простудилъ онъ ножки рѣзвыя,
Онъ ихъ въ теплой водушкѣ отмачивалъ,
А простуду съ нихъ онъ вываживалъ,
Полагалъ онъ тазъ подъ кровать свою.
Какъ спалъ его родитель батюшка,
Похотѣлося ему пить похмѣльному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кроватушки,
И выпилъ тую теплу водушку.
И прохватился тутъ Иванъ Васильевичъ,
Схватился онъ за свою водушку:
« Кто повыпилъ мою водушку,
« Тому отрублю буйну голову.»
Говоритъ родитель его батюшка:
— Я выпилъ твою водушку.—
« Отрубить набъ буйна голова,
« Почему ты выпилъ мою водушку.
« Разсердился ты на меня, батюшка,
« Потому что я тебѣ сна не разсказалъ.

« А я видѣлъ тотъ сонъ во твоемъ новомъ дому:
« Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
« А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ,
« И не смѣлъ того сна поразсказать.
« А тебѣ прощаю теперь твою вину.»
Тутъ они съ батюшкой помирилися,
Другъ другу въ ноги поклонилися,
И благословилъ его отецъ царствовать.
Тутъ вѣкъ о Иванушкѣ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.

—

Дѣвица-раскрасавица душа!
Есть котора круглолика и баска,
У той дѣвушки по молодцѣ великая тоска.
Есть котора румянешенька,
Съ молодцемъ идти радешенька.
Есть котора притолакиватъ ногой,
Поведемъ тую дѣвицу за собой.
У которой было семеро ребятъ,
Братцы той дѣвки не кушайте,
Меня молодца послушайте.

[Отъ крестьянина дер. Горки Абрама Евтихьева Чуккоева, по прозвищу Бутылки.]

—

О ЦАРСТВѢ ПОДСОЛНЕЧНОМЪ, ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ И ЦАРЕВИЧѢ ѲЕДО́РѢ ИВАНОВИЧѢ.

58.

(Тамъ же).

При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ,
Жило при царѣ два мастера,
Одной работой занималися
И между собой поразорили.

И призывалъ ихъ Василій Михайловичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Когда вы сдѣлаете по штукѣ молодецкія
« И другъ другу про себя не скажете,
« Тогда васъ обоихъ пожалую. »
Одинъ сдѣлалъ орла самолетнаго,
Другой утушку золоты-крылья.
Разъ ю вылилъ, положилъ во тазъ воды,
Его утушка не заплавала.
Это ему дѣло не полюбилося:
Сломалъ онъ свою утушку,
Перелилъ ю на другой разъ;
Какъ положилъ ю во тазъ воды,
Его утушка стала плавати;
И взялъ яичко вареное;
Положилъ на поле тазовое,
Его утушка стала клевать яйцо,
Ея дѣтушки тоже клюютъ.
Приходилъ онъ къ Василью Михайловичу,
Приносилъ ему малую утушку,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, царь Василій Михайловичъ!
— Возми-ко мою малую утушку.—
Бралъ онъ свою утушку,
Положилъ ю во тазъ воды;
И вынимаетъ яичко вареное,
Полагаетъ на поле тазовое,
Его утушка стала плавати,
Ея дѣтушки тутъ же плаваютъ,
И всѣ клюютъ яичко вареное:
Эта утушка царю прилюбилася.
Приходитъ съ орломъ самолетнымъ,
Вызываетъ царя на широкъ дворъ,
Вынимаетъ орла самолетнаго
Изъ-подъ той полы сподъ правыя,
Садился на орла самолетнаго,

Улетаетъ онъ во чисто поле
Подъ тыя подъ облака высокія,
Прилетаетъ онъ назадъ съ поля:
Этотъ орелъ царю понравился.
И тутъ ихъ обоихъ царь пожаловалъ.
У того царя Василья Михайловича
Былъ сынъ Иванъ Васильевичъ.
Своимъ глупымъ умомъ-разумомъ
Заходитъ въ кладовыя въ отцовскія,
Бралъ орла самолетнаго,
Садился молодецъ на того орла,
Улеталъ во далече чисто поле
Подъ тыя подъ облака высокія,
Увидѣлъ царство подъ солнышкомъ,
Подъ солнышкомъ царство великое.
Назадъ онъ скорешенько ворочался,
Опущался на широкій дворъ,
Заходилъ въ кладовыя въ отцовскія,
Беретъ съ собой золотой казны,
Онъ столько беретъ, сколько надобно,
Бралъ онъ одежу себѣ царскую,
И бралъ онъ царскій золотой перстень.
Выходилъ онъ на широкій дворъ,
Садился на орла самолетнаго,
Прилетѣлъ онъ въ царство подъ солнышкомъ,
Слѣзаетъ съ орла самолетнаго
И началъ по царству похаживать,
По Подсолнечному погуливать.
Во этомъ во царствѣ Подсолнечномъ
Стоялъ теремъ-золоты верхи,
Кругъ этого терема былъ бѣлый дворъ
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати,
О тыхъ сторожахъ о строгихъ.
Онъ началъ у нихъ выспрашивать,
Онъ началъ у нихъ вывѣдывать:
« Для чего построенъ бѣлый дворъ

« О тыхъ воротахъ о двѣнадцати?»
— Ты ей же, удаленькій добрый молодецъ!
— У нашего царя Подсолнечнаго
— Есть у него дочи любимая,
— Молода Марья Лиховидьевна,
— Посажена она во высокъ теремъ
— И поставлены сторожа строгіе.
— И сказали ему бѣлицы волшебницы,
— Что твоя будетъ дочи любимая
— На шестнадцатомъ году во поношкѣ (*).—
Тутъ молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ началъ кругъ двора похаживать
И началъ подъ крышу посматривать:
Во тоемъ во теремѣ высокоемъ
Насмотрѣлъ онъ окно полуциркольно (**),
И въ немъ половинка не заперта.
Выходилъ онъ во чисто поле,
Садился на орла самолетнаго,
Залетѣлъ онъ удалый добрый молодецъ
Въ это окно полуциркольно,
Сталъ онъ по терему похаживать,
Заходилъ онъ къ Марьѣ Лиховидьевной
Во тын покои во особые;
Онъ началъ съ ней разговаривать
И началъ съ ней угощатися
И въ разныя забавы заниматися.
Со тыя поры съ того времячка
Молодой Иванушко Васильевичъ
Почасту леталъ во царство Подсолнечно,
Онъ носилъ съ собой питьицевъ медвяныхъ,
Пили, ѣли они, угощалися
И въ разныя забавы занималися.
Запѣли они пѣсню въ два голоса,

(*) Беременна.

(**) Сначала сказитель пѣлъ о слуховомъ окошечкѣ, но, повторяя былину, вспомнилъ полуциркольное окно и увѣрилъ меня, что такъ и слѣдуетъ пѣть въ былинѣ.

Услыхали тутъ сторожа строгіе,
Доносили царю Подсолнечному.
Приходилъ царь Подсолнечный
Во тотъ во теремъ-золоты верхи,
Ко своей ко дочери любимыя,—
Услыхалъ какъ Иванушко Васильевичъ,
Улеталъ въ окно полуцирколыо.
Какъ говоритъ ему Марья Лиховидьевна:
« Ай же ты, родитель батюшка,
« Грозный царь Лиховидъ Лиховидьевичъ!
« Что ты вѣришь сторожамъ строгіимъ!
« Пою я пѣсни разнымъ голосомъ:
« Когда я весела-радошна,
« Тогда пою пѣсни веселыя
« Своимъ нѣжнымъ голосочикомъ;
« А когда я порастоскуюся,
« Растоскуюся и порасплачуся,
« Тогда пою пѣсни унылыныя
« И пою голосомъ другіимъ.»
Тому онъ царь повѣровалъ.
Во тую пору во то время
Понеслася Марья Лиховидьевна,
Принесла-то Ѳедора Ивановича.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Взялъ онъ своего сына любимаго,
Выскочитъ къ бабушкѣ задворенкѣ,
Подаетъ ей ларецъ съ золотой казной,
И даетъ ей свою одежу царскую,
И подаетъ свой золотой перстень:
— Ай же ты, бабушка задворенка!
— Возми-ко моего сына любимаго.
— Отдай ему ларецъ съ золотой казной,
— И отдай ему мой золотой перстень,
— Отдай ему одежу мою царскую,
— Когда спроситъ про своего батюшка;
— А про мать ему не сказывай.—

Тотъ ли Ѳедоръ Иванович
Когда росъ до лѣтъ до шестнадцати,
Сталъ онъ на улочку похаживать,
Сталъ онъ съ ребятками поигрывать,
И они стали обзывать его заугольникомъ (*).
И тутъ молодецъ порасплакался,
Приходитъ къ бабушкѣ задворенкѣ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, государыня матушка,
« Бабушка ты мнѣ, али матушка!
« Скажи мнѣ про батюшка?»
Тутъ эта бабушка задворенка
Подавала ему окованъ ларецъ,
Подала ему золотой перстень
И отдала ему одежу царскую,
Сама говорила таковы слова:
— Поѣзжай-ко, удалый добрый молодецъ,
— Ко своему родителю ко батюшку.—
Пріѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ
У того великало боярина
Молоду Анну Дмитріевичну.
Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
Нанимался онъ во прикащики
Ко тому купцу ко богатому.
И говоритъ Анна Дмитріевична:
« Ай же вы, мои слуги вѣрные!
« Подите ко тому купцу ко богатому,
« Купите мнѣ товаровъ на свадебку.»
Эти слуги невѣстины
Приходили ко купцу ко богатому,
Увидѣли молодаго прикащика
И забыли, что купить надоть.

(*) Незаконнорожденнымъ. Заугольниковъ въ Олонецкой губерніи называютъ по отчеству Богдановыми.

Приходили они въ палаты бѣлокаменны,
Къ молодой Анны Дмитріевичной,
Сами говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, Анна Дмитріевична!
— Были мы у купца у богатаго,
— Какъ увидѣли молодаго прикащика,
— Позабыли мы, что купить надоть.—
Тая-то Анна Дмитріевична
Она съ вечеру легла поздымъ-поздо,
По утрышку вставала ранымъ-рано,
Одѣвала одежи самолучшія,
Приходила ко купцу ко богатому,
Ко тому молодому прикащику,
Набрала товаровъ на двѣ тысячи,
За разсчетомъ велѣла самому придти.
Какъ пришелъ онъ въ покои во особые,
Она говоритъ таковы слова:
« Ты ей же, удалый добрый молодецъ!
« У тя есть ли охота со мною жить?»
Согласился Ѳедоръ Ивановичъ.
Они дѣлали подкопы подземельные
Во него во лавочки торговыя,
Стали ходить во часы во ночные.
Какъ въ тую пору, во то время,
Дѣлалъ царь указы строгіе,
Не велѣлъ никуда поздо ходить.
Какъ тые голи кабацкіе
Напивалися они очень пьяны,
Приходили ко этой лавочкѣ,
И увидѣли они горючись огонь,
Колотились въ эти лавочки.
Молодой Ѳедоръ Ивановичъ
Онъ былъ милосливъ-жалосливъ,
Глупымъ умомъ своимъ разумомъ
Запущалъ голей кабацкихъ:
Увидѣли они тутъ невѣсту царскую.

Ставали они по утрышку ранешенько.
Этотъ удалый добрый молодецъ
Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Что вы видѣли, не сказывайте! —
Какъ эти голи кабацкіе
Приходятъ они на царевъ кабакъ,
Они брали много золотой казны,
Накупали они зелена вина,
Напивалися опять до пьяна
И тутъ въ кабакѣ порасхвасталися:
« Были мы у купца у богатаго
« Во тѣ часы непоказные
« И видѣли тамъ невѣсту царскую. »
И пригодилися слуги царскіе,
Доносили Ивану Васильевичу,
И захватили ихъ голей кабацкіихъ.
И приволили къ царскому величеству.
И сталъ ихъ царь доспрашивать:
« Ай же вы, батюшко нашъ грозный царь,
« Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Ты можешь насъ испытать по вечеру. »
Походили тые голи кабацкіе
Во тые часы непоказные
Со тымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ:
Накрутился онъ голью кабацкою.
Приходятъ къ этой ко лавочкѣ,
И увидѣли они горючись огонь,
Колотились въ эту лавочку.
Молодой Ѳедоръ Ивановичъ
Опять запущалъ ихъ въ лавочку,
Кабацкихъ голей пьянешенькихъ.
Тутъ голи въ лавкѣ ложилися,
Увидѣли они невѣсту царскую.
Ставали они по утрышку ранешенько.
Этотъ удалый добрый молодецъ

Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Что вы видѣли, не сказывайте!—
Пошли гули на царевъ кабакъ,
А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца,
И вывесть на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.
И говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
« Я стану по крылечику похаживать
« И стану платочикомъ помахивать,
« Чтобы, въ третій разъ махну платочикомъ,
« Рубить ему буйна голова. »
Какъ тотъ Ѳедоръ Ивановичъ
Одѣваетъ онъ одежу царскую,
А на верехъ одежу купеческу.
И привели на ступеночку высокую
Снять съ него одежу верхнюю
И рубить ему буйна голова.
Царь сталъ по крылечику похаживать,
И сталъ платочикомъ помахивать;
Какъ махнулъ въ третій разъ платочикомъ,
Сняли съ молодца одежу верхнюю,—
И нельзя ему рубить буйна голова.
Царь сталъ по крылечику похаживать,
Сталъ онъ платочикомъ помахивать,
Самъ закрычалъ во всю голову:
« Ай же вы, палачи немилосливые!
« Рубите ему буйну голову. »
Говорятъ палачи немилосливые:
— Ай же ты, нашъ грозный царь,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Нельзя ему рубить буйна голова,
— На немъ есть одежа царская,
— И есть золотой царскій перстень.—
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.
Тутъ онъ Иванъ Васильевичъ
Женилъ его на Анны Дмитріевичной,
На своей невѣсты царскія;
А самъ-то Иванъ Васильевичъ
Взялъ Марью Лебедь бѣлую
У того царя у Подсолнечнаго.
Тутъ вѣкъ о нихъ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

—

У нашей у государыни у мамоньки
На всякой день пекетъ мяконьки.
День попекетъ и другой попекетъ,
Два денечка пропуститъ, опять попекетъ.
Завела она коврижки, на горшки накрышки,
Въ стѣну ударитъ, стѣна колется,
Стѣна колется, хоть не ломится.

(Отъ того же.)

—

КАКОВО ПТИЦАМЪ ЖИТЬ НА РУСИ.

57.

[Ладвинскій погостъ, Петрозаводскаго уѣзда.]

1. О ПТИЦАХЪ РУССКИХЪ И ЗАМОРСКИХЪ.

Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.

—

Мужики-крестьяна стоги поклали:

Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,
Подъячьи сидятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
Старые старики по скамейкамъ,
Молоды молодицы по кроватямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремяхъ
И подъ теплымъ одѣяломъ по другому.

—

Впредь сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Крынка подъ носомъ съ тѣстомъ, (*)
Ѣла бы она, не ворчала . . . . .

—

Изъ за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица-синица,
Надъ русскима птицамы царица;
Садилась на деревце калину,
Она начала пѣть-жупѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила русскіимъ птицамъ:
« Ай же вы, русскія птицы!
« Тамъ же вы не бывали,
« Нужды-горя не видали,
« Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ.

(*) Тѣсто,—густой растворъ изъ овсяной муки, а сладкое тѣсто—заваръ изъ ржаной муки съ примѣсью солода.

« Какъ у насъ на славной, тихой заводи (*)
« Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:
« Всѣ птички по службамъ,
« Всякъ человѣкъ по работамъ.
« Кулыки-гагары—вѣковѣчные рыболовы:
« Изъ озера въ озеро летаютъ,
« Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,
« Много рыбы они добываютъ,
« На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.
« Пѣтухи—молодцы удалые,
« По многу женъ имѣютъ,
« По двѣ и по три,
« И по цѣлому десятку. (**)
« У крестьянина на Руси
« Одна женка бажона,
« И той нарядить не можетъ.

—

« Цапля ты, цапля,
« Худой человѣкъ необычайный,
« Журавъ Черкацкой,
« Самъ Питербургскій! (***)
« Въ большой колоколъ ударитъ, (1)
« Обѣдать-ужинать проситъ;
« Ходитъ по мосту,
« А мосту мостить не умѣетъ:
« Ножки тоненьки,
« Чулочки узеньки
« И платьица коротеньки.
« Соколъ-птица—надлетникъ:

---

(1) Вар.: ударятъ.

(*) Отношу слѣдующіе стихи къ словамъ «заморской птицы», по сравненію 30 стиха этой былины съ 5-мъ варіанта № 58 и 49-го стиха съ 31-мъ варіанта № 59.

(**) Здѣсь явно пропущенъ стихъ, находящійся въ слѣдующемъ пересказѣ: «И всѣмъ женамъ наряжаютъ.»

(***) Санктпетербургскій.

« Часто въ деревню прилетаетъ,
« Годовую десятину оберетъ,
« Сиротъ-вдовицъ обижаетъ,—
« И въ томъ эта птица неразсудна. (2)
« Попугай птица на морѣ вѣща.
« Куропать на морѣ безкромѣшна:
« Изъ куста въ кустъ перебродятъ,
« Подворья себѣ не имѣетъ.
« Чайцы на морѣ—попадейки.
« Гуси на морѣ—бояра.
« Лебеди на морѣ—дворяна.
« Олень на морѣ—посланникъ.
« Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
« Много кожъ снимаетъ,
« Сапоговъ никогда не бываетъ.
« Сѣрый волкъ—овчинникъ:
« Много овчинъ снимаетъ,
« Полушубка на себѣ не бываетъ.»

2. СТАРИНА НЕБЫВАЛАЯ (3).

Пришелъ тутъ сѣрый котъ безхвостый,
Самъ кубовастый:
« Здравствуйте, господа сенаторы!
« А я изъ банковой конторы,
« Отъ сенаторовъ остался,
« Да и въ полковнички записался.

—

(2) Вар.: И въ этомъ она неразсудна.

(3) Въ томъ же родѣ небывальщина записана отъ Терентья Іевлева:

Изъ-за печи, печи, изъ-за кирпичныя
Выѣзжалъ-то удалый добрый молодецъ,
На свиньѣ въ сѣдлѣ, вострый штыкъ по бочи,
Кашу съ масломъ въ полонъ побралъ,
Калиточки по полочкамъ пообобралъ,
. . . . на осошочкѣ тронуть не смѣлъ.

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:
« На синемъ морѣ
« Мужики орутъ-пашутъ,
« А по чистому полю корабли бѣжатъ,
« Поросеночекъ въ гнѣздо свивается,
« Курочка во хлѣвѣ супоросилась.

—

« Идетъ мельникъ
« Въ чистый понедѣльникъ,
« Несетъ подарокъ
« Изъ . . . . огарокъ, ...
« И пошелъ—заплакалъ. »

—

Въ давныхъ годахъ
И въ теплыхъ лѣтахъ
Сочинилась ромода
У господина муравья,
Котораго хвалятъ стрѣльца и борца,
Нахвальнаго молодца; (4)
Край болота домъ состроилъ,
Никого не почитаетъ. (5)
И живетъ мизгрище,
Стуловато личище, (6)

(4) Варіянтъ добавляетъ: И въ скорости завоеванаго.
(5) По пересказу: И самаго мизгиря ни во что считае.
(6) Варіянтъ добавляетъ:
И слиновата рожа,
И подъ толстымъ корнищемъ.
И показалось это *(т. е. неуваженіе муравья)*
Мизгирю и вредно, и бѣдно,
И завелъ мизгирь упорство,
И началъ мизгирь ногами трести
И мережи нести,
И поставилъ мережи
Край пути-дороги.

И поставилъ мережи
Край пути-дороги
И солеталися господскія мухи-клѣти
И попали мизгрю въ сѣти,
Сами говорятъ-толкуютъ:
« Братцы-господа, не покиньте!»
Услыхала госпожа,
Сонная, пестрая боса и безъ пояса,
И какъ скоро прилетѣла,
И такъ мизгрю въ сѣти попала,
Сама себя изругала:
— Не чертъ ли меня и несъ
— На чужое спасенье!—
Солеталося тутъ
Синихъ и зеленыхъ поганыхъ мухъ,
И солетались, погребали,
Кишки свои набивали.
Жукъ былъ . . . .
Клопъ астраханомъ.
Садилися на клочекъ,
Нюхали божью травочку-табачокъ,
Бога хвалятъ, Христа величаютъ,
Богатую богатину проклинаютъ:
« Много с пива и меду,
« Это цамъ ни по чемъ:
« А у насъ травочка-табачокъ,
« Табакъ шпанскій, королевскій,
« Табакъ зоренъ: (*)
« Ноздри поретъ,
« Глазъ вонъ воротитъ. »

—

И у насъ было на бору
Три сестры прекрасныхъ,
Носили на себѣ платье атласно;

(*) Т. е. крѣпокъ, иначе „яркой“.

Ничего надъ собой не знали,
Одныма головкамы качали.

—

Слѣпни комаровъ попрекали,
Что барабаны украли.
Комары божатся:
— Воля ваша, а большина наша:
— Времена были въ ты поры жаркія,
— Мы люди были жирные,
— Мы въ ты поры не вылетали (7)
— И головъ своихъ не показали.—
Начали потомъ слѣпни оводовъ бранить:
« Стуловата ваша рожа,
« Слиновато ваше личище!» (8)
И тын начали божиться.

—

Ходилъ я по чистому полю,
Подошелъ я къ дубу
И ударилъ по дубу.
Выскочилъ оттуль мужикъ
И ударилъ меня на мѣсто въ душу,
И палъ я въ лужу.
День лежалъ,—ничево
И другой лежалъ,—ничево,
А на третій день
Прилетѣли. . . . . .
. . . . . слѣпень да муха,
И поймали меня за волоса,
И вздынули на небеса.
День ходилъ по небу,—ничево. . . .

3. ПОХВАЛА БОГАТСТВУ.

Всякому изрядно деньги имѣть,

---

(7) Вар.: на улицу не вылетали.

(8) Вар. добавляетъ: И напрасно вы разсказываете,
И ложно наговариваете.

И не малая слава карманомъ гремѣть,
Карманъ полонъ,
Кафтанъ цвѣтенъ:
Всякой въ гости зоветъ
И въ большой уголъ ведетъ.
Кому есть ли, нѣтъ
Пиво и честь,
А тебѣ все есть.
Выкушай-испей,
Да только насъ не бей.
Хоть люди скажутъ: «не хорошій,
« Угреватый, худорожій,»
Сдѣлался хорошій,
Лучше нѣтъ на свѣтѣ.
Хошь прежде былъ дуракъ,
А нынь сталъ уменъ:
Начнетъ врать,
И рады люди стоять
Хошь безъ шапки зимой.
Хошь никому не корись, не молись,
А только судьямъ поклонись,
За гривной не стой
Приказныхъ-подъячихъ напой,
Вездѣ будешь правъ.—

[Записана со словъ крестьянина Никиты Рѣзина, 12 декабря 1862 г.]

—

ТОЖЕ.

60.

(Деревянское общество, Петрозаводск. уѣздъ.)

1. О ПТИЦАХЪ РУССКИХЪ И ЗАМОРСКИХЪ.

Отчего у насъ зима становилась?
Зачиналась зима отъ морозу,
Приходило лѣто красное,

Осень богатая.
Мужики-крестьяне стоги поклали,
Жить имъ ладно-прокладно (1).
Цари живутъ по царствамъ,
Князи живутъ по селамъ,
Бары живутъ по помѣстьямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремя.

—

Впредь сего временамъ
Говорили бы, поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Крышка подъ бокомъ съ тѣстомъ,
Ѣла бы она, не ворчала . . . . .

—

Изъ тихаго съ Дунайскаго моря,
Со моря ли было съ лукоморья,
Прилетала бы малая птица,
Малая птица-синица,
Надъ русскима птицамы царица;
« Сказывай, Нагай-птица (*),
« Про свое Дунайское море:
« Кто у васъ на морѣ больши,
« И кто у васъ на морѣ меньши?
— У насъ на морѣ
— Кулики-гагары — вѣковѣчные рыболовы:
— Изъ озера въ озеро летаютъ,
— Побѣдимъ своимъ голосомъ рыдаютъ (2).
— Вѣтуны на морѣ молодцы,

---

(1) Вар.: Мужичкамъ жить ладно-прокладно,
Стоги поклали по задворьямъ.

(2) Вар.: И у Бога рыбы просятъ.

(*) Нагай. Науй. Нагайщина. Ногъ,—страусъ Здѣсь названіе это какъ-то странно придается птицѣ-синицѣ.

— По многу женъ имѣютъ,
— По двѣ и по три,
— И по цѣлому десятку,
— И всѣмъ женамъ наряжаютъ.
— У крестьянина на Руси
— Одна женочка бажона, (3)
— И той нарядить не можетъ.
— Чапля ты, чапля!
— Худой ты журавъ черкацкой,
— Самъ Петербургской!
— Въ большой колоколъ ударятъ,—
— Обѣдать-ужинать проснись; (4)
— Ходишь по мосту,
— А мосту мостить не умѣешь:
— Ножки тоненьки,
— На ножкахъ чулочки узеньки,
— И платьица на себѣ коротеньки.
— Пагай-птица—наклѣтникъ:
— Часто по деревнямъ летаетъ,
— И годовую десятину обераетъ.
— А чайка на морѣ—попадейка.
— Гуси на морѣ—бояра.
— Лебеди на морѣ—дворяна.
— Олень на морѣ—посланникъ.
— Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
— Много кожъ снимаетъ,
— Сапоговъ никогда не бываетъ.
— Сѣрый волкъ на морѣ—овчинникъ:
— Много овчинъ снимаетъ,
— Полушубка никогда не бываетъ.—

2. СТАРИНА НЕБЫВАЛАЯ.

Сѣрый котъ кубовастый,

(3) Вар.: небоженка.
(4) Вар.: И самъ онъ въ колоколъ ударитъ,
И обѣдать-ужинать кличе,

А самъ возгревастый:
« Здравствуйте, господа сенаторы!
« А я изъ банковой конторы,
« Отъ сенаторовъ остался,
« Да и въ полковнички записался.

—

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:
« На синемъ морѣ
« Мужики орутъ-пашутъ,
« А по чистому полю корабли бѣжатъ,

—

« Какъ у насъ на славной, тихой заводи
« Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:
« Всѣ птички по службамъ,
« Всякъ человѣкъ по добычамъ. (*)

—

Взлѣзъ я на гору,
Стоитъ тамъ церковь:
. . . . . .
За столъ робята садятся
И грамотѣ учатся.
Съ кѣмъ ни подерись-побранись,
Да къ ряду и помирись.
За гривной на морѣ не стой,—
Приказныхъ-подъячихъ напой:
Будешь вездѣ правъ.

(Записана со словъ кр. Никиты Байнина, 26 Августа 1862 г.)

—

ТОЖЕ.

61.

[Г. Петрозаводскъ.]

« Аій же вы, русскія птицы!
« Тамъ вѣдь вы не бывали,

И самъ ѣсть не хоче.

(*) Эти 4 стиха перенесены сюда изъ 1-й части былинъ.—

« И горя вы нужды не знавали:
« Живете въ домахъ по рагузамъ.
« У насъ на морѣ въ лукоморьѣ,
« Въ тихомъ было заводьѣ,
« Даромъ птицы хлѣба не тратятъ:
« Всѣ птички по доводямъ,
« И всѣ птицы по уѣздамъ.
« Зеленъ-птица надлетникъ.
« Зуй на морѣ поваръ.
« Клевецъ (*) на морѣ плотникъ.
« Колзанъ на морѣ поддеверье.
« Ветликъ—ключникъ-язычникъ.
« Жавроленокъ на морѣ десятскій,
« То есть очищикъ деревенскій.
« Павы на морѣ гости торговы,
« Павины женки торговки.
« Пѣтухи-казаки донскіе,
« То наши молодцы удалые,
« Держатъ женъ по двѣ и по три,
« Держатъ по цѣлому десятку,
« И всѣхъ пѣтухъ наряжаетъ,
« И всѣ его боятся.
« Не такъ какъ на Руси крестьянинъ:
« Одной бажоной женки
« И той нарядить не умѣетъ.
« Журавль на морѣ Вытегорскій (**)
« То пономарь монастырскій:
« Въ большой колоколъ ударятъ,
« Обѣдать-завтракать кличетъ. »

[Этотъ отрывокъ записанъ со словъ крестьянина, родственника Леонтья Богданова.]

—

(*) Клевецъ, онъ же и дестярь—дятелъ.

(**) На сѣверѣ Олонецкой губерніи Вытегра имѣетъ такое же значеніе, какъ Петербургъ вообще въ провинціи и въ селахъ.

ДЕВЯТЬ БРАТЦЕВЪ И СЕСТРА.

62.

[Повѣнецкій уѣздъ, Пудожгорскій погостъ.]

Какъ у вдовушки было у пашницы
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбой пошли,
Одинаку сестру за мужъ выдали
За того купца за богатаго,
За богатаго за заморскаго.
Она годъ жила, не стоснулася,
По другой жила, въ умѣ не было,
А по третій годъ стосковалася
По своей родимой по сторонушкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ здумали они и поѣхали,
Выѣзжали они на сине море,
Тутъ имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
« Моего-то мужа взяли-потребили (*),
« А младенчика въ воду спустили,
« Меня молоду обезчестили.
« Какъ одинъ изъ нихъ тутъ былъ разбойничекъ,
« Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
« Онъ началъ меня тутъ выспрашивать.
« — Ты какого роду, какой земли
« — И какъ тебя именемъ зовутъ?—
« « Я не большаго роду и не меньшаго:
« « Я есть вдовушки дочи пашницы,
« « Дочи пашницы, одинака дочь.
« « Было девять братцевъ все разбойничковъ,
« « Всѣхъ тыхъ девять братцевъ въ разбой пошли,
« « А меня молоду за мужъ выдали.»
« Закричалъ какъ тутъ одинъ разбойничекъ.
« — Вы ставайте-ко, братцы разбойнички!
« — Своего мы брата тутъ потребили,

(*) Убили.

« — А младенчика въ воду спустили,
« — Молоду сестру обезчестили.—»

[Отъ крестьянина Бутылки.]

—

ПОѢЗДКА ПО МОРЮ.

63.

Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.

Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ,
Они думали думу крѣпкую,
Они крѣпкую думу за единое:
« Запоемъ-те, ребятушки, пѣсню новую,
« Мы которую пѣли пѣсню на синемъ морѣ.»
Не бывалъ младъ полковничекъ на синемъ морѣ,
Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,
Страсти-ужасти, великой Божьей милости.
Ахъ, вы глупые неразумные добры молодцы!
Аще есть ли по сему свѣту такова ладья,
Что ходила бы по синю морю не шатаючись?
Поднималася да погодушка,
Бѣлы паруса повырвало,
Высокія мачты повыломало,
Всѣ шелковыя снасточки повырвало,
Младаго полковничка въ воду повыбросило.
Тутъ кидалися, бросалися добры молодцы,
Добры молодцы, младые матросушки,
Поймали млада полковничка за желты кудри,
Тащили-то на черленъ корабль.
Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:
« Аще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,
« Чтобы безъ корешка травка выросла,
« Безъ солнышка цвѣточки выцвѣли?
« Аще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,
« Чтобы отдали сына во солдатушки, не заплакали?
« Большая сестра братцу коня подвела,

« Середняя сестра братцу коня сѣдлала,
« Сама меньшая сестра на коня поводъ подала;
« Въ воротахъ-то стоитъ горюшица молода жена,
« На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго,
« Она плачетъ и рыдаетъ горючмы слезмы,
« Во слезахъ-то словцо воспроговоритъ:
— А ты скороль, добрый молодецъ, поворотишься?—
« Ты гляди-ко, бѣдна горюшица, на сине море:
« На синемъ морѣ, когда сходится погодушка,
« Всколыбается сине морюшко,
« Со сини-то моря выстанетъ бѣлый камешокъ,
« На камешкѣ повыростетъ густой кустъ ракитовый,
« Въ этомъ кустышкѣ соловеюшко совьетъ гнѣздышко,
« Неповыведетъ соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
« Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена!»

[Отъ Л. Богданова.]

—

СМЕРТЬ КНЯГИНИ МИХАЙЛОВНЫ.

64.

(Олонецкая губернія.)

Я гляжу, сижу подъ окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
По Дунай-рѣкѣ бѣжатъ два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
« Вы куда, волки, призадумали,
« Куда, сѣрые, призамыслили?—
— Мы бѣжимъ волки ко Дунай-рѣкѣ,
— Ко мосточику ко калинову,
— Ко кусточику ко ракитову:
— Тамъ лежитъ убита твоя матушка,
— Баска-хороша, свѣтъ Михайловна,
— Рѣзвыми ножками ко Дунай рѣкѣ,
— Буйной головой во ракитовъ кустъ.—
Пометалась княжая дочи

Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
« Ты куда дѣвалъ мою матушку;
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?»
— А ушла, ушла твоя матушка
— Что-ль во погреба глубокіе,
— Да за двѣри за тяжёлые:
— Разводить квасы медовые
— И поить гостей некормленыхъ.—
Пометалась княжая дочи
Что-ль во погреба глубокіе,
Да за двери за тяжелые:
Тамъ стоятъ квасы не развожены,
Гости тамъ сидятъ не поены.—
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко,
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?»
— А ушла, ушла твоя матушка
— Что-ль во горницу во новую:
— Тамъ румянечка по скляночкамъ,
— Цвѣтно платьице по грядочкамъ.—
Пометалась княжая дочи
Что-ль во горницу во новую:
Тамъ румянечка по скляночкамъ,
Цвѣтно платьице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко!
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу свѣтъ Михайловну?»
— Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
— Я состроюю тебѣ новъ высокъ теремъ,
— Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
— Я возьму тебѣ нову матушку.—

« Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ,
« Ты растай, растай, золотая цѣпь,
« Ты умри, умри, нова матушка,
« Ты возстань, возстань, стара матушка,
55. « Баска-хороша, свѣтъ Михайловна!»

(Сообщено А. И. Ивановымъ, а имъ записана со словъ Кемской крестьянки въ Пудожѣ и Корелки Повѣнецкаго уѣзда въ Петрозаводскѣ; пѣсня эта была напечатана въ № 34 Олонец. Губ. Вѣд. 1845 г.)

II.

ЗАПЛАЧКИ
СВАДЕБНЫЯ И ПОХОРОННЫЯ.

1.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ
ПЕТРОЗАВОДСКАГО И ПОВѢНЕЦКАГО УѢЗДОВЪ.

(Записанъ мною отъ вопленицъ Кижской волости и вопленицы Шунгскаго погоста.)

Въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, въ такъ называемомъ Заонежьѣ, свадебный обрядъ развился въ цѣлое сценическое представленіе. Главными дѣйствующими лицами *князь*—женихъ, *княжна порученая*—невѣста и непремѣнная наперстница невѣсты—*вопленица* или *плакальщица*. Обязанность этой послѣдней *приплакивать*, т. е. излагать въ заплачкахъ или жалобныхъ стихахъ, передаваемыхъ изъ роду въ родъ, горькое положеніе *красной дѣвицы*, которая продается *родителемъ батюшкой, государыней матушкой, любимымъ родомъ-племенемъ въ чужедальную сторонушку*. Сама вопленица *вопитъ*, невѣста въ это время *приваплиеаетъ*, т. е. повторяетъ слова заплачки, *выведельницы* поддерживаютъ нѣвѣсту во время приваплиганья подъ руки, *подголосница подголашиваетъ*. Кромѣ этихъ лицъ со стороны невѣсты въ свадьбѣ участвуютъ: *бажатка* или кресная мать невѣсты, *передовщики* или *рожники*—провожатые мущины, *приставленицы* или *ставленицы*—провожатыя женскаго пола и *постельная приставница* или *проводница*, т. е. постельная сваха; со стороны жениха: *тысячкой*, иначе *боль-*

(*) Самый свадебный обрядъ одинаковъ и въ Петрозаводскомъ, и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; заплачки почти однѣ и тѣже; но въ Петрозаводскомъ уѣздѣ во время свадьбы поется много пѣсенъ, между тѣмъ какъ въ Повѣнецкомъ (по первому съ женихомъ согласію) поютъ только одну пѣсню: «Желтыя кудри за столъ пошли.»—Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: **ч** произносится какъ ць, **ѣ** какъ и, **е** какъ іо.

шакъ, или *староста поставленный*—крестный отецъ жениха, *вершники* или *дружки* шафера изъ *вѣжливыхъ людей*, между которыми главная роль принадлежитъ *переднему дружкѣ*, *боярa* или *попзжане*—провожатые изъ мущинъ, *боярыни* или *брюди*—провожатыя женщины, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—*кальтникъ*, который разъѣзжаетъ около дому молодыхъ въ ночь свадьбы и оберегаетъ ихъ отъ порчи.

Женихъ и невѣста обыкновенно знакомятся между собою *на бесѣдахъ*. Познакомился парень съ красной дѣвицей, станутъ они постоянно бесѣдовать, играть, пѣть и плясать, зовутъ другъ друга *парочкою*, и слывутъ парочкою между людьми. Такое положеніе длится нѣкоторое время. Если родные жениха не прочь отъ того, чтобы онъ наконецъ женился на своей парочкѣ, то онъ упрашиваетъ отца, братьевъ, братановъ, или крестнаго отправиться къ родителямъ невѣсты и сватать за него его *любушку* (1). Сватовья (или *сватухи*) пускаются въ путь *большимъ* или *малымъ поѣздомъ*, смотря по родѣ или состоянію жениха, и непремѣнно выбираютъ окольный путь (2). Пріѣдутъ къ дому невѣсты ночью, когда всѣ уже спятъ, застучатъ въ окно и просятъ позволенія войти. Изъ дому отвѣчаютъ обыкновенно: «Милости просимъ.» Сватовья зайдутъ въ избу, покладутъ на *воронецъ* рукавицы пальцами къ верху (3) и остановливаются среди избы подъ матицей. Гостей просятъ садиться, но они отказываются. «Намъ, де, садиться не время, мы молъ не сидѣть

---

1 Въ Каргопольскомъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздѣ бракъ совершается или свадьбою, или уводомъ [уволомъ, иначе бѣгомъ] Въ послѣднемъ случаѣ обрядовъ не соблюдается, кромѣ посѣщеничныхъ, а всѣ приготовленія дѣлаются потихоньку. Невѣста уговаривается съ женихомъ о днѣ, въ заповѣдь даетъ ему лучшіе уборы и наряды, и въ урочный часъ, въ сопровожденіи одной изъ родственницъ, уѣзжаетъ на жениховой лошади къ вѣнцу. Очень часто родители знаютъ про уводъ дочери, но допускаютъ это, желая избѣжать дорогихъ свадебныхъ расходовъ. Такъ напр., у удѣльныхъ крестьянъ Уктской волости всѣ браки уводные, и уводятъ непремѣнно изъ чужой деревни.

2. Чтобы кто нибудь не встрѣтился, ибо всякая встрѣча почитается несчастіемъ.

3. Примѣта «чтобы не отказали.»

пришли и не гостить зашли, а за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ; у насъ есть добрый молодецъ, у васъ красная дѣвица: такъ нельзя ли ихъ по божьему суду вмѣсто свести и породниться съ вами.»—Благодарствуйте на поисканьи.—Тутъ у нихъ отбираютъ шапки и садятъ за столъ; начинается подчиванье гостей чаемъ, кофе, хлѣбомъ-солью т. е. пирогами и яичницею. За столомъ уговариваются когда быть *приказу* или *отказу*. Родители отсрочиваютъ отвѣтъ на день или на два, а сваты просятъ покончить дѣло тутъ же. «Намъ де лучше пріѣхать на одинъ разъ, чѣмъ долго длить.» Иногда приказъ или отказъ дѣйствительно отсрочиваютъ на нѣсколько дней, иногда родители невѣсты тутъ же проговорятъ формулу отказа: «На хлѣбъ-на соль милости просимъ, а на то дѣло—не пошто». На что обидчивые сваты не упускаютъ отвѣтить:—Не овсомъ и кормлены.—

Но, если дѣло идетъ на ладъ, то возмутъ-зажгутъ свѣчу передъ святою иконою, глаза крестятъ, Богу молятся и дѣлаютъ *рукобитье* (ударяютъ по рукамъ), при чемъ сватъ, захвативъ полу своего кафтана, бьетъ по рукамъ со всѣми *рожниками*; тутъ же назначается время свадьбы и другихъ свадебныхъ торжествъ. Послѣ рукобитья, обыкновенно по словамъ матери, невѣста начинаетъ приплакивать своимъ родителямъ и умаливать ихъ, чтобъ они отмѣнили сдѣланное рукобитье:

1 (Повѣнецкій уѣздъ).

Подержите-тко, жаланные родители,
У дѣвушкахъ до двадцати годиковъ,
До розливной красной веснушки,
До лѣтушка до теплаго.
5. Знать я вамъ была не трудница, (4) не работница,
Не легкая была перемѣнница.
Вы откажите-тко, жаланные родители,
Вы на дворъ меня возмите въ огороднички,
Въ задній уголъ въ подворнички,

(4) **ц** произносится какъ ць.

На гумню да въ замолотнички:
Я слуга вамъ буду вѣрная,
Я работница буду неизмѣнная.
Вы послухайте, жаланные родители!
Разсердились-распрогнѣвались
На меня на красну дѣвушку.
Вы на первой вины меня простите,
А въ другой вины меня побраните;
А въ третьей вины меня накажите.
Ужъ я чѣмъ провинилася,
Я которою ногою проступилася?
Вы послухайте, жаланные родители!
Знать я въ лѣтнюю во порушку
Не брала вамъ изюмныихъ ягодокъ;
Я во зимнюю во порушку
Не топила парныихъ баенокъ,
Знать не слала мягкія пуховыя постелюшки,
Не укладывала крутоскладное зголовьице?
Вы послухайте, жаланные родители!
Ужъ я чѣмъ я провинилася,
Я которою ногою проступилася?
Вы запродайте удоистыхъ коровушекъ,
Запродайте ступистыихъ лошадушекъ,
Вы повыкупите, жаланные родите ли,
Отъ эвтого чужаго чужанина.

2 [Петрозаводскій уѣздъ].

Не два ворона въ темномъ лѣсу слеталося,
Не два воина въ чистомъ полѣ съѣзжалося,
Какъ два сватушка въ моемъ домѣ сходилося.
Во славномъ во почестномъ во большемъ углу:
Большій сватъ-кормилецъ сударь батюшко,
Другой сватушка со чужой сторонушки.
Они думали крѣпкую думушку,
Затепляли свѣчи воску яраго
Предъ иконой чудотворною

И крестили очи ясныя,
Руку о руку ударили,
Едино словце родители промолвили,
Во заботушку меня озаботили,
Меня дѣвушку обневолили
Во великую неволю, во неволюшку,
Во чужую злодѣйную сторонушку.
Я сидѣла, душа красная дѣвушка,
Въ полоненомъ заднемъ уголку
За шелковой бѣлой занавѣсочкой.
Молилась было красная дѣвушка,
Молилась пресвятой Богородицы,
Богородицы царицы небесноей,
Чтобъ не дулись огни плящіе
Во жараточкѣ муравленомъ,
Не затопилась бы свѣчи воску яраго
Предъ иконою чудотворною,
У жаланныихъ у родителей
Не вздынулась бы ручка правая
Выше плечь на головушку
Перекрестить очи ясныя,
Не поворотился бы языкъ рѣчись (5) въ головушкѣ
Поневолить меня красную дѣвушку.
Знать молитвы мои къ Богу не доходныя,
Знать поклоны мои Богу не угодные!
Какъ раздулись жараточки муравлены,
Выскакали огни плящіе
Во лучиночкѣ сосновыя,
Загорѣлися свѣчи воску яраго,
Перекрестили очи ясныя,
И взынулись ручки правыя,
Не въ колоколъ родители ударили,
Не въ трезвонъ мои жаланные затрезвонили,
Едино словце родители промолвили,

---

5. Рѣчистъ.

Руку о руку жаланные ударили,
Меня красну дѣвушку родители поневолили;
Вы послушайте, жалашные родители!
Вы поневолили меня красну дѣвушку
Во великую злодѣйную неволюшку,
На остудушку на чужу на сторонушку.
Я приходила было, красная дѣвушка,
Ко своимъ-то ко жалашнымъ родителямъ,
Я корила непокорное сердечушко,
Я молилась было жалашнымъ родителямъ,
Чтобы не неволили моей младой головушки
На остудушку чужую сторонушку;
Родители моленыца моего не послушали
И поклоновъ-то моихъ не приняли.

3 (Заонежье).

Не утушка въ берегахъ закрякала, (6)
Красная дѣвушка въ теремѣ заплакала.
Не шайте-ко, жараточки муравленыя (7),
Не дуйтесь-ко, огни скорогорящіе,
Не топись-ко, свѣща воску ярова,
Передъ Спасомъ и пречистой Богородицей.
Ты не здынься-ко, ручка правая,
У моихъ свѣтъ желаныихъ родителей
Выше плечь по головушку,
Съ головушки на ретивое сердечушко,
Съ сердечушка на правое на плечушко.
Вы не сдѣлайте, родители,
Вы не сдѣлайте, желанные,
Крѣпкаго рукобитьица;
Не невольте моей волюшки,
Не заботьте меня бѣлой лебедушки.

---

6. Эта заплачка записана г. Прохоровскимъ.

7. Муравленыя.

Я въ каку вину, родители, провинилася,
Въ проступку-ль у васъ да проступилася:
Знать не скорое да было послушаньице,
Знать не легкая бы вамъ перемѣнушка?
Ваша думушка, родители, часовая,
Мнѣ же жирушка, желанные, вѣковая:
Послѣ схватитесь,—поплачете,
Воспомянете,—востоскустесь.
Все же думала я, бѣлая лебедушка:
Обсажу я волю жемчужкомъ,
Обовью я чистымъ серебромъ
У своихъ свѣтъ желанныихъ родителей;
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божьимъ денечкомъ
Наѣхали разсказы-сваты большіе,
Выводили надежу-свѣта-батюшка
На новы сѣни на рѣшатчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольню волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ-родитель мой батюшко:
« Эта волюшка во сто рублей,
« Руса косынька во тысячу,
« А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ. »
Какъ збахвалился (8) разсказъ большій сватъ,
Сталъ засуливать родителю
Города да съ пригородками,
Села да съ приселками.
Но на это мой родитель не окинулся,
А прочь подальше отодвинулся.
Восхвалять-то сталъ большій сватъ
Младаго сына отецкаго,
Что на походочку есть щепетливый (9),
На разговорушки учтивыій,

---

8. Разхвастался.

9. Щепливый, щеголь.

Его доброе хоромное строеньице
Сорокъ саженъ вверхъ подынуто,
И свѣтлыя есть свѣтлицы,
И стольныя есть горницы.
И на это мой родитель не окинулся
И не смѣнялъ моей бажоной вольной волюшки.
Но лукавъ былъ злодѣй большой сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то мои родители окинулись,
Промѣнялп мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино,
Какъ на этыя на винны малы чарочки
Пропились да промоталися,
Прогуляли мою волюшку.

4. [Ладвинскій погостъ.]

Благослови, Господи,
Стать на ножки на рѣзвыя,
На сапожки крестьянскіе,
На гвоздики шеломчатые,
Появить жалкой голосокъ,
Своя причеть умильная!
Прослужи, мой жалкой голосокъ,
Средь темное обочьице,
Да и завтра день межеиной.
Подойди, родитель матушка,
Ко мнѣ молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ (10)-побесѣдуемъ.

---

10. Жупѣть, протяжно пѣть.

Ты скажи, родитель матушка,
За одно-ль вы за едино думу думали?
Ваша думушка часовая,
Моя жирушка вѣковая—
У чужаго чужанина
Подъ грозою крестьянина.
Подойди, кормилецъ батюшко,
Ко мнѣ молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ-побесѣдуемъ.
Для чего, кормилецъ батюшко,
Разлучаете вы дѣвушку
Ранымъ-ранешенько,
Молодымъ-молодешенько,
Отъ желанныхъ родителей,
Отъ всего рода-племени?
Заслышалъ, родитель батюшко,
Про меня красну дѣвушку
Нехорошую славушку?
Видно, насказали про меня про дѣвушку
Шустаго пустословьица,
Небылицу да напраслицу?
(Обращаясь къ прочимъ родственникамъ, продолжаетъ:)
Я вижу, молодешенька,
У моихъ да у родителей
Весело въ домѣ дѣется.
Мой родъ-племя широкое,
Крестовый мой батюшко,
Крестовая моя матушка!
Я вижу, молодешенька,
Въ сей поздней вечерипочкѣ
Не въ колоколъ ударили,
Не въ трезвонъ затрезвонили,
Не къ обѣднѣ, не къ заутреной,—
Ударилъ мой кормилецъ батюшко,
Онъ ударилъ руку о руку:

50. Какъ прошло да миновалося
У кормильца да у батюшка
Что-ль крѣпкое рукобитьице,
Крестовое цѣлованьице,
Перстневое обручаньице. (11)

Тотчасъ послѣ приказа въ Петрозаводскомъ уѣздѣ поется слѣдующая пѣсня:

5.

Не чаяла меня матушка вѣкъ избыть,
Вѣкъ избыть, со двора изжить,
Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ во минуточку.
5. Жарко-жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Все горятъ свѣчи воску яраго,
Жалко-жалко плакала
Красна дѣвица душа
По своей русой косы,
10. По своей дѣвичьей красы.
Унималъ ее родимый батюшко,
Уговаривала родитель матушка:
« Ты не плачь, наша умница,
« Не тужи, душа разумница,
15. « Ужъ вѣдь мы тобя не въ полонъ дадимъ,
« Ужъ вѣдь мы тобя замужъ выдадимъ
« Что за умнаго да за разумнаго,
« За дородняго добра молодца,
« Ужъ какъ мы тобя не одну спустимъ,
20. « Мы дадимъ тобѣ провожатыихъ. »
— Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшко!
— Не уговаривай, родима матушка!
— Провожатые всѣ разъѣдутся,—

---

11. Запѣвка эта сообщена А. Ѳ. Ивановымъ; вторая половина ея относится и къ рукобитью.

— Я одна, молодешенька, остануся
— Со удалымъ дородным добрымъ молодцемъ.—

Дня черезъ два послѣ рукобитья назначается *порученье* или благословеніе. Невѣста въ это время гуляетъ, т. е., ходитъ по родным въ сопровожденіи десятка или двухъ десятковъ дѣвицъ и поетъ разныя пѣсни и заплачки. Изъ пѣсенъ поется напримѣръ, когда невѣста сирота:

На горѣ-то сыръ дубъ стоитъ.
Онъ безъ вѣтрышка шатается,
Безъ дождя уливается. (12)

6 (Заонежье).

Принесу покоръ желанным родителямъ,
Доложусь я во любимое гостибище,
На урочную гостиную педѣлюшку.
Дай, родитель моя матушка,
Мнѣ дѣвичье рукодѣльице,
Дай-ко, ияльца мнѣ точеныя,
Дай иголочку тамбурную,
Трубу да столокотную,
Дай розшивной бумагушки
Мнѣ-ка сто посонковъ.
Снаряжусь я въ любимое гостибище,
Прикрою тамъ свою я вольню волюшку.
(обращаясь къ дѣвушкамъ:)
Вы пойдемъ-те-ко, совѣтны милы подружки,
Вы пойдемъ-те-ко, души да красны дѣвушки.
Вы воспойте-ко звонунылы жалки пѣсенки,
Возвеселите мою вольню-то волюшку.
(по пріѣздѣ въ гости:)
Добры кони устоялися,
Звонунылы колокольцы помѣшалися,
Знать пріѣхали въ любимое гостибище.
Не убойтесь-ко вы, сродцы мои-сродники,

12. См. похоронные заплачки.

Не одна да я пріѣхала:
Одно стадушко со мной да есть гусиное,
А другое—лебединое,
Одно стадушко удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Друго стадушко есть бѣлыихъ лебедушекъ.
Хоть шумноголосна я бѣлая лебедушка,
А не голодна я къ вамъ пріѣхала, не холодна,
Погостить пришла съ бажоной вольней волюшкой.

(послѣ угощенія:)

Вознести было спасибо съ благодарностью
На хлѣбъ и соль вамъ на столовую.
Честно приняли въ любимое гостибище,
Вы за гостыцу меня да принимали,
Вы за родную меня да почитали.
Ты прости, мое любимое гостибище!

(послѣ полученія въ гостяхъ подарковъ, обращаясь къ народу:)

Порастроньтесь-ко, народъ да люди добрые!
Дайте мѣстечка съ единую мостиночку,
Катитъ-жалуетъ сестрица двуродимая,
На рукахъ несетъ бѣлую сорочечку,
Въ устахъ несетъ прощенье съ благословеньицемъ,
Ты за че даришь, сестрица, меня жалуешь?
Ты докладываешь окована коробочку,
Знать радѣешь на чужую на сторонушку.
Я прошу тебя, невольна красна дѣвушка,
На родительско честное пированьице,
На мое слезно горюче умыванье,
На разлуку съ вольной моей волюшкой.

(Отправляясь въ гости при выходѣ изъ дому:)

Ворочуся я, душа красная дѣвица,
Ко своимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ.

7 (Мишьковская волость Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ). (13).

---

13 №№ 7, 8, 9, записаны г. Макарьевскимъ и напечатаны въ 11 № и слѣд. Олон. губ. вѣд. 1862 г..

Подойдите, свѣты сердечны родители!
Чего я спрошу, душа красна дѣвица.
Меня звали душу красну дѣвицу
Во частую, любимую гостьбицу,—
Вы спустите, сердечны родители,
Дайте вѣрнаго, надійнаго товарища,
Милаго родимаго брателка
Справлять идти мнѣ путь-дороженьку широкую—
Впереди меня, души красныя дѣвицы,
Походить, погулять, покрасоватися
Со кумами, со подругами со любовными,
По милой, по родимой по стороны,
По славной, по веселой деревни Пожарищу.
Находитесь, нагуляйтесь, ножки рѣзвыя,
Намашитесь, бѣлы бумажны рученьки,
Наглядись, частоплетная руса коса,
На бѣлый свѣтъ, на красное солнышко,
На милую родимую сторону,
Про запасъ, про запасное времячко!
Больше вѣкъ мнѣ небывать, да и по вѣки,
Мнѣ на милой-то родимой стороны,
Мнѣ хорошей душей-красной дѣвицей.
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній,
Со кумами, со подружками, со любовными.
Вы обстаньте, куды, подружки любовныя?
Вы кругомъ меня обстаньте и около,
Чтобы буйны меня вѣтры не обвѣяли,
Чтобы лютые собаки не облаяли,
Народъ-люди добры не посмѣялися.
Вы изтиха ступайте, потихохонько,
Чтобы скобочка о скобочку не пробрякала,
Шеломчатые гвоздочки не помнилися.
Вы не жалѣйте, подружки-кумы любовныя,
Идти свои скоры рѣзвыя ноженьки:
Теперь все прошло у насъ, миновалося,
Теперь часъ ко часочку приближается,

Прошелъ долгой день изъ утра до вечера.
Увезутъ меня, душу красну дѣвицу
На ознобную чужу дальнюю сторону,
На ознобной-то, чужой дальней стороны
Мосты-те въ избахъ суковатые,
Люди-те живутъ зубоватые,
Осмѣхать начнутъ душу красную дѣвицу.
Я еще зову, душа красная дѣвица,
Я въ частую, любимую гостьбицу
Къ желанному родителю дядюшкѣ.

(Съ этимъ вмѣстѣ невѣста подходитъ къ дому, въ который идетъ въ гости:)

Становитесь, кумы подружки любовныя,
Бѣлымъ лицемъ къ частоступчатой лѣстницы.
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Въ хорошую частоступчату лѣстницу,
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во новые сѣни переные,
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во свѣтлую хорошую свѣтлицу!

(При входѣ въ избу:)

Меня, Господи, дочь кручинну благослови
Стать на единую половку дубовую
Передъ чудова Спасова образа!
Вздынься, правая бумажная рученька,
Перекрестить бѣло лице нерумяное
И помолиться мнѣ, кручинной, покланяться
За большаго дому настоятеля:
Дай Богъ, здоровья, живота, вѣку долгаго,
Жить здорову (имреку)
Во своемъ тепловитомъ гнѣздышкѣ,—
Мнѣ прибѣжище кручинной, пристанище
Съ ознобной чужей дальней стороны,
Не во частую, любимую гостьбицу.
И ты ударь челомъ, млада буйная голова,
На всѣ кругомъ на четыре на стороны!

(Обращаясь къ хозяину дома:)
Ты не убойся, желанный родитель дядюшка,
Ты подойди ко мнѣ, душѣ красной дѣвицы:
Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица,
Со кумами, со подругами со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній.
(Если въ семействѣ есть состоящій на рекрутской очереди, то къ нему:)
Ты подойди, милый двоюродный брателко,
Ты ко мнѣ, душѣ красной дѣвицѣ:
Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица,
Со кумами, со подружками со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній.
Ты скажи, милый двоюродный брателко!
Ты о чемъ слезно плачешь, уливаешься,
Ты роняешь слезы изъ ясныхъ очей?
Ты меня жальешь, души красной дѣвицы,
Или своя есть какая обида великая?
Ль боишься, милый родимый брателко,
Какъ придутъ съ Москвы указы немилостивы,
Потребуютъ на службу государеву,
Наряжать станутъ судьи-власти немилостивы:
Такъ у тебя сходилася обида великая. . . . . !

Изъ заплачекъ привожу еще заплачку къ брату, находящемуся на службѣ, къ замужней сестрѣ и заплачку между матерью и безотцей дочерью предъ самымъ порученьемъ.

8 [Невѣста выходитъ встрѣчать брата за деревню].

Напишу скорописчату грамотку
Милому родимому брателку,
На озябную чужу дальную сторону,
Чтобъ шелъ на побѣдную славную свадебку
Со озябной чужой дальней стороны.
Накажу скорописчатой грамоткѣ:

Не падай ни на воду и ни на землю,
Ни на темные лѣса дремучіе,
Ни на мхи, на болота зыбучіе,
Ты пади, скорописчата грамотка,
Къ ногамъ милаго родимаго брателка,
Гдѣ въ строю стоитъ на службѣ государевой,
Тамъ упроситъ немилостивыхъ начальниковъ
Прочитать скорописчату грамотку.
Вы пойдемте, кумы-подружки любовныя!
Не могла дождать, душа красная дѣвица,
Милаго, родимаго брателка.
Не своя у него воля великая:
Подъ строгой живетъ грозой государевой,
Ходитъ на крѣпкіе караулы государевы.

9 (Къ замужней сестрѣ или другой родственницѣ, живущей на сторонѣ и пришедшей въ гости).

Ты здорово, милая сестрица голубушка!
Живешь здраво на озпобной чужой дальней стороны.
Чего я спрошу душа красная дѣвица
У тебя, милая сестрица голубушка.
Каково тамъ, сестрица голубушка,
На озпобной чужой дальней стороны,
У чужихъ богоданныхъ родителей
Доставать ласкоту-добродѣтель великую
Серебряной иголочкой прищивитися,
Золотымъ клубочкомъ прививатися?
(Та отвѣчаетъ:)
Ты послушай, душа красна дѣвица!
Мудрено жить на озпобной чужей дальней стороны,
Серебряна иголочка затупится.
Набъ покорному быть сердцу ретивому
И склонной младой буйной головы,
Всѣхъ по имени звать, по отечеству;
По утру набъ вставать-то ранымъ-ранешенько,
А вечеромъ ложиться позднымъ-позднешенько.

Какъ зачнешь вставать, душа красная дѣвица,
Попрекать станутъ твоего-то мужа богоданнаго,
Что лѣнивая у него взята, не станливая,
Не трудница взята, не работница.
(Невѣста на это говоритъ:)
Спасибо за совѣтъ, сестрица голубушка,
Что научила душу красну дѣвицу
Какъ жить на озпобной чужей дальней стороны.

10 [Повѣнецкій уѣздъ.]

Мать: Ты рѣка, рѣ**ч**инька,
Ты рѣка-ли моя быстрая!
Ты бѣжишь не сколыбнешься,
Съ берегами не сравняешься.
Ты дите-ль, мое дитятко,
Ты дите, до**ч**ь одинакая!
Ты сидишь, да не усмѣхнешься,
Говоришь, да не улыбнешься?
Дочь: Мнѣ **ч**его-то смѣятися,
Мнѣ **ч**его радоватися?
У моей-то нонь у маменьки
Полонъ дворъ каретъ наѣхано,
Полны горницы сидятъ гостей,
Сидя гости незнакомые,
Че за мной бладой (младой) наѣхали.
Надоть съ волюшкой разстатися,
А съ эстима гостяма опознатися.
А какъ у меня-ль, у красной дѣвушки,
Какъ однихъ-то гостей нѣтъ какъ нѣтъ,
Че родныхъ гостей нѣту—батюшка:
Спарядить-то меня е кому,
Отпустить меня больши того,
А благословить нѣту батюшка.
Охъ вы, братцы, ясны сокола!
Вы, сходите во Божью **Ц**ерковь,
Вы ударьте трожды въ колоколъ!

Раступися, мать сыра земля,
Ты, откройся, гробова доска,
Развернися, золота парча,
Ты востань, родитель батюшка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ,
На посаждэньице (14) кресна матушка,
Отвезутъ меня братцы родимые,
Благослови, родитель-батюшка! (15)

И вотъ, черезъ два дня съ женихової стороны собрали всю *породу:* пріѣхали пять дружекъ, поѣзжане, брюдги, тысяцкой. Изъ женихова дома *жениховцы* ѣдутъ въ невѣстинъ домъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ началѣ *поѣзда* ѣдутъ два *вершника* (дружки), за ними тысяцкой, брюдги и наконецъ женихъ съ прочими гостями. По пріѣздѣ въ деревню, они останавливаются въ особомъ домѣ, откуда дружки сходятъ къ невѣстѣ—навѣдаться о ея здоровьѣ и дать знать о здоровьѣ жениха и его пріѣздѣ; за тѣмъ просятъ отца невѣсты и рожниковъ, чтобы поскорѣе приготовили ее и сами приготовились къ столу. Отецъ отвѣчаетъ: «У насъ невѣста готова, да вѣдь нельзя ничего сдѣлать безъ спросу плакальщицы: на то она и правитель свадьбы.» Тѣ отвѣчаютъ: «Намъ-де плакальщицу видѣть не лице.» (16) Да какъ видятъ, что сдѣлать ничего нельзя, такъ поубавятъ спѣси и станутъ просить плакальщицу: «Нельзя-ли поскорѣе приготовить невѣсту?»—Можно (можно), да мнѣ-кава не за чимъ невѣсту крутить.—Тутъ дружки дарятъ деньгами плакальщицу и тогда она смилуется: «Си-часъ-моль справлю, готова будетъ къ ставкѣ.»

Тогда женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ приходятъ въ домъ

---

14. Иногда рукобитье и порученье бываютъ въ одинъ и тотъ же день, а иногда особо.

15. Неприлично.

16. Во время отѣванья невѣста плачетъ, а свати бьютъ въ ворота, приговаривая: «Ну, сватьюшки, поскорѣе поворачивайтесь, подавайте невѣсту: женихъ скучаетъ.» А сватьюшки отвѣчаютъ:—На полетъ, на полетъ княжна молодая: только крылышки подвязать,—полетъть-полетъть!—

невѣсты и *заходятъ* за столъ, наблюдая такой порядокъ: тысяцкой садится въ большое мѣсто, за нимъ брюдги, женихъ, передовщики и прочіе гости. На покрытый скатертью столъ полагаютъ хлѣбъ-соль и даютъ каждому гостю по одному ломтику хлѣба. Невѣсту же въ это время *окрутятъ* какъ можно лучше: надѣнутъ ей на голову канифасную или бумажную фату и поведутъ ее ко столу; впереди ея идутъ передовщики, передовщицы, бажатка; сама невѣста идетъ, поддерживаемая двумя ставленицами подъ руки. У стола передовщики разступятся на двѣ стороны, а невѣсту со ставленицами подведутъ къ самому столу, и въ это время дѣвушки, стоящія въ углу, поютъ *припѣвальныя пѣсни* (17). Затѣмъ тысяцкой или дружка проситъ у невѣстиной родни, чтобы сняли фату и показали невѣсту: «Мы де не фату пріѣхали смотрѣть, а невѣсту.» Просьбу ихъ исполняютъ, и невѣста, освободившись изъ подъ фаты, ведетъ поклонъ жениховой родиѣ на всѣ стороны, а тысяцкому и князю молодому *въ особину*. Тутъ передовщики спрашиваютъ жениха: «Что, князь молодой, люба ли вамъ княжна молодая?» Женихъ выражаетъ свое довольство молча, однимъ кивкомъ, но его провожатые громко кричатъ:—Люба, люба!—«А спросите-ко у княжны молодой, любъ ли ей нашъ князь молодой?» На это невѣста отвѣчаетъ поклонами, а провожатые ея кричатъ:—Любъ, любъ!—Когда все затихнетъ, женихъ встаетъ на ноги, беретъ подносъ, наливаетъ виномъ двѣ чарки и подаетъ черезъ столъ невѣстѣ, да не просто, а съ обманомъ: поднесетъ къ ея рукамъ подносъ, и,—только она хочетъ взять,—онъ и отдернетъ назадъ. Это дѣлается разъ до пяти; наконецъ женихъ отдастъ подносъ и сядетъ, а невѣста, оборотясь къ столу спиною, подчуетъ виномъ своихъ родственниковъ (*родню покоренную*), женихъ же подливаетъ вина и передаетъ ей. Окончивъ угощеніе родни, она оборачивается къ столу лицемъ, подчуетъ тысяцкаго и прочихъ

17. Народная пѣсня такъ объясняетъ это выраженіе:
Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
На душечкѣ на красной на дѣвицы:
Тебѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тебѣ, сударь, невѣсту пришѣвати.

жениховцевъ и послѣ всѣхъ поднесетъ чарку жениху, а другую беретъ себѣ. Перекрестивъ глаза, и князь, и княгиня ударяютъ чаркой о чарку, при чемъ женихъ старается ударить своей чаркой выше и влить вина въ невѣстину чарку. Если это ему удастся, то сторона закричитъ: «Ай, да молодецъ!—зналъ какъ взяться! Ай да хватъ!» А если въ этомъ возметъ верхъ невѣста, то сторона закричитъ.—Нѣтъ взяла! Вотъ хватъ-дѣвка!—

Послѣ того невѣста отвернется отъ стола, а вопленица заплачетъ:

11 [Петроз. уѣздъ—Толвуйской и Кижской вол.]

Боже, благослови, Господи,
Во святой часъ да во счасливой,
Во талашу пору-времячко!
Я поворочусь, невольница,
На праву руку на посолонь,
Куда солнышко катилося,
Луна небесна воротилася;
Отъ стола да отъ дубоваго
Я станомъ стану въ большой уголъ,
А лицемъ на высокъ теремъ.
Гдѣ-то есть у сей невольницы
Большаки въ домѣ начальники,
Какъ большухи заповодчицы?
Мой большакъ въ домѣ родитель-батюшко,
А большуха—родитель-матушка;
Буде есть въ дому родители,—позовите,
Буде нѣтъ въ дому родителей,—оповѣстите.
Вы послушайте, жалашные родители,
Ты, кормилецъ-сударь-батюшко,
Да родитель моя матушка! (*)

(*) Вар (Кижск.):
Не возбранно ли вамъ, жалашные родители,
Соколы-братцы родимые,
Ветляныя нешутушки,
Что иду я, красна дѣвица,
Съ жалкима дѣвицами, съ красными дѣвицами?

Вы позвольте-тко, жалашные родители,
Попустить да свой зыщешъ голосъ,
Бѣлой лебеди возгакати,
Да красной дѣвушкѣ заплакати
По полаты грановитоей,
По терему высокому.
Повелѣлъ мой сударь-батюшко,
Да благословила моя матушка,
Какъ заставили родители
Подъ фатой ходить, голосомъ водить,
Пошла дѣвушка заплакала,
Да-й во весь народъ разжаллась
На своихъ-то на жаланныихъ родителей,
Че поставили родители
Къ дубову столу во стольницы,
Къ зелену вину въ разливщицы.
Я у дубоваго стола да постояла,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
На подносахъ были чарочки хрустальныя,
Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино
Злодѣямъ чужимъ чужанинамъ,
Этымъ гостямъ незнакомымъ.
И покорила свою младую головушку:
Первой разъ я поклонилася,—
Моя волюшка съ головушки укатилася,
Другой разъ я поклонилася,—
Поблекло мое бѣлое личико,
Третій разъ я поклонилася,—
Подрожали мои рѣзвые ноженьки,
Свое родъ-племя красна дѣвушка посрамила.
Не на ономъ я свѣту побывала,
Не на страшномъ я суду постояла, (*)

(*) Вар. (Кижск.):
Я не въ зеленомъ саду побывала,
Не зелены цвѣточки сорывала,

Постояла я у стола дубоваго,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
На подносахъ была чарочка хрустальная,
Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино.
Я клонила свою младую головушку
Злодѣй-чужимъ чужанинамъ,
Всему кругу молодэцкому,
Поѣзду да княженецкому,
Молоду князю въ особину.
Я не долго у стола да постояла,
Свою волюшку съ головушки потеряла,
Я волюшку на неволюшку смѣняла,
Я сама себя въ заботы обзаботила.
Подойти было невольницы,
Да-й поглядѣть было кручинницы
На свой да на зеленый садъ,
Въ полоненой во задней уголокъ:
Еще-ль все въ саду по прежнему?
Слава-слава тебѣ, Господи!

Я стояла у стола дубоваго,
Какъ глядѣла-ли млада сына отэцкаго:
Какъ сидитъ-то младъ отэцкой сынъ,
Какъ утуплены его ясныя очушки во столы во дубовые,
Да во скатерти во браненыя,
Во ѣстьвица сахарныя,
Да во питьица медвяныя.
Какъ взглянулъ младъ отэцкой сынъ,
Взглянулъ онъ взглядомъ невеселымъ,
Какъ отъ этого отъ взгляда невеселаго
Мое цвѣтное портишечко
Какъ по швамъ да распивалося,
По спаямъ да распаялося.
Я отворчусь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола отъ дубоваго
Отъ большаго почестнаго угла. . . .

Стоитъ все въ саду по прежнему,
Зеленъ-зеленъ мой зеленый садъ
Все деревцамы заморскима,
Изуваленъ мой зеленый садъ
Все кунамы да лисицамы,
Соболямы заграничными,
Изнасаженъ задней уголокъ
Душамы красныма дѣвицамы
Да жалкима пѣвицамы.
Вижу-смѣчу все невольница,
Еще все въ саду не постарому,
Еще все въ саду не попрежнему:
Раздробленый мой зеленый садъ,
Полоненый задней уголокъ,
Во кручинушкѣ стоитъ да задней уголокъ,
Во крови стоятъ зеленыя липинки,
Во слезахъ стоитъ хрустальная оконенка,
При обидушкѣ затула (18) бѣла занавѣсочка,
Изъ досадушки почернѣла бѣла лавочка,
Припечалилась затула бѣла завѣска,
Все обо мнѣ-то вѣдь о красной дѣвушкѣ.
Но неволѣ я пришла, красна дѣвушка,
Со почестна со больша угла;
Мнѣ-ка сѣсть было, невольницы,
Да-й по старому, по прежнему,
На брусовую на лавочку
Подъ косявчето окошечко.

12 [Кижская деревня Середка].

Я чего сижу-задумалась,
Чужихъ басенокъ ослухалась
У старушекъ ли невѣстушекъ,
У молодушекъ разговорушковъ,
У дѣвушекъ ли жалкихъ пѣсенокъ?

---

18. Спряталась.

Мнѣ-ка стать-пойти на рѣзвы ноженьки,
Поискать своихъ жалашныихъ родителей,
Во первыхъ сыскать кормильца-свѣта-батюшка,
Во другихъ сыскать родитель свою матушку,
Своихъ-то соколовъ-братцевъ родимыхъ,
Мнѣ ветляныихъ нешутушекъ,
Любимыихъ невѣстушекъ.
Я поворочусь, душа красна дѣвица
Ко своему кормильцу-свѣту-батюшку.
(Придетъ и поклонится въ ноги отцу:)
Не достойна, красна дѣвица, на ногахъ стоять,
Я достойна, красна дѣвица, во ногахъ лежать
У кормильца-свѣта-батюшка.
Ужъ вы че, мои жалашные родители!
Ужъ вы съ кѣмъ дума удумали,
Съ кѣмъ вы дѣлали плотное рукобитьице,
Вы сбирали ли мое родъ-племя любимое,
Вы сбирали ли моего крестнаго батюшка,
Созывали-ль на мою обидную на свадебку
Во другихъ-то крестову мою матушку,
Моихъ тетушекъ-добротушекъ,
Да жалашныхъ моихъ дядинокъ,
Да сестрицъ-то двуродимыихъ?

—

Ты, послухай-ко, кормилецъ-сударь-батюшко!
Ты на че да пріокинулся,
Ты на че-то позарился,
Поневолилъ душу красну дѣвушку
Во великую злодѣйшу во неволюшку,
На остудушку на чужую на сторонушку:
Ты на широкія-ль поляны хлѣбородныя,
Ты на гладкіе-ль луга на сѣнокосныя,
На хорошее-ль хоромное строеньице,
На хорошихъ ли ступистыхъ лошадушекъ,
На гладкіе кафтаны васильковые,
На шляпоньки-ль да на пуховыя,

40. Аль на хорошаго млада сына отэцкаго?

13 (Пѣвницкій, Шунгская вол).

Я колько у родителей возростала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала.
Какъ для этыхъ гостей именитыихъ
У моихъ свѣтовъ жаланныихъ родителей
По мостамъ бѣлодубовыимъ
Все сукна да одницовыя,
По стульницамъ кленовыимъ
Чисто серебро московское,
По кослвчетымъ окошечкамъ
Красно золото сибирское,
По стѣнамъ да бѣломшанымъ
Все парча да золоченая.
Что есть за люди въ почестномъ во большемъ углу,
Что за гости за столомъ да за дубовымъ?
Безъ спроса да въ высокъ теремъ заходили,
Безъ докладу за дубовый столъ садилися.
Какъ у нашего родителя у батюшка,
На сегодняшній господень божій денечекъ
У воротъ были приворотники,
На сѣняхъ были присѣнники,
У насъ слуги были вѣрные,
Сторожа да безъизмѣнные.
Вы скажите-ко, дородни добры молодцы,
Чѣмъ дарили теперь слугъ моимъ да вѣрныихъ,
Сторожевъ да безъизмѣнныихъ?
У воротъ ли вы лисицамы,
По сѣнямъ ли вы кушицамы,
Аль заморскимъ черным соболемъ,
Аль золотой казной безсчетною,
Аль на вишну малу чарочку?
Мои братцы ясны соколы
Не укинулись на лисицу на бурую,
Ни на кушицу на черную,

Ни на славнаго заморскаго на соболя,
Ни на эту золоту казну безсчетную.
Прелестились мои братцы ясны соколы
Че на винную на малую на чарочку.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой сватъ! (19)
Угощался ты какъ у родителя у батюшка,
Его звалъ ты на новы сѣни рѣшатчаты,
Ты выхваливалъ остуду чужу сторону,
Высоко-же несъ сына блада отэцкаго,
Ты засуливалъ родителю-батюшку
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Пятьдесять ведръ пива пьянаго,
Города да съ пригородкамы,
Села да со приселкаме,
На кругъ сине море со пристаньмы,
Корабли да со кладямы?
Говорилъ же мой родитель-батюшко:
« Намъ не надо сорокъ ведръ зелена вина,
« Пятьдесять да пива пьянаго,
« Городовъ да съ пригородкамы
« И уже селъ да съ приселкамы,
« Некому владѣть сине море со пристаньмы,
« Кораблевъ да со кладямы. »
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ большой сватъ,
Ты още сулилъ родителю батюшку
Про бладаго сына отэцкаго,
— Что бѣлина онъ—снѣгу бѣлаго,
— Красота онъ—солнца краснаго,
— Брови черны—черна соболя,
— Очи ясны—ясна сокола,
— На головушкѣ кудерышки
— Восемъ рядъ да совиваются,
— Быдто жаръ да разгораются.—

---

19. Обращеніе къ тысяцкому.

Ты още сказалъ родитель-батюшку,
— Что онъ бумажками дорожки устилаетъ,
— Серебромъ въ народъ-люди даваетъ.—
Ты послушай-ка, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
Красота мнѣ его да очевидная,
А золота казна его да неизвѣстная,
Гдѣ ты высмотрѣлъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Ты душу да красну дѣвушку:
На горы-ль меня, катаючись,
Аль о Святой меня качаючись,
Аль о Петровѣ-дни гуляючись?
Ни на че мой родитель не укинулся.
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Уже родителю-батюшку:
— Въ торгахъ, сказалъ, товары застоялися,
— Въ деревняхъ красны дѣвушки засидѣлися.—
Говорилъ тебѣ родитель-батюшко:
« Отпущу я во пустыню богомольную,
« Гдѣ дѣвушки въ пустыняхъ спасаются.»
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
— Нынѣ пустыни разоряются,
— Красны дѣвушки по домамъ да разъѣзжаются.—
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
— Не товаръ въ углу дѣвушка,
— Не запасъ въ мошнѣ денежка.—
Побоялся мой родитель-батюшко,
Тутъ снялъ волюшку со бладой головушки.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
Не одна я шла въ почестной въ большой уголъ,
За мной есть три стѣны да городовыхъ,
Сорокъ тетушекъ-добротушекъ,
Безъ числа е жалашыхъ моихъ дядинокъ,
Цѣла сотенка сестрицъ моихъ родимыхъ,
Е ветляная нешутушка,
Воспріемная (20) крестова моя матушка,

20. Воспріемница.

Мои братцы-ясны соколы
И жаланны мои дядюшки.
Ты розумайся, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Чѣмъ дарить будешь родъ-племя сердечное,
Чтобы честь-хвала была да вѣковѣчная.
Укажу тебѣ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Чѣмъ дарить мой родъ-племя сердечное:
Дари тетушекъ китайками,
Моихъ дядюшекъ гарнитурами,
Сестрицъ моихъ родимыихъ
Дари штофомъ-золотой парчей,
Ветлянную пешутушку
Жемчугомъ перебраннымъ,
А крестову мою матушку
Камкой дари хрущатоей, заузорчатой,
И золотой казной безсчетноей,
А жаланныхъ моихъ дядевей
Сукномъ васильковымъ,
Опоясочкой шелковоей,
Моихъ братцевъ-ясныхъ соколовъ
Ты жилетамы турецкима
И сапожкамы козловыма,
Ты козла дари турецкаго
А шитья да Питербургскаго.

14 (Петрозаводск. Толвуйской в.) (21).

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!

---

21. Иногда заплачка эта заводится такъ:
Становись-ка, младъ отэцкій сынъ,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку.
Гляди вточь да во ясны очи,
Гляди впрямъ да во бѣло лице,
Чтобы жить тебѣ-не каяться,
Мнѣ-ка жить бы-да не плакаться.

Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ,
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ:
На горочкѣ катаючись,
О Христовомъ дни качаючись,
На игрищѣ играючись,
На гумнѣ меня молотчучись,
Аль на тихой смирной бесѣдушкѣ?
Какъ повыглядѣлъ на игрищѣ играючись
На игрищѣ личико приналѣяло;
Какъ повысмотрѣлъ на гумнѣ молотчучись,
Ты отперся младъ отецкой сынъ;
Какъ на тихой смирной бесѣдушкѣ,
Мое бѣло личико разгорѣлося.

Или вмѣсто послѣдняго стиха:

И тогда у меня молодешенькой.
Было росту понаставлено,
Было туку прибабавлено,
Накладно да лицо бѣлое,
И бѣлымъ-бѣло набѣлено,
И алымъ было нарумянено.

Проплѣвъ заплачку, невѣста садится на лавку, а родственницы ея подходятъ къ ней и приплакиваютъ, т. е. каждая разсказываетъ свою горесть о переходѣ ея въ чужую семью и предваряетъ,—какъ слѣдуетъ жить «на чужой сторонушкѣ.» Когда этотъ формальный плачъ поутихнетъ, и невѣсту немного подиравятъ, она снова заплачетъ:

15 (Петрозавод.)

« Мнѣ недосугъ сидѣть-усиживать,
Говорить да разговаривать:
Сѣнокосъ пришелъ да сѣнограбленье,
Рабочая пора-времячко.
Мнѣ-ка не кѣмъ замѣнится,

Скажи, гдѣ я прилюбилася,
Въ кое время приглянулася?

Самой буде потрудитися.
Мнѣ-ка стать было невольницы
Мнѣ на ноженьки на рѣзвыя,
На сапожки на сафьянные,
На гвоздье на шеломчатое.
Породайтесь-ко, народъ-люди добрые,
На двѣ-на три-на четыре на сторонушки,
Дайте мѣста несомношечко:
Не попъ иде со мирянамы
И не староста съ крестьянамы,—
Иде поневольна красна дѣвушка
Да со родомъ да со племенемъ,
Со дружкамы со подружкамы,
Со жалкоей со подголосницей.
Гдѣ-то есть у сей невольницы
Все жалашныи родители?
Вы послушайте, жалашные родители,
Мнѣ пойти надо въ почестный большій уголъ,
Къ дубову столу въ столышцы,
Къ зелену вину въ разношцицы.
Ужъ вы дайте-тко, жалашные родители,
Ко столу хорошихъ столышчковъ,
Къ зелену вину разношчковъ,
Да и хорошихъ отговорщичковъ.
Я ступить-ступлю во сто рублей,
А другой ступлю въ тысячу,
А ужъ третьему и нѣтъ цѣны.
Я не боюсь да не полохаюсь,
И не стыжусь да и не соромлюсь,
Пока свой домъ да-й своя воля,
Пока у своихъ жалашныихъ родителей.
Вы послушайте, жалашные родители!
Мнѣ-ка смѣть-ли подойти къ столу дубовому,
Поклонить своя головушка,
Покорить свое сердэчушко
Этимъ гостямъ незнакомышмъ,

Этимъ чужіимъ чужаницамъ.
Всему кругу молодэцкому,
Молоду князю въ особину?
Мнѣ-ка смѣть-ли называть его по имени,
Называть да по изотчины?

—

Повелѣлъ мнѣ сударь-батюшко,
Повелѣла моя матушка:
« Подойди, дите любимое,
« Ко столу да ко дубовому,
« Поклони свою головушку,
« Покори свое сердэчушко
« Этимъ гостямъ незнакомымъ,
« Господину честну тысяцку,
« Княжаямъ-брюдгамъ-боярынямъ,
« Всему кругу молодэцкому,
« Поѣзду да княженецкому,
« Молоду князю въ особину;
« Называй его по имени,
« Звеличай его по изотчины,
« Не кухнай (*) его отечества (22):
« Онъ честнаго отца-матери,
« Роду-племени почтеннаго.

Потомъ невѣста придетъ ко столу съ подносомъ и рюмками и кланяется гостямъ, а плакальщица, стоя позади ея, приваливаетъ:

16 [Петрозаводскій уѣздъ].

Мой поклонъ да понизехонькой
Отъ души отъ красной дѣвушки
Всему кругу молодэцкому,
Поѣзду да княженецкому,
Господину чесну тысяцкому,

(*) Вар.: Ему Богъ далъ имя-отечество,
Не безчести молодэчества.

22. Не кухнай, т. е. не моноси.

Княжалмъ-брюдгамъ-боярынямъ,
Молоду князю въ особину.

За тѣмъ, невѣста подноситъ тысяцкому на подносѣ вина, а плакальщица приваливаетъ:

17 (Петрозаводскъ).

Господинъ чесной тысяцкой,
Человѣкъ ты именитый!
(Называетъ его по имени и отечеству,)
Пейте-кушайте, пожалуста,
Эту чашу зелена вина:
Тебѣ сахаромъ насыпано
И медамы изналивано.

Или:

Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце
И весельицемъ въ разумную головушку.

Тысяцкой беретъ чарку, выпиваетъ и даетъ деньги. Послѣ него пьетъ вино и даритъ деньгами весь поѣздъ; послѣ всѣхъ невѣста подноситъ чару жениху, а плакальщица приваливаетъ:

18 [Петрозаводскій уѣздъ].

Мой поклонъ да понизехонькой
Отъ души отъ красной дѣвицы
Молоду князю-сыну отэцкому.
За моимъ-то дубовымъ столомъ
Какъ сидитъ-то младъ отэцкой сынъ,
Онъ сидитъ-то какъ свѣчи горятъ,
Говоритъ онъ какъ рублемъ даритъ,
Говоритъ онъ не мѣшается,
Во устахъ рѣчь розсыпается.
Какъ у этого млада сына отэцкаго
Красота взята отъ солнышка,
Бѣлина-та отъ бѣла снѣга,
Кружевьемъ лице окружено,
Бѣлиломъ лице набѣлено,
Щечки-то отъ мака отъ краснаго,
Очи ясныя—ясь сокола,

Ясна сокола заморскаго,
Брови черны черна соболя,
Черна соболя сибирскаго.
То не имя, не отечество,
Называть буду по имени,
Звеличать да по отечеству:
(Называетъ по имени и отечеству,)
Выпей-высуши, чару зелена вина
Наливаньица сокола братца родимаго,
Подношеньица души красной дѣвицы.
Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А веселыцемъ во младую головушку.

Но если свадьба идетъ не совсѣмъ ладно, или, если знаютъ заранѣе, что женихъ и жениховцы скупятся на подарки, то имъ поются и такого рода заплачки:

19. Тысяцкому (Кижской волости).

Ты не могъ, дородній добрый молодецъ,
Не повытолочь да не повыпомочь,
На церковномъ крыльцы повыпросить.
Князю:
Какъ сидитъ младой отэцкой сынъ,
Будто гряда подпорожная,
Какъ собака подорожная:
Красота взята отъ пыльницы,
Бѣлота взята отъ задницы.

Послѣ этой чарки и совершается обрядъ порученья. Сущность его состоитъ въ томъ, что женихъ, взявши чарку вина и поднесши ее къ устамъ, беретъ невѣсту за руку и пожимаетъ ее (23). Въ иныхъ мѣстностяхъ это называется *подарить въ пясть*. За тѣмъ снимаютъ чарки со стола, женихъ достаетъ шкатулку съ подарками, кладетъ ее на поднось и подаетъ невѣстѣ. Невѣста, отворотившись отъ стола, замѣчаетъ, что нѣтъ ключа отъ шкатулки, а потому опять воротится къ столу и под-

23 Невѣста подноситъ ему руку ладонью къ верху, и онъ захватываетъ сверху концами своихъ пальцовъ за ея пальцы.

носитъ подарки жениху, а плакальщица привапливаетъ:

Дарилъ кованы ларцы,
Такъ отдай золоты ключи!

Женихъ вынимаетъ ключь и отмыкаетъ шкатулку, съ которою невѣста вторично отворачивается отъ стола и разсматриваетъ подарки. Большею частію она благодаритъ жениха такого рода заплачкою:

20. [Петрозавод. Толвуйская вол].

Ты за че даришь, младъ отэцкой сынъ,
Ты ларцамы окованыма!
Я дочи да не поповская,
Я дочи да не дьяковская,
Я дочи да сущаго крестьянина;
А ты даришь ларцы окованые,
Съ дальня города привезеные,
За нихъ провозы очень дороги.
Спасетъ Богъ—благодарствуетъ
На люби твоей, на милости,
На честныхъ твоихъ подарочкахъ!

Но иногда невѣста бросаетъ подарки, а вопленица припѣваетъ:

21. [Петрозавод. Педасельга].

Не дари-ко чужой чужбининъ,
Ты нищенскима подаркамы,
На церковномъ крыльцы выпроси.
Ужъ я жила молодэшенька
У родимаго у батюшка:
Я носила, молодэшенька,
По христовымъ воскресеньицамъ
Я башмачики козловые,
Я чулочики бумажные;
По годовыимъ по праздничкамъ
Я чулочики шелковые,
И башмачики сафьянные.
Ты послушай, чужой чужбининъ!
Съ моимъ родомъ сопознатися,
Прозакладать все житье-бытье

И хоромное строеньице.
Какъ дарить тебя-отдаривать?
Мое родъ-племя великое,
У меня родня широкая:
Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядинокъ,
Шестьдесять жалованыхъ дядюшекъ,
Въ моемъ ли роду-племени
Все попы-отцы духовные
И причетяна церковные.

За тѣмъ отъ стола невѣста обращается къ своимъ родителямъ и начнетъ имъ пенять, приваливая вслѣдъ за плакальщицей:

22 [Повѣнец].

Не подъ тучей я стояла, не подъ темноей,—
Я стояла у стола у дубоваго,
Я у эвтаго у князя у молодаго,
У поѣзда была у княженецкаго,
У круга-то стояла молодэцкаго.
Уже этотъ чужъ отэцкой сынъ
Три грозы задалъ великія (5)
Ступилъ на ногу на лѣвую,

Вар.: Пригрозилъ мнѣ чужъ отэцкой сынъ
Три грозы да три великія.
Первую грозу ступилъ на ногу:
Отъ того страху, отъ полоху
Подломились ножки рѣзвыя.
Другу грозу прижалъ мнѣ праву руку:
Онъ сломалъ злаченъ перстень,
Брильянтовы ставочки по полу розсыпались.
А третью грозу пригрозилъ,
Онъ взглянулъ по звѣриному:
Отъ того страху, отъ полоху
Мое цвѣтно портишечко
По шитью распоролося.

Прижалъ за руку за правую,
Взглянулъ взглядомъ невеселымъ:
Со того страху-переполоху,
Съ его взгляду невеселаго,
Мое цвѣтное портишечко
Все по швамъ розшивалося,
Мое золото монищато
Все по спайкамъ распаялося,
Мои скатные жемчуги перебраные
Розкатилисъ по единой по жемчужникѣ.
Въ дому-ль же мой надежа-батюшка,
Въ терему-ль моя родительница-матушка?
Буде есть въ домѣ,—сей часъ оповѣстите,
Буде нѣтъ въ домѣ,—сей часъ поищите.
Ты явись сюда, надежа-сударь-батюшко,
Говорю тобѣ, родитель-матушка!
Мнѣ-ка трои люди надобны:
Мнѣ-ка первы люди надобны
Сошить цвѣтное портишечко,
Мнѣ-ка други люди надобны
Спаять золото монищато,
Мнѣ-ка третьи люди надобны
Собрать скатные жемчуги перебраные.
Исповыкупи, исповыручи
Отъ стола да отъ дубоваго,
Отъ князя да молодаго
Отъ поѣзда княженецкаго
Отъ круга да молодэцкаго.
Не которую корысть да получили,
Что въ почестной большой уголъ сводили:
Отъ стола люди расходятся,
Отъ вѣнца да разъѣзжаются,
Что дѣвушки въ красы да оставаются.

—

Видно все мое прошло, да миновалося,
Родители на мои слова не сдаваются.

Хоть не свой день, да своя воля,—
Протяну я день до поздняго до вечера,
Проживу я у жаланныихъ родителей.

23 (Петрозаводскъ).

Вы послушайте, жаланные родители!
Я у дубоваго стола да постояла,
Свою волюшку съ головушки да потеряла,
Я запродала волю вольную
На честны дороги подарочки
И запропила за винную за чарочку,
При всемъ родѣ-племени,
При жаланныихъ родителяхъ,
При братцахъ-ясныхъ соколахъ,
При ветлянныихъ нешутушкахъ,
Я по вашему, родители, велѣньицу,
Да-й по вашему, жаланные, благословеньицу.—
Вы, послушайте, жаланные родители:
Ты, кормилецъ-сударь-батюшко,
И родитель моя матушка!
Вы покинулись, жаланные родители,
На честливыя-ль на гладки на словечушки,
На гладкія разбористы полянушки,
На луга да на зеленые,
На участки деревенскіе,
На гладкіе кафтаны васильковые,
На тулупы одинцовые.
Какъ тобѣ-то, мой кормилецъ- сударь-батюшко,
Насулилъ-то младъ отэцкой сынъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Двадцать ведеръ пива пьянаго,
Двѣ бадьи да меду сладкаго
И безъ счету золотой казны;
Тебѣ, родитель моя матушка,
Сулилъ шубу соболиную,
Паволоку кармазинную.

Онъ младъ отэцкой сынъ догадливый,
Хотѣлъ дарить мой-родъ-племя любимое
Онъ козламы да баранамы,
Соболямы все сибирскима
Да сафьянамы турецкима:
На то окинулись жаланные родители,
Поневолили меня красную дѣвушку.

По окончаніи этого припѣва, невѣста и приставницы пойдутъ въ тотъ уголъ, гдѣ помѣщаются женіховы дары, разберутъ ихъ, пойдутъ назадъ и остановятся противъ брюдгъ, при чемъ плакальщица припѣваетъ:

24 [Повенѣцкій Уѣздъ].

Я колько у родителей возростала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала:
По лицу у нихъ по ясному
Печетъ красное солнышко (24),
Позади ихъ свѣтлы мѣсяцы,
По головушкѣ пекутъ часты звѣздушки.
Вы скажите, милы гостьицы,
Милы гостьицы незнакомыи!
Вы дочери-ль есте купецкія,
Али жонушки господскія?
Это быть же дубоваго стола гостьицамъ,
Молодаго князя брюдгушкамъ.
Ты какъ князю причитаешься:
Тетушка-ль добротушка,
Аль сестрица родимая?

Вслѣдъ за этимъ, невѣста подходитъ къ каждой изъ брюдгъ, поднося вино, при чемъ брюдга встаетъ, *поздоровкается*, а невѣста причитаетъ:

Съ тобой, гостьюшка, спозналася,
Я съ волюшкой разталася.

---

24. Въ Петроз. Заонежьи было бы: пекетъ; точно также: сѣкетъ, текетъ, хотитъ (вм. хочетъ).

Если же которая брюдга не встанетъ (богата-де), то невѣста или воплешница привапливаютъ передъ нею:

23 (Повѣп).

Брюдги на ноги не ставятся,
Со мной на рѣчи не ладятся,
Къ разговору не сдаваются
И родней да не считаются.
Изволь выкупать, брюдга ты боярыня,
Мои малые подносы зелена вина.—
Дочь подноща—княжна поручепая,
Мое сладное вино да не похмѣльное,
Не даетъ хмѣлю во бладу головушку,
Далече вино да везено,
Дорого вино да куплено,
Оно трожды переливано.
Сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А веселыцемъ во бладу въ головушку!
(Послѣ угощенья:)
Съ вамы, гостыцы, сей-часъ да спозналася,
Я со волюшкой красой да порозсталася.
Есть-ли при дома надежа-сударь-батюшко?
Вы поставили къ дубову столу во стольницы,
Къ зелену вину во розношцицы,
На поклонъ да мою бладую головушку,
На покоръ мое ретивое сердечушко.
Вы умѣли гостей звать, умѣйте подчивать!—
Вы гостите, милы гостьицы столовыя,
На хлѣбъ-на соль ко жаланнымъ родителямъ,
На великое на наше угощеніе,
Чтобы не было укору вѣковѣчнаго.
Какъ допрежъ сего, до этой поры времячка
Были въ стольникахъ братьица родимые,
На розливъ была родитель моя матушка,
На розносъ де мой родитель-батюшка,
На поклонъ были сестрицы родимыя.

Видно все прошло да миновалося,
Моя волюшка съ красой потерялася.

Такимъ образомъ невѣста обходитъ съ виномъ всѣхъ родственниковъ жениха, собравшихся на свадьбѣ, а ея родители дарятъ ихъ при этомъ подарками и угощаютъ хлѣбомъ-солью (приговаривая: «чѣмъ Богъ послалъ»). Угостившись и получивъ подарки, жениховцы отправляются изъ дому невѣсты, каждый въ свою квартиру. Послѣ ихъ выхода, невѣста обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ, подчуя ихъ водкой и сбирая себѣ подарки. Женщины дарятъ ее *сорочками* и кусками разныхъ матерій, величиною въ четверть аршина, а мущины суконными чулками, платками и деньгами.

Иногда послѣ порученья бываетъ двѣ или три *вечеринки*, на которыя также собирается вся родня съ женихової и невѣстиной стороны. Для собравшихся на вечеринки приготовляется угощеніе, а дѣвицы-подружки невѣсты поютъ все время припѣвальныя пѣсни:

26 (Петрозав. и Повѣн. уѣзд.).

Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели:
Желтыя кудри—Василій молодецъ,
Русая коса—душа Аннушка.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
« Ты скажи-скажи, красна дѣвица!
« Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— Милъ мнѣ милешенекъ
— Батюшко родной.—
« Дѣвица красная-душа!
« Эта не правда твоя, не истинная:
« Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь.»
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
У красной дѣвицы перстень съ руки выпадываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
« Ты скажи, скажи правду всю,

« Кто тебѣ изъ роду милъ, душа дѣвица?
— Милъ мнѣ милешинекъ добрый молодецъ.—
« Красная дѣвица-душа!
« Это правда твоя, это истинная:
« Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.»

27 [Повѣнецкій уѣздъ].

Съ терема на теремъ красна дѣвица шла,
Съ высока на высокъ (имярекъ).
« Подойди сюда, красна дѣвица,
« Подойди сюда, извей кудри!»
— Не могу пойти, башмачки глуздятъ,
— Башмачки глуздятъ, пяты ломятся,
— Сапогъ о сапогъ приколачиваетъ.—
« Подойди сюда, красна дѣвица,
« Подойди сюда извей кудри!»
— Захочу, къ тебѣ подойду,
— Захочу, тебѣ кудри изовью.—
— Не твое я ѣла-кушала,
— Не тебя да я и слушала.
— Ѣла-кушала у батюшка,
— Хочу слушать родной матушки.

28 (Петроз. и Повѣп. уѣздовъ).

У стола-стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Тутъ чесалъ кудри (имярекъ) молодецъ,
Чесалъ кудри, перечесывалъ,
Чесалъ русыя, приговаривалъ,
Красну дѣвицу къ себѣ перекликивалъ:
« Ужъ ты, дѣвушка, извей кудри,
« Ужъ, красавица, извей русыя!»
— Я теперь-то кудрей не изовью:
— Я теперь слуга у батюшка,
— Въ позволеньицѣ у матушки;
— Не твое я ѣмъ-пью-кушаю,

— П тебя, сударь, не слушаю.—

Вотъ для примѣра насмѣшливая свадебная пѣсня:

29 (Кижская волость).

Какъ ѣздилъ младъ отецкой сынъ
По деревни красивыя,
Онъ по волости гульливыя;
Ужъ онъ ѣздилъ да посвистывалъ,
Своей волюшкой помахивалъ:
« Ужъ я возьму молоду жену,
« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю:
« Къ воротамъ пойдетъ дороженькой,
« Отъ воротъ пойдетъ тропиночкой:
« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю,
« Чтобъ заложечка не щелкнула,
« Перекладинка не скрипнула.»

Въ послѣднюю вечеринку, которая въ среднихъ губерніяхъ носитъ названіе дѣвичника, поется слѣдующая пѣсня:

30 [Кижская волость].

Сборы сборы широкіе,
Широкіе сборы дѣвичьи!
(Имя, отечество невѣсты)
Сбирала подружекъ за круглый столъ
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась повыше всѣхъ,
Наклонила голову пониже всѣхъ,
Думала думушку покрѣпче всѣхъ:
« Какъ будетъ придти во чужи люди,
« Какъ будетъ назвать люта свекра?
« Батюшкомъ назвать нехочется,
« Свекромъ назвать разсердится.
« Какъ назвать люту свекровушку?
« Матушкой назвать нехочется,

« Свекровью назвать разсердится.
« Подружки мои, голубушки!
« Придумайте-ко, пригадайте.—
« Убавлю я спѣси-гордости,
« Прибавлю ума-разума:
« Назову свекра—батюшкомъ,
« Люту свекровушку—матушкой.
« Съ этого я худа небуду,
« Съ бѣлаго лица не спаду,
« Съ алыхъ румянецъ не сойду.» (*)

Приводимъ еще запѣчку, которая поется въ то время, когда невѣста, поднося вино жениху, ударяетъ съ нимъ чарка о чарку и старается влить вина изъ своей въ чарку жениха:

31 (Кижск. вол).

Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣ-шипько!
Хоть мнѣ долго издѣватися,
Будетъ бѣдной покоритися.
Подойти да молодэшенькѣ
Ко столу ко княженецкому,
Ко кругу да молодэцкому,
Ужъ мнѣ снять фату алую.
Не помни, чужой чужбининъ,

(*) Въ Климовѣ, Черниговской губерніи, этапѣсня начинается такъ:

Сборщица, сборщица (имярекъ),
Собрала насъ сборъ полонъ дворъ,
Посадила всѣхъ за круглый столъ,
А сама сѣла повыше всѣхъ,
Наклонила головку пониже всѣхъ,
Думу думала сама съ собой одна,
Что ранымъ-рано зима напала,
Аль цвѣтики позавяли. . . .

Поется кромѣ того: «Полно зимушкѣ зимовати» и. т. д. (см. «Бесѣды»).

Ты ни лихой моей лихости,
Да ни грубой моей грубости.
Ты гляди-ко, чужой чужбининъ,
Господинъ-душа, отэцкой сынъ,
Мнѣ прямо во бѣло лице,
Вточь во ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная:
Тебѣ брать, чтобы не каяться,
Мнѣ-ка жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ.

Во время послѣдней вечеринки или же въ порученье, съ невѣсты снимаютъ *волю* т. е. ленту, которую дѣвицы обыгновенно надѣваютъ на голову до замужества По просьбѣ старшей свахи, невѣста снимаетъ волю съ такими заплачками (25):

32 (Острѣчинск. волость).

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшко
И родительница-матушка!
Охъ-ти мнѣ да охъ-ти мнѣ-шинько!
По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицы,
Во высокой новой горницы,
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ.
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косявчата окошечка
На озеро на Онежское:
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія:
Соловей, птица свистучая,

---

25 Въ Мишковской волости Каргоп. и Пудож. уѣздовъ невѣста съ перевязкою на головѣ и нѣсколькими на рукахъ идетъ провожать вольницу олицетворенную четырьмя парами дѣвушекъ, за невѣстой идетъ пара дѣвицъ, олицетворяя собой безволье или замужество.

Орелъ, птица говорящая;
Орелъ сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ,
Орелъ сталъ выговаривать,
Соловей сталъ насвистывать:
« Не сиди, паша голубушка,
« Подъ косявчетымъ окошечкомъ.
« Ты не трать-ко чиста серебра
« И не порти красна золота.
« По сегодишнему денечку
« Быть саду да полоненому,
« Всему роду покорепому,
« Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
« Дѣвушкѣ быть въ заботушкѣ. »
Не задолго поры-времени
Проскрипѣли дубовы сани,
Побрянчала золота узда,
Просвистала шелковая плеть.
Пріѣзжалъ тутъ злодѣй-большой сватъ,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
— Мнѣ-ка пить, не запиватися.
— Не промѣняю любовь дочери
— Я за винную за рюмочку.—
Выводилъ да злодѣй-большой сватъ
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.
Говоритъ родима матушка:
« Серебромъ-то не слюзы (26) слюзить,
« Золотомъ-то не тыны тынить,
« Жемчугомъ да не сады садить. »
Пропились да промоталися
Мои желанные родители,

---

26. Шлюзъ.

Пропили мою головушку
Не за пивную за кружечку
И не за винную за рюмочку.
Вѣрно я да молодешенька
Надоѣла имъ, наскучила!
Видно, бѣдная, я напрокучила
Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ малымъ ребячествомъ!
Я пріѣла, молодешенька,
Всѣ я стоги пятигодные,
Всѣ засѣки неисходные!
Приносила, молодешенька,
Всѣ я цвѣтныя платьица,
Придержала, молодешенька,
Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
У моихъ свѣтъ у родителей
Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
На дворѣ да не плодилося,
На столѣ да не спорилося!
Изживаютъ меня, бѣдную,
Будто ворога изъ города,
Люта звѣря изъ темна лѣса.
Погоди, родима матушка!
Схватишься, да догадаешься,
Какъ не будетъ меня, бѣдноей;
И по бережку находишься,
Камешковъ наприбираешься
И къ сердцу наприжимаешься.
Рада будешь, красно солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣчку рѣчь говорити.
У меня, у молодешеньки,
Будетъ волюшка спрошоная,
Красота да доложоная.

Мнѣ захочется тошпешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорешенько.
У меня день пройдетъ спрошаючись,
Другой день да здоложаючись,
Недѣлька снаряжаючись
На родимую сторонушку.
Осенью да бездорожьице,
А весною да безпольице.
Лѣтомъ—лѣтнія работушки,
Зимой—зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку. . . . .
Ужъ мы свидимся—понаплачемся,
Разойдемся—натоскуемся!

33 (Толв. Петр. и Шунг. Пов).

Моя вольная волюшка
Пусть поѣстъ-попьетъ-покушаетъ!
Кладу вольную волюшку
На хлѣбъ на соль на столовую,
На благодать да на Христовую.
Я неладно вѣрно удумала,
Не мѣстечко дѣвушка удумала
Своей да дорогой волюшкѣ;
Не сдамъ волюшки со младой головушки:
Ужъ придетъ младъ отэцкой сынъ,
Онъ увидитъ мою волюшку,
Станетъ волюшку побрасывать,
Мною дѣвушкой выхвастывать.
Пойдемъ лучше съ волей вольною
На перено на крылечушко.
Отпущу свою волю вольную
Я во темны лѣса лисицею,
Во чисто поле куницею.
Я не мѣсто тутъ удумала
Своей да дорогой волѣ:

Какъ покладутъ шелковыя петелки,
Изымаютъ мою вольную волюшку.
(или вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:)
Ужъ какъ ходитъ младъ отэцкой сынъ
Со винтовкой самострѣльноей,
Онъ застрѣлитъ волю вольную.
Спущу волю свою вольную
Водоплавной сѣрой утушкой
Да на тихое на заводье,
На зеленое на затресье.
Я не мѣстечко тутъ удумала:
Какъ охвотникъ младъ отэцкой сынъ,
Ходитъ за охвотою
Съ пистолетомъ зарукавнымъ
И застрѣлитъ волю вольную.
Спущу волю свою вольную
Во свѣжу ключеву воду
Съ бѣлой-рыбкою, со семжинкой.
Тутъ не мѣсто я удумала
Своей дорогой волѣ:
Какъ у млада сына отэцкаго
Есте неводье шелковое,
Два керегоды рыболовные,
Онъ изловитъ мою вольную волюшку,
Станетъ волюшкой помахивать,
Мною дѣвушкой выхвастывать.
А спущу я свою вольную волюшку
Да подъ плеса подъ широкія,
Подъ небеса подъ высокія,
Къ красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Ко зорямъ на свиданьице,
Ко звѣздамъ на разселеньице.
Пускай воля наволюется,
Пускай красна наликуется,
Улетая моя вольная волюшка

Со младой со головушки!

Въ дни вечериновъ, особенно у богатыхъ крестьянъ, бываетъ катанье вдоль по волости, съ пѣснями. По возвращеніи невѣста поетъ слѣдующій причетъ:

24 (Остречинск. вол. Петроз. уѣз).

Отворись-ко, дверь дубовая,
Не скрыпи пята точеная,
Вереюшка золоченая!
Вы раздвиньтесь, люди добрые,
Разойдитесь, православные,
Дайте мѣстечка немножечко,
Половиночку да узкую—
Не корабль мнѣ съ животомъ провесть,
Не съ конемъ пройти молодешенькой,
Мнѣ пройти да красной дѣвицы
Со своимъ да ликованьицемъ,
Со своимъ-то красованьицемъ . . . .
Увидала я, упримѣтила
Сквозь туманъ-слезу горючую
Своего да братца роднаго:
« Ужъ ты братецъ, ты мой родненькой!
« Да спасетъ тебя, Боже-Господи!
« Прокатилъ ты меня дѣвушку
« На коняхъ да на сторублевыихъ,
« Ты на саночкахъ дубовыихъ,
« Во своей сбруѣ во серебряной,
« По замерзлой быстрой рѣченькѣ,
« По Покровской гладкой улицѣ,
« По Рождественской площадочкѣ,
« Съ милымъ дорогимъ подруженькамъ,
« Съ душкамъ-краснымъ дѣвушкамъ.

Въ день предсвадебный невѣста отдаетъ *добровъ*, т. е. прощальный визитъ всѣмъ своимъ родственникамъ. Передъ кресными отцомъ и матерью она плачетъ такими заплачками:

33 [Остреч. вол. Петр. уѣзд.].

(Предъ крестнымъ отцомъ:)

Я пришла къ тебѣ, красно мое солнышко,
Желанный родитель-крестной батюшко!
Я пришла къ тебѣ, молодешенька,—
Побить челомъ и поклонитися.
Ты прости меня, родной батюшко!
Я была дѣвица неразумная . . . .
Благослови меня, батюшко,
Вѣковымъ благословеньицемъ!

36 [тоже].

(Предъ крестной матерью:)

Спасибо, матушка ласковая,
Дорогая и умильная!
Ты берегла меня, матушка,
Во дѣвичествѣ моемъ долгоемъ,
Укрывала меня, матушка,
Отъ людскихъ переговорныхъ словъ,
Ты дарила мнѣ, матушка,
Каждый годъ волю вольную.
А теперь у меня, дѣвушки,
Отнимаютъ эту волюшку,
Да-й сама-то ты, матушка,
Даешь на то свое согласьице . . . .
Ты прощай же, родимая,
Ненаглядное солнышко!
Благослови меня, матушка,
Благослови, не прогнѣвайся,
Не помни, родименька,
Моихъ глупостей дѣвическихъ,
Моихъ словъ неумильныихъ!

За день же до свадьбы или въ утро свадьбы невѣста отправляется въ баню, въ сопровожденіи подругъ и вопленицы, при чемъ поются новыя заплачки:

37 (тоже).

Я пошла, молодешенька,
Во теплую баенку
Со милыма со подружкамы—
Помыться-попариться:
Не смыть бы мнѣ дѣвью красу,
Отъ роду мнѣ не во первые,
А во дѣвьей красѣ въ послѣдніе.
Растопись, моя банюшка,
Разгорись, сыра каменка!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
А по браной по скатерти!
Ты поплачь, красна дѣвица,
Передъ родителемъ-батюшкой
И родителью-матушкой!
Ахъ вы, батюшко-матушка!
Благословите мнѣ, дѣвушкѣ,
Идти въ парную баенку,
Хоть не въ первую, не послѣднюю,
А во дѣвичью послѣднюю!

38 (тоже).

(Послѣ бани:)
Спасибо тебѣ, банюшка,
За тепло твое, за добро твое!
Стоять тебѣ, банюшка,
До вѣку до послѣдняго,
Грѣть моихъ родимелькихъ:
Батюшка-матушку
И братцевъ-сестреночекъ!
Спасибо тебѣ, баенка,
Спасибо ти, теплая!

39 (тоже).

(Невѣста благодаритъ за баню своихъ родителей:)
Ты спаси-тко, Боже-Господи,

Моихъ родныихъ родителей!
Спасибо тебѣ, родимой батюшко,
За теплую парну баенку,
За дрова перелѣтныя
Да за водушку ключевую!
Я сходила, красна дѣвица,
Во теплую парну баенку,
Я не въ первую, не послѣднюю,
А во дѣвичью послѣднюю.

Подруги и нѣкоторые родственники невѣсты остаются въ домѣ родителей ночевать эту ночь, и въ самый день свадьбы (27) невѣста будитъ своихъ подругъ такого рода «будильными» заплачками:

40 (Кижск. вол. Петроз. уѣз).

Мнѣ немножечко спалось, да много видѣлось,
Грозенъ сонъ мнѣ-ка привидѣлся:
Какъ мимо мово крутосклада зголовыща
Протекала рѣчка быстрая,
Какъ около этой рѣчки быстрыя
Обросла лядина лѣсу частаго,
Какъ у этой лядины лѣсу частаго
Стоитъ ель да суковатая,
Да береза виловатая;
Какъ по этой рѣченькѣ по быстроей
Плыветъ сѣрая утушка
Со сизымъ селезешшкомъ;
Какъ у сѣрой у утушки
Призавернута головушка
Подъ правое подъ крылышко.
Разсудите сонъ, пожалуста,
Вы народъ-люди добрые!
Я сама свой сонъ поразсужу:
Не утушка плыла по рѣченькѣ,

---

27. Если [illegible] въ день свадьбы [illegible] будильныя заплачки поются раньше №№ 35, 36, 37, 38, и 39.

Не сѣрая со сизымъ селезенышкомъ,
А плыла я, красна дѣвушка,
Со чужимъ со чужаниномъ;
Какъ около этой рѣченьки быстроей
Не лядина лѣсу частаго,
То чужая сторонушка,
Все чужіе чужанины;
То не ель суковатая,
То свекровушка зубатая,
Не береза виловатая,
А золовушка зубатая;
То не рѣченька протекла быстрая,
Тутъ протекали со моихъ со ясныхъ очей
Горючія слезинушки . . . .
Мнѣ какъ выдти душѣ-красной дѣвушкѣ
На широкую на улочку,
На перено крылечушко.
Ты лети-ко, моя вольная волюшка,
На чужую на сторонушку,
Ты не стой, вольная волюшка,
За частыма перевозамы,
За мелкима перебродамы.—
Какъ увидишь, моя волюшка,
Этыхъ чужихъ чужанинокъ,—
Не сдавайся, моя волюшка,
На гладкія лестивыя словечушки.

41 (Остреч. вол).

Пора встать, мои подруженьки,
Пора встать, мои голубушки
Съ пуховоей постелюшки,
Съ крутоскладнаго зголовьица!
Ужъ какъ вамъ, мои подруженьки,
Много спалась, мало видѣлось;
Ужъ какъ мнѣ, мои подруженьки,
Мало спалось, много видѣлось,

Приключилось мнѣ-привидѣлось:
Какъ сидѣла я, горюшица,
У косящета окошечка,
Посмотрѣла я, горюшица,
Во хрустальное стеколышко:
По Покровской гладкой улицѣ,
По Рожественской площадочкѣ,
Пролетѣло тутъ три стадышка:
Перво стадышко гусиное,
Другое стадо утиное,
Третье стадо лебединое;
Оставалася лебедушка,
У ней крылышки ощипаны,
У ней ноженьки обломаны.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы послушайте, голубушки:
Какъ утиное-то стадышко—
Мой родъ-племя широкое;
А гусиное-то стадышко—
Это добрые молодцы;
Лебединое-то стадышко—
Это вы, мои подруженьки;
Оставалася лебедушка—
Это я, моп подруженьки:
У ней крылышки ощипаны,—
У меня коса разплетена,
У ней ноженьки обломаны,—
У меня да воля снятая,
Какъ я есть да поручепая,
Какъ я есть благословленая.

Отъ дѣвицъ-подругъ, невѣста переходитъ къ матери:

42 [тоже].

Я увидѣла-упримѣтила
Свою родитель-матушку.
Ты, родитель моя матушка!

Отъ чего стоишь невесела,
Ты головушку повѣсила?
Ты скажи-ка мнѣ, дѣвушкѣ,
Отъ чего ты съ утрушка ранняго,
Съ сего дня, съ сего меженнаго,
Не будила меня, дѣвушку,
Ни къ коровьему доенынцу,
Ни къ печному затопленынцу,
Ни къ квашонному мѣшенынцу??

Мать отвѣчаетъ:

Ты, рожоно мое дитятко,
Мое красное солнышко!
Не будила тебя, дѣвушку,
Съ сего утрышка да ранняго,—
Пожалѣла тебя, дѣвушку:
Какъ съ сего денечка долгаго
Вѣдь придумалъ твой батюшко
Съ родомъ-племенью разстатися.
Спознавайся мое, солнышко,
Съ чужимъ родомъ-племенью!

Подходя къ одной изъ своихъ замужнихъ подругъ, невѣста приваливаетъ:

43 [тоже].

Ты скажи-ко мнѣ, милая,
Старопрежняя подруженька,
Каково есть разставатися
Со своимъ родомъ-племенью?
Какъ вѣдь я, красна дѣвушка,
Головою не поклонлива,
Я сердечкомъ не покорлива. . .. .

Подруга на вопросъ невѣсты отвѣчаетъ такою приплачкою:

Мила дорога подруженька,
Душа-красная дѣвушка!
Тяжеленько разставатися

Со своимъ родомъ-племенью,
Со своимъ отцемъ-матерью.
Ужъ ты ней воды студеноей,
Ты другой воды холодноей,
Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице,—не спашивай,
Терпи горюшко,—не сказывай.
Пріобидятъ какъ тебя чужіе-то родители,
Не скажи, моя подруженька,
Своему да роду-племени,
Не давай большой обидушки
Своимъ милымъ родителямъ;
Ты въ темную да ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку,
Разнесутъ твою обидушку
Чисты буйные вѣтерки.

Въ день же свадьбы, передъ сокрученьемъ невѣсты, бываетъ уже не обрядный, а настоящій плачъ и у нея, и у ея родственницъ. Сначала ей заплетаютъ косу, какъ можно крѣпче, даже завязываютъ волосы узлами; за тѣмъ моютъ ее, одѣваютъ и сажаютъ *на квашню*. (28) Сваха тотчасъ начинаетъ разплетать ей косу, при чемъ поются особеннаго рода заплачки:

41.

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,

28. Въ иныхъ мѣстахъ женихъ, одѣвшись, отправляется въ церковь, а за невѣстою присылаетъ сваху и дружекъ, но въ большей части Нетозр. и Повѣп. уѣзд. женихъ отправляется къ вѣнцу изъ одного дома съ невѣстою, какъ мы о томъ разсказываемъ ниже.

Спѣсивая, горделивая.
Она ступить—не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя-жъ она ступила,
Хотя-жъ она смолвила:
« Снаряжайся-ко, умная,
« Снаряжайся, разумная,
« Что въ ту-ль во Божью церковь,
« Что къ тому-ль суду Божію! »
— Отойди же прочь, обманщица,
— Отойди, подговорщица!
— Мнѣ и такъ ужъ тошнехонько
— Разставаться съ родительми:
— У суда вѣдь ноги ломитъ,
— Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

43.

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную
Са громамы со трескучима,
Съ молоньямы со сверкучима,
На батюшковъ высокъ теремъ,
На батюшкину горницу.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Со хоробрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ поѣзжанамы молодыма.
Гдѣ-то есть у молодешенькой
Соколъ-братецъ родименькой,
Голубочикъ злато-крыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ-дорогой камень?
Паряжу я, молодешенька,
Службицу я не великую
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшенку,

Ты возми-ко, братецъ-соколъ мой,
Что ни лошадь самолучшую,
Запряги-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ко, братецъ-соколъ мой,
Во славный городъ во Вытегру,
Во лавочки торговыя,
Закупи-ко, братецъ-соколъ мой,
Гарнитуру мнѣ-ка чернаго
И шелковъ семи разныхъ цвѣтовъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны (29) милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки (30)?
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
Вы на первомъ углу вышейте
Вы Литву да съ татарамы;
На другомъ углу повышейте
Вы Москву да съ боярамы;
Вы на третьемъ углу вышейте
Царя да со царицею,
Короля со королевною;
На середочкѣ вы вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ
Да со частыма звѣздочкамы.
Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко переному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбинникъ,
Въ городахъ онъ небывалыій,

---

29. Задушевныя.

30. Однолѣтки.

Мудрости мало видалый:
Разглядится да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонушкѣ,
У желанныихъ родителей.
Глупа я, красна дѣвушка,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ-то чужой чужбинникъ,
Впереди его вожатые,
Позади да провожатые,
По сторонамъ сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ко, братецъ соколъ мой,
Безъ допросу на круто крыльцо,
Безъ докладу красной дѣвицы.

Если отдача воли совпадаетъ съ расплетаньемъ косы, то при этомъ поется такая заплачка:

46 (Кижск. вол. Петр.).

Ты прости-прости, бажона моя волюшка,
Ты лети-лети, бажона моя волюшка,
За славное широкое Онегушко;
Ты не стой, бажона моя волюшка,
У рѣкъ за перебродамы,
У озеръ за перевозамы;
Ты лети, бажона моя волюшка,
Ко братьицамъ родимыимъ,
Ко свѣтушкамъ любимыимъ:
Сбережетъ ти братецъ красно солнышко.
Не садись-ко, вольна моя волюшка,
На прокляту деревиночку—
На горькую осиночку:

Мнѣ сказали многи люди добрые,
Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
За охвотушкой похаживать,—
Онъ застрѣлитъ вольну волюшку
Вмѣсто птичиньки летучія.
Не садись-ко, воля моя вольная,
На широкое на славное Онегушко,
На ключеву воду холодную:
Мнѣ сказали многи люди добрые,
Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
Свѣжей рыбушки вылавливать,—
Онъ уловитъ тя, вольную волюшку,
Во свою-то во сѣточку;
Будто птичинька сидѣть станетъ во клѣточкѣ,
Будто рыбонька будетъ заловлена въ сѣточку. . . .
Ой, бажона моя волюшка!
Не спущу бажоной своей волюшки
За славное широко за Онегушко;
Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку;
Я кладу въ окованну коробеечку:
Какъ отомкну окованну коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,—
Будто буду я красна дѣвушка,
Разгоню свою великую обидушку. . . . .

Въ иныхъ мѣстностяхъ невѣста моется и одѣвается, сидя на кванцѣ; между тѣмъ женихъ съ поѣздомъ пріѣдутъ къ дому невѣсты и останавливаются въ сѣняхъ у отворенныхъ дверей. Дружки жениха одни за другимъ входятъ въ избу и понуждаютъ, чтобы поскорѣе одѣвали невѣсту и вывели ее въ сѣни. Это повторяется разъ до десяти. Наконецъ является княжна, въ сопровожденіи «разводницъ», ближайшихъ родственницъ и родственниковъ; всѣ они останавливаются у самихъ дверей. Со сто-

роны жениха ихъ опять понуждаютъ вести поскорѣе невѣсту, на что слѣдуетъ отвѣтъ: «Очистите порогъ, тогда и княжна молодая пойдетъ черезъ порогъ.» Жениховцы положатъ на блюдо немного мѣдныхъ денегъ и почтуютъ родственниковъ невѣсты. Эти возьмутъ по грошу, много по два, раздвинутся и поведутъ невѣсту въ сѣни. Здѣсь прежде молятся Богу, потомъ сведутъ молодыхъ вмѣстѣ, и женихъ положитъ одну руку на голову невѣсты, а другою повернетъ ее три раза кругомъ по солнышку; въ это время ловкій женихъ поцѣлуетъ невѣсту, за что ему бываетъ похвала отъ добрыхъ людей. Перекрестившись, всѣ входятъ въ домъ, чтобы сѣсть за столъ, но здѣсь уже заранѣе помѣстились ребята, и они не выходятъ изъ за-стола до тѣхъ поръ, покуда жениховцы не дадутъ имъ нѣсколько денегъ. Только послѣ этого ребята *опоражниваютъ* мѣсто за столомъ, гдѣ тотчасъ садятся молодые съ прочими гостями-свадебщиками. Слѣдуетъ угощеніе, послѣ котораго жениха и невѣсту благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью Потомъ всѣ отправляются въ квартиру жениха, гдѣ онъ оставляетъ невѣсту вдвоемъ съ дружкою, а самъ снова возвращается въ домъ невѣсты, позоветъ тещу, поздоровкается съ нею, т. е. поцѣлуется и даетъ ей денегъ; это называютъ—*на красные сапоги*, и отсюда-то произошла народная поговорка: «Расти-расти, будетъ на красные сапоги.» Теща въ свою очередь даритъ будущаго зятя рубашкою. За этимъ обыкновенно отправляются къ вѣнцу.

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ *продажа невѣсты* происходитъ слѣдующимъ образомъ: сокрутивъ невѣсту въ самолучшую одежу, ставленицы пойдутъ продавать ее за деньги. Женихъ со всей своей породой приходитъ въ это время къ столу и садится; чрезъ нѣсколько времени онъ встанетъ, и съ нимъ полдесятка родственниковъ. Тысяцкой спрашиваетъ у ставленицъ и выведельницъ: «Которая тетка, которая мать?» Со стороны кричатъ: «Продавать пошли.» Покупать невѣсту тысяцкой: онъ раздаетъ родственницамъ невѣсты деньги *въ пясть* и той, которая поближе къ невѣстѣ даритъ побольше денегъ, а которая подальше, той и денегъ даетъ меньше. Когда родственницы невѣсты удовлетворены, настаетъ черредь невѣстиной волленицы: она бе-

ретъ отъ тысяцкаго деньги, а со стороны кричатъ: «Взяла-продала.» За тѣмъ жениховцы говорятъ: «Невѣсту вы продали, невѣста не ваша.» При этомъ плакальщица, заканчивая свою роль, объясняетъ различныя совершенства невѣсты. Тысяцкому, напр., она хвастаетъ дѣвственностью ея; князю она бьетъ челомъ съ приговоромъ: «Что хотѣли получить, желаемое получили. Смотри, самый главный тѣлопродавецъ, продолжаетъ вопленица, вотъ тебѣ тетерка—не щипана, не тереблена: самъ щипи-тереби, отъ другихъ береги!» Съ окончаніемъ *продажи* садятся за столъ, отъ стола женихъ ведетъ невѣсту на постоялый дворъ, гдѣ всѣ свадебщики *садятся* на конь и ѣдутъ въ церковь.

Когда кончится вѣнчанье, то молодые пріѣдутъ въ домъ жениха, прямо на дворъ, и дворовымъ крыльцемъ они идутъ по разосланому холсту. На верхнихъ ступенахъ крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать *молодаго* и благословляютъ хлѣбомъ-солью, родственники же бросаютъ на новобрачныхъ сверху ячмень, пухъ, и поятъ пѣнымъ молокомъ: первое дѣлаютъ для того, чтобъ они жили въ довольствѣ и согласіи, а второе, чтобы дѣти у нихъ были не черные, а бѣлые. Молодые входятъ въ комнаты и садятся на лавку, при чемъ *княгиня молодая* закроетъ себѣ платкомъ глаза и никому не показываетъ своего лица. Тутъ подходитъ къ ней свекровь или дядина (31), снимаетъ съ головы платокъ, разчешетъ ея волосы на двѣ стороны, положитъ на голову четверть аршина какой-нибудь матеріи и потомъ уберетъ голову *княгини повойникомъ*. За тѣмъ начинается *княженецкій столъ*. Прежде, чѣмъ сядутъ молодые, вся родня ихъ обходитъ вокругъ стола. Во время обѣда одинъ изъ вершниковъ привозитъ молодому князю все приданое жены его. По окончаніи стола, если довольны угощеніемъ хозяина, кидаютъ на печку горшки и кричатъ: «Ура! хороша-молода!» Угостившись и натѣшившись, молодые отправляются спать. Въ старину клѣтникъ объѣзжалъ вокругъ дома новобрачныхъ и охранялъ ихъ покой; нынѣ же этотъ обычай уже рѣдокъ.

---

31. Дядина жена.

На другой день утромъ, молодыхъ будитъ *постельная приставница*, потомъ они ходятъ въ баню, которую топятъ дружки. На дорогѣ въ баню въ честь молодыхъ зажигаются *тукачи* соломы, бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ изъ ружей, пляшутъ и поютъ пѣсни. Пока они въ банѣ, провожатые также пляшутъ, поютъ пѣсни, ломаютъ горшки, стучатъ. По выходѣ изъ бани, молодая обдаритъ всѣхъ родственниковъ *князя*: тысяцкому, напр., даритъ она рубашку, свекрови—сорочку, повойникъ, холстъ и проч. За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе отъ молодаго. Спустя немного времени, князь, въ сопровожденіи дружки и свата, ходитъ къ тещѣ на яичницу, при чемъ наблюдается такое обыкновеніе: новобрачный вырѣзываетъ изъ средины яичницы кусокъ, а дружка наливаетъ туда масло и потомъ разбиваетъ *масляникъ*, т. е. горшокъ, въ которомъ было масло.

Черезъ нѣсколько дней у матери новобрачной бываетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*: собирается вся родня какъ съ стороны молодаго, такъ и молодой. Послѣ угощенія крестнаго отца новобрачнаго дарятъ полотенцемъ, свекра—рубахой, свекровь—сорочкой.

Чрезъ недѣлю родня молодой отправляется на чужую сторону къ молодому на такъ называемый *отворотнинный* столъ. И наконецъ каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ дѣлаетъ или обѣдъ, или вечеринку для молодыхъ.

Примѣч. По распросамъ моимъ у Л. Богданова, самому бѣдному крестьянину въ Княжской волости придется истратить на выдачу дочери за мужъ слѣдующее:

На угощенье, столъ, лакомства, причетникамъ и проч. отъ	8 р. до	10 р.
Отъ 1 до 2 ведръ вина	8 — до	16 —
Свекру на 3 рубахи, 3 полотенца	2 — до	5 —
Свекрови на 6 руб. 10 полот.	4 — до	7 —
Свекру и свекрови по настилалышку . . .	50 к. до	1 —
Тысяцкому шелковые ленточки, утиралышкъ, 7 аршинъ холста	1 —	1 50 к.
Поѣзжанамъ по полот. и рубахѣ	2 до	6 р.
Брюдгамъ по сорочкѣ	2 до	6 —
Итого отъ	27 р. до	52 р.

Положимъ, что холстъ крестьянинъ и не покупаетъ, да тѣмъ не менѣе онъ стоитъ денегъ.

II.

ЗАПЛАЧКИ ПО ПОКОЙНИКѢ (1).

Заплачки по мертвымъ бываютъ разнаго происхожденія. Одни свободное и безыскуственное изліяніе тоски и скорби по близкомъ человѣкѣ. Чувство само собою облекается въ образъ, образъ одѣвается въ стихъ. Въ нѣкоторыхъ старорусскихъ мѣстностяхъ такія заплачки слагаются каждою женщиною, таковы № 5, 6, 7, и 8. Но мало по малу способность эта утрачивается, а потребность высказать свое горе остается все таже. Вотъ и прибѣгаютъ къ помощи вопленицы или плакальщицы, которая обязана знать самыя трогательныя и жалобныя заплачки. Но откуда же взялись эти отборныя заплачки? (напр. № 1, 2, 3, 4.) Чья нибудь заплачка сложилась такъ хорошо, что поразила другихъ и осталась въ памяти. Живой примѣръ тому заплачка № 8, которая сложена на дняхъ молодою дѣвушкою, а между тѣмъ уже извѣстна многимъ вопленицамъ. Художественная заплачка съ теченіемъ времени обращается въ пѣсню. Такъ сдѣлалось со всѣмъ извѣстнымъ плачемъ невѣсты сироты безотней или безматерней (№ 9).

1.

Когда покойника обмоютъ, одѣнутъ, положатъ на столъ, то родные соберутся и, обращаясь къ женѣ покойника, станутъ вопить:

Сидѣла ли у трудной постелюшки,
Была ли у душевнаго разставаньица,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася?
И какъ пришла къ тебѣ скорая смеретушка,
5. Къ вамъ нищей ли каликой перехожеей,

---

1. Первыя четыре заплачки записаны мною со словъ вопленицы деревни Большаго двора, Шунгскаго погоста, Новѣнецкаго уѣзда.

Аль удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Али славнымъ бурлакомъ Петербургскімъ?

Если покойникъ былъ бѣденъ, то вдова (или вопленица за вдову, которая только приплакиваетъ,) отвѣчаетъ такою заплачкою:

Какъ-бы я въ пространной, богатой жирушкѣ,
Такъ сидѣла бы у трудной у постелюшки,
Я видѣла бы скорую смеретушку.
Если пришла бы каликой перехожоей,
Наладила бы хлѣбъ соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семеюшку;
Если удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьицо,
Обула бы въ сапоженьки козловые,
Дала бы опоясочки шелковыя;
Если славнымъ бурлакомъ Петербургскімъ,
Я дарила бы золотой казной безсчетною,
И пооставила законную свою семеюшку.
Какъ въ проклятой, во несчастной живу жирушкѣ,
Многоуходны сердечны малы дѣтушки;
У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столовыя,
И ни кушанья у насъ сахарнаго,
И ни славныя одежи молодецкія,
Ни козловыихъ на ножекахъ сапоженекъ,
У насъ нѣту золотой казны безсчетноей;
Такъ не видѣла я законную свою семеюшку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
Не по розмысламъ проклятая заботушка.
По часту да умъ въ головушкѣ мѣшается,
Безовременно свѣтъ съ очей теряется.
Какъ буду ростить я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Безъ своей законноей семеюшки?
Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко,

Аль утопуть въ малой быстрой рѣчепькѣ,
Гдѣ раздѣять мнѣ великая кручинушка?
Буду нищей-каликой перехожоей,
Как во чистое во полюшко раздѣять великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручинушки
Выростать да будутъ лѣсушки дремучія,—
Уже тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,
Что заростать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка
Какъ во славно во широко во озерушко,
Будутъ лудушки въ озерѣ не сходучіи,
А камешки на лугахъ не двигучіи,
И тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
На помѣшкѣ будетъ рыболовушкамъ.
Хоть задѣять въ Свирь-рѣку свирѣпую,
Застоятся тутъ пороги шумячіи,—
Тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Застоится въ рѣкахъ да ключева вода.
Я сберу-пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не разступится ли вѣдь матушка сыра земля?
Какъ бы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушкама сейчасъ схоронилася:
Такъ тошпешенько мнѣ кручинноей
Остаться во домовой этой жирушкѣ.
Ты, прости меня, законная семеюшка!
Мы затайно съ тобою говорили,
А не молвилъ мнѣ про эту скорую смеретушку.
Я тебя не отдала бъ, законная семеюшка,
Я бы отдала сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Схоронила бъ свою законную семеюшку.
Разступись-ка, ты, матушка сыра земля,
И откройся, нова гробова доска,
И полетите съ неба, ангелы, архангелы,
И вложите-ка душу во бѣлы груди,

И рѣчи съ языка въ разумную головушку,
И бѣлый свѣтъ въ ясны очи.
Ужъ ты встань, моя законная семеюшка,—
Я у Господа у Бога упросила,—
Крестъ положи по писаному,
Поклонъ положи по ученому,
Сдѣй со мною доброе здоровьице!
Не одна взошла въ сердечно въ гостибище,
А и съ собой веду сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ:
И ты, пойдемъ въ домову свою жирушку,
Моя жирушка теперь застоялася.
Видно, гнѣвъ держитъ законная семеюшка
На меня, многокручинную головушку!
Я у мужа въ гостяхъ побывала,
Хлѣба-соли я въ глаза да не видала,
И не убавила кручинушки, прибавила.
Видно, тое дѣло да не сбывается,
Что мертвый съ могилы ворочается,
Сиротой быть беззаконной безъ семеюшки!

2.

Родныя богатаго покойника обращаются ко вдовѣ съ такою заплачкою:

Ты куда свою семеюшку отпущаешь:
По любезнымъ ли сердечнымъ по гостибищамъ,
Аль по чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,
Аль во славные бурлаки Петербургскіе?
А ужъ мы видимъ кручинныя головушки,
Что не во цвѣтноемъ во славномъ во платьицѣ,
И не по поженькамъ козловые сапоженьки,
При карманѣ теперь нѣту золотыхъ часовъ
И при себѣ-то золотой казны безсчетноей
У твоей милой законной семеюшки.
Нонь мы видимъ, кручинная головушка,
Во пути во широкой во дороженькѣ
Онъ на оное на второ на пришествіе,

На тусвѣтну вѣковѣчну вѣдь жирушку.
Ты още скажи намъ, бѣлая лебедушка,
Ты видѣла ли скорую смеретушку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
Какъ пришла въ домъ скорая смеретушка:
Она нищей ли каликой перехожоей,
Али славнымъ бурлакомъ Петербургскімъ,
Али душой она зашла да красной дѣвушкой?
Ты пожалѣла знать золотой казны безсчетныя?

Вдова отвѣчаетъ:

Я сидѣла хоть у трудной у постелюшки
И у эвтого крутаго изголовьица,
Только не видѣла я вѣдь скорую смеретушку:
Видно, налетѣла скорая смеретушка
Скоролетною птицынькой,
Залетѣла во хоромно во строеньице,
Скрытно садилась на крутоскладно на зголовьице
И впотай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей.
Я бы заперла косявчето окошечко,
Заложила бы новы сѣни рѣшетчаты.
Хоть застучалась бы вѣдь скорая смеретушка,
Такъ я дала бы золотой казны безсчетныя
И хорошаго бы цвѣтнаго платьица,
По ноженькамъ козловые сапоженьки,
Я бы всю свою дворовую скотинушку
И не жалѣла бы домовой своей жирушки:
Наши въ лѣсъ срослись поля бы хлѣбородныя,
И водой снесло луга бы сѣнокосные,
Поосталась бы столько закопная семеюшка!
Какъ бы знала я, кручинная головушка,
Про этую про скору про смеретушку,
Заложили бы мы тройку удалыихъ лошадушекъ,
Мы бы взяли золотой казны по надобью,
Пріѣхали бы съ закопной семеюшкой
По чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,
Доискались бы ту дальную сторонушку,

Что гдѣ печали нѣтъ въ добрыихъ во людюшкахъ
И вѣкъ не слыхано вѣдь скорыя смеретушки.
Ай, ужъ послушайте вы, родъ-племя сердечное!
Хоть осталась и домовая нонѣ жирушка,
И понадолго золотой казны безсчетныя,
Хуже нищей я калики перехожія,
Какъ отпустилъ Господь законную семеюшку.
Ужъ вы слушайте, все родь-племя сердечное!
Вы берите-ка листы да двурублевые,
Двурублевые листы да вѣдь гербовые,
Вы чернильца возьмите-тко столовыя,
Писарей да отъ столовъ ли отъ дубовыихъ,
Вы спишите-ка законную семеюшку
И на эту бумаженьку гербовую:
Бѣло личико пишите со очамы,
Вы головушку со черныма бровамы,
Потому (2) же вы со русыма кудрямы.
Какъ послѣ своей законной я семеюшки,
Проживать буду вдовой благочестивою,
А какъ стоснется по законной по семеюшкѣ,
Такъ держать бумаженьку написану,
Буду день держать во бѣлыихъ во рученькахъ,
Лице къ лицюшку вѣдь буду прилагати,
Я семеюшкой своею называти,
Уже въ ночь да у ретливаго сердечушка
Я на нѣжныя груди да на ретливыя.
Ужъ, вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
Вы возьмите-ка ключи да позолоченые,
Отоприте-ка ларцы да окованые,
Вы возьмите-тко мнѣ теплу теперь шубоньку,
Возлѣ шубоньки жилеты вы шелковые,
Въ жилетахъ вы часы-то золоченые,
Потому же, вы, козловые сапоженьки,
На головушку фуражку черна бархата.

---

2. Потомъ.

Вы надѣнете законную семеюшку
Во эты во жилеты во шелковые,
Ужъ мы эту кунью теплу ему шубоньку
Во этой во опоясѣ во шелковоей,
И на поженьки козловые сапоженьки,
На головушку фуражку черна бархата.
Уведу свою законную семеюшку
Я во эту во свѣтлу свою свѣтлицу,
Посажу я ко столу да ко дубовому,
Я ко этымъ ко кушаньямъ сахарнімъ.
Не кушаетъ мой мужъ кушаній сахарніхъ
И не пьетъ вѣдь онъ питьицевъ медовыихъ,
Обжидаетъ видно поповъ-отцевъ духовныихъ.
Какъ идутъ нонь попы-отцы духовніе,
Какъ наши служители церковніе
За моей видно законноей семеюшкой:
Оны въ черныя во ризы надѣвалися,
На рукахъ да Божьи книги начиталися,
Велятъ взять мою законную семеюшку.
Унесите-ка, сосѣди спорядобные,
На это на кладбище на умершее!
Ты, прощайкося, законная семеюшка,
Со своей теперь съ домовою со жирушкой,
Со довольной съ золотой казной безсчетноей,
И съ своимъ да родомъ-племенемъ сердечнымъ,
Со мной да со кручинною головушкой!
Видно все мое прошло, да миновалося:
Не славны живутъ домы безхозяйскіе,
Не въ почетѣ будутъ женушки безмужнія,—
Также я многокручинная головушка.

3.

Заплачка дѣтей по родителѣ.

Ты на кого меня, родитель, пооставилъ,
Ты на чье больно великое желаньице?
Будутъ вѣтрышки насъ обвѣвати,

Добры людюшки вѣдь будутъ обижати.
Ты на чье насъ велико на желаньице,
Намъ вѣдь гдѣ искать великаго желаньица,
Намъ въ твоемъ ли роду-племени сердечноемъ,
Аль во своемъ вѣдь во хоромноемъ строеньицѣ?
Хоть долго намъ плакать унывати,
А родителей въ глаза намъ не видати!

4.

Плачъ дѣтей на буевкѣ (на могилкѣ).

Ты послушай-ко, желанный дядюшко,
Ты, желанная тоцливая (3) тетушка!
Послѣ нашихъ желанныихъ родителей
Роспустите-тко великое желаньице
И по насъ, многокручинныимъ головушкамъ,
Вмѣсто нашихъ желанныихъ родителей.
Хоть добры чужи желанные родители,
До своихъ живутъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не до насъ многокручинныихъ головушекъ!

5 (4).

Заплачка по ребенкѣ.

Пойти мнѣ-ка бѣдшушкѣ
Ко рожоному, ко жадобному,
Ко рожоному сердечному,
Какъ которое жадобное
Тяжело было да ношено,
Трудно-больно пріотрожено.
Какъ сегодняшніимъ денечкомъ
Не пекетъ солнце по лѣтнему,
Не грѣветъ по вешнему:
Потеряла я потеряшечку,
Обронила я оброночку,—
Свое милое рожоное.

---

3. т. е. тоскливая.

4. Пятая, шестая, седьмая и восьмая заплачки записаны со словъ жены архіерейскаго служителя, уроженки города Пудожа.

Какъ сегоднишнiимъ денечкомъ
Подхожу бѣдна горюшица
Ко рожоному жадобному:
« Ты скажи, мое рожоное,
« На кого да пріокинуло
« Меня матерь безсчастнюю?
« Уже не могу я допроситися
« Одно тайное словечушко
« На досадное сердечушко.
« Какъ послушай-ко, сердечное,
« Рожоное, милое дитятко!
« Какъ сегоднишнiимъ денечкомъ
« У меня да у горюшицы
« Сердце клубышкомъ катается
« Оно червышкомъ свивается,
« Оно кровью обливается.
« Ужъ какъ мнѣ-то поразстатися,
« Мнѣ водой ли поразлитися,
« Али клубомъ откатитися
« Отъ тебя, рожонаго дитятка?
« Не могу я откатитися,
« Не могу я порозстатися
« Отъ тебя, рожоное дитятко.»
Ужъ я мать да вѣдь безсчастная:
Какъ кокушка во темномъ лѣсу,
Какъ горюша во сыромъ бору,
Такъ я, бѣдная горюшица.
На моихъ да на бѣлыхъ рукахъ
Красно золото помидило,
Серебро-то позелизило.

6.

ЗАПЛАЧКА ПОСЛѢ ПОХОРОННАГО СТОЛА.

Какъ выйдутъ изъ за похороннаго стола, всѣ родные запла-чутъ:

Какъ у насъ да у безсчастныихъ

Во углу-столу пустешенько,
Во другомъ-то холоднешенько:
Какъ не стало у бѣдныихъ
Родителя-матушки,
Какъ не стало у бѣдныихъ
Родителя-матушки,
Какъ денной нашей заступушки,
Ночной да богомольницы.

За тѣмъ дочь продолжаетъ:

Какъ вложите-ко желаньице,
Родъ-племя великое
Да честное, именитое,
Во меня бѣдну горюшицу:
Послѣ родителя-матушки
Не будетъ великаго желаньица
Да большаго прививаньица.
Какъ сегоднишнiимъ денечкомъ
Вставала по утру ранешенько,
Повстрѣчалась злодѣйная кручинушка,
Большая досадушка,
Какъ потеряла родителя-матушку.
Такъ вложите-ко, родъ племя великое
Да честное, именитое,
Великое желаньице
Во меня, бѣдну горюшицу,
Сироту красну дѣвицу.
Какъ сиротные дѣтушки
На улицы бурливые,
Во избы-то хлопотливые,
За столомъ многовытные;
Какъ сиротнымъ дѣтушкамъ
Подъ конецъ стола обломочки.
Охъ-ти мнѣ-ка да тошнехонько!
Не надѣюсь я горюшица
Себѣ хлѣбъ да соль столовую,
Себѣ ѣствiй сахарнiихъ

Про спротныхъ про дѣтушекъ:
Будутъ вѣтрынки свиватися,
Добры людюшки смѣятися,
А я, бѣдна горюшица,
Буду клубышкомъ кататися,
Буду кровью обливатися.

7

Заплачка по мужѣ.

Потеряла я, бѣднушка,
Многоумную, разсудную,
Удалую головушку.
Какъ куды припокинулъ ты,
Какъ пріоставилъ ты,
Многоумная головушка,
На вѣтренно свиваньице,
Аль на людское смѣяньице?
Уже мнѣ гдѣ искать желаньица:
Во твоихъ-ли сердечныхъ родителяхъ,
Аль въ братцахъ ясныхъ соколахъ?
Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыихъ,
И въ родителѣ-батюшкѣ,
И въ доброгушкѣ-матушкѣ.
Ужъ какъ буду искать, бѣднушка,
Во чужихъ многихъ добрыхъ людяхъ
И въ порядныихъ сосѣдовьяхъ:
Еще вложатъ ли желаньице
Въ моемъ роду да племени
Какъ желанный милыій дядьица,
Аль двуродны милы братьица,
Али братцы-ясны соколы?
Въ моемъ-то роду племени
Велико вложатъ желаньице,
Да большее прививаньице
До меня бѣдной горюшицы.

8.

Заплачка по двоюродномъ братѣ.

Какъ послушай-ка, желанная тетушка!
У меня бѣдной горюшицы
Рѣзвы ножки подломилися,
Ясны очи помутилися,
Какъ у желаннаго дядюшки
Сегодняшнѣмъ денечкомъ
Какъ это витое да гнѣздышко—
Сверху горница, внизу поморозница.
Какъ, желанна мила тетенька,
Сегодняшнѣмъ денечкомъ
Потеряла ты потеряшечку,
Обронила ты оброночку,—
Какъ оброкѣ цѣны не было,—
Свою яблонь кудреватую,
Свою грушицу зеленую,
Свою топеньку тониночку,
Да сахарню деревиночку,
Свой свѣтъ со ясныхъ очей,
Красоту да со бѣла лица,
Душу да со бѣла тѣла,
Чуденъ крестъ да со бѣлой груди,
Свой хлѣбъ да соль столовую,
Перемѣнушку вѣковую.
Полети-тко ты,
Злодѣйная, великая кручинушка,
На ретливое сердечушко,
Ты летѣла по птичьему,
Говори по человѣчьему
Какъ ко желанному ко дядюшкѣ,
Ко судьямъ немилосливымъ,
Ко сердечкамъ нежалосливымъ (5).

---

5. Дядя-то былъ человѣкъ подначальный—монастырскій служитель.

Какъ желанный милый дядюшка
Не знаетъ предъ чимъ серце свивается,
Оно кровью обливается,
Онъ не знаетъ желанный дядюшка,
Что съ сыномъ разставается.
Какъ послушай-ка, желанная тетинька!
Какъ твоя-то удалая головушка
Подъ замахамы подъ грозныма,
Подъ ударамы подъ больныма.
Такъ пойдемъ-ка, желанная тетинька,
Въ казначейство государево,
Тамъ возмемъ-ка листъ бумаженьки гербовыя.
Какъ во нашемъ роду-племени
Грамотные-то все учливые,
Писаря все умильные,
Напишутъ намъ бѣдныимъ
Его лицюшко-то блеклое,
Его тѣло-то мертвое,
Всю стѣнь-то человѣческую.
Какъ посудьячу, поретую,
Попеняю, пообидую
Ко родителю, ко матушкѣ,
Что не спустила меня бѣдную
Ко любимому жадобному
Ко братцу двуродимому:
Я сидѣла бы, горюшица,
У трудной, больной постелюшки
И попросила бы бѣднушка
У братца двуродимаго.
Буде сказалъ мнѣ бѣднушкѣ
Хоть одно тайно словечушко,
Такъ сказала бы горюшица
Я желанной милой тетинькѣ.
Я поотдала бы, бѣднушка,
Борзой, скорой смеретушкѣ
Я бы цвѣтны вѣдь платьица,

Я прокладну житье-жирушку,
Я безъ счета да золоту казну,
У родителя у матушки
Больше стадо бы дѣтинное,
Только не отдала бы братца двуродимаго.

9.

Что на горѣ сыръ дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтрышка шатается,
Безъ дождя онъ уливается:
Много, много у сыра дуба,
Много витья и павитья;
Много витья зеленаго
(Много винограду кудряваго).
Только нѣту у сыра дуба,
Золотой нѣту вершинушки,
Позолоченой маковки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Что къ лѣту-то красному,
Что къ веснѣ-то розливной.
Много, много у красной дѣвицы,
Много рода и племени,
Много сродцевъ и сродничковъ,
Много ближнихъ пріятелей,
Да сосѣдовъ спорядобныихъ.
Только нѣту у красной дѣвицы,
Нѣтъ родителя-матушки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Къ благословеньицу великому.
Кормить-поить есть кому (6),
Благословить ее не кому:
Благословляютъ все чужи люди,
Чужи люди посторонніе,

6. Снарядить младу есть кому.

Все сосѣди спорядобные.

Въ случаѣ если у невѣсты нѣтъ матери, а есть только отецъ, то поютъ:

Благословляетъ ее батюшка
Съ крестовой ея матушкой.

(Записана мною въ Петрозаводскѣ и повѣрена въ разныхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда).

10.

Плачъ невѣсты сироты на могилѣ родителей.

Кормить-поить есть кому,
А благословить младой не кому:
Нѣтъ кормильца свѣта-батюшка,
Нѣтъ родителя матушки.
Поджидай, мое солнышко, братецъ родимыій,
Со Никольской дубравушки
Кормильца-свѣта-батюшка.
Посулился родный батюшко
При скорой смеретушкѣ,
При послѣднемъ часу-времени,
На крѣпкое рукобитьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице

(Сообщенъ А. И. Ивановымъ, записанъ въ Ялгубскомъ погостѣ).

—

III.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ РАЗНАГО РОДА.

1. БЕСѢДЫ И БЕСѢДНЫЯ ПѢСНИ ВЪ УѢЗДАХЪ ПЕТРОЗАВОДСКОМЪ И ПОВѢНЕЦКОМЪ.

Бесѣды начинаются въ Олонецкой губерніи съ октября мѣсяца и продолжаются до масляницы. Они соотвѣтствуютъ посидѣлкамъ великорусскихъ губерній, и разница бесѣдъ отъ посидѣлокъ состоитъ въ томъ, что на послѣднихъ дѣвушки въ самомъ дѣлѣ работаютъ, и молодежь веселится между дѣломъ; а на бесѣдахъ въ будни работаютъ только на словахъ, въ праздникъ же приходятъ совсѣмъ безъ рукодѣлья, и время проводится въ забавахъ разнаго рода, пѣньѣ, пляскахъ и играхъ. Въ Заонежьѣ выборъ и порядокъ этихъ забавъ не зависятъ отъ произвола или случая, а большею частію опредѣлены заранѣе обычаемъ, который почти всегда строго соблюдается. Игра слѣдуетъ за игрой въ извѣстномъ порядкѣ, пляска за пляской; во время каждой игры или пляски поются пѣсни только извѣстнаго рода и напѣва.

Съ октября молодежь Олонецкихъ деревень выбираетъ какую нибудь просторную и чистую избу и собирается въ ней, въ продолженіе цѣлой зимы, почти каждый день съ 7 часовъ вечера. Парни, принимающіе участіе въ играхъ, платятъ хозяину избы за постой, освѣщеніе и безпокойство или ежедневно по 2 или по 3 к. сер. съ человѣка, или по 25—30 коп. за зиму; дѣвушки пользуются правомъ входа безплатно. (1) Такъ какъ нѣкоторыя пляски требуютъ музыки, то на этотъ предметъ парни дѣлаютъ между собою особую складчину, которая въ Заонежьѣ доходитъ за все время бесѣдное до рубля серебромъ и болѣе, и отдаютъ ее играющему на балалайкѣ или на гармоніи.

Вотъ, передъ нами просторная изба. Потолокъ ея (2) забранъ

---

1. На Югѣ Петрозав. уѣзда платятъ и дѣвушки.

2. Изъ трехъ досокъ середняя закрываетъ собою нѣсколько боковыя.—Переплетъ называется также и польскимъ потолкомъ.

досками въ переплетъ; налѣво отъ дверей русская печь съ большею запечкою и полатями; вдоль стѣнъ тянутся лавки, надъ ними надлавочники, а въ лицевомъ углу полки въ нѣсколько рядовъ; надлавочники соединяются крестъ на крестъ воронцомъ. (3) Между почестнымъ большимъ угломъ, гдѣ образа, и лицевымъ находятся три окна: середнее *красное*—побольше, а по сторонамъ его *волоковыя*—нѣсколько поменьше. На воронцѣ и надлавочникахъ поставлено нѣсколько свѣчей, столъ сдвинутъ отъ почестнаго угла къ заднему полоненому, направо отъ входа.

Изба полна народа. Сюда собрались не только сосѣди, но и сошлись, и съѣхались парни и дѣвушки изъ окольныхъ деревень, пожалуй, за 10 и за 15 верстъ. Дѣвушки разсѣлись на лавкахъ отъ печки до лицеваго угла и отъ него до краснаго окна. Богатыя разодѣты въ красные парчевые и штофные сарафаны, перехваченные у таліи полсомъ изъ лентъ, и тонкіе сорочки съ польскими (коротенькими) рукавами. На шеѣ у нихъ пестрые платки, которые не закрываютъ жемчужныхъ ожерельевъ; въ ушахъ большія жемчужныя серьги; на головѣ подизь, т. е. сѣтка изъ лошадинаго волоса, изнасаженнаго жемчугомъ, которая, какъ кружево, обрамляетъ лобъ и спускается къ ушамъ.—Подизь состоитъ изъ нѣсколькихъ кружевныхъ сборовъ, и, чѣмъ богаче дѣвушка, тѣмъ больше сборовъ въ сѣткѣ. У нѣкоторыхъ кромѣ сѣтки—*челочокъ*, т. е. коронка изъ жемчуга. Молодицы, старухи, женатые мужики сидятъ на лавкахъ у печи и на запечкѣ и не принимаютъ непосредственнаго участія въ забавахъ. Развѣ только какая нибудь старуха держитъ въ рукахъ зажженную лучину и хлопочетъ не столько о томъ, чтобы свѣтить играющимъ, сколько о томъ, чтобы не прожечь полъ или не подпалить кого нибудь изъ сосѣдей. Хозяинъ стоитъ у стола и принимаетъ отъ парней плату за входъ. Парни размѣстились отъ краснаго окна до почестнаго угла и отъ него до полоненаго. На нихъ синіе кафтаны и поддевки, а бурлаки, т. е. тѣ, которые ходятъ въ Петербургъ

---

3. Воронецъ,—доска которая идетъ отъ правой стѣны къ лѣвой и отъ печки къ лицевой стѣнѣ. Въ старыхъ избахъ воронецъ привѣтивается къ потолку на веревкахъ

на заработки, разрядились въ длинные сюртуки и даже въ пальто-пальмерстонъ.

Когда соберется полный сборъ парней и дѣвушекъ, бесѣда открывается слѣдующею пѣснею:

Ты, хозяинъ, благослови,
Господинъ, благослови,
Трожды по избы пройди,
Словцо вымолви,
Нѣтъ ли лишняго бревна,
Выше краснаго окна,
Ниже потолока?

Затѣмъ начинается игра *пелепелка* пѣснею:

Гдѣ, гдѣ пелепелка,
Гдѣ гдѣ молодая?
На дѣвкахъ пелепелка,
На дѣвкахъ молодая.
Туды-суды полетѣла
Тому-сему крыло дала,
Кому любо, золотое.
Кому слюбится, приголубится,
Кому хочется, тотъ сволочится,
Наколотится и взадъ воротится.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому не тошно,
Идти не почто;
Миновать, мудрено,
А бросить не за что.
Пелепелка-ль ты моя,
Молодэнькая ты-ль моя!

Самая игра состоитъ въ томъ, что парень подойдетъ къ дѣвушкѣ, ударитъ ее по плечу, обмѣнится съ ней низкимъ поклономъ и воротится на свое мѣсто (4). Затѣмъ подымаются

4. На югѣ Петроз. уѣзда всѣ парни по очереди беру[illegible] лавъ вмѣстѣ два круга, кланяются имъ и благодарятъ, ихъ за мужъ. Это называется «жениться».

лавокъ дѣвушки, подходятъ къ парнямъ, отплачиваютъ имъ ударомъ и поклономъ и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Эта церемонія продолжается подъ звуки пѣсни до тѣхъ поръ, пока, по народному выраженію, парни и дѣвушки не поколотятся со всѣми, которые имъ любятся.

За пеленелкой слѣдуетъ непремѣнно *утушка*. Дѣвушки запоютъ:

Утушка, поплавай-ка,
Сѣрая, со селезнемъ,
Молодецъ, со дѣвушкой!
— Ради васъ поплаваю,
— Сама я изъ круга вонъ пойду.—

А сами становятся въ рядъ и выкликаютъ парней, которые имъ по мысли; берутъ ихъ за руки, то сводятъ въ тактъ обѣ руки вмѣстѣ, то разводятъ по сторонамъ. А молодецъ между тѣмъ нагибается къ дѣвушкѣ и шепчетъ ей на ухо задушевныя рѣчи. Во все время игры хоръ дѣвушекъ и парней поетъ:

1.

Не яхонтикъ по горницы катался,
Не скатень (5) жемчугъ по блюду розсыпался,
Добрый молодецъ жениться собирался
На душечкѣ на красной на дѣвицы.
Его матушка провожала,
Государыня родима снаряжала,
Хорошо ему кудерки разчесала,
На поѣздкѣ таково слово сказала:
« Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
« На душечкѣ на красной на дѣвицы:
« Тобѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
« Ко тобѣ, сударь, невѣсту привѣзати,
« Тобя умницей называти,
« Разумницей звеличати;—
« Не дари-тко ихъ рублемъ и не полтиной.

5. Скатенъ.

« А унижайся своимъ низкимъ поклономъ,
« Еще паче того поцѣлуемъ.»

2.

Ты почто, мати, хорошу родила,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ отнаряживала?
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣднѣшкѣ идти,
Мнѣ нельзя, мать, богу кланяться,—
Весь народъ люди зарятся:
« Это чья это хорошая-баска?»
Напогощаны пуще всѣхъ:
Попъ тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонитъ-мѣшается,
Добрый молодецъ про тоже говоритъ:
— Это чья это хорошая-баска:
— Взялъ бы дѣвушку за мужъ за себя.—

3.

Не стойки по стойкамъ стоятъ,
Не винтовки въ саду говорятъ,
Не серебряны поступочки,
Не малиновые пруточки.
А жениться пора,
Красной дѣвицы идти времена (*),

(*) Вар.: Молодцамъ-то жениться пора,
Пора дѣвушекъ взять за себя.
Была теща-то ласковая,
Невѣсты хорошія,
Чернобровыя, пригожія,
Черноглазеньки, баскеньки;
Молодцы-то кудревастеньки,
На улицахъ катаются,

Холостому время свататься.
Гдѣ сватали, тутъ не дали,
Гдѣ не сватали, тутъ двѣ-три даютъ,
Полдесятка навязываютъ,
Все старыя, все малыя,
Все людишки неудалыя.

4

Поблекло, поблекло лицце,
Противъ сѣверика (6) идучи,
На дѣвушкинъ домъ глядючи.
Во терему дѣвица сидитъ,
Жемьчужное ожереньице садитъ.
Розсыпалось ожереньице
По всему ли высоку терему.
Не собрать, собрать жемьчужку
Не братцамъ-яснымъ соколамъ,
Не сестрицамъ-бѣлымъ лебедямъ.
Соберетъ, соберетъ жемьчужокъ
Че удалый, добрый молодецъ
Со душой со красной дѣвушкою (7).

5.

На кабакъ иде (8) дѣтина, скаче, пляше,
Съ кабака иде дѣтина; тужитъ, плаче:
— Отворяй, жена, широкія ворота!—
Поскорешенько младэшенька вставала,
Я покрѣпче ворота запирала,

Быдто сахаръ разсыпаются,
Жениться собираются.
Жениться захочется:
Отъ порожка сволочется,
Отъ порожка до лавочекъ,
До дѣвушкиныхъ прялочекъ.

6. Сѣверный вѣтеръ.
7. Тутъ припѣвается молодецъ къ дѣвицѣ.
8. Смотри въ противоположность этой пѣсни № 21.

Посмѣлѣя со невѣжей говорила:
« Ужъ ты гдѣ, моя надежа, напивался,
« Поди тамъ, моя надежа, прохмѣляйся!
« Тобѣ мягкая постеля—снѣга бѣлы,
« Тобѣ тепло одѣяло—лютые морозы,
« Крутоскладно изголовьице—заносы (9),
« Шитый браный положечекъ—часты звѣзды,
« Тебѣ часты поцѣлуи—сѣры волки.
« Я сама ли, молодэнька, на постели,
« Выбирать стану, младэнька, молодаго,
« Молодаго я собѣ дружка иного,
« Чтобы до пьяна онъ не спивался
« И надъ женушкой надъ мною не ломался.» (10.

6.

Красна дѣвица коровъ доила,
Скрозь платочекъ молочко цѣдила,
Цѣдила-выцѣживала, (*)
Говорила-прибубенкивала:
« Не женись-ка, не женись, молодецъ,
« Не женись-ка, удалая голова!
« Проживешь,-проживешь, молодецъ,
« Проживешь, проволочишься,
« Межу краспыма дѣвушкамы,
« Межъ молодыма молодушкамы.
« Скажутъ, съ дѣвкамы жить добро,
« Съ молодухамы спать тепло,
« Со старухамы холодно.
« Надолызла волокитушка твоя
« По чистому полю ходючись,
« Подъ капелюшкою стоючись.
« Капелюшка: капъ, капъ, капъ,—

---

9. Сугробы снѣга въ селеніяхъ.

10. Эта превосходная пѣсня сохранилась и въ Черниговскихъ слободахъ, смотр. слѣд. отдѣлъ.

(*) Вар : Цѣдила-приговаривала.

« На моемъ-то сердцѣ: такъ, такъ, такъ!
« Не увидѣлъ-бы старикъ-жадовикъ,
« Не ударилъ бы березиною,
« Не прибавилъ черемшиной,
« Не заставилъ бы сугорбивши въ гости ходить,
« Не приневолилъ бы стараго любить.
« У стараго много робятъ есть,
« У молодаго никого нѣтъ.»

7, 8.

Скоморохъ ходилъ по улицы,
Удалой ходилъ по широкой.
Ужъ онъ бьется-колотится,
У души у красной дѣвицы,
Подъ окошечкомъ косявчетымъ,
У дѣвицы сдоложается:
« Ты спусти, спусти, дѣвица, постоять,
« Спусти, красна, скомороха ночевать,
« Удалаго на тисовую кровать.
« Скоморохи люди вѣжливые,
« Скоморохи люди честливые.»

Наигравшись въ утушку, пары разсаживаются по своимъ мѣстамъ и отдыхаютъ. Затѣмъ нѣсколько парней и дѣвушекъ выходятъ на середину избы и пляшутъ *сорви голову*. (11) Мущина и женщина схватываются сначала лѣвою рукою и быстро вертятся на одномъ мѣстѣ, а потомъ перехватываются правою рукою и кружатся въ другую сторону, а въ это время хоръ поетъ:

9.

Зимушка-зима студена, холодна,
Заморозила зима дородняго молодца,
Всю травку-муравку повызнобила,
Съ шелковой травы цвѣты повысушила,
Молода жена мужа повыкрушила.
Какъ бы та вѣра была, старика продала,
Не дорого-бъ взяла, стара даромъ отдала;

Я прибавила-бъ полтину и купила бы дѣтину,
Полюбила бы молодчика молодэнькаго,
Молодэнькаго, собѣ хорошенькаго,
Черноброва, черноглаза,
Русокудревата.
Русы кудри завитыя,
Алой лентой повитыя,
Съ алыма, со малыма съ ленточкамы,
Съ дорогима, золотыма прозументикамы.

10.

Чернобровая поджариста!
Не ты-ль меня изсушила,
Безъ мороза сердце вызнобила,
Заставила сугорбивши ходить,
Приневолила стараго (11) полюбить.
Поди, любушка, за мужъ за меня,
Красавица, за дородця молодца.
« Я пейду-пейду, не здумала итти,
« Право я ли не падумалась.
« Вечеръ слышала словечко про тобя:
« Иде славушка не очень хороша,
« Скажутъ, пьешь, милый, винцо и пивцо,
« Табачекъ милый понюхиваешь,
« Сладкой водочкой закусываешь.»
— Право, любушка, нигдѣ я не бывалъ,
— Окромя тобя никого не видалъ,
— Окромя вина ничего не пивалъ.—

Затѣмъ заводится *кругъ*. Молодецъ выбираетъ дѣвушку и съ нею заводитъ кругъ, къ нимъ примыкаетъ другая пара, потомъ третья, четвертая и т. д.. Пары то свиваются, то развиваются подъ протяжный напѣвъ слѣдующихъ пѣсенъ:

11, 12.

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтить,

11. Себя самаго онъ называетъ старымъ.

Полно, красно, въ саду яблочко сушить,
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить!
« Уже какъ мнѣ не плакать, не тужить:
« Больше во вѣкъ дружка такого не найтить,
« Мнѣ ни голосомъ, ни волосомъ дружка,
« И ни ростомъ, ни поступкой красоты,
« Ни его ли молодэцкой чистоты. »
На молодца незгодушка пришла,
На удалаго сударушка гнѣвна,
Гнѣвна-гнѣвна, сердита на меня:
Ена сердится, не срѣтится со мной,
А хоть срѣтится, не кланяется намъ,
А и поклонится, въ глаза мнѣ не глядитъ,
А и погляне, ничего не говоритъ:
Не свѣтелъ мѣсяцъ всю темну ночь свѣтилъ,
Часты звѣздочки до утренней зори,
Зоря-бѣлый день въ окошечко взошла,
Ко мнѣ любушка сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы принесла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Во другое увѣряла молодца:
« Чернобровый, черноглазый, милый мой!
« Неразлучная любовь наша съ тобой.
« Приде время, мы разстанемся съ тобой.
« Вечеръ поздо я въ бесѣды сидѣла,
« Про милаго тако слово слышала:
« Тобя, миленькой, женить скоро хотятъ,
« Тобя женя, меня за мужъ выдаютъ.
« Ты поѣдешь, милъ, дорожкой столбовой,
« Заѣзжай, милый, проститься хоть со мной. »
— Я заѣхалъ-бы, мнѣ воля не своя:
— Навязалась зла-негодная жена,
— Не спуститъ на улицу погулять,
— По большимъ хороводамъ танцевать;
— А хоть спуститъ, въ окошечко приглядитъ,
— Меня добра молодца въ глаза журитъ-бранитъ.

14.

Полно зимушкѣ зимовати,
Пора матушкѣ-весны наступати;
Полно, миленькой, пить-гуляти,
Моему сердцу тоску нагоняти!
Моему сердцу тошно,
Пособить горю никакъ невозможно:
Хотитъ батюшко дѣвку за мужъ отдавати,
Родна матушка за мужъ не за ровню,
Не за ровнюшку за мужъ, за стараго.
Не за ровнюшкой, дѣвушка, жить не стану,
А стараго мужа стану проклинати,
Собѣ ровнушку стану выбирати,
Далеко ровню буду провожати.

15, 16 (12.)

Охъ вы, слезушки, вы, горючія мои!
Не катитесь-ка вы, слезушки, изъ глазъ,
Мнѣ теперича, слезы, не до васъ,
Не до васъ-то, мои слезы:
Во солдаты везутъ насъ,
Нѣту радости отъ васъ,
Нѣту радости-веселья. . . .
Я безъ милаго спать не лягу,
Безъ надеженьки вовсе не усну,
Спомню, здумаю про дружка милаго,
Не огнемъ мое сердечушко горитъ,
Не огнемъ мое сердечушко, смолой,
Быдто въ синемъ море ключъ кипитъ,
Кипитъ ключикъ безпокидно. (13)
Далеко милый живетъ,
Живе далеко-далече на чужой стороны,

12. Эта пѣсня новая.

13. Безостановочно

На чужой милой сторонушкѣ, во матушкѣ во Москвы,
Во матушкѣ во Москвы, на казенныхъ корабляхъ,
На военныхъ на казенныхъ неизвѣстно куды шелъ,
Неизвѣстно куды сшелъ, мнѣ-ка вѣдомъ не пришелъ.

Послѣ *круга* обыкновенно пляшутъ *шенъ* или *шестерку*. Послѣдняя пляска гораздо оригинальнѣе первой, представляющей неполное и неудачное подражаніе кадрили, и совершенно вытѣсняетъ ее изъ употребленія. Въ шестеркѣ нѣсколько паръ становится другъ противъ друга и выплясываютъ по избѣ осьмую цифру. Мущина идетъ вслѣдъ за женщиною и старается выкинуть ногами самыя мудреныя фигуры. Во время пляски играютъ на балалайкѣ или на гармоніи и поютъ пѣсни:

17.

Хмѣль, мой хмѣль, веселая голова,
Веселая голова, широкая борода!
Отчегожъ, мой хмѣль, зараждаешься,
Почемужъ, мой хмѣль, подымаешься?
Зараждался хмѣль отъ сырой земли,
Подымался хмѣль по точинкѣ вверхъ,
По той по точиночкѣ по тоненькой.
Кто за хмѣлемъ поводится, тотъ будетъ человѣкъ.
Поводился за хмѣлинушкой дѣтинушка:
У дѣтины-сиротины ни уса-ль, ни бороды,
Ни уса, ни бороды, ни ума въ головы.

18.

Право, матушка, мнѣ тошненько,
Государыня родима, тяжеленько:
На роду такого не бывало,
Какъ вечеръ тоска нападала,
Напала тоскичушка немала
На мою ли на побѣдну на головку,
На мое ли на ретивое сердечко.
Вы, ребятушки молодые,
Молодые, молодые, удалые!

Подхватили ребята новы моды,
Новы моды, новы моды, черны шляпы,
Черны шляпы, черны шляпы, алы ленты,
Алы ленты, алы ленты, новы пряжки,
Новы пряжки, новы пряжки, для признашки,
Чтобъ дѣвушки признавали
Душы-красныя дѣвицы примѣчали.

19.

Рѣчка быстренькая, хоботистенькая!
Не широкая рѣчка, не глубокая,
Перевозу на ней нѣтъ,
Перегрузу на ней нѣтъ.
Я по жердочкѣ шла, я по тоненькой,
Я по тоненькой по еловенькой.
Тонка жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ милымъ живется, не стоснется,
Хоть и стоснется, востоскуется
Востоскуется, за мужъ выдется,
За мужъ выдется, гулять захочется.

20.

Была Дунюшка щеплива, Одотьюшка (14) щегольлива,
Щеплива, щегольлива, на рыночекъ выходила,
На рыночекъ выходила, туфеленочки купила,
Дала за туфелки рублевикъ, за чулочки полтора,
За чулочки полтора, за пряжечки два рубля.
Туфель на чулокъ не влязя, (15) на босую ногу врядъ,
На босую ногу врядъ, туфли къ милому глядятъ,
Туфли къ милому глядятъ, поскочить скоро хотятъ,
Поскочить скоро хотятъ, цѣловать дружка велятъ.
« Поцѣлую я шшую, хорошую-баскую,
« Хорошую-баскую, Петербургску щегольскую,

14. Авдотьюшка.
15. Не влезеть.

« Я худую худельбу одинъ разъ обойму.»
— Пріолетникъ голубой, пріятель мой дорогой,
— Пріятель мой дорогой, проводи меня домой,
— Проводи меня домой до фатеры до своей,
— До фатеры до своей, до матушки до родной,
— До матушки до родной, до кровати тесовой,
— До кровати тесовой, до перины пуховой.
— Я, худая худельба, поразхвасталась:
— Я вечеръ молода въ бесѣды сидѣла,
— Наѣзжіе ребята разгуливались,
— Красныхъ дѣвокъ цѣловали, хорошую двожды
— Хорошую двожды, пригожую трожды,
— Пригожую трожды, разлапушку семь разъ,
— Разлапушку семь разъ, ради ей веселья.
— Я была, худа, одинъ разъ обнята.

21.

На кабакъ иде дѣтина, будто маковъ цвѣтъ,
Съ кабака иде дѣтина, будто мать родила.
Стрѣчала-примѣчала молода жена:
« Поди, пьяница, домой, поди, курвяжникъ, домой!
« Прожилъ-прогулялъ житье-бытье свое,
« Все житье бытье свое, все приданое мое,
« Все приданое мое дѣдье (16) матернее.»
— Помолчи, бѣдна жена, ты не будешь голодна!
— Теплыхъ день дождусь, въ казаки (17) наймусь,
— Три рубли возьму, гарнитуръ куплю,
— Гарнитуръ куплю, сарафанъ сошью.
— Сарафанъ сошью, на себя сопью,
— Мѣшокъ сошью, тебя въ міръ спущу.
— Поди, бѣдна жена, по подокопьямъ,
— Оберай, бѣдна, жена, куски ломаные,
— Куски ломаные, ломти рѣзаные.

16. Дѣдовское.
17. Работники.

Между плясками парни и дѣвушки играютъ въ разныя игры. Изъ этихъ игоръ самая оригинальная и интересная въ «околъ города.»

Всѣ парни и дѣвушки становятся попарно въ кругъ, при чемъ каждая пара поочередно представляетъ царевича и царевну, прочіе же называются князьями-боярами. Пока поютъ пѣсню, царевичъ ходитъ около круга:

Вовъ городѣ царевна, царевна,
Какъ за городомъ царевъ сынъ, царевъ сынъ,
Какъ по городу щеголяетъ, щеголяетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ, махаетъ,
Золотымъ перстнемъ сіяетъ, сіяетъ.
Отворяйтесь-ко, ворота, ворота
Какъ царевъ сынъ вовъ городъ, вовъ городъ,
Поклонитесь-ко пониже, пониже
Какъ еще того пониже, пониже,
Поцѣлуйтесь помилѣе, помилѣе,
И още того милѣе, милѣе;
Ты возьми-ко, свѣтъ, за ручку, за ручку,
Обведи кругъ городочка, городочка!
Посмотрите-ко, міряна, міряна,
Какова я молодая, молодая
Изъ станка дѣвка высока, высока,
Изъ бѣлилъ дѣвка бѣленька, бѣленька,
Изъ румянъ—румяненька, румяненька.

А царевна стоитъ въ серединѣ круга. Мѣсто, которое они занимали прежде, остается пустымъ и считается воротами города. При словахъ пѣсни: «просимъ милости, царевъ сынъ въ городъ», или, «отворяйтесь-ко ворота, ворота», царевна кланяется царевичу, онъ ей отвѣчаетъ тоже поклономъ и становится въ воротахъ. Затѣмъ царевичъ понемножку подвигается къ царевнѣ, обнимаетъ ее или беретъ за руки и ходитъ, обнявшись или рука объ руку, въ серединѣ круга. Каждый царевичъ заканчиваетъ игру тѣмъ, что, ходючи вокругъ города, показываетъ князьямъ боярамъ свою молодую.

О святкахъ парни являются на бесѣды *окрутчиками*, т. е. на-

ряжаются скоморохами и калѣками. Скоморохи должны одѣться въ свое же платье, только вывороченное на изнанку, и прикрыть лице платкомъ или маскою, а калѣки и нищіе покрываются какимъ нибудь дырявымъ старьемъ, придѣлываютъ на спину горбъ и навѣшиваютъ на себя кошели и корзинки. Первые пляшутъ и выдѣлываютъ разные штуки (18), а вторые подходятъ къ зрителямъ просить у нихъ милостыни.

---

18. Человѣкъ, хорошо выдѣлывающій изъ себя фигуры, въ Заонежьѣ получаетъ прозвище «изгимальщика.»

II.

ПѢСНИ ЗАПИСАННЫЯ ВЪ СЛОБОДАХЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1. (Хороводная пѣсня).

Одна изъ дѣвушекъ кладетъ что нибудь похожее на камилавку подъ конецъ стола и ходитъ посреди хоровода, напѣвая:

Не мое дѣло чернечкой быть,
Не мое дѣло въ келейкѣ сидѣть,
Не мое дѣло Богу молиться,
Не мое дѣло низко кланяться,
Не мое дѣло камилавку носить.
Только мое дѣло по саду ходить,
Только мое дѣло орѣшки щелкать,
Только мое дѣло меды щелыгать.
Положу-ткось я камилавку свою,
Положу камилавку подъ конецъ стола,
Вкругъ камилавочки похаживаю,
На камилавочку поглядываю,
Подыму-ткось я камилавочку,
Подарю-тко ее другу милому.

2 (тоже хороводная).

Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
Не велитъ мнѣ бѣлиться, румяниться,
Велитъ въ келейкѣ сидѣть, Богу молиться,
Мнѣ ли молодешенькѣ не хочется,
Что хотѣлось молодешенькѣ
Попить, погулять, да попраздновать.
А я все таки до старца наскачусь, напляшусь,
Наиграюсь, набѣлюся, нарумянюся!
Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
(И такъ далѣе).

3.

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои!
Вы, какимъ святителямъ молились,
Вы, какимъ же чудотворцамъ обѣщались,
Что у васъ-то мужья молодые,
У меня ли молодешеньки старымъ-старенекъ.
Не медвѣдь-то въ мерлугѣ (1) завалился,
Завалился старичище на печищѣ,
Не спущаетъ старичище на игрище.
А я отъ стараго уходомъ уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
За воротмы спѣхомъ наряжалась,
А за вереюшкой потайно убиралась;
Ужъ я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончику стола, младешенька, садилась,
И я раньше всѣхъ съ бесѣды уходила.

4.

Во дубу, дубу во зеленыимъ,
Ай калина, да малина *(повторяется послѣ каждаго стиха)*,
Сидитъ дѣвка да что ягодка,
Точетъ поясъ съ разныхъ шелковъ,
Съ разныхъ шелковъ, да разныхъ сортовъ;
Не только точетъ, а колько плачетъ:
Да кому, дѣвка, достанусь я?
Достанусь я да старому:
Онъ старъ добре, да неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, кряхтѣть начнетъ,
Вставать начнетъ, охать станетъ;
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ кручинушка.
Во дубу, дубу во зеленыимъ и пр.
Да кому, дѣвка, достанусь я,

1. Берлога.

Достанусь я да малому:
Онъ малъ добре, и неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, плакать начнетъ,
Вставать начнетъ, кулехчится,
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ, кручинушка.
Во дубу, дубу во зеленыимъ и пр..
Да кому, дѣвка, достанусь я,
Достанусь я да ровнюшкѣ,
Онъ ровня мнѣ, да и по версту,
И по версту, и по смыслу.
Онъ спать идетъ, играть начнетъ,
Вставать начнетъ, не кулехчится.

5.

Игра ты моя веселая,
(Ой люли, люли люлешеньки люли, веселая,) (2)
Поиграйте, дѣвочки, поиграйте, красныя,
У отца, у матери, у роду, у племени,
Ужъ вы за мужъ выдете, вы играть не будете,
Вы играть не будете, про игру забудете.
У воротъ свекоръ стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
— Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.—
У воротъ свекруха стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
— Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.—
У воротъ милый стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, жена, ты пойдемъ, любимая!»

2. Послѣднее слово каждаго стиха повторяется съ припѣвомъ.

— Я иду и слушаю: и доиграна игра,
— И доиграна игра, и допѣта пѣсенка,
— И допѣта пѣсенка, и утѣшенъ милый другъ.—

6.

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ, по рѣшетчатымъ,
Какъ ходила-похаживала,
Молодая боярыня, Марья свѣтъ Григорьевна.
Она будила-побуживала
Своего дружка Ивана свѣтъ Петровича:
« Ужъ ты встань, проснись, мой милый другъ,
« Пробудись, душа отецкій сынъ!
« Оторвался твой добрый конь
« Отъ столба ли отъ дубоваго,
« Отъ колечушка серебрянаго,
« Отъ витаго, позолоченаго;
« Проломилъ онъ весь дубовый тынъ,
« Потопталъ онъ весь зеленый садъ
« Со калиной, со малинушкой,
« Съ черной ягодой смородинкой,
« Съ засадихою черемухой.»
— Не плачь ты, Марьюшка свѣтъ Григорьевна,
— Я поставлю тѣ, дубовый тынъ,
— Насажу тебѣ зеленый садъ
— Со калиной, со малинушкой,
— Съ черной ягодой смородинкою,
— Съ засадихою черемухою.—

8.

Отдаютъ мя молоду на чужую сторону,
На чужую сторону, въ небольшую семью:
Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,
Да четыре деверья, двѣ золовушки,
Двѣ золовушки, да двѣ тетушки,
Да двѣ тетушки, двѣ голубушки.
А какъ свекоръ говоритъ: «людоѣдицу ведутъ»,

А свекруха говоритъ: «къ намъ медвѣдицу ведутъ»,
А деверья говорятъ: «къ намъ неряху ведутъ»,
А золовки говорятъ: «къ намъ непряху ведутъ»,
А тетушки говорятъ: «къ намъ разлучницу ведутъ».
Ужъ я ли молода, очень бойка была,
Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ отдала:
— Сударь батюшко, ты позволь-ка мнѣ
— Вдоль по горенкѣ пройти, словцо выговорить,
— Словцо выговорить, словцо вымоловить.
— Во темномъ-то лѣсу, тамъ медвѣдицы живутъ,
— Во сыромъ-то бору людоѣдицы живутъ;
— А деверья-соколы, у васъ жены таковы;
— Золовушки-голубушки, вамъ самимъ за мужъ итти:
— А тетушекъ-голубушекъ поставимъ на порогъ,
— Мы поставимъ на порогъ, да укажемъ семь дорогъ,
— Да въ притолочку, да въ выволочку!—

9.

Прялочку подъ лавочку, сама гулять пошла,
Куры пропѣли, я не думала домой,
Другіе пропѣли, я не думала домой.
Какъ зорюшка занялась, а я млада собралась,
А я домой собралась, сама къ старому подъ бокъ.
А старый говоритъ: «Гдѣ была, жена, гдѣ погуливала?»
— Ахъ, старый чертъ, не во снѣ-ль ты говоришь,
— Сѣдая борода, да не брешешь ли ты?
— Я ли молода всю ночку не спала,
— Всю ночку не спала, во хлѣвѣ пробыла.
— Наша коровушка буренькая отелила теленочка рыженькаго,
— Теленочка рыженькаго, да еще съ лысинкою.—
« Милая жена, пустимъ мы теля на племя!»
— Ахъ старый чертъ, не во снѣ-ль ты говоришь,
— Сѣдая борода, да не брешешь ли ты?
— Первое теля не пущаютъ на племя:
— Первое теля все закидываютъ.—

Ужъ и я ли молода догадлива была,
Силкомъ зацѣпила, милому въ окно подала:
— Милый, порадѣй, потяни подобрѣй!—
Милый порадѣлъ, что старый захрапѣлъ,
Зубы оскалилъ, что смѣяться сталъ,
Языкъ высунулъ, ровно дражнится.

10.

Я у батюшки-у матушки глупенешекъ родился,
Я у батюшки-у матушки маленешекъ женился,
Ужъ и взялъ ли я жену молодую
Во саду ли вишенку наливную.
Какъ жена мужа не взлюбила,
Повела негодяя къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости, въ зеленую рощу,
Привязала негодяя къ бѣлой березѣ,
А сама пошла—загуляла,
Загуляла-пировала девять денечковъ,
На десятой на денечекъ встосковалась;
Встосковалась, пошла къ негодяю,
Не дошедши негодяя, становилась,
Не дошедши негодяя, поклонилась:
« Хорошо тебѣ, негодяю, пиръ пировати?»
— Государыня жена! А мнѣ не до пиру:
— Мнѣ соловушки головушку пробили,
— Мнѣ комарики всѣ плечики скусали,
— Мнѣ мурашики всѣ ноженьки сточили.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, кормить меня хлѣбомъ?»
— Государыня жена! Буду калачами.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, поить меня квасомъ?»
— Государыня жена! Я сытою,
— Я сытою, я сытою медовою.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, пущать меня въ гости?»
— Государыня жена! Ступай хоть вовсе!

11.

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою,

Ай люли, люли, подъ кудрявою, (3)
Подъ кудрявою, кучерявою,
Ай люли, люли, кучерявою,
Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
Мужъ угрюмую, неразумную.
Какъ жена мужу не покорилася
Свекру батюшкѣ взмолилася,
Низко въ ножки поклонилася:
« Свекоръ, батюшко, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго! »
Свекоръ говоритъ: —Воля не моя,
— Воля не моя, воля сыниая.—

—

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и пр..
Свекрови матушки покорилася,
Покорилася, низко въ ножки поклонилася:
« Свекровь матушка, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго! »
Свекровь говоритъ: —Воля не моя,
— Воля не моя, воля сыниая.—

—

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и т. д.
Жена мужу покорилася,
Низко въ ноги ему поклонилася.

12.

Вы раздайтесь, разшатнитесь, добрые люди,
Ужъ вы дайте мнѣ, младенькѣ, погуляти,
Поколь батюшка-сударь за мужъ не выдалъ
За того ли за дѣтинку за невѣжу!
Со двора идетъ невѣжа, скачетъ-пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа, кричитъ-вопитъ:
« Ужъ ты дома ли, жена молодая,
« Отворяла-бъ поскорѣича ворота? »

---

4. Послѣднее слово стиха повторяется вмѣстѣ съ припѣвомъ.

Какъ заслышала невѣжинъ голосище,
Потихохоньку съ постели я вставала,
На босу ногу башмачки одѣвала,
Ко воротамъ спѣхомъ поспѣшала,
Поскорѣе я ворота затворяла,
Покрѣпчѣе я ворота запирала,
Посмѣлѣе со невѣжей говорила:
— Ты почуй-усни невѣжа за воротмы.
— Тебѣ мягкая перина—бѣлая пороша,
— Высоко-ли изголовье—подворотня,
— Соболино одѣяло—лютые морозы,
— Шитый, браный положечекъ—частыя звѣзды.
— Каково тебѣ, невѣжа, спать за воротмы,
— Таково-то мнѣ, младенькѣ, жити за тобою,
— За тобою, за твоею за удалой головою.—

—

III.

1.

(Поется въ Петрозаводскомъ уѣздѣ на свадебныхъ вечеринкахъ).

Какъ сказали-пробаяли,
Говорили-прославили,
Что Андрей-то грозенъ,
Свѣтъ Петровичъ-то немилосливъ.
Онъ грозенъ, сударь, немилосливъ,
Да Катеринушки нежалосливъ,
До Васильевной немилосливъ.
Онъ повадился въ высокъ теремъ ходить,
Онъ заводилъ ли погрядочку (1),
Зазорчатую завѣсу,
Онъ завидѣлъ душу, высмотрѣлъ
Душу красную дѣвицу,
Катерину свѣтъ Васильевну.
Онъ ступилъ на правую ногу,
Онъ прижалъ праву рученьку,
Во правой рукѣ златой перстень,
Во лѣвой позолочено кольце.
Какъ расплакалась Катеринушка душа,
Растужилася Васильевна:
« А мнѣ какъ придти къ батюшку,
« Сдоложиться къ родной матушкѣ?»
Андрей-то догадливъ былъ:
— Уже такъ скажи, Катеринушка душа,
— Уже такъ скажи, Васильевна!
— Я ходила по новымъ сѣнямъ
— Я искала золоты ключи,

---

1. Бѣлая браденая занавѣска у кровати, у Черниговскихъ слобожанъ—чистый брачный положечекъ.

— Отмыкала всѣ ларцы-сундуки,
— Я искала тонкосинее сукно,
— Да кроила Андрею кафтанъ,
— Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
— По подолу былъ раструбистый,
— Кругъ сердечушка поджимистый,
— Чтобъ полегче на добра коня скочить,
— Да поскорѣе ѣхати ко тещенькѣ,
— Къ богоданной своей матушкѣ.—

2.

[Поется какъ невѣсту къ вѣнцу везти].

Ай, лелей-ка, сполелей, да сине море!
А какъ не долго сиию морю лелѣявати,
Ай, какъ въ лѣто отъ весны до осени:
Ай, какъ придутъ ли на тебя лютые морозы,
Ай, что лютые морозы Крещенскіе,
Ай, заморозятъ тебя крѣпко на крѣпко,
Ай, заморозятъ тебя плотно на плотно.
Ай, лелѣй-ка, сполелѣй, мати, дочерь свою!
Ай, не долго Аннушкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Ай, не долго Дмитревнѣ въ красненькихъ сидѣть:
Ай, какъ наѣдетъ Егорушка съ большимъ поѣздомъ,
Ай, какъ наѣдетъ Степановичъ со широкимъ,
Ай, какъ возметъ нашу Аннушку за бѣлы руки,
Ай, какъ возметъ Дмитревну за злаченые перстни;
Ай, какъ повезетъ нашу умницу ко суду ли Божью,
Ко суду ли Божью, во Божью церкву,
Во Божью церкву, ко злату вѣнцу.
Ай, у суда ли Божья голова болитъ,
Подъ златымъ вѣнцомъ ножки ломятся,
Ай, во бѣлыихъ во рукахъ свѣчи гасятся,
Ай, со ясныхъ со очей слезы катятся.

3.

(Тамъ же, въ окрестностяхъ города).

Во полѣ березонька стояла,

Во полѣ кудрявая стояла (2).
Не кому въ чистомъ полѣ гуляти,
Бѣлую березку заломати. . .
Ужъ какъ я пойду, я загуляю,
Бѣлую березку заломаю,
Выломлю я три пруточка,
Сдѣлаю я три гудочка,
Въ четвертыхъ-то балалайку.
Стану въ балалаечку играти,
Стану я стара мужа будити:
« Ужъ ты встань, мой мужъ, проснись,
« Старъ мой мужъ, пробудись! »
« На тебѣ умоечки,—умойся,
« На ти рукотерничекъ,—утрися,
« На тебѣ заслонка,—помолися,
« На ти простокиша,—захлѣбнися! »

4.

[Въ Остречинахъ].

Не вызрѣвшей рябинушки
Нельзя заломать,
Не выросшей дѣвушки
Нельзя за мужъ взять.
Я пойду, рябину заломаю,
Сдѣлаю я два гудочка,
Стану я стараго будити:
« Стань, мой старъ, пробудися,
« Вотъ тебѣ помои—умойся,
« Вотъ тебѣ рогожа—утрися,
« Вотъ тебѣ лопата— помолися. »
Стану я малаго будити:
« Стань, мой малъ, пробудися,
« Вотъ тебѣ грязна вода,—умойся,
« Вотъ тебѣ тряпица,—утрися,
« Вотъ тебѣ заслонка,—помолися! »
Стану я ревнюшку (3) будити:

2. Припѣвъ: Ай люли люли кудрявая стояла.
3. Ровню.

« Стань-ко, ревнюшка, пробудися,
« Тутъ есть ключева вода,—умойся,
« Вотъ тебѣ платочекъ,—оботрися,
« Вотъ тебѣ икона,—помолися.»
Старъ мужъ на руку ложится,
Словно колода валится,
Ревнюшка на руку ложится
Легче пера ли лебединаго;
Старый мужъ къ устамъ припадаетъ,
Словно смолой поливаетъ,
Ревнюшка къ устамъ припадаетъ,
Словно медомъ поливаетъ.

3 (*).

[Петрозаводск. уѣзда].

Пойду прялицу хвачу,
На бесѣду покачу.
Ужъ какъ пѣтухи пропѣли,
Я спжу таки, спжу;
Ужъ какъ другіе пропѣли,
Я еще поспжу;
Ужъ какъ третьи пропѣли,
Заря взошла,
Я домой пошла.
Ужъ я прялочку на лавочку,
Я башмачки подъ кровать,
Сама скокъ на кровать.
Еще старой мужъ,
Еще старой гужъ,
Пробуждается:
« Не теперь ли, жена,
« Изъ бесѣды пришла?»
— Охъ ты, старой мужъ,
— Охъ ты, старой гужъ!
— Я хочу млада скочить,
— Хочу печку затопить,

(*) Срави. № 9 въ Черниговскихъ пѣсняхъ.

— Киселя-каши варить,
— Тебя стараго кормить.
« А спасибо ти, жена!
« Не забыла ты меня.»
— Ужъ мнѣ какъ тебя забыть,
— Какъ бы вовсе избыть.—
Сама рученьку подъ шею
Подкладываю,
Сама петельку на шейку
Налаживаю.
Тутъ я милому въ окошко
Конецъ подала:
— Ты тяни-тяни, милой,
— Потягай, дорогой!—
Старое огущище не сорвется,
У стараго шея не оторвется;
Еще старъ захрапѣлъ,
Будто спать захотѣлъ;
Рукамъ-ногамъ забилъ,
Будто чертъ задавилъ;
Еще лобъ залощилъ,
Глаза вытаращилъ.

6 [Петроз. уѣзда].

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
За другою рѣчкой Перебрагою,
Не полынь-трава во полѣ шаталася,
Зашатался тамъ душа добрый молодецъ.
(Оповадился Ваня за рѣку ходить въ кабакъ,
Не въ кабакъ онъ ходитъ, къ цѣловальницы,
И не къ ней самой, къ ея дочери.
Я не дочь люблю,—сладку водочку,
Сладку водочку-все вишневочку.
Съ этой водочки онъ сдѣлался пьянешенекъ.) (4).

4. Въ другихъ варіантахъ, этой вставки съ 5 по 10 стихъ нѣтъ, и, въ такомъ искаженномъ видѣ, пѣсня представляетъ какъ бы лирическую варіацію на начало сказки о Настасьѣ Королевичнѣ.

Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
Занесло его силою невольною,
Завела молодца неволюшка,
Чужа дальняя сторонушка,
Поневолила жизнь его (5) боерская,
Жизнь его боерская, служба государева:
Велика служба, служба съ утра день до вечера,
Съ утра день до вечера, часика до перваго.

7 (Вытегорск. уѣзда).

Веселая голова, широкая борода,
Не ходи мимо сада,
Милъ, дорожки не тори,
Худой славы не клади:
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возметъ,
Ни приказный, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ;
Отцу-матери безчестье,
Роду-племени укоръ,
Съ плечъ головушка долой.
Мнѣ нельзя идти съ тобой:
Скажутъ матушкѣ родной,
Скажутъ такъ, скажутъ сякъ,
Скажутъ иначе вотъ такъ.
Скажутъ, въ садикѣ была,
Рвала яблочки все наливчатые,
Наливчатые, все разсыпчатые.
Я на блюдо положила,
На серебряный подносъ,
Ко милому относила
Во высокъ во теремъ.
Милый яблочки не приметъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ужъ я стукнула ногой,

5. Вар.: Наша.

Сама съ терема долой:
« Оставайся, чертъ съ тобой!
« Не ломайся надо мной,
« Идъ моей русой косой,
« Надъ дѣвичьей красотой,»
На ступеньку ступила, призадумалась,
На другую ступила, образумилась,
Ворочуся я назадъ,
Дружку выговорю,
Въ глаза выругаю:
« Ты послушай-ко, негодный,
« Погадай-ко, негодяй,
« Я за что тебя люблю,
« За что жаловать хочу?
« Что на ноженьку легокъ,
« На босу ногу сапогъ,
« Во полночь гулять готовъ.»

(Эта пѣсня сообщена г. Петровымъ.)

8 (Петрозавод. уѣзда).

Плавала чарочка во сладкомъ меду,
Во сладкомъ меду у Николая въ дому.
Какъ у чарочки да у серебряной
Золотой у ней вѣнчикъ былъ;
А у Николая-то золотой обычай былъ,
Что ни ѣстъ гдѣ, ни пьетъ,
Гдѣ онъ сударь ни кушаетъ,
Онъ домой идетъ къ молодой жены,
Ко двору онъ подъѣзжаетъ,
Молоду жену кличетъ:
« Александрушка, встрѣчай,
« Ты Михайловна, встрѣчай!»
— Недосугъ, сударь, встрѣчати,
— Надо сына мнѣ качати.
— Ужъ я сынушка качаю,
— Перемѣну я начаю (6),

6. Надѣюсь.

— Я дочушку-то качаю,
— И гостибище (7) начаю.—

9 (Тамъ же).

Всѣ мужья до женъ добры;
Накупили женамъ тафты.
Мой мужъ не ласковъ до меня,
Не купилъ онъ мнѣ шелкова платка;
Онъ коровушку купилъ,
Мнѣ заботку снарядилъ.
Лучше-бъ масла пудъ,
Да муки купилъ мѣшокъ.
Я-бъ стряпейку наняла:
Стряпеюшка постряпывала,
А я млада похаживала,
Каблучками приколачивала.
Вы бѣлильца, румянца мои,
Дорогія, новокупленыя,
Въ зелено вино разложеныя,
На бѣло лицо положеныя!
Вы скатитесь со бѣла лица долой:
Ѣдетъ добрый мужъ домой,
Любимыя подарочки везетъ,—
Шелкову плеть несвистаную
На молоду жену избалованную.

10 (Тамъ же).

Ты отеческая дочь!
Не ходи гулять въ полночь,
Не ходи гулять въ полночь
Мимо моего двора,
Не прокладывай слѣда
Къ нову зелену саду.
Какъ у моего двора
Пріукатана, углажена гора,
Водою улита, каблуками убита.
Лишь я скокъ на ледокъ,

7. Мѣсто, куда ходить въ гости.

Окаянный башмачокъ,
Окаянный башмачокъ,
Поскользнулся каблучокъ,
Я упала на бочокъ.
Не слыхала, какъ упала,
Погляжу млада,—лежу
Я на правомъ на боку,
Помираю со смѣху.
И я глядь-поглядь,
Меня не кому поднять:
Шелъ дѣтина молодой,
Не женатый, холостой;
Я не знаю, какъ назвать,
Научилася солгать,
Его душенькой назвать:
« Ахъ ты, душенька-душа!
« Ужъ я радъ бы поднять,
« Со стороны люди глядятъ,
« Поймать меня хотятъ,
« Руки-ноги связать,
« Во солдатушки отдать,
« Во солдатушки отдать,—
« Отцу матери не ждать.»

11 [Тамъжо].

Я ходила по раменью,
Набрала беремя каменью.
За два камешка по грошику дала,
За цѣпочечку копѣечку,
Я связала мужу на воротъ, воротъ,
Спустила мужа во сине море.
Посмотрѣть было съ сарайныхъ воротъ,
Далеко-ль мой милый пловетъ.
Онъ пловетъ, воздохнется,
Молодой жены возмолится:
« Ужъ ты женушка-жена моя!
« Ты достанько изъ синя моря меня.

« Буду всякія работы работать,
« По ночамъ буду ребятушекъ качать,
« По субботамъ буду баенки топить,
« Тебя милую въ баенку водить.»

12 (г. Петрозаводскъ).

Ужъ какъ вздумалъ мой родитель-батюшко
Отдать-то меня, во солдатушки,
Во солдатушки во наборные полки,
Во наборные, принаполненные,
За небольшое за жалованьице:
По три денежки на суточки даютъ,
По полтинушкѣ на мѣсяцъ выдаютъ.
Я не знаю, куда денежки дѣвать,
То-ли молодцу пропить ли, прогулять,
Али молодцу на картахъ проиграть.

13, 14.

Арханг. Воргозер. Поется при отправкѣ рекрута.

Ты пеки, пеки, красно солнышко,
Ты свѣти, свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты со чистыми со звѣздами,
Ты со свѣтлою со луною,
Чтобы намъ старикамъ-ворамъ-мироѣдамъ,
Чтобы видно было на кабакъ итти,
На кабакъ итти да дума думати:
У богатаго взять,—не отдати,
У бѣднаго взять,—дакъ раззорити.
Есть за рѣченькою, за рѣкою,
У вдовушки у старушки
Одинъ-одинакой сынъ Иванушко,
Намъ того отдать да во солдаты:
Онъ хорошь-пригожъ да уродился,
Онъ дѣвушкамъ да прилюбился,
Онъ всему міру да пригодился.

Конецъ III-й части.

---

8. Эта пѣсня сообщена торгующимъ крестьяниномъ Я. Гуннымъ, который замѣчаетъ Пѣть эту пѣсню собираются со всего селенія старые и молодые, родные поютъ, а прочіе слушаютъ и плачутъ.

ЗАМѢТКА СОБИРАТЕЛЯ.

ЗАМѢТКА.

—

Пошелъ Добрынюшка во почестный пиръ,
Садился Добрынюшка на упеченку,
Началъ въ гусли наигрывати,
Первый разъ игралъ отъ Царяграда,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденьице разсказывати.

III, 18, 156—161.

—

Третья часть этого сборника заключаетъ въ себѣ былевыя пѣсни, заплачки и бытовыя пѣсни.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены новыя былины о богатыряхъ Самсонѣ и Святогорѣ, женидьбѣ князя Владиміра, Чурилѣ Пленковичѣ, Даніилѣ Игнатьевичѣ и Михайлѣ Даніильевичѣ, Иванѣ гостиномъ сынѣ, о нашествіи татаръ (35, 38), Терентьѣ мужѣ Даніильевичѣ, о неразсказанномъ снѣ, подсолнечномъ царствѣ и каково птицамъ жить на Руси и за моремъ: новые варіанты о Ильѣ Муромцѣ (№ № 5, 8, 9, 10), Добрынѣ (15 и 18), Хотенѣ Блудовичѣ, Дюкѣ (29, 50), Чурилѣ (24), Садкѣ (41), Кострюкѣ, Гришкѣ Отрепьевѣ и царѣ Саламанѣ; пѣсни историческія и былевыя о девяти братьяхъ и сестрѣ и о смерти княгини Михайловны. Изъ варіантовъ былинъ многіе болѣе или менѣе извѣстны; но въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго эпоса еще такъ мало сдѣлано, что я считаю необходимымъ печатать цѣликомъ пересказы, лишь бы они были интересны въ какомъ нибудь отношеніи. Изъ печатаемыхъ въ III ч. иные замѣчательны по своей художественности (напр. 10, 13, 14, 15,

16, 24, 27, 29 и др.), иные содержатъ неизвѣстные эпизоды (*) или по крайней мѣрѣ передаютъ подробности, которыя даютъ средства къ опредѣленію первобытнаго вида былины и прибавляютъ новыя данныя къ содержанію ея и всего цикла, къ которому она относится (**).— Такъ въ пересказѣ о Хотенѣ (№ 28) поединокъ за Офимью Часовичну происходитъ между девятью Часовичами и паробкомъ Хотена, а самъ богатырь во время боя спитъ себѣ въ шатрѣ. Такое представленіе борьбы за Часовичну повело въ своемъ развитіи къ насмѣшливому вообще взгляду на Хотена: въ варіантѣ, напечатанномъ въ извѣстіяхъ II отд. Имп. Академіи наукъ, Хотенъ является не могучимъ героемъ, отъ одного удара котораго цѣлый теремъ слетѣлъ по окнамъ прочь, а трусоватымъ нѣженкой, за котораго въ минуту опасности вынужденъ дѣйствовать его наперстникъ. Два варіанта (№ 15 и 52) были уже напечатаны въ 1-й части; я ихъ перепечатываю снова, потому что на этотъ разъ успѣлъ записать ихъ съ живой рѣчи пѣвца, а вслѣдствіе этого объяснились иныя непонятныя выраженія (***), № 15 дополнился важными подробностями (ст. 175—245) и № 52 возстановился во

(*) Прим. къ № 4, № 11, ст. 162—183, № 15, 115—212, № 30, 335—393.

(**) № 6, 19—45, 90—93, 123—130, № 7, 15—35, 65—70, № 11, 17—20, 60—152, № 12, 20—81, № 13, 65—159, № 18, 95—102, 115—125, № 17, 61—88, 213—227, № 16, 30—37, 130—137, 155—157, № 19. 57—60, № 23, 75—110, № 26, 45—56, № 29, 1—50, 90—110, 128—180,350 —356, № 30, 12—19, 89—92, № 31, 1—10, 35—51, 181—195, № 32, 68—70, 79—82, 89—93. 125—160, № 37, 100—110, № 39, 90—101, 135—164, 185, № 40, 14,—26, 96—119, 137—147, 155—165, № 56. 164—175.

(***) Напр. 61, на Русь возьму, оказалось: въ нору снесу.

всей своей художественности. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ варіантовъ, хотя и близки къ напечатаннымъ прежде; однако именно вслѣдствіе этого могутъ послужить пособіемъ къ разрѣшенію вопросовъ объ участіи личнаго творчества въ былевой поэзіи и о томъ, въ какой степени сохранился въ наше время первобытный видъ былинъ (*).

Второй и третій отдѣлы этой части, помимо своего значенія для этнографіи края, покажутся быть можетъ любопытными и для изслѣдователей вообще народнаго быта. Если былевая поэзія переноситъ насъ въ далекое прошедшее и открываетъ намъ народное земское представленіе о русской исторіи и о тѣхъ идеалахъ, которые созданы ея теченіемъ въ сознаніи народа, то заплачки и бытовыя пѣсни знакомятъ со взглядомъ русскаго человѣка на явленія его семейной и обыденной жизни. Въ пѣсни исчерпанъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать крестьянину, какъ члену семьи и общины. Начиная отъ колыбели, пѣсня провожаетъ русскаго человѣка до дѣтскихъ игръ, къ забавамъ молодыхъ лѣтъ, къ первому пробужденію любовнаго чувства; она въ трогательныхъ образахъ представляетъ дѣвушкѣ горькій переходъ отъ дѣвичьей воли къ замужнему безволью; но она же подсказываетъ мужу и женѣ задушевныя рѣчи любви и учитъ ихъ убаюкивать и утѣшать будущаго ребенка; пѣсня оживляетъ тяжелую будничную работу на стадахъ въ непогоду и зной, и въ душной избѣ при свѣтѣ лучины, и праздничный отдыхъ въ хороводѣ или на бесѣдахъ. Подростутъ у крестьянъ дѣти, и также пѣсня проводитъ сына на службу государеву и дочь на чужую сторону, и ста-

---

(*) Ср. №№ 78, I ч, 49, 50, II и 53 III; 61, 62, 63 I и 42 III; 53, 54 I; 31 II; и 32, 33 III; 25, 26, 27 I; 6, 7 II и 16 III; 28 I, 4 II и 19 III; 30, 31 I, 10 II и 21 III; 47, 48, 49, 50 I, 27, 28, 29, 30 II и 30, 31 III; 46, и 47, 59 и 60. III ч.

рика отца со старухою матерью, съ которыми дѣти разстанутся навсегда въ этомъ свѣтѣ.

Второй отдѣлъ заключаетъ заплачки на свадьбахъ и похоронахъ; третій бесѣдныя пѣсни Заонежья, бытовыя разнаго рода пѣсни Черниговской и Олонецкой губерній. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ №№ I. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 17, II. 1, 2, 3, 8, 9, 10, 12, 20, 21, III. 2, 5, 6, 8, 11, 12, 13 и 14, сколько мнѣ извѣстно, печатаются въ первый разъ; изъ нихъ пѣсни I. 1, 2, 4, 6, 12, 17, II. 3, 8, 10, 12, III. 2, 8 замѣчательны въ художественномъ отношеніи. По отношенію къ быту содержаніе пѣсенъ можно выразить слѣдующимъ перечнемъ: выборъ мужа дѣвушкою I. 13, II. 4; повадка молодца за невѣстою I. 1; привѣтка жениху и невѣстѣ I. 4; страхъ невѣсты передъ вѣнцомъ III. 2; жена, по пріѣздѣ въ мужнинъ домъ, справляется съ мужниною родней II. 8; мужъ вынужденъ поучить жену II. 11, III. 9; жена покоряется мужу II. 6; семейное счастіе III. 8; неудачливые браки: старый мужъ и молодая жена, которая вырвалась изъ заперти на волю—II. 1, 2, 3, трагическая развязка этого II. 9, III. 5, мужъ пьяница надѣвается надъ женою I. 21, но за это иногда оказывается въ непріятномъ положеніи I. 5, II. 12, гульливая жена издѣвается надъ безхарактернымъ мужемъ I. 13, II. 4.—Жалоба дѣвушки на свою красоту I. 2, любовь I. 12, III. 10, ссоры любовниковъ I. 10, 15. III. 7, горесть разлуки I. 16; разгулъ молодыхъ силъ I. 3, 6, 8, 9, 17, 20; отдача въ рекруты члена семьи III. 14, горькая доля рекрута III. 6, 12.

Въ концѣ части я счелъ нужнымъ помѣстить, кромѣ дополненій и поправокъ къ первымъ двумъ частямъ, объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ.

—

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя

просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому. Я понималъ всю справедливость этихъ требованій, но не могъ удовлетворить имъ тогда потому, что, по разнымъ причинамъ, мои свѣдѣнія о сказителяхъ были еще очень отрывочны и ограниченны, выводы изъ нихъ были бы преждевременны и односторонни, а между тѣмъ не представлялось возможности вскорѣ запастись матеріялами для разъясненія сомнѣній. Во первыхъ, поѣздки мои были слишкомъ рѣдки и не продолжительны, а пѣвцы рядъ разсѣяны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Матеріялы для цѣлаго 1-го тома и части втораго были собраны въ теченіе какихъ нибудь 9 или 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ пришлось проѣхать болѣе 2000 верстъ отъ Петрозаводска черезъ Заонежье до границъ Архангельской губерніи на сѣверъ и Вологодской губерніи на востокъ. Во вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскій человѣкъ не любитъ, что бы на первыхъ порахъ знакомства слишкомъ интересовались его личностію; потому я довольствовался тѣмъ, что мнѣ сказывали былины, и не вдавался въ распросы пѣвцовъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Въ третьихъ, само собой бросалось въ глаза, что лучшіе изъ пѣвцовъ уже старые люди и дряхлѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Учителя ихъ, которые, по ихъ же разсказамъ, знали о богатырствѣ больше и лучше ихъ, почти всѣ перемерли, и таже участь каждую минуту грозитъ лучшимъ представителямъ теперешняго поколѣнія сказителей. Я понималъ, что драгоцѣнныя сказанія могутъ не нынче-завтра навсегда погибнуть, и торопился записывать уцѣлѣвшее. Наконецъ признаюсь, я самъ былъ подавленъ богатствомъ собираемаго матеріала, мной завладѣли новые для меня народные образы, какъ будто спѣшившіе на смѣну одинъ другаго,—и памятники былевой поэзіи заслонили отъ меня тогда ихъ хранителей и передатчиковъ. Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собиралъ и за-

писывалъ былины, разскажу со всей подробностью (*) о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся.

—

Въ теченіи 1859 г. изъ разговоровъ съ Петрозаводскими старожилами я узналъ, что въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи сохранилось много любопытнѣйшихъ и древнихъ обычаевъ, повѣрій, преданій, былинъ и пѣсень. Въ подтвержденіе этимъ разсказамъ, указывали на историческія и этнографическія данныя, напечатанныя въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, между прочимъ на двѣ былины о богатыряхъ Соловьѣ Будимировичѣ и Васильѣ пьяницѣ. Въ томъ же году мнѣ самому довелось прочесть въ рукописи нѣсколько старинъ, записанныхъ (какъ я узналъ впослѣдствіи) со словъ крестьянскаго портнаго Бутылки, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда.

Съ зимы 59–60 года я принялся самъ собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовыя пѣсни, заплачки и духовные стихи. Къ записыванію этихъ матеріяловъ представила удобный случай первая поѣздка моя на Шунгскую ярмарку, Повѣнецкаго уѣзда (въ декабрѣ 59-го и въ январѣ 60 года), куда я отправился для собранія статистическихъ свѣдѣній. Здѣсь мнѣ разсказали, что въ старое время на эту ярмарку постоянно приходило много калекъ: они садились, бывало, у погоста и пѣли духовные стихи, а толпы проѣзжихъ собирались ихъ слушать и подавали имъ посильную милостыню. Но съ 50-хъ годовъ, неизвѣстно почему, земская полиція стала гонять убогихъ пѣвцовъ съ погоста и не позволяла имъ больше петь на улицахъ. Только по особенному моему настоянію, сотскій съ великимъ трудомъ отыскалъ двухъ калекъ (одинъ изъ

(*) Этотъ циклъ поѣздокъ моихъ былъ напечатанъ отчасти въ губ. Олонец. вѣдомостяхъ и въ Днѣ.

нихъ слѣпой Иванъ былъ родомъ изъ Купецкой волости Пудожскаго уѣзда, другой изъ Кузаранцы Петрозаводскаго уѣзда) и привелъ ихъ на мою квартиру. Когда они пообогрѣлись и поразговорились, я началъ просить ихъ спѣть, что умѣютъ. Они сперва было все отнѣкивались; но, когда я самъ прочелъ имъ по памяти изъ «книги Голубиной», то и они завели сперва одинъ стихъ, потомъ другой, и спѣли все, что знали. Въ эту поѣздку, въ мартѣ 60 года и частью въ январѣ 61 г. записалъ я отъ нихъ Алексѣя Божія человѣка, Аѳрикова сына Василья, книгу Голубиную, Осипа Прекраснаго, Егорія Храбраго и т. п. (*) Распрашивалъ я своихъ каликъ про былины, но они не умѣли ихъ пѣть. Впрочемъ, Иванъ изъ Купецкой волости пообѣщался выучиться старинѣ о Васильюшкѣ Игнатьевичѣ и передать мнѣ ее, и дѣйствительно сдержалъ свое слово впослѣдствіи, уже въ январѣ 61 года. Исполняя просьбу каликъ, я упросилъ еще въ 60 году земскаго исправника прекратить на нихъ гоненіе: съ тѣхъ поръ они опять показались на ярмаркѣ, на своемъ мѣстѣ у погоста, и снова стали пѣніемъ стиховъ испрашивать мірское подаяніе.

Въ ту же поѣздку я познакомился съ Шунгской «вопленицей» или плакальщицей. Вопленица—это въ Новѣпецкомъ Заонежьѣ (**) такое же оффиціяльное общественное лице въ бытовой сферѣ, какое «уставщикъ» въ религіозной. Уставщикъ наблюдаетъ за чистотою религіознаго обряда и порядкомъ, а вопленица блюдетъ чистоту бытоваго обряда, обычая и порядка: она руководитъ ходомъ свадебъ, похоронъ, поминокъ. Когда невѣсту въ день порученья подводятъ «ко столу», плакальщица

(*) Все это помѣщено въ «каликахъ перехожихъ» г. Безсонова. Впослѣдствіи въ Петрозаводскѣ, со словъ жены монастырскаго служителя изъ г. Пудожа, я составилъ небольшой сборникъ духовныхъ стиховъ, отличающихся аскетическимъ складомъ рѣчи.

(**) Въ Новѣпецкомъ Заонежьѣ уваженіе къ обрядности доведено до крайней степени, вслѣдствіе сильнаго развитія старообрядства и близости Выгорѣцкихъ общежительствъ.

идетъ сзади ея и поетъ жалобныя заплачки, въ которыхъ высказываетъ всю горесть разставанья молодой дѣвушки съ родителями, родомъ-племенемъ, и весь страхъ неизвѣстности при переходѣ «къ чужимъ чужанинамъ», «на остудушку чужую на сторонушку». Плакальщица провожаетъ невѣсту къ ея роднымъ, у которыхъ она тоже должна выплакать свое горе: плакальщица слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ подробностей вѣковѣчнаго обычая на свадьбѣ, оберегаетъ невѣсту отъ глаза, наговора, и окончивъ свое дѣло, оборонивъ, на сколько слѣдовало красную дѣвицу «отъ полоненья», какъ бы по необходимости продаетъ ее «измѣнѣ-разсказу большому свату-тысяцкому». Въ дни похоронъ и поминокъ, она же подсказываетъ вдовамъ и сиротамъ жалобныя заплачки и высказываетъ «жалкимъ голосомъ» тяжесть разлуки съ милою «семеюшкою», «ясенымъ соколомъ-брателкомъ» и другими дорогими «покойничками».

Моя знакомка была извѣстна по всему околодку подъ именемъ «правителя свадебъ». Заплачки ея имѣли такую славу, что ее приглашали даже въ Толвую, т. е. въ Петрозаводское Заонежье, гдѣ населеніе живое, воспріимчивое и съ поэтическимъ даромъ слова, гдѣ поэтому обыкновенно плакальщицы не играютъ важной роли: тамъ всякая почти женщина можетъ выплакивать свое горе въ импровизаціи-ли, подъ вліяніемъ собственнаго настроенія, или въ передѣлкахъ заплачекъ, переходящихъ изъ роду въ роль и извѣстныхъ почти каждой большухѣ и старухѣ. Отъ этой Шунгской вопленицы записалъ я въ январѣ и мартѣ 60 года и въ январѣ 61 г. превосходныя свадебныя и похоронныя заплачки (*). Въ той же мѣстности на бесѣдахъ или вечеринкахъ мной были записаны пѣсни бесѣдныя. (**)

Но о былинахъ покамѣсть до меня доходили только слухи. Я

(*) Напечатаны въ этой части.

(**) Тоже напечатаны.

слышалъ на ярмаркѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ пріѣзжихъ торговцевъ, что въ Олонецкой губерніи есть дѣйствительно люди, умѣющіе пѣть и сказывать былины: но мои Шунгскіе знакомые мало интересовались этимъ родомъ народной поэзіи. Чиновникамъ мое любопытство казалось праднымъ, торговцы знать ничего не знали, кромѣ своего дѣла, а Шунгскіе туземцы смотрѣли на старины даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно развьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь на столько, на сколько они причастны религіозной области и на сколько они поддерживаются обычаемъ, возъимѣвшимъ силу съ XVII вѣка.

Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ же настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблажняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей. Если въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украйнѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Кіевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ. Впрочемъ въ туже поѣздку я слышалъ про отличнаго Повѣнецкаго перехожаго пѣвца Бутылку, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста, ремесломъ крестьянскаго портнаго. Мнѣ сказывали, что Бутылка ходитъ по всему Заонежью, занимаясь портняжествомъ, то въ той деревнѣ, то въ другой, и во время работы постоянно поетъ былины. Въ ту пору ему должно было бы находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣной губѣ. Страстно желая отыскать этаго пѣвца, я бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ чрезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути я завертывалъ и въ Великую губу, и въ Сѣную губу;

но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ слышалъ, что Бутылка уже ушелъ. Три раза впослѣдствіи я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 60 года переплывать въ дряной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 63 г. я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него же было записано прежде другими лицами.

Лѣтомъ 60 г. года я получилъ отъ мѣстнаго начальства оффиціальное порученіе-собрать данныя объ источникахъ, изъ которыхъ составляются вѣдомости статистическаго отчета. Командировка эта представляла мнѣ возможность не только побывать въ уѣздныхъ городахъ Олонецкой губерніи, но и заглянуть въ деревенскій бытъ. Рѣшившись воспользоваться ею для собранія этнографическихъ матеріаловъ, я разсудилъ оставить почтовый трактъ и ѣхать по губерніи проселочными дорогами и водою. Это давало мнѣ средства всмотрѣться въ бытъ крестьянъ и отчасти избавляло отъ оффиціальности. Извѣстно, какъ трудно добиться какихъ нибудь вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину», и тѣмъ болѣе чиновнику. Его званіе, подорожная, вся обстановка его ѣзды какъ-то не внушаетъ къ нему народнаго довѣрія; крестьянинъ всегда склоненъ къ подозрѣнію, что у чиновника есть, пожалуй, какое нибудь «касательное» до него дѣло, а если касательнаго дѣла и нѣтъ, то самая личность чиновника, его понятія, его привычки, дѣлаютъ его чужимъ для крестьянина. Неужели же, скажутъ иные, послѣ этого, для собранія этнографическихъ данныхъ, нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживанье и подражанье, разумѣется, ни куда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это небезполезно для изученія народнаго быта въ Великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ Черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства. Но главное дѣло не въ платьѣ: надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенно-

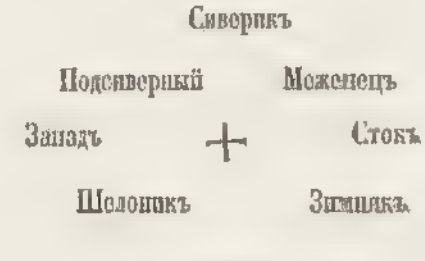
стямъ его быта, къ тяжкому труду земледѣльца, работника и ремесленника, и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе и охотно разскажетъ ему все, что нужно.

И такъ въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ пріискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполнѣ потонулъ на озерѣ, однако у пристани видѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ пріѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются къ Петрозаводску за мукою, а съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути, хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ сосѣдей, которые за свою работу переѣзжаютъ даромъ до города или до дому. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна соймa. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, рудь налаженъ кое-какъ, весла самодѣльныя. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество «лудъ» (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ «Пестьянъ» (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостію, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую ничтожную 3 р. с., да и та предназначалась имъ для гребцовъ. Долго-долго дожидался я «повѣтери»: нѣсколько дней, какъ нарочно, дулъ стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ

шелоникъ, западъ, или полденъ (*). На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились пуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ баженымъ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгривался, и только къ утру, часовъ чрезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоитъ закопченая «фатера», домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ

(*) Вотъ названіе главныхъ вѣтровъ въ Онежскомъ краѣ:



отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ распрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ (*). Потому я напечаталъ впослѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варіанты, или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуй-наволокѣ.

На разсвѣтѣ около костра собралось много проѣзжихъ, боль-

(*) Изъ записанныхъ отъ него въ разное время напечатано въ 1-й части подъ №№ 8, 44, 63, 71 и 80 и III, 48, 49 и 63.

шею частію изъ-за Онеги: народъ все былъ привѣтливый, радушный, велъ веселую бесѣду, держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ и, по врожденной вѣжливости, при первомъ свиданіи не разспрашивалъ о цѣли моей поѣздки. Я имъ самъ объяснилъ, что вотъ де ѣду по губерніи по ученому дѣлу:—для правительства нужны вѣрныя свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, о его прибыли и убыли, о его здоровьѣ и долговѣчности, наконецъ о его благосостояніи, и вотъ я за тѣмъ ѣду, чтобъ повѣрить, какъ эти свѣдѣнія собираются въ нашей губерніи. Крестьяне не только поняли мои слова, но даже одинъ изъ нихъ, грамотный крестьянинъ съ Пудожскаго берега, тутъ же объяснилъ мнѣ, что этихъ дѣловъ у нихъ изъ волости ежегодно требуютъ и становой, и окружной. «Ну, говоритъ, нашъ писарь (старинна-то нашъ неграмотенъ) сейчасъ и отпишетъ имъ, что слѣдуетъ».—Да откуда же онъ знаетъ?—«Нашему да писарю не знать: у него есть тоже подначалные писаря. Вотъ онъ съ ними посовѣтуетъ, да и отпишетъ, какъ ему надобно.»—Ну, а какъ ты полагаешь: пишетъ-то онъ правду?—«А кто его вѣдаетъ: по другимъ то дѣламъ онъ рѣдко пишетъ правду.» (**) Когда крестьяне убѣдились, что у меня до нихъ ни какого «касательнаго» дѣла нѣтъ и что я совсѣмъ не полицейскій чиновникъ, то сдѣлались еще разговорчивѣе и сами повели рѣчь о разныхъ народныхъ повѣрьяхъ: въ короткое время можно было составить себѣ понятіе о цѣлой Заонежской демонологіи. (*) Имъ совсѣмъ не казалось страннымъ, отчего я ихъ распрашиваю

(*) Впослѣдствіи, разсматривая статистическіе отчеты сельскихъ и волостныхъ правленій, я убѣдился, что многія цифры вѣдомостей дутыя, и что составленіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если полѣнится волостной писарь, то вѣдомости сочиняются сельскими писарями, а волостной ихъ передѣлываетъ по своему въ одно цѣлое; или же первоначально сочинитъ волостной писарь, а сельскіе станутъ его произведеніе расписывать между собою. Чѣмъ выше административная уѣздная степень, тѣмъ больше безцеремонности въ обработкѣ этихъ самодѣльныхъ статистическихъ данныхъ. О дальнѣйшихъ результатахъ этого объясненіе въ статистическомъ отчетѣ за 1862 годъ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

(**) Напечатано въ декабрскихъ нумерахъ Олонецкихъ губ. вѣд. 1862 года.

про ихъ бытъ и повѣрья, потому что они убѣдились, что мнѣ хорошо извѣстны многіе ихъ обычаи и сказанія.

Пока мы бесѣдовали у костра, совсѣмъ разсвѣло, а попутнаго вѣтра все не было. Мои новые знакомцы стали меня уговаривать—проѣхать съ ними въ Заонежье (*) и оттуда уже переправиться къ Пудожъ-горѣ. «Сойма у насъ славная, ласково говорили они мнѣ, насъ цѣлыя три перемѣны гребцовъ, и мы тебя къ вечеру же представимъ въ Кижи.» Такой радушный откровенный народъ были эти Кижане, что меня такъ и потянуло побывать у нихъ въ Заонежьѣ. Сама собою у меня сложилась твердая увѣренность, что я найду тамъ много интересныхъ памятниковъ народной поэзіи, и явилась непремѣнная рѣшимость ихъ разыскивать. Не думая долго, я разсчитался съ прежнимъ хозяиномъ и сѣлъ въ сойму къ Ошевневу (такъ звали владѣльца новой соймы). Его лодка была поменьше старой, безъ палубы и вся завалена кулями съ мукою. Гребцы были всѣ изъ сосѣдей или однодеревенцевъ Ошевнева. Одни изъ нихъ работали веслами, другіе закусывали и весело перекидывались съ ними прибаутками, а третьи опочивали на кулихъ. Самъ хозяинъ всё хлопоталъ объ угощеньи работниковъ и баб. Леонтій Богдановичъ то присосѣдится къ гребцамъ и подзадориваетъ ихъ спѣть пѣсенку, то перейдетъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ заведетъ какую нибудь старину, то примется болтать съ бабами. Ему ужъ лѣтъ семдесять съ хвостикомъ, а онъ все еще здоровый, крѣпкій мужикъ. Сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т. е. бывалымъ и работящимъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные про-

(*) Заонежьемъ называются расположенные за озеромъ Онегомъ-Петрозаводскаго уѣзда погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Типиницкій, Яндомозерскій, Кузаранскій, Космозерскій, Толвуйскій, Вырозерскій, Фойницкій, Карасозерскій, Мелогубскій и Повѣнецкаго уѣзда Шунгскій и Челмужскій.

мыслы на Ладожское озеро, живалъ и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживалъ «со щетью» по деревнямъ. Хорошихъ дней въ жизни у него было немного. «Я голъ какъ соколъ, говорилъ онъ мнѣ, а семья-то у меня не малая: съ сыпиной семьей десять ртовъ, десять животовъ.» Но при постоянныхъ неудачахъ никогда не покидала его веселость. И теперь онъ пѣлъ и заигрывалъ съ бабами, а у другаго бы кошки на сердцѣ скребли. Поѣхалъ онъ въ Петрозаводскъ за мукою, и подвернулся ему на грѣхъ «хорошій человѣкъ», и деньги на муку у него пошли «во царевъ кабакъ». Не смотря на это, онъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости и взялъ слово, что я ни у кого кромѣ его не остановлюсь. «Ты только заверни ко мнѣ, И. П., говорилъ онъ, такъ я и самъ тебѣ былинокъ напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежьѣ. Повезу тебя по всѣмъ Кижамъ, по всѣмъ губамъ и по всѣмъ островамъ. Хошь мѣдную руду покажу, гдѣ она добывается, а захошь, такъ свезу на Святой наволокъ. Тамъ, И. П., растутъ всякія полезныя травы, въ старое время ихъ и въ Питеръ брали.» При дружной греблѣ лодка живо подвигалась по водамъ озера (*), и къ полудню мы дошли къ лудѣ «Монаху», гдѣ считается половина пути отъ Петрозаводска. «Монахъ»-это длинная и узкая мель, едва-едва она поднимается надъ поверхностью воды; по серединѣ она разорвана большею трещиною. Съ девятымъ валомъ волны шумно вливаются въ пропасть и съ шумомъ выливаются обратно въ озеро. Въ бурную погоду много лодокъ погибаетъ у этой мели.

Дорогой мы приставали еще къ островку Ярь-наволокъ и Гарницкой лудѣ, а къ вечеру въѣхали въ Кижскую губу. Онегомъ все дули холодные вѣтры, мѣстами еще плавали льдины; было холодно, и мы всѣ кутались. Кромѣ воды и неба ничего

(*) Прошу замѣтить, что Онего вѣдь это цѣлое море.

не было видно: по крайней мѣрѣ, я, по близорукости своей, ничего не могъ разсмотрѣть въ дали кромѣ длинной полосы берега, который то приближался, то исчезалъ. Но какъ только мы въѣхали въ Кижскую губу, и воздухъ, и окружающая мѣстность измѣнились, какъ будто бы по щучьему велѣнью. Стало тепло, гребцы распоясались и поскидали кафтаны. Узкая полоса залива или лучше сказать пролива тянулась въ неизмѣримую даль. По обѣимъ сторонамъ его выступали гористые берега самыхъ причудливыхъ очертаній, они были изрѣзаны небольшими заливами, наполнены островками. Тутъ вдавалась глубоко въ берегъ заберега, тамъ мы плыли «по тихой по заводи», а гдѣ тихая заводь, тамъ есть и «затресье», только въ маѣ мѣсяцѣ затресья были покрыты не зеленою «трестою», а бѣлою, высохшею отъ мороза и ломавшеюся отъ удара веселъ. По берегамъ виднѣлися деревни, выселки и починки. Избы въ иныхъ мѣстахъ надвинулись къ самой водѣ, и отъ нихъ идутъ въ озеро длинныя «мостовища», куда пристаютъ лодки. И надъ всѣмъ этимъ господствовала угрюмая, величественная сѣверная природа, синева сосенъ, суровое очертаніе скалъ, да извилины озера. Такъ плыли мы къ Кижскому погосту, а Леонтій Богдановичъ пѣлъ въ хорѣ:

Не кукушечка въ сыромъ бору скуковала,
Ай, не соловьюшко въ зеленомъ садочку жалко свищетъ,
Охъ, добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно плачетъ.
Разстоскуйся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
Ужъ я самъ, ахъ, пошелъ, моя сударушка да сгоревался,
Ужъ пошелъ я, сгорѣвался-стосковался,
Охъ, малешенекъ сынъ у батюшки пріостался.
Я родной-то своей матушки не воспомню,
А кто меня, сиротинушку, воспоилъ-воскормилъ?
Воспоилъ-воскормилъ сиротинушку православный міръ,
Воспоила добра молодца Волга матушка-рѣка,
Завила желты кудри красна дѣвица-душа.

Къ ночи мы подъѣхали къ деревнѣ Середкѣ. Ошевневъ выса-

дилъ меня тутъ, а самъ поѣхалъ домой. Выходъ на сушу не обошелся безъ приключенія. Спутники разобрали мои вещи, чтобы перенести ихъ къ Леонтью Богдановичу. Дорожную сумку, гдѣ была записная книжка, немного чаю и нѣсколько пачекъ съ сигарами, взяла ветхая старушка; а я ей наказывалъ лучше не брать: «ты молъ урошинь». И дѣйствительно, только вступила она на мостовище, какъ сумка вылетѣла у ней изъ рукъ и пала въ воду. Невольно у меня сорвалась съ языка: «Говорилъ тебѣ, бабушка, не брать. Эхъ, унеси та!» Старуха чуть не взвыла и стала мнѣ выговаривать. «Ахъ ты, мой жадобишкей, красное солнышко! ты зачѣмъ это выговорилъ? Дорожному человѣку неличе кликать лембоя. (*) Пришлось ее успокоивать, а Леонтій Богдановъ дорогой мнѣ объяснилъ, что заклятіе дорожнаго человѣка дѣйствительно великое дѣло: что вотъ ряпушка въ заливѣ около Кижей лѣтъ 25 не ловится и совсѣмъ нейдетъ въ проливъ, а заклялъ ее тоже дорожный человѣкъ. «Сидятъ это наши старики около костра, говорилъ онъ, и хлебаютъ уху. И подходитъ къ нимъ проѣзжій: вотъ они мѣстечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчивали. Сидятъ они и глотаютъ «вологу» ложка за ложкой а онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, да и говоритъ. «Видно рыбки-то у васъ мало ставится, такъ и будетъ.» И съ той поры за ряпушкой ѣздимъ въ большое Онего.»

«Есть у насъ два такихъ сказителя, говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Л. Богдановъ, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонегѣ. Одинъ Козьма Ивановъ Романовъ, живетъ въ деревнѣ Лонгасы, въ Сѣнногубскомъ погостѣ, а ѣзды къ нему отселева на полъ-часа времени; другой Трофимъ Григорьевъ Рябининъ изъ нашей же деревни Середки.»—Свези-ка меня завтра же къ этому Рябинину.—«Нѣтъ, Н. И., мнѣ по утру не слободно, да и надо сначала мнѣ къ нему навѣдаться: му-

(*) Неличе—неприлично, лембой—чертъ [корельское слово]

жикъ онъ гордый и упрямый. Коли его напередъ не уломать, такъ ты ничего отъ него не добьешься.»

Леонтій ушелъ рано изъ дому и, воротившись домой къ обѣду, объявилъ, что Рябининъ придетъ сегодня же къ нему въ избу. Днемъ я бродилъ по деревнѣ и перезнакомился съ многими однодеревенцами Леонтія, а вечеромъ они цѣлою гурьбою пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстныя преданія о пакахъ, о Петрѣ Первомъ, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшой сѣдѣющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. «Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ», сказалъ мнѣ Леонтій.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я разсказалъ Рябинину про любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомъ нибудь богатырѣ. «Негоже намъ сказывать мірскія пѣсни, отвѣчалъ онъ, намъ постъ: набъ стихи пѣть.» Тутъ, какъ съумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. «Въ стихахъ, Т. Г., говорилъ я, поютъ, въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказываютъ о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ приговаривается: «Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.»—Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣнье предъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно, я записывалъ на черно; а когда онъ кончилъ, я попросилъ его спѣть и по нѣтому поправилъ свою запись. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиною десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но уди-

вительное умѣнье сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, а тѣмъ просилъ Рябинина повторить прочтое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, боярищѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣдующіе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда разсказывалъ вчерашнія новыя богатыря; а Рябининъ тутъ же припоминалъ былину, или же предлагалъ вмѣсто нея спѣть другую: «Этой я, Н. Н., незнаю, а вотъ свою тебѣ про Вольгу Святославича.» Бывало и такъ, что онъ по долгу отказывался завести чью былину, потому де что всея не помнилъ. Напр., изъ старины о Садкѣ и одного варіанта о Потыкѣ (№ 30, I ч.) онъ зналъ только начало.

По хозяйству, Рябининъ «полномочный крестьянинъ»: у него хорошій участокъ земли; но главный его промыселъ рыболовство, доходами отъ котораго онъ уплачиваетъ подати и кормитъ большую семью, которой на годъ недостало бы своего хлѣба при скудныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей у Рябинина было нѣсколько: иныя былины онъ научился отъ великаго сказителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то Петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ нея, напр., было записано, какъ Добрынюшка покрутъ понравился для князя Владиміра, и какъ этотъ богатырь ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ того же Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ-Ѳедорѣ Ивановѣ и сынѣ Вла-

димiровомъ (*). Ино главный наставникъ Рябинина былъ Илья Елустаѳьевъ, память о которомъ и теперь сохранилась въ Кижской волости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежьѣ и во всей Олонецкой губернiи. Зналъ онъ несчетное множество былинъ и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: «А ну, Илья Елустаѳьевичъ! спой-ко намъ былину.» А онъ на мѣсто отвѣтитъ:—Положи-тко полтину, я и спою былину.—Тутъ кто нибудь изъ богатыхъ выложитъ ему полтину, и станетъ Илья Елустаѳьевичъ сказывать. Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знанiе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Iеву. Отъ этого Iева Ильина нѣсколько былинъ перешли въ наслѣдство внуку Ильи, Терентiю Iевлеву.

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженiе и удивленiе къ своему знанiю былевой поэзiи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣлъ и

(*) Гальякъ наѣхалъ на славенъ Кiевъ градъ, грозилъ пожечь его и вызывалъ къ себѣ поединщика. Богатырей въ Кiевѣ не случилось, и вызвался на бой незнаемый молодецъ. А былъ онъ младшiй сынъ Владимiровъ, отъ отца онъ скрывался почему-то и не показывалъ ему патрета (т. е. не поднималъ забрало у шелома). И говоритъ онъ отцу: «Владимiръ князь стольно-Кiевскiй! избери-ка мнѣ добра коня богатырскаго, дай доспѣхи крѣпкiе, палицу воинскую, копье мурзамецкое и ножище-кинжалище.» Срядился тутъ богатырь къ бою, выѣхалъ во славное раздольице-чисто поле, съѣхался съ Гальякомъ невѣрнымъ, и начали они между собой драку великую. У нихъ палицы приломалися, востры копья притупилися, и бились они боемъ рукопашечнымъ, и упали оба наземъ. Какъ Владимiровъ сынъ былъ посуровѣе, то первый скочилъ на ноги, наступилъ Гальяку на бѣлую грудь и закололъ его ножищемъ. Тутъ онъ прiѣхалъ въ Кiевъ, заходилъ въ палаты княженецкiя къ отцу, своротилъ наконецъ шеломъ и показалъ отцу патретъ.

сказывалъ былины безъ умолку. «Еслибъ ты къ намъ попелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы, мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали.» У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смышленый старикъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, по содержанію помнитъ одну-двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елустаѳьева и иныхъ знаменитыхъ сказителей. Отъ того Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.—Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашеніе Леонтія сказывать передъ пріѣзжимъ и впослѣдствіи, не смотря на мои усиленныя просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я, на разставаньи, подарилъ его большихъ платокъ, то онъ сейчасъ же отдарилъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить какъ пріемъ подарка, такъ и свое отдареньe: «Когда, П. И., пріятели разстаются на долго, то у насъ въ обычаѣ дарить другъ другу на память даровья.» (*)

На третій или четвертый день пріѣзда своего въ Кижи, я съѣздилъ съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскалъ

(*) Слово гордость не исчерпываетъ характера Рябинина, къ ней присоединяется деликатность: такъ что это свойство въ немъ слѣдуетъ назвать уваженіемъ къ самому себѣ и къ другимъ. Для характеристики этого самоуваженія разскажу здѣсь случай изъ его жизни. одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ прежняго времени попросилъ съ него взятку за какое-то дѣло; Рябининъ не далъ И случилось чиновнику этому проѣзжать чрезъ деревню Середку. Какъ онъ завидѣлъ Рябинина, такъ и бросился къ нему съ поднятыми кулаками, Т. Г. спокойно отстранилъ его прочь отъ себя и замѣтилъ ему суровымъ голосомъ; «Ты, Ваше Благородіе, это отставь: я по этимъ дѣламъ никому еще долженъ не оставался.»

XXIII.

Козьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда, въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передалъ ему, какъ много былинъ я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже разсказать мнѣ что нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былину за былиною, началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостнаго писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и трелѣтній сталъ теменъ глазами. Старикъ онъ добраго нрава, изрѣдка только капризничаетъ, какъ малое дитя; лѣта свои онъ немного утаиваетъ и, по разговорамъ его, не прочь даже отъ женидьбы: ему де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябинину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подаяніемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. Участокъ у него нанимаютъ и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть коя-какая сбережоная копѣйка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственныя его руки давали по четыре, по пяти руб. сер.; а онъ, въ слѣдующій пріѣздъ, увѣрялъ меня же, что ему «былъ даденъ въ тѣ поры одинъ только рубликъ.»

Пѣть научился Романовъ отъ рыболова Ѳедора Яковлевича и Ильи Елустаѳьевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе сѣрое, Хотена, Дуная, Упава добра молодца и Добрынюшку. Встарину, по разсказамъ его, соберутся бывало старики и

бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустаѳевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повыучился старинамъ.

Къ Рябинину Козьма Ивановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. «Въ прежнее-то время онъ де зналъ самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинокъ. А поди люди, поди, толкуютъ, Рябининъ молъ сталъ первымъ сказителемъ.» Старикъ совсѣмъ забылъ, что Илья Елустаѳьевичъ пѣлъ не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

Знакомство мое съ Козьмою Романовымъ и Рябининымъ не кончилось этимъ разомъ. Хотя въ слѣдующія поѣздки мнѣ удавалось быть въ Заонежьѣ рѣдко и только проѣздомъ, однако я всегда успѣвалъ видѣться съ старыми моими знакомцами, и не безъ пользы для своего сборника. Такъ въ январѣ 1861 года я записалъ отъ Романова 5 былинъ (№ № 75 I ч., 18, 22, 42, и 54 II ч.). Сверхъ того, оба пѣвца пріѣзжали въ Петрозаводскъ: Рябининъ очень рѣдко для покупки хлѣба, а Романовъ раза два въ годъ и болѣе для получки изъ Думы пособія. Всякой разъ оба они заходили ко мнѣ и всегда почти пѣли свои былины «на послушанье моимъ знакомымъ»; а я между тѣмъ провѣрялъ свою запись, пополнялъ пропуски и окончательно устанавливалъ текстъ пѣтыхъ ими варіантовъ.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнятъ Романовъ и Рябининъ. По крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ свиданій, какъ ни старался я навести пѣвцовъ на слѣдъ какой нибудь еще неизвѣстной мнѣ былины или небывальщины, уже не могъ отъ нихъ добиться ничего новаго. Въ 1862 году Романовъ припомнилъ только, что разъ онъ слышалъ отъ Ильи Елустаѳьевича старину о томъ, какъ дѣвица Кайдаевна (т. е.

Маричка) вынуждала—взять себя за мужъ—Добрынюшку, который загулялъ на ея подворье и заглянулъ въ ея окошечко: «Ежели же не возьмешь за мужъ за себя, спущу тебя въ чисто поле туромъ-золотыя рога.» Припомнилъ онъ еще смутно о борьбѣ Ильи и Идолища. Спрашиваетъ Идолище: «А каковъ у васъ Илейко на святой Руси, по многуль Илейка хлѣба ѣстъ, по многуль пьетъ зелена вина?» Отвѣтъ держитъ калика перехожая:—А ѣстъ хлѣба *во славу Божію*, а пьетъ чару *честную*.—И возрадовалось Идолище поганое: «Нѣтъ сильнаго могучаго богатыря!»

Кромѣ этихъ двухъ сказителей, я видѣлся въ первую же поѣздку съ нѣкоторыми другими и разузналъ про многихъ какъ изъ Заонежья, такъ и изъ иныхъ мѣстностей. Записать былины въ ту пору привелось только отъ четырехъ лицъ: Щеголенкова и его племянницы, отъ одной молодицы и отъ старухи изъ Великогубскаго погоста. Къ первому сказителю, въ дер. Боярщину, меня свезъ Л. Богдановъ. Щеголенковъ, бродячій крестьянскій портной, (*) шилъ въ ту пору платье для Кижанина въ его избѣ и за работой распѣвалъ былевыя пѣсни. Онъ охотно согласился передать мнѣ, что знаетъ, и первый познакомилъ меня съ превосходной былиною: «Каково жить птицамъ на Руси и за моремъ.» Онъ же уговорилъ свою племянницу, такъ называемую «монастырку» изъ Данилова, которая пришла въ гости въ туже избу, спѣть мнѣ о царѣ Саламанѣ, о Васильѣ Буслаевѣ (Иванѣ Гудиновѣ) и о Кощеѣ Тринетовѣ. Изъ Боярщины я поѣхалъ кататься на сѣверъ, между Кижскимъ островомъ и «Горою», (**) и здѣсь Леонтій завезъ

(*) Онъ [illegible] потому что слабъ здоровьемъ для земледѣльческой крестьянской работы.

(**) Материкомъ.

меня къ своему знакомому, «у котораго де невѣстка кое-что малтаетъ.» Мы пристали къ берегу и зашли въ избу. И большакъ-свекоръ и мужъ, его сынъ, предложили, по просьбѣ моего путеводителя, молодой женщинѣ спѣть старину. Пѣвица какъ будто застыдилась и сначала отнѣкивалась отъ пѣнія; но скоро обошлась и, кормя ребенка, разсказала мнѣ о Домнѣ Александровнѣ, Гришкѣ Растрижкѣ и Чурилѣ (№ № 46, 79, 69 I части). Тутъ я въ первый разъ узналъ, что у женщинъ есть свои «*бабьи старины*», которыя поются ими съ особенною любовію, а мужчинами не такъ-то охотно; по крайней мѣрѣ, Никифоръ Прохоровъ изъ Купецкой волости Пудожскаго уѣзда, обозвавъ приключенія Ивана Годинова бабьей стариною, началъ мнѣ сказывать про этого богатыря не иначе, какъ послѣ особеннаго упрашиванья. Къ числу такихъ бабьихъ старинъ принадлежатъ былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ, о Дмитріѣ Васильевичѣ и Домнѣ Александровнѣ, о князѣ Михайлѣ, о Хотенѣ, Иванушкѣ Годиновѣ и Кострюкѣ. Варіантъ о послѣднемъ былъ мнѣ переданъ старухой Великогубскаго погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ постояннымъ моимъ спутникомъ Леонтіемъ, она объявила мнѣ, что знаетъ одну старину и спѣла мнѣ ее, уговорившись напередъ, что получитъ за это пятиалтынный.

Пѣвицы знали по двѣ-по три былины, больше ихъ былъ свѣдущъ Щеголенковъ, но многіе изъ его варіантовъ не представляли ничего интереснаго; потому я ихъ не напечаталъ. Въ туже первую поѣздку я узналъ о хорошихъ пѣвцахъ: Терентіи Іевлевѣ, Андреѣ Сарафановѣ, П. П. Корниловѣ, Прохорѣ съ Волкострова и Ѳедоговѣ. Очень мнѣ было интересно повидаться съ Терентіемъ Іевлевымъ, внукомъ Ильи Елустаѳьева, но на этотъ разъ никакъ не удалось: человѣкъ онъ не очень старый, можетъ быть лѣтъ 50, но угрюмый и своенравный, а незнакомыхъ просто избѣгаетъ. Такая нелюдимость отчасти объясняется тѣмъ, что онъ живетъ гдѣ-то въ Яндомозерѣ или Кос-

мозерѣ въ *заживкахъ*, т. е. въ выселкѣ, устроенномъ имъ самимъ на разпаханной подсѣкѣ. Уже въ сентябрѣ 1861 г. довелось мнѣ записать отъ него въ избѣ Леонтія отрывки былинъ о Вольгѣ (II, 1), Васильѣ Буслаевѣ (II, 32) и начало о Дунаѣ (II, 12); всѣ эти варіанты чрезвычайно любопытны; но изъ Вольги онъ зналъ только нѣсколько стиховъ, Василій Буслаевъ у него какъ-то не ладился, а Дуная онъ не досказалъ, потому де что усталъ, и пообѣщался выучить концу Л. Богданова. Дѣйствительно, я записалъ конецъ этой былины отъ Леонтія, которому Терентій напѣвалъ эту старину въ лодкѣ, на дорогѣ изъ Петрозаводска въ Кижи, и который, вѣроятно, старался въ точности передать слова сосѣда. Но Леонтій—старъ, забывчивъ, не договариваетъ рѣчи, и все это, вмѣстѣ съ личной его манерой, отразилось въ его пересказѣ. Какая разница въ стилѣ и поэзіи между началомъ № 12 до 133 стиха и концемъ! Изъ сравненія этихъ первыхъ 132 стиховъ съ № 13 I части, оказывается, что Кольма Ивановъ Романовъ (*) переялъ Дуная отъ Ильи Елустаѳьева, такъ что намъ сохранилась въ двухъ пересказахъ былина почти въ томъ же видѣ, какъ ее пѣлъ Елустаѳьевъ въ XVIII столѣтіи.

Отъ Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успѣлъ ни разу видѣться съ нимъ, и принужденъ былъ удовольствоваться записью отъ него писаря Лысанова интересныхъ варіантовъ о Чурилѣ и Хотенѣ (III, 25 и 28) и №№ 4 и 215-го III части. О личности этого пѣвца знаю только, что онъ человѣкъ уже немолодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ и живетъ въ деревнѣ Гарницахъ. Петра (**) Иванова Корнилова изъ деревни Курганицъ я узналъ уже въ 1862 году

(*) Варіантъ Рыбникова [№ 31 I части], близкій по содержанію своему съ № 91 III части, вѣроятно, перенятъ Трофимомъ Григорьевичемъ отъ дяди его, Игнатія Андреева.

(**) Петра или Семена, не упомню хорошенько.

Это слѣпой старикъ лѣтъ пятидесяти, живетъ въ своей избѣ съ родными и кормится доходами съ участка, который отдаетъ въ наемъ: участокъ у него очень хорошій и приноситъ ему порядочный доходъ. Пересказы пѣтыхъ имъ былинъ очень интересны; къ сожалѣнію, усталость съ дороги заставила меня замѣниться грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который наобѣщалъ Леонтію списать все, а прислалъ только три отрывка (№ 60, 61 II ч. и прим. къ № 59 III части) и былины о Сокольникѣ и Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 64 и 65 II ч.). Отъ родственника Л. Богданова, Ѳедотова, въ 1863 г. въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, я записалъ все, что зналъ этотъ пѣвецъ, т. е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился онъ былинамъ у какого-то Конона съ Заблыхъ Нивъ. До Прохора съ Волкострова я не могъ добраться до сего дня.

Внѣ Заонежья, на Пудожскомъ берегу, три пѣвца были на первый разъ цѣлью моихъ поисковъ: Бутылка изъ Пудожгорскаго погоста, Гаврила Амосовъ изъ дер. Уной губы Уножскаго погоста и старикъ изъ дер. Марнаволока, про котораго мнѣ разсказывали, будтобы онъ знаетъ былину о попыткѣ Рогнѣды отмстить Владиміру за смерть отца ея (*). Поэтому изъ Заонежья я переплылъ въ лодкѣ Леонтія Богданова черезъ Онего на Пудожское побережье и проѣхалъ водою вдоль послѣдняго до Пудожгорскаго погоста; но не захватилъ ни одного изъ сказителей на мѣстѣ: Марнаволокскій старикъ уже умеръ, Бутылка и Амосовъ были въ отлучкѣ. Хоть поиски мои были и напрасны, за то, во время ихъ, я успѣлъ нѣсколько узнать Пудожское побережье и прійти къ убѣжденію, что населеніе его одного происхожденія съ Заонежанами и, подобно имъ, сохранило въ своей памяти множество преданій и сказаній, и что слѣдовательно здѣсь можно расчитывать на интересныя находки по быле-

(*) Безъ сомнѣнія, чиновникъ, передавшій мнѣ объ этомъ, подъ вліяніемъ школьныхъ воспоминаній думалъ видѣть Рогнѣдину месть въ какой нибудь выходкѣ княгини Апраксіи

вой поэзіи. И дѣйствительно, уже въ Песчанскомъ погостѣ, въ дер. Большомъ дворѣ, мнѣ назвали одного крестьянина, какъ бойкаго пѣвца. Я послалъ было его звать къ себѣ; но посланецъ воротился съ извѣстіемъ, что пѣвецъ боленъ и не можетъ выйти изъ дому. Заподозривъ тутъ какое-то недоразумѣніе, я отправился верхомъ къ дому больнаго и спрашиваю встрѣчнаго мужичка, не тутъ ли живетъ имярекъ; тотъ мнѣ отвѣчаетъ, что имярекъ живетъ здѣсь, но что дома я его не захвачу, потому что молъ онъ отъ утекаетъ въ лѣсъ. Я въ догонку за бѣглецомъ, пересѣкъ ему дорогу, соскочилъ съ лошади и, помирая со смѣху, сталъ распрашивать, по какому это недоразумѣнію вздумалъ онъ бѣжать отъ меня изъ дому въ лѣсъ. Пѣвецъ мой (*) повинился, что боялся касательнаго дѣла; «было у него пожгано лѣсу»; за это его судили, и во мнѣ онъ боялся найти исполнителя надъ собою приговора суда. Разумѣется, при первомъ объясненіи, страхъ крестьянина сейчасъ же разсѣялся; я усѣлся на пень, онъ расположился подлѣ меня и пропѣлъ мнѣ тутъ же былину о Васильѣ Игнатьевичѣ; другіе варіанты, имъ пѣтые, не представляли ничего особенно интереснаго.

Въ Купецкомъ погостѣ, въ дер. Бураковой, я нашелъ хорошаго пѣвца Никифора Прохорова и записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т. е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины, и все время изба была полнехонька народа. Старики слушали молча, молодежь тоже сидѣла смирно и изрѣдка развѣ прерывала разсказъ своими восклицаніями: «Ишь ты, на, поди!» и. т. п. За то слушатели зашевелились и съ напряженнымъ вниманіемъ подвинулись къ разсказчику, когда Соловушковъ, уже признавъ въ Ильѣ отца, скоро натягиваетъ свой тугой лукъ, кладываетъ стрѣлочку каленую и стрѣляетъ во

(*) Имени его я тогда не записалъ, а впослѣдствіи никакъ не могъ припомнить.

Плью скрозь бѣлый шатеръ. Одинъ изъ стариковъ тутъ же счелъ долгомъ разъяснить присутствующимъ «брателкамъ», давно извѣстный всѣмъ имъ фактъ, что Ильѣ де смерть на бою не писана. Никифоръ Прохоровъ вообще пѣлъ хорошо, только путалъ иногда имена и смѣшивалъ роли: Микулу онъ называлъ Вольгою, а Вольгу Микулою; Соловьикова раза два обозвалъ Соловьемъ Будиміровичемъ; но, когда я ему замѣтилъ, что самъ же Соловьиковъ говоритъ про себя, что батюшки не знаетъ, то Прохоровъ просилъ меня вмѣсто Соловья вездѣ прописать Соловьикова.—По занятію, Никифоръ землепашецъ, недавно построилъ избу и попалъ при этомъ подъ слѣдствіе, за то что перерубилъ 39 деревъ.

Были, по слухамъ, и другіе пѣвцы въ обоихъ погостахъ; но имъ было несвободно покинуть домъ въ рабочую пору, мнѣ для свиданья съ ними пришлось бы ѣхать въ сторону верстъ пятнадцать и болѣе, а я принужденъ былъ между тѣмъ спѣшить въ Шалу, а отсюда въ Пудожъ, потому что расшибъ себѣ руку и необходимо было полечить ее въ городѣ. Пробираясь верхомъ по камнямъ и по мосткамъ (*) черезъ болота, я добрался кое-какъ до Шалъ и тутъ пересѣлъ въ лодку. На мое счастье, лодочникъ оказался хорошимъ сказителемъ и спѣлъ мнѣ отличныя былины о двухъ Ливикахъ, о Сухмантіи, о Васильѣ Буслаевѣ и Соловьѣ Будиміровичѣ. По словамъ моего кормчаго, въ Шалахъ были пѣвцы и кромѣ его, и дѣйствительно, въ 1863 г. я получилъ изъ этого прихода 5 пѣсенъ, записанныхъ, по моей просьбѣ, со словъ крестьянина дер. Га-

(*) Мостки—это бревна или лучше сказать колья, набросанныя на грязь: если они положены поперегъ дороги, такъ еще можно кое-какъ по нимъ ѣхать; но, если они постланы вдоль дороги, то нужно быть ѣздокомъ получше меня, сильно полагаться на сноровку лошади, чтобы рискнуть пробираться верхомъ по узенькимъ мостовинамъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга добрымъ полуаршиномъ.

гарской Потапа Трофимова Потахина:—былины эти, по складу и стилю, довольно близки къ записанным мною отъ лодочника, и, вѣроятно, оба пѣвца учились у одного и того же учителя.

Еще въ Петрозаводскѣ тамошніе старожилы разсказывали мнѣ, что въ старое время былевыя пѣсни были въ большомъ ходу и большей чести у всего Пудожскаго городскаго населенія. Лѣтъ 50 тому назадъ, не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣды, чтобы слушать былины. Но въ настоящее время старины уже вышли изъ моды въ г. Пудожѣ, о сказителяхъ почти никто не зналъ, за исключеніемъ г. Буторина, который сообщилъ мнѣ, что въ Сумозерскомъ погостѣ, верстахъ въ 15 отъ города, живетъ хорошій пѣвецъ, Андрей Сорокинъ.—Самому мнѣ, по болѣзни, нельзя было съѣздить въ Сумозерскій погостъ, потому я послалъ звать Сорокина въ Пудожъ. На слѣдующій же день онъ пришелъ ко мнѣ и охотно сталъ пѣть былины. Сорокинъ еще молодой парень, перенялъ свое знаніе отъ отца, содержитъ постоялый дворъ и своимъ умѣньемъ сказывать привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей. Заѣдутъ къ нему проѣзжіе съ вечера и часто всю ночь на пролетъ слушаютъ долгіе разсказы Андрея о разныхъ богатыряхъ. Былины его отличаются особенною полнотою, древностью нѣкоторыхъ выраженій и интересными эпизодами. Несносная боль въ рукѣ позволила мнѣ въ то время записать отъ него только 2 былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ и принудила меня просить г. Шиша найти какого нибудь писца для записки остальнаго. Впрочемъ въ 1861 г., проѣзжая по Пудожскому уѣзду, я провѣрилъ чужую запись, и она оказалась очень вѣрною.—

Отъ Сорокина я развѣдалъ про замѣчательныхъ пѣвцовъ въ Водлозерѣ, на Кенозерѣ и другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда и могъ бы надѣяться отыскать любопытныя вещи; но мнѣ нужно было торопиться для исполненія оффиціальнаго порученія въ Устьмощу, а оттуда въ Каргополь; такимъ образомъ не оставалось времени объѣздить разныя захолустья, какъ бы мнѣ хо-

тѣлось. При томъ, какъ на грѣхъ, рука моя долго не заживала, и это обстоятельство много мѣшало мнѣ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, потому что самъ я могъ записывать съ большимъ трудомъ. Такъ, въ Колодозерѣ я отыскалъ первостепеннаго сказателя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе пересказы о Славѣ, Чурилѣ, Плѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы, а тутъ пришлось записать 5 былинъ, и не кого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ 1863 г. я, черезъ г. Шлиша, получилъ изъ той мѣстности 7 былинъ, но отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской; впрочемъ онѣ, по складу, близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика.

Въ Петрозаводскѣ я полагалъ, что именно въ Каргопольской сторонѣ слѣдуетъ искать пѣвцовъ: по крайней мѣрѣ, крестьяне, пѣвшіе былины г. Верещагину и другимъ собирателямъ въ Архангельской губерніи, сказывались Каргополами; но по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ рѣкѣ Онегѣ и къ Каргопольскому уѣзду, пѣвцы встрѣчались все рѣже и рѣже, о сказителяхъ не было и слуха, а говорили только о каликахъ, которые, *кромѣ стиховъ*, умѣютъ пѣть и былины. Впослѣдствіи я разузналъ, что самые калики съ р. Онеги, которые ходятъ въ Архангельскую губернію, одолжены своимъ былевымъ матеріаломъ Пудожскимъ сказителямъ; впрочемъ при этомъ слѣдуетъ оговорить, что калики съ Краснолѣдскаго погоста и съ Мошинской стороны научились былинамъ у мѣстныхъ учителей.—На Кенѣ я слышалъ про знаменитаго сказителя съ Поромскаго острова, знающаго будто бы болѣе 20 старинъ (*): но, чтобы послушать его,

(*) Когда этотъ томъ уже былъ въ печати, я получилъ 9 превосходныхъ былинъ, записанныхъ отъ этого пѣвца.

пришлось бы вернуться далеко назадъ, а это было для меня невозможно; такимъ образомъ въ этой мѣстности удалось только записать варіяты о Добрынѣ и Марникѣ и о птицахъ отъ крестьянина Михайлы Богданова, простоватаго мужичка изъ Кенозера. Когда я далъ ему нѣсколько денегъ за пѣнье, онъ захотѣлъ получить еще, и для этого принялся припоминать разные обрывки сказокъ, преданій и легендъ, и всячески усиливался сложить изъ нихъ былину, разумѣется, выходила дичь, и я уличалъ его; самъ понимая, что дѣло неладно, Богдановъ съ обиженнымъ видомъ уходилъ отъ меня въ кабакъ и, подкрѣпившись тамъ зеленымъ виномъ, возвращался ко мнѣ съ увѣреніями, что онъ теперь припомнилъ *настоящее* и запѣвалъ прежнюю же нескладицу. На другой день онъ, вѣроятно, зашелъ къ кому нибудь изъ стариковъ-одноцеревенцевъ, и тотъ, по видимому, натвердилъ ему старину о Васильѣ Буслаевѣ; къ вечеру онъ явился ко мнѣ и объяснилъ, что знаетъ хорошую пѣсню; дѣйствительно, завелъ было ее, какъ слѣдуетъ, но стиховъ послѣ 10 сталъ путаться, окончательно сбился и ушелъ домой. Этимъ дѣло еще не кончилось: раза два приходилъ онъ послѣ того ко мнѣ съ прежнею путаницей, такъ что я наконецъ прогналъ его совсѣмъ отъ себя.

До сихъ поръ я самъ предлагалъ деньги (*) за пѣніе, особенно когда отрывалъ крестьянина отъ работы; иные пѣвцы не брали совсѣмъ денегъ, другіе принимали ихъ, какъ подарокъ или какъ вознагражденіе за прогулъ рабочаго времени; но въ Каргопольскомъ уѣздѣ калики стали просить и брать съ меня *плату, заработчее*; на свое пѣніе они смотрѣли, какъ на ремесло.

Пока я ѣхалъ по рѣкѣ Кенѣ, мнѣ все говорили, что вотъ на рѣкѣ Онегѣ много хорошихъ каликъ; пріѣхалъ я на рѣку Оне-

(*) Одна только старуха изъ Великомѣскаго погоста сама запросила пятнадцатый за былину; но и тое, вѣроятно, и сбилъ на это Л. Богдановъ. «Ты де, сватья, спой только ему, а онъ тебѣ за это денегъ надаетъ.»

гу и услыхалъ, что здѣсь, напротивъ, былины заносныя изъ Краснолядскаго погоста, съ рѣкъ Моши и Кены. Пѣвцы всѣ были въ отлучкѣ; наконецъ въ Бережнодубровскомъ погостѣ, въ дер. Кузнецовой, отыскалъ я калику Латышова. У него хоть и былъ свой домишко, однако онъ жилъ въ немъ рѣдко, и съ другими товарищами по ремеслу скитался по ярмаркамъ и торжкамъ, гдѣ за пѣніе духовныхъ стиховъ собиралъ подаяніе. По рѣкѣ Онегѣ живетъ много раскольниковъ, и мірскихъ пѣсенъ они не любятъ, а божественное слушаютъ охотно. Потому Латышову рѣдко приходилось сказывать былины въ Каргопольскомъ уѣздѣ; онъ ихъ пѣлъ только въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ. Старинамъ Латышовъ научился частію на Кенѣ, а болѣе всего отъ столѣтняго калики Гергуши съ Мошинской стороны. Отъ этого послѣдняго напр. онъ перенялъ побывальщину о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и увѣрялъ меня, что самъ-то Гергуша поетъ ее былиною.—

Уѣхавъ изъ Устьмоши, я странствовалъ по рѣкамъ Лешѣ и Вералѣ, по такимъ мѣстамъ, которыя у самихъ жителей зовутся задвенными (*). Кажется тутъ-то бы и слѣдовало ожидать находокъ; а между тѣмъ каликъ я здѣсь не нашелъ, а слышалъ только про двухъ крестьянъ, *знающихъ* былины, да и тѣхъ не случилось дома. Помня о Гергушѣ, я хотѣлъ было прямо изъ

(*) Забвенными, т. е. забытыми: проѣзжіе бываютъ тамъ очень рѣдко, а чиновники по необходимости. Тутъ сохранились еще въ полной свѣжести преданія о Чуди. На Лешѣ самая церковь будто бы складена еще язычниками и прежде была капищемъ; потомъ христіянамъ принадлежала правая сторона, а язычникамъ лѣвая. На Вералѣ цѣла еще часовня, поправленная въ послѣдній разъ въ 7190 г., въ ней хранится Евангеліе письма XIV столѣтія, а можетъ быть и древнѣйшее, но крайней мѣрѣ изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что какая-то Богданова дала Моревскую гривну вклада еще въ 7118 г. Сторона эта не знаетъ никакихъ новыхъ нововведеній и крайне бѣдная, такъ что здѣсь въ ходу пословица: «то не бѣда какъ во ржи лебеда,—то мнѣ бѣда, какъ на ржи, ни лебеды,» между тѣмъ какъ во всей остальной Каргопольщинѣ говорятъ: «то мнѣ бѣда, какъ во ржи лебеда.»

Вералы проѣхать въ Мошинскую сторону, въ Лимской приходъ, волокомъ въ 35 верстъ; но сами крестьяне, привыкшіе къ ужаснымъ мѣстнымъ дорогамъ, стали отговаривать меня отъ этой поѣздки. По ихъ словамъ, тутъ приходилось переѣзжать рѣчку, чрезъ которую не было ни моста, ни переброда, а вода была отъ дождей большая; за рѣчкой начинались красныя янги (*), т. е. топкія обнаженныя грязи, на которыхъ не растетъ даже кустарника; черезъ эти янги кое-гдѣ положены въ незапамятное время продольные мостки, а гдѣ и мостковъ нѣтъ. Изъ проѣзжихъ этимъ путемъ ѣхалъ будто бы только одинъ исправникъ стараго времени; ѣхалъ онъ лѣтомъ въ саняхъ, а въ сани были запряжены мужики. Когда убѣжденія крестьянъ на меня не подѣйствовали, они позвали къ себѣ священника, а тотъ, вмѣсто довода, привелъ съ собой хромоногаго дьячка, который попробывалъ было въ 59 г. проѣхать черезъ янги, да и сломалъ себѣ ногу. Разумѣется, пришлось отказаться отъ поѣздки и воротиться въ Устьмошу ни съ чѣмъ.

На верховьѣ Онеги, послѣ многихъ поисковъ, мнѣ удалось записать только пѣсню о хмѣлѣ отъ старушки, жившей въ услуженіи у богатыхъ крестьянъ Скорухиныхъ. Она тоже увѣрила меня, что былины нынѣ здѣсь рѣдки, а пѣвались въ прежнее время: она часто слыхала ихъ у покойнаго хозяина, который былъ охотникъ до старинныхъ пѣсенъ. Подвигаясь къ Каргополю, на одной станціи въ Полуборскомъ погостѣ (**), я разговорился о любимомъ предметѣ съ проѣзжимъ; онъ оказался цѣловальникомъ съ Кенозера и подтвердилъ мнѣ, что въ ихъ сторонѣ много сказителей. Отъ него я услыхалъ пѣсню о Горѣ, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ. Онъ же отыскалъ мнѣ крестьянина, который спѣлъ варіантъ о Чурилѣ.

(*) На болотахъ-пенусахъ растетъ по крайности, трава, и березнякъ, даже райды покрыты мхомъ и обросли хвойными деревьями.

(**) Въ 1-й части онъ по ошибкѣ названъ Тихвиноборскимъ.

Въ эту поѣздку я больше не записывалъ былинъ, потому что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, принужденъ былъ немедленно вернуться въ Петрозаводскъ. Въ 1861 г., бывши на ревизіи въ Каргополѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ, я упросилъ его послать за калікою въ Краснолядскій погостъ. Явился дряхлый старичекъ, нѣсколько испуганный нежданнымъ приглашеніемъ начальства; но, когда онъ узналъ, зачѣмъ его звали, то успокоился и пропѣлъ мнѣ 9 былинъ, напечатанныхъ впослѣдствіи во II части. Какъ всѣ калики, онъ странствовалъ, пока былъ помоложе, изъ деревни въ деревню и промышлялъ пѣніемъ стиховъ, а теперь живетъ на покоѣ у своихъ родныхъ. Былинамъ онъ научился отъ досюльныхъ каликъ, урожденцевъ тогоже погоста. Нынѣ, по словамъ его, мало кто знаетъ старины, а больше поютъ стихи.—

Изъ пѣвцовъ, пересказы которыхъ напечатаны въ этой части, Гаврилы Амосова изъ Упой губы я лично не знаю, Кореляка Василья Лазарева видѣлъ мелькомъ, и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Бутылкѣ, настоящее имя котораго Абрамъ Евтиѳѣевъ (Евтихіевъ) Чуккоевъ. Долго мнѣ доставались одни чужія записи отъ него былинъ, и лично я познакомился съ нимъ въ Петрозаводскѣ уже въ 1863 г. У него есть хорошій участокъ земли въ дер. Горкахъ Пудожгорскаго погоста и все хозяйственное обзаведеніе, но онъ больше промышляетъ портняжествомъ и, по этому ремеслу, всю почти зиму обходитъ Заонежскія деревни. Пѣть онъ выучился отъ отца своего, который былъ великимъ сказителемъ. Кромѣ Бутылки въ погостѣ есть еще нѣсколько крестьянъ (напр. Петръ Лукинъ), знающихъ былины и перенявшихъ ихъ отъ своихъ стариковъ. Самъ Бутылка, по собственному его признанію, прежде зналъ гораздо больше, а теперь, подъ старость, сталъ многое забывать. Въ Петрозаводскѣ Бутылка пришелъ ко мнѣ, по моему зову и по собственному желанію; пришелъ, зная напередъ, что будетъ пѣть былины, и, такимъ образомъ, не нужно было никакихъ уговоровъ, чтобы понудить его сказывать.—Въ Августѣ мѣсяцѣ 63 г., когда текстъ былинъ, былъ уже переписанъ и приготовленъ

къ печати, Бутылка припомнилъ 2 старины о царствѣ подъ солнышкомъ и о неразсказанномъ снѣ. Я записалъ ихъ, но записывая испытывалъ тоже недоумѣнье, которое было возбуждено во мнѣ побывальщиною о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и которое разъяснилось послѣ статьи И. А. Безсонова, доказавшей, мнѣ что о дворянинѣ этомъ непремѣнно должны были существовать былины. И на этотъ разъ недоумѣніе обусловлено было тѣмъ, что я не зналъ, какъ рѣшить вопросъ: отзвукъ ли это древнихъ до-Владимировыхъ старинъ, у которыхъ складъ разрушился или разрушается въ побывальщину, или же это послѣдняя, можетъ быть, попытка народнаго творчества построить новыя былины изъ сказокъ, въ основаніи которыхъ лежатъ преданія, общія всему индо-европейскому племени. Если оказалось бы послѣднее, то пришлось бы допустить, что періодъ эпическаго творчества только еще заканчивается; если принять первое, то у насъ окажется особый циклъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ не только восходитъ къ доисторическому времени, но и переноситъ прямо къ эпохѣ, когда славянскія племена не были еще отдѣлены отъ другихъ родственныхъ. Я скорѣе готовъ принять послѣднее, чѣмъ первое, потому что имѣлъ случай неоднократно замѣтить напрасныя усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былину, когда они ее забыли. Если возстановить былину трудно, то сложить ее вновь въ пору ослабленія эпическаго настроенія почти невозможно.

—

Напѣвы былинъ довольно однообразны: напр., у Рябинина ихъ собственно два; но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинѣ особый характеръ. Одинъ и тотъже быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Кракова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Наленицѣ». У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напѣва, и все его пѣніе на какихъ нибудь трехъ нотахъ, но ви-

браціи голоса удивительно помогаютъ ему разнообразить напѣвы По видимому ни съ того, ни съ сего, старикъ вдругъ ускоритъ пѣніе и точно расколетъ голосъ, а выйдетъ отлично и совершенно подъ ладъ содержанію. Напр., въ «добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой» начало заводится протяжно:

Жилъ былъ у батюшки, у матушки единый сынъ,
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во любви былъ у батюшки!
Ѣлъ сладко, носилъ красно,
Работалъ легко-о (*).

Еще чувствуешь, бывало, въ ухѣ отголосокъ послѣдняго длиннаго о, какъ Романовъ перехватитъ напѣвъ и какъ-то жалобно скоро станетъ пѣть съ дрожащими переливами:

Похотѣла меня матушка,
Поневолилъ роденъ батюшка
Пожениться удалому дородню добру молодцу;
Поженили отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, во богатоемъ, и т. д.

У Бутылки напѣвъ одинъ для всѣхъ былинъ; напѣвъ Дюка Степановича, слышанный мною въ Каргопольскомъ уѣздѣ (27 II части), очень близко подходилъ къ подблюдному, только на третьемъ отъ конца слогѣ каждаго стиха голосъ возвышался и послѣдующіе слоги соединялись съ слѣдующимъ стихомъ. Вообще теперь я пришелъ къ убѣжденію, что напѣвъ для былинъ почти одинъ и тотъже въ настоящее время; чѣмъ искуснѣе пѣвецъ, тѣмъ больше умѣетъ онъ его разнообразить; усвоить же голосъ какой нибудь старины со всѣми оттѣнками очень трудно, потому что пѣніе ея составляетъ постоянную *импровизацію* на одинъ ладъ.–Еще я замѣтилъ вотъ какой пріемъ: передъ тѣмъ

(*) По выраженію Рябинина, въ Ставрѣ надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше.—

какъ завести былину о Васильѣ Игнатьевичѣ, Песчанскій имярекъ навелъ себя на голосъ такой импродукціей:

Ай тени, тени, тени. спотетени. . .
Изъ подъ бѣлыя березки кудреватенькія и т. д.

Выводя *тени*, онъ словно пробовалъ, какой тонъ лучше подойдетъ къ старинѣ.

Пользуясь присутствіемъ въ Петрозаводскѣ Романова, Рябинина и другихъ пѣвцовъ, много разъ я пробовалъ положить на музыку нѣкоторые напѣвы былинъ, но дѣло какъ-то не ладилось. Брались за это дѣло знакомые, которые, казалось, хорошо знали музыку, а никакъ имъ не удавалось перенять бѣгучіе напѣвы былинъ.

—

При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Это происходитъ отъ разныхъ причинъ Сказители не сразу вспоминаютъ иную былину, а старики иногда многое забываютъ: такъ напр., Козьма Романовъ дряхлѣетъ со дня на день и все меньше и меньше помнитъ стиховъ. Далѣе, сказители знаютъ часто одну и туже былину отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаютъ варіанты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другаго; когда же варіанты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былину по одному варіанту, а другой разъ по другому. Напр., въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былину о Вольгѣ (№ 3 части I) и такъ завелъ ее:

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало, быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варіанту о Вольгѣ.—Наконецъ, у каждаго истиннаго сказителя замѣтно его личное вліяніе на складъ былины: онъ вноситъ въ нее свой характеръ, любимыя слова, поговорки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить пересказы Рябинина, Романова и Ѣевлева. Возьмемъ, напр., былину о Дунаѣ, перенятую обоими послѣдними пѣвцами отъ Ильи Елустаѳьева. Чему иному, какъ не характеру Романова, слѣдуетъ приписать, что онъ упомянулъ или внесъ отъ себя столько ласковыхъ выраженій и особенныхъ подробностей, опущенныхъ Ѣевлевымъ. Почетный пиръ у него *пированьице*, солнышко *красное*, онъ предпочитаетъ форму *«вики долгіе коротати»* (*), припоминаетъ, что объ дочери у короля на *выдаваньи*, что Дунаю поручаютъ свататься *добрымъ словомъ*, что Добрыня Никитичъ для другихъ *любимый товарищъ*, что Дунай для короля *прежняя слуга, слуга вѣрная*. Самые распросы короля принимаютъ у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою.» Даже, когда король сажаетъ Дуная въ погребъ, то въ королевскомъ наказѣ нѣтъ ничего грознаго или злобнаго: «Пусть-ка во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ, можетъ, Дунай *догадается*». Между тѣмъ какъ у Ѣевлева король тутъ же выкапываетъ заманки неумильныя: *«Возьму-то я тебя за желты кудри*, посажу я тебя въ глубокъ погребъ: пусть-ка Дунай въ хоробры погоститъ, тошно Дунаю *объумѣется*». Въ свою очередь Ѣевлевъ, какъ зрячій, припомнилъ подробности, которыя были непонятны для слѣпца отъ рожденія. На пиру «всѣ были за столы посажены, и всѣмъ были кушанья налажены». Послѣ вызова Владиміра, «всѣ за столомъ призамолкнули, всѣ за столомъ пріутихнули, никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ: большій туляется за средняго, середній туляется за меньшаго, а отъ меньшаго и отговору нѣтъ». Когда Дунай выпросилъ у Владиміра товарища, то проситъ еще: «двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ, да и два сѣдельшика недержаныхъ, и двѣ узды объ недержаныя, и двѣ

(*) У Ѣевлева—«долгой вѣкъ коротати.»

плеточки обѣ не хлыстаны». Наконецъ, Дунай разсердился, «здынулъ-то онъ руки выше головы, допустилъ онъ до того стола до дубоваго, питья на столахъ проливаются, альни столъ въ щепья приломается, альни мать-земля да сколыбается» (*).— Если личное вообще вліяніе пѣвца на былину неоспоримо, то, какъ бы ни установился у него пересказъ, какъ бы ни закончились формы, все порою скажется и вліяніе личнаго *настроенія* минуты: иногда пѣвецъ употребитъ одни изъ своихъ обычныхъ выраженій и формъ, иногда другія. Напр., Романовъ сколько разъ пѣлъ у меня одну и туже былину и всякій разъ пѣлъ съ небольшими варіяціями: то кое-чего не доскажетъ, то сократитъ нѣсколько стиховъ въ одинъ, то вставитъ новый стихъ.

—

Послѣ этого объясненія, приведу поправки и дополненія къ напечатаннымъ уже пересказамъ, сдѣланныя у меня на дому Романовымъ, Рябининымъ и Бутылкою.

У Романова: ч. I, № 30, стр. 178, послѣ 22 стиха слѣдуетъ добавить:

Призамолкнули всѣ, окичаются (т. е. хоронятся, отъ корня *хут*).

(*) Приведемъ нѣсколько любимыхъ словъ и оборотовъ другихъ пѣвцовъ. У Рябинина: одинакій и одиный [у Романова—единый], одежица, художество [вмѣсто богачество], пословечно выговаривать [у Романова—изъ словъ], славное раздольице чисто поле, охвочь упиваться въ зелено вино, славный богатырь святорусьскій, силушки чернымъ черно, какъ черна ворона, силушка великая, противность великая, припустилъ онъ коня богатырскаго, къ тымъ рѣчамъ Владиміръ не примется, поотвѣдать силы у поганаго, пріужахнуться, бить не жалухою, загодки отгадывать [вм. задавать загадки]; у Колодозерскаго старика: у тя есть ли охота, горитъ ли душа, зрѣть-смотрѣть, не довлѣетъ ти, завелся у князя почестенъ пиръ; у Никифора Прохорова: не дойдетъ сидѣть, сидѣть-высиживать, отдать-повыдать, охаживать, залога великая [вм. закладъ], обрядиться; у Андрея Сорокина: столованье почестенъ пиръ, золото не мѣдѣетъ, серебро не желѣзѣетъ, вязать крѣпки поводы на бедро свое, птица граючая, халупна дворянская [у Рябинина—холопина], маломошица [у Романова—несомношечко], стадмы стадомъ, рядмы рядомъ.

Тамъ же, послѣ 47 стиха:

Всѣмъ-то купцамъ торговымъ.

Той же части № 78, послѣ 9 ст:

Не съ кѣмъ словечушка замолвити.

Тамъ же, послѣ 10 стиха:

Цвѣтному портишечку-приданому
Висѣть на грядочкѣ и на гвоздикѣ.

У Рябинина: I части № 3, въ ст. 54, *крестьяновати* вм. крестьянствовати.

Послѣ 79 стиха:

А кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ.

Послѣ 83 ст:

« А ко славному городу ко Гурчевцу
« И ко тымъ городамъ за получкою.»

Послѣ 85 ст:

Снялъ онъ хомутики съ кобылушки.

Послѣ 91 ст:

Сколнутъ (*) омѣшики булатніи,
А и не чимъ мнѣ буде крестьяновати.

Послѣ 121 ст:

Говорилъ оратай-оратаюшко:
« Ай же, Вольга Святославовичъ!
« То немудрая дружинушка хоробрая.»

Послѣ стиха 156 изъ № 3, на стр. 22:

Поѣхали къ городамъ за получкою,
Пріѣхали ко рѣчкѣ Смородинкѣ (**);
Подѣланы мосточки поддѣльные,
Сдѣланы подконы великіе,
И поставлены ножи все булатніе.

№ 10.

Стр. 56, ст. 63:

Что ты, собака, на корзнѣ потыкаешься.

(*) Сколотятъ.

(**) Пѣвецъ не могъ припомнить настоящаго имени рѣки и названіе «Смородинки» употребилъ для ритма.

Стр. 55, послѣ 32 ст:

Сидитъ Соловей во сыромъ дубу.

Послѣ 35:

Всѣ травы-муравы уклетаютъ, (*)
Лазуревы цвѣточки отсыхаютъ.

Стр. 58 послѣ 112:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Подъѣхалъ ко гнѣздышку Соловьеву.
Его добрый конь богатырскій
Перескочилъ въ ворота Соловьевыя
И ударилъ головушкой въ задній тынъ.
Тутъ его большна дочь Невѣюшка
Отдернула каточки надъ воротамы,
И спустила желѣзный брусъ въ девяносто пудъ,
И не могла угодить въ буйну голову.
Тутъ Илья соходилъ съ добра коня,
Порастрепалъ гнѣздо Соловьевое,
Пораздернулъ дочерей Соловьевыихъ,
Показнилъ зятевей Соловьевыихъ,
Соловья повезъ въ столенъ Кіевъ градъ.

№ 66, стр. 67, послѣ 33 ст:

Думаемъ думушку крѣпкую:
« Какъ бы намъ сохранить стольно Кіевъ градъ,
« И какъ бы намъ оберечь каменна Москва,
« И какъ бы намъ сохранить святая Русь,
« Чтобъ не ѣздили Татары на святой Руси,
« Не побивалибъ мужичковъ святорусьскіихъ. »

Стр. 68, послѣ 77 стиха:

« Намъ кого послать въ раздольице чисто поле?
« Послать молода Алешеньку Поповича:
« Такъ Алеша силой не силенъ,
« Силой не силенъ, напускомъ смѣлъ;
« Убьетъ его палеичище удалое,
« Не будетъ богатыря на святой Руси.

(*) Поблекнутъ.

« Послать молода Добрынюшку Никитинца:
« Силушка въ Добрынюшкѣ великая,
« И собой Добрыня очень обворотистый,
« Столько Добрыня напускомъ застойливый,
« Застойливый и задумливый (*).

Стр. 69, послѣ 121:

« Хоть на бою мнѣ смерть не писана,
« Переступитъ сила черезъ великъ законъ.»

№ 36, стр. 209:

Послѣ 81 ст. *Рябинин* пѣль такое разнорѣчіе:

Она была злодогадлива,
Помирала скорою смеретушкой,
И сдѣлали ей гробъ дубовыій.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сковалъ три прута мѣдныихъ,
Три мѣдныихъ и три желѣзныихъ.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Зачѣмъ берешь съ собой прутья мѣдныя,
« Прутья мѣдныя, берешь желѣзныя.»
Отвѣтъ держалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— За тымъ беру прутья мѣдныя,
— Прутья мѣдныя и желѣзныя и т. д.—
Черезъ первые суточки
Ко тому гробу ко Михайлину
Прилываетъ змѣя подземельная.
Онъ скорешенько скочилъ на рѣзвы ноги.

Послѣ:

Обвернулась она Марьей Бѣлой Лебедью
И давала заповѣдь великую. . . .
Говорила она таковы слова:
« Ай же, ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Не нарушу я заповѣдь Господнюю,
« Не буду я ходить ко гробу ко дубовому

(*) Застоится, задумается.

« И не буду точить тѣла бѣлаго.»

№ 41, стр. 243, послѣ 80 ст:

« Не посолъ тутъ есть земли Гленскія,
« А Ставрова жена обманщица.»

№ 70, стр. 408, послѣ ст. 23:

Обошла Москву Литва поганая,
Обовладѣла всѣ дворы княженецкіе
И всѣ улицы стрѣлецкія.

Стр. 409, послѣ 52 ст:

Говорилъ Микита таковы слова:
« Поѣзжай-ко, Скопинъ, во чисто поле
« Ко своей силушкѣ великія;
« Со своей силушкой великоей
« Подъѣзжай ко славной каменной Москвы,
« А я выѣду на своемъ добромъ конѣ.
« Повыведемъ поганцевъ съ каменной Москвы,
« Очистимъ дворы княженецкіе
« И всѣ улицы стрѣлецкія.»

У *Бутыки:* I части № 49, ст. 14, вмѣсто: ужъ онъ ронитъ,—ужъ онъ рутитъ (*).

Ст. 16 слѣдуетъ читать:

Подбираютъ это перьице орлиное.

92 ст:

Подвязывай подъ плечко (**) подъ правое.

Послѣ 105 ст:

Хотѣли его птицы съ конемъ склевать.

Вмѣсто 118 стиха:

Самъ пошелъ въ гредню во столовую.

Вм. 233:

Они не спустятъ домой сгонять.

Послѣ 268:

Всѣ терема пошатался.

(*) Одного корня съ рыть, бросать.

(**) Подъ лопатки, какъ разъ противъ стремени.

После 269:

Сами говорятъ таковы слова:
« Есть какой нибудь у насъ во градѣ уродище. »

После 350:

Не спуститъ Чурилы онъ до Кіева.

Между прочимъ Бутылка припомнилъ нѣсколько отрывковъ изъ старины о птицахъ:

На морѣ меньшая птица синица.
На морѣ куликъ цѣловальникъ.
На морѣ сорока кабацкая женка
И всякаго человѣка прельщаетъ. . . . .
На морѣ кошка вдовица,
Побѣдная она горетница:
Въ день по печамъ, а въ ночь по добычамъ,
Крынки молочныя опружаетъ
И яства себѣ наживаетъ. . . .
Куньги-гагары рыбу имаютъ,
Изъ озера въ озеро летаютъ.—

—

Послѣ этого подробнаго разсказа о сказителяхъ, считаю нелишнимъ перейти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ о народной поэзіи.

Въ развитіи народной поэзіи слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ. Бываетъ такая пора въ народной жизни, когда поэтическое настроеніе и поэтическій матеріялъ составляютъ достояніе цѣлаго народа, и всякая живая, воспріимчивая личность, при первомъ возбужденіи извнѣ, выдѣляетъ свое чувство или представленіе въ поэтическій образъ и облекаетъ его сейчасъ же въ поэтическую форму, которая въ ту пору подъ рукою у каждаго. Таково, говорятъ, и теперь еще эпическое настроеніе Сербіи. У насъ на Руси, сколько я ее видѣлъ, подобное на-

строеніе бываетъ только у *женщинъ, лирическое*, и въ *минуты сильнаго горя*. Выраженіе его *заплачки*, въ которыя чувство выливается само собой на свадьбахъ, при похоронахъ, при отдачѣ дѣтей или родныхъ въ рекруты. Въ Петрозаводскомъ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ каждая почти женщина умѣетъ высказать ощущеніе своей скорби, или слагая новую заплачку, или примѣняя къ обстоятельствамъ старую. Въ III части помѣщена заплачка, записанная отъ молодой дѣвушки изъ Пудожскаго уѣзда: умеръ ея двоюродный братъ,—вся семья горько оплакивала его потерю; но скорбь его двоюродной сестры выразилась въ лирической формѣ съ такою силою и свѣжестью, что заплачка эта тотчасъ же получила извѣстность, теперь она уже перенята другими женщинами и поется ими, когда ихъ постигаетъ такое же горе. Въ Повѣнецкой части того же Заонежья, какъ я уже говорилъ выше, заплачки слагаются не всѣми; они образовали уже нѣчто законченное и сохраняются особыми почти оффиціяльными лицами, плакальщицами или воленицами.—

Второй моментъ развитія народной поэзіи представляетъ у насъ пѣсня. Она захватываетъ болѣе или менѣе весь кругъ ощущеній, свойственныхъ и дорогихъ русскому человѣку. Оттого почти въ каждой личности изъ народа хранится такой запасъ этихъ пѣснопѣній, что посредствомъ ихъ крестьяне могутъ отозваться на каждое событіе въ жизни, на каждое движеніе въ сердцѣ. Но народнаго творчества тутъ уже нѣтъ, пора его прошла. Безконечный запасъ пѣсенъ большею частію своею принадлежитъ прошедшему и потому только доступенъ каждому крестьянину, что прошедшее это въ главныхъ чертахъ сходно съ настоящимъ. Если замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ пѣсняхъ вслѣдствіе условій мѣстности и времени, то новыхъ пѣсенъ уже не слагается; я покрайней мѣрѣ не знаю такихъ. Слыхивалъ я *новомодныя* пѣсни; но они лишены были всякаго художественнаго достоинства и отзывались харчевнею, кабакомъ и передней, или же составляли явное подражаніе произведеніямъ личнаго творчества.

Переходя къ нашимъ былинамъ, припомнимъ исторію развитія былевой поэзіи у другихъ народовъ индо-европейскаго племени. Вообще образованіе первоначальнаго эпоса происходитъ еще въ то время, когда письмена не изобрѣтены или не въ большомъ употребленіи, когда человѣкъ, желая сохранить прошедшее въ памяти, прибѣгаетъ къ размѣру и напѣву, и когда въ стихотворную форму облекаются не одни преданія и историческія воспоминанія, но и законы, пророчества, предзнаменованія (1). Сначала подвиги героевъ и событія національной жизни передаются потомству въ коротенькихъ, отдѣльныхъ героическихъ пѣсняхъ. Эти пѣсни мало по малу группируются около любимыхъ народныхъ героевъ и образуютъ цѣлые циклы разнаго времени и происхожденія; циклы въ свою очередь, подъ вліяніемъ какого либо господствующаго миѳа или преобладающей [illegible] идеи, сближаются между собою и при участіи личнаго творчества сплочиваются въ эпопею.—За тѣмъ народныя былевыя пѣсни мало по малу теряютъ свой поэтическій характеръ, частію уступаютъ мѣсто поэмамъ, рыцарскимъ романсамъ, частію переходятъ въ сказки и лирическія пѣсни. На украинахъ цивилизаціи, въ захолустьяхъ, онѣ держатся дольше и, по слухамъ, напр., пѣсни о Сигурдѣ, Брунгильдѣ

---

(1) Въ Индіи первобытныя пѣсни, лучшія изъ которыхъ сохранились въ Ригведѣ, возникали еще во время [illegible] Арьевъ въ области [illegible] рѣкъ. По мнѣнію Дункера, [illegible] въ періодъ 800-1000 лѣтъ до Р. Х.; въ [illegible] Демодокъ [illegible] Троянской войнѣ подъ аккомпанементъ [illegible]. Аммiанъ Марцеллинъ (XV. 9) приписываетъ въ Галліи начато цивилизаціи, наравнѣ съ [illegible], бардамъ, которые подъ звуки лиры воспѣвали [illegible]. У Германцевъ, по свидѣтельству Тацита, были древнія пѣсни, которыя замѣняли имъ исторію и лѣтописи. Такъ Готскія пѣсни, судя по словамъ Іорнанда (IV. V. IV), восходили отъ событій V в. до событій [illegible], какъ Гунны попали въ плѣнъ въ Британію [illegible] въ неволи [illegible] лошади, въ другихъ [illegible] Эттемары, Галлы, Фридигерна, Видигойя и иныхъ. [illegible]. Единственный образецъ [illegible] о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ. О [illegible] Германцевъ и Франковъ, послѣ принятія ими христіанства, свидѣтельствуютъ [illegible] Павломъ Діакономъ, о Роландѣ [illegible] Турпина. [illegible] пѣсни о побѣдѣ Клотара II надъ Саксами.

и Гетии сохранились на Фероерских островах даже до нашего времени.—

Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія, былинах, и не успѣла перейти въ эпопею. За то многія былины, смотря по тожеству изображаемого ими быта и міросозерцанія, сами собою сгруппировались въ циклы: старшихъ богатырей, Владимірень, Новгородскій, Московскій и Казацкій. Если взять всѣ варіанты послѣднихъ четырехъ цикловъ вмѣстѣ и отдѣлить позднѣйшія вставки, то получится несомнѣнно древняя основа, которая современна или близка по времени воспѣваемымъ былинами событіямъ (2). Нѣкоторые варіанты такъ мало пострадали отъ времени, что пересказы, записанные въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ существенномъ не отличаются отъ тѣхъ, которые поются современными намъ пѣвцами (3). Но такъ какъ былины сохранились въ памяти народа исключительно посредствомъ устнаго пересказа, то, естественно, иныя въ формѣ своей и мелочахъ, другія въ самомъ содержаніи подвергались въ теченіе вѣковъ постояннымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти разнаго рода. На одни изъ нихъ можно смотрѣть какъ на естественное развитіе былины. Такъ многія старины дошли до насъ и въ первоначальномъ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ предметы отдѣльныхъ пѣсенъ стали эпизодами (4). Нѣкоторые варіанты о Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и обнимаютъ почти всѣ подвиги воспѣтыхъ ими богатырей. Другаго рода измѣненія составляютъ анахронизмы, которые неизбѣжно вкрадываются во всякое устное преданіе. Сюда относятся древнія и позднѣйшія вставки въ

---

2. Таково мнѣніе и г. Майкова относительно происхожденія былинъ Владимірова цикла.

3. Сказаніе о семи богатыряхъ, напечатанное въ «Памятникахъ Русской Литературы» съ рукописи, если даже оставить въ сторонѣ признаки книжной передѣлки, имѣетъ гораздо больше сходствъ вліянія Московскаго періода, чѣмъ былины о Ильѣ и Поляницѣ, содержаніе которыхъ почти одинаково со сказаніемъ.

4 Бой Ильи съ Поляницею взятъ какъ эпизодъ въ нѣкоторые варіанты о Дюкѣ, женитьба князя Владиміра въ варіанты о Дунаѣ.

текстъ новыхъ обычаевъ, учрежденій, названій оружій, чиновъ и проч.—Сюда же принадлежитъ пріуроченье къ времени Владиміра такихъ событій, которыя случились до него и гораздо позже него (5), и вообще замѣна богатырей старшаго поколѣнія младшимъ (6). Третьяго рода измѣненіе состоитъ въ томъ, что подвиги богатыря стушевываются и обобщаются до того, что былина дѣлается безъименною, а образъ богатыря общимъ типомъ. Еще шагъ, и старина теряетъ напѣвъ и разрушается. Такое разрушеніе иногда замѣняется переходомъ въ побывальщину, сказку или лирическую пѣсню (7).

И такъ, наше поколѣніе застало былевую поэзію вполнѣ сложившеюся.—Послѣ Московскаго періода появляются вновь однѣ историческія пѣсни, былины же не слагаются (8) вновь, а только сохраняются въ народѣ посредствомъ устнаго переска-

---

5. Такъ Владиміръ и его богатыри являются дѣйствующими лицами въ татарскомъ нашествіи, и, на оборотъ, къ его времени примѣнены порядки Московскаго царства. Эти анахронизмы, а также пріуроченье къ циклу Владимірову старшихъ богатырей Самсона, Сухмантія, Вольги, могли произойти еще въ тотъ періодъ, когда иныя былины слагались.

6. Такъ Ермакъ, въ старинѣ о царѣ Калинѣ, просто подставленъ вмѣсто Ильи, который тутъ занимаетъ мѣсто или Самсона, или Святогора, и прежде самъ исполнялъ роль младшаго богатыря, Добрыня [въ варіантѣ № 14 III части] въ извѣстномъ роковомъ боѣ между отцемъ и сыномъ тоже подставленъ вм. Ильи, Касьянъ или Ѳома Ивановичъ, въ сорока каликахъ съ каликою, вм. Потыка.—

7. Таковы побывальщины о Святогорѣ, Ильѣ и Юнкѣ Степановичѣ въ I части, о Саламанѣ, и дворянинѣ безчастномъ молодцѣ во II, сказки о Микулѣ, Иванѣ русскомъ молодцѣ и проч., пѣсни о Ванюшѣ Ключникѣ [I часть и Сборн. Кир.]; о убійствѣ жены княземъ [№ 64 III части и Сборн. Кир.], о горѣ [I часть], о гульбѣ молодца за рѣками Невагою и Перебрагою [III часть].

8. Слагаются послѣ этого однѣ историческія пѣсни, и тѣ въ пріемахъ, языкѣ, цѣлыхъ частяхъ своихъ, представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ или даже явную передѣлку ихъ, напр., пѣсня о графѣ Чернышевѣ [въ I части] просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.

за (9). Въ сохраненіи народнаго эпоса сначала принимаютъ участіе и городскіе обыватели (10), но съ нынѣшняго столѣтія былевая поэзія передается отъ поколѣнія къ поколѣнію исключительно памятью сельскаго населенія и притомъ не по цѣлой Руси, а преимущественно на *украинахъ*, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской.—

Въ Олонецкомъ краѣ былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго (11). Въ послѣднихъ двухъ онѣ извѣстны немногимъ, а потому явно забываются и переходятъ въ побывальщины (12). Но въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народомъ.—Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленаго пожилаго человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и, хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ,—однако, при случаѣ, вдругъ припомнитъ какую ни-

---

9. Эту законченность народнаго былеваго творчества понимаютъ сами хранители ея, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется изъ слѣдующаго полувопроса-полуотвѣта Рябинина: «Скажи мнѣ, П. И., говорилъ онъ, отчего о прежнихъ князьяхъ поютъ на былинахъ, и слава имъ вѣкъ не минуетъ? Какой малецъ мой Ванюха [сынъ Р.], а въѣдетъ въ околицу, запоетъ про ратая, по деревнѣ стонъ стоитъ. А о нынѣшнихъ царяхъ поютъ на пѣсняхъ?»—

10. Я говорилъ выше, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія городское населеніе города Пудожа очень любило старины и слушало ихъ на вечеринкахъ.—

11. Прежде я полагалъ, что Корелы совсѣмъ не знаютъ былинъ; но послѣ убѣдился, что они, растерявъ и позабывъ свою лирическія и эпическія пѣсни, переняли отъ русскихъ первыя и отчасти послѣднія. Въ настоящее время я лично знаю Корелака и Корелку, которымъ извѣстны старины: Василья Лазарева изъ дер. Кименицъ Повѣнецкаго уѣзда и Дмитріеву изъ дер. Притокъ Петрозаводскаго уѣзда. Кромѣ того я слышалъ объ одномъ старикѣ Корелкѣ, изъ Святозера, который будто бы помнитъ много былинъ.

12. См. № 31, части I.

будь былевую пѣсню (13). Главные хранители былинъ здѣсь *сказители* (14), а въ Каргопольской сторонѣ *калики*. Сказители поютъ по охотѣ, изъ любви къ искусству, а калики по ремеслу. Первые научились своему знанію отъ знаменитыхъ «досюльныхъ» сказителей: Ильи Елустаѳьева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳедора Яковлева и другихъ стариковъ, вторые отъ такихъ же стариковъ и каликъ. Сказитель обыкновенно зажиточный крестьянинъ, земледѣлецъ, рыболовъ, содержатель почтоваго двора. Какъ-бы переходъ къ каликамъ составляютъ перехожіе пѣвцы, большею частію портные, но и тѣ имѣютъ осѣдлость и не нуждаются въ деньгахъ, между тѣмъ какъ калики живутъ милостынею. Научившись былинамъ отъ предковъ, пѣвцы въ свою очередь передаютъ знаніе свое дѣтямъ. Такъ Андрей Сорокинъ еще молодой парень, а сказываетъ превосходно и выучился этому отъ отца. Сыновья Рябинина, въ особенности младшій Иванъ, тоже многое перепяли отъ Т. Г.. Но у большинства сказителей врядъ ли найдутся наслѣдники, и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія.

—

13. Такъ мнѣ иногда приходилось записывать варіанты отъ такихъ крестьянъ, отъ которыхъ трудно было и ожидать этого.—Слѣдъ я въ 61 году въ избѣ у Л. Богданова и записывалъ слова Кузьмы Ромалова. Одинъ изъ родственниковъ Леонтія слушалъ-слушалъ славнаго пѣвца, и вдругъ замѣтилъ мнѣ, что и онъ вспомнилъ былину о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой [№ 30 II части], и, дѣйствительно, прекрасно пропѣлъ ее мнѣ. Сталъ я его спрашивать: «Гдѣ онъ ей научился?»—У стариковъ, говоритъ—«Помнишь ли еще какую нибудь?»—Нѣтъ, больше не помню.—Другой разъ, въ 1863 году, давно знакомый мнѣ крестьянинъ Андрей Ивановъ нежданно-негаданно припомнилъ превосходную старину о Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

14. Мы видѣли выше, что отъ себя лично они вносятъ только извѣстные обороты и любимыя слова и тѣ еще измѣненія, которыя происходятъ отъ ихъ забывчивости, остальныя же перемѣны въ варіантахъ слѣдуетъ приписать прежнему естественному развитію былевой поэзіи и духу времени.—

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКѢ (*).

А.

Ажно, союзъ. *Анъ, а между тѣмъ.* Я думала, комарики покусываютъ, ажно русскіе богатыри поцалкиваютъ. III, 15, 283. Считали нѣтъ жива Ильи Муромца, ажно живъ Илья Муромецъ. III, 35, 114.

Аки, нар. *Какъ.* III, 29, 109.

Альни, альни, союзъ. *Тоже что* **ажно.** Альни столъ въ щепья приломается, альни-мать земля да сколыбается. II, 12, 131.

Аще, нар. *Еще:* 1) *Еслибъ.* Аще въ небеси было бы кольцо. III, 1, 60. 2) *Вотъ еще.* Аще ты, Издолина поганая! тянешься ты, потягаешься, а на жильяхъ ты не оторвешься. III, 9, 128. 3) *Вотъ.* Аще станутъ тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться; это есть не храбрые воины. III, 28, 123 и 134.

Б.

Багречовый, багрецовый, пр. *Краснаго пурпурнаго цвѣта.* Сверху стланы сукна багречовыя. III, 29, 286.

(*) Для былинъ римская цифра означаетъ часть сборника, вторая цифра—нумеръ былины, третья—нумеръ стиха. Въ третьей части для заплачекъ и пѣсенъ *З С.* означаетъ заплачки свадебныя, *З. П.*—заплачки похоронныя, *Б*—бесѣдныя пѣсни, *П Ч.*—пѣсни Черниговскія, арабская цифра передъ двумя другими—третій отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ, **заон.**—Заонежское нарѣчіе, **пуд.**—Пудожское, **каргоп.**—Каргопольское.

Бажоный, пр. **нуд.** *Любимый.* Бажоные дѣтушки. Бажоный городокъ. Одна женочка бажона. III, 5, 13. III, 59, 53.

Базыга, с. *Хрычъ.* Ай же ты, старая базыга новодревлая. I, 12, 200.

Байна, баенка, с. ж. *Баня.*

Баса, с. ж. *Краса.* Не ради красы-басы. II, 63, 33.

Басонщикъ, с. м. I, 85, 101.

Безбратній, пр. *Неимѣющій брата.* А сестра есть не безбратняя. 3, 28, 101.

Безремяньице, с. с. *Невзгода.*

« Когда надо мною будетъ безвремяньице,
« Поспѣшайте-тко, братьица, ко мнѣ на выруку.

I. 12, 93, 94.

Безвѣчить, гл. д. *Изувѣчить.* Старуха обезвѣчили. III, 24, 77.

Безвѣчье, с. ср. *Увѣчье.* Далъ ему безвѣчье вѣковѣчное. III, 18, 210.

Бездорожица, с. ж. *Мѣсто, гдѣ нѣтъ дороги.* Пошли они по чисту полю не дорогою, бездорожицею. II, 18, 173.

Бездорожье, бездорожьице, с. ср. *Время, когда нѣтъ прохода и проѣзда по дорогамъ.* Осенью бездорожьице. 3, С. 32, 94.

Безобсылочно, нар. *Не посылая о себѣ предувѣдомленія.* На дворъ заѣхалъ безобсылочно. I, 25, 138.

Безотній, пр. *Не имѣющій отца.* Хоть я есть дочи безотняя. 3, 28, 100.

Безполье, безпольице, с. ср. *Время, когда нѣтъ прохода по полямъ.* Весною безпольице. 3. С. 32, 95.

Безпосульный, пр. *Неподкупный.* I, 79, 23.

Безумица, с. об. *Безумный.* Али безумица тебя обезчестила. III, 8, 49.

Безхозяйскій, п. *Гдѣ нѣтъ хозяина.* Домы безхозяйские. 3. П. 2, 19.

Бережій, пр. *Жеребый.* Бережи кобылы ожеребились, II, 63, 741.

Березина, с. ж. *Палка, прутъ березовые.* Б. В. 20.

Блеста, с. ж. *Кольцо, вдѣланное въ металлическую доску и прибитое къ воротамъ.* Бьетъ Бермята въ блесту позолоченную. I, 46, 227.

Богадѣльный, пр. *Эпитетъ тюрьмы.* III. 52, 98.

Богатина, с. ж. **карг.** *Богачъ.* Какая это наѣхала богатая богатина. III, 33, 83.

Богачество, с. ср. *Богатство.* III, 11, 11.

Бодра, с. ж. *Бедро.* Подхватила-то его на косу бодру. I, 12, 167.

Большина, с ж. 1) *Управленіе дѣломъ.* Воля ваша, а большина наша. III, 59, 151. 2) *Управленіе, должность.* Снялъ Чурила съ этой большины, поставилъ на большину на иную. III, 24, 260.

Больше-уголъ, с. м *Главный въ избѣ уголъ, гдѣ стоятъ образа.* Сажаютъ молодца въ больше-уголъ. I, 18, 58.

Борчикъ, с. м. *умень онъ борецъ,* III, 44, 66.

Браный, пр. *Узорчатый, вышивной,* напр. браная скатерть, браный пологъ, браный гость *(вѣроятно, не простой, а разодѣтый).* III, 21, 5.

Брателко, с. м **карг.** и **пуд.** *Братъ.* III, 27, 116.

Бродомъ брести, гл. ср. Мелкіе-то ручейки бродомъ брела. III, 38, 23.

Бродучій, пр. *Эпитетъ ступы.* Дюкъ ѣдетъ сзади ступою бродучею. II, 28, 473.

Бродъ, с м. *Слѣдъ, тропа,* Наѣхалъ онъ на бродъ лошадиный, II, 15, 243.

Бручатый, пр *Брусочный, песчаниковый.* Лежалъ бручатый бѣлый камешекъ. III, 12, 82.

Брюдга, с. м. *Провожатая жениха.* З. С. 24, 12.

Бухканье, с. ср *Буканье, хлопанье.* Охканья не слышно, бухканье. III, 16. Примѣч.

Бы, союзъ. *Будто.* Молодцы бы на конях бы свѣчи де горятъ. III, 24, 71.

Бываетъ, въ видѣ нар. *Можетъ быть.* III, 35, 64.

Бывъ, союзъ. *Будто.* Бывъ какъ трава растетъ. I, 86, 148. Бывъ налетала птица малая пташица. I, 1, 125.

Быдь, вм. *Будь.* Хоть кто хошь быдь. II, 8, 31.

Бѣлица или **былица,** с ж (отъ билье, быліе,-растеніе, коренье). *Волшебница.* По три дни онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ, не могъ билицъ онъ докликатися. III, 15, 103. И сказали ему бѣлицы-волшебницы. III, 58, 84.

Бѣломшаный, пр. *Оконопаченный бѣлымъ мохомъ, эпитетъ стѣнъ избы.* З С. 13, 11.

Бѣлота, с. ж. *Бѣлизна.* З. С. 19, 9.

Бѣлояровый, пр. *Эпитетъ пшены.* Напр. III, 11, 71.

В.

Ва, приставка къ частицѣ **ка** для ея усиленія. Поминай меня Добрынюшку убитаго, а тебѣ-ка-ва воля вольная. I, 25, 49.

Вальявочный, пр. *Вальящетый, рѣзной.* Не разстегивалъ пуговку вальявочну. I, 13, 161.

Вальянъ, вальянокъ, с. м. *Рѣзная, чеканная работа.* Пуговицы были вальячные, вальянк-отъ литы красна золота. III, 24, 133.

Варенина, с. ж. *Варево, вареное пойло для скота.* Кобыла по лохани ѣла варенины. II, 30, 245.

Вдвоемъ, нар. *Вдвое.* Сколько ни рубятъ, а вдвоемъ, втроемъ коньми топчутъ. III, 21, 118.

Вдовить, гл. д. *Лишать жену мужа.* Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ. I, 25, 14.

Великоденный, пр. *Христосскій, свѣтло-воскресный.* Въ субботу великоденную. III, 29, 54.

Вереснуть, гл. ср. *Лопнуть съ трескомъ, какъ масло трещитъ на огнѣ.* Кожа у него вереснула. II, 35, 89.

Верехъ, с. м. *Верхъ.* На верехъ кладалъ сѣдло черкасское. II, 7, 34.

Верно-уголъ, дверно-уголъ, с. м. *Уголъ на право отъ дверей.* I. 55, 142.

Верховище, с. ср. *Маковка.* Кудерки колечками свивались вкругъ верховища. II, 7, 275.

Верчатый, пр. *См. Браный* Скатерти верчатыя. II, 29, 27.

Вершокъ, с. м. *Уменьшит. отъ верхъ.* III, 31, 220.

Ветлюкъ, с. м. *Родъ кулика.* II. 59, 59.

Ветлянная нешутшука, с. ж. **зоон.** *Невѣстка, братнина жена.* З. С. 12, 11.

Взимать, гл. д. *Брать.* Не взимайте шалыгъ подорожнихъ. I, 9, 138.

Видалый, пр. *Видѣвшій.* Мудрости мало видалыій. З. С. 45, 52.

Виженъ, пр. *Виденъ.* Татаринъ въ глаза виженъ былъ. II, 37, 42.

Виловатый, пр. *Искривленный.* Береза виловатая. З. С. 39, 9.

Витье, с. ср. *Вѣтье, вѣтка.* З. П. 9, 5.

Вмѣсто, нар. *Вмѣсть.* Толпетъ лбами вмѣсто, и души нѣтъ. I, 42, 156.

Водоплавный. пр. *Эпитетъ сѣрой утушки.* З. С. 35, 25.

Водверье, с. ср. *См. Ободверина.* Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ. I, 38, 122.

Возгакати, гл. ср. *Закричать полебединому, кыркать.* Бѣлой лебеди возгакати. З. С. 11, 23.

Воивать, гл. ср. *Многокр. форма отъ воевать.* По вою ты не воивалъ. II, 3, 36.

Вой, с. м. *Война.* По вою ты не воивалъ, II, 3, 36.

Волжанка, с. ж. *Клюка изъ дерева изволи.* III, 7, 42.

Волоча, с. ж. *Человѣкъ который волочится, шатается безъ дѣла.* Волоча-голь кабацкая. I, 47, 308.

Волочитися, гл. об. *Переходить съ мѣста на мѣсто.* Было бы чего калѣкѣ ѣсть да пить, да чего калѣкѣ волочитися. III, 7, 63.—Отсюда **Волокитный,** *Бывалый,* гр. полутропос. Только шелъ-прошелъ калика, прохожая, волокитная. III, 9, 8.

Вольгота, с. ж. *Свобода, вольный шагъ.* Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою. III, 1, 10.

Вонный, пр. *Отъ корня вонъ, внѣшній.* Пролетѣлъ на вонную сторону съ простѣночкомъ. I, 15, 80.

Воронечка, (отъ воронецъ), с. ж. *Доска, привѣшенная на веревкахъ поперегъ избы.* III, 9, 37.

Воронинъ, пр. (отъ воронъ) Воронино взвѣщеваніе. I, 33, 112.

Воронке, с ср. *Конь вороной масти.* III, 34, 131.

Воротовый, пр. *Находящійся на воротѣ у рубашки.* Запонка воротовая. З. С. 45, 14.

Воспринемный, пр *Воспріемный.* З, С. 13, 96.

Воспроговорить, гл. ср. *Выговорить.* Воспроговоритъ Вольга таковы слова. I, 2, 15.

Воспокуриться, гл. об. *Подняться, въ переносномъ смыслѣ ударить въ голову* Вино-пиво теперь воспокурилось. II, 32, 133.

Восточный, пр. *Эпитетъ хрусталя.* Хрусталя чара восточнаго. III, 21, 59.

Воходить, гл. ср. *Входить.* Воходитъ въ мѣхъ пудовъ по сороку. II, 1, 6.

Впотай, нар. *Тайно.* Смерть впотаї взяла душу со бѣлыхъ грудей. З. П. 2, 8.

Врѣтать, срѣтать, гл ср. *Встрѣчать.* Напр. III, 11, 67.

Втерать, гл. д. *Вставить.* Вмѣсто оцей было втерано .... по яхонту. III, 33, 24.

Втроемъ, нар *Втрое.* III, 21, 118.

Втопить, гл д. *Утопить, уставить.* Ясны очушки втопилъ во сыру землю. 1, 85, 122. **заон.**

Вточь, нар. *Прямо.* З. С. 31, 14.

Въ упалу, въ вид. нар. Въ упалу пріѣхала, а не въ упалу уѣхала. III, 44, 245.

Выгалкнуть, гл д. *Выбѣгать.* II, 34, 206.

Выжлецъ, см *Ловчій песъ.* Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ. III, 14, 44.

Выигрышъ, с. м. *Содержаніе пѣсни* Играетъ-то въ Царградѣ, а на выигрышъ беретъ онъ во Кіевѣ, онъ отъ стараго всѣхъ до малаго. I, 25, 237,

Вымолотить слово, гл. д. Позволь-ка мнѣ словцо выговорить, словцо вымолотить. **Ш. Ч** 8, 16.

Вырука, с. ж. *Выручка.* Поспѣшайте-тко, братьица, ко мнѣ на выруку. I, 12, 94.

Вырутить, гл. д (отъ корня рыть, бросать). *Выбросить.* Добра молодца со добра коня не вырутилъ. I, 24, 19. III, 15, 19.

Выславиться, гл возвр. *Разсказать или пропѣть о своихъ подвигахъ.—Выславляться было въ обычаѣ передъ боемъ.* Пріѣхало девять братцевъ, въ полѣ поединщиковъ; Аще ѣздятъ тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться. III, 28, 134.

Выстать, гл. ср. *Встать.* Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна. I, 8, 75.

Выструя, с ж. *Струя.* И за выструю плови, и за другую плови. II, 6, 77.

Выступка, с. ж. *Поступка.* Выступкою щапить, *щеголять поступью, осанкою,* II, 7, 16.

Выть, с. ж. 1) *Количество пѣды заразъ.* Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ. III, 9, 109. По многу ли онъ выти-хлѣба ѣстъ? I, 17, 114 2) *Ѣда.* Ахъ ты, волчья выть. III, 5, 124.

Вышка, с. ж. *Чердакъ.* III, 17, 34.

Вьюноша, вьюнчикъ, с. м. *Юноша.* II, 49, 117.

Вѣковѣчный, пр. *Начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка. Въ послѣднемъ смыслѣ:* Добыла увѣчье вѣковѣчное. III, 5, 101.

Вѣнчальный, пр. *Эпитетъ мужа.* III, 38, 9.

Вѣсто, пр. *Вѣдомо.* Чтобы міру было вѣсто. III, 59, 23.

Вѣтрянка, с. ж. *Жердь.* Найди-тко вѣтрянку маненьку. II, 33, 126.

Г.

Гайнонще, с. ср. *Хайлище, пасть.* Захвати змѣю за гайнонище. II, 15, 135.

Герликъ, с. м. *Ерлыкъ.* I. 49, 251.

Гибаться, гл. стр. *Гнуться.* Переклады гиблются. III, 44, 123.

Глуздить, гл. ср. *Скользить.* Башмачки глуздятъ. З. С. 27, 6.

Глуздырь, с. м. *Отъ корня глуздить, скользить. Птенецъ, еще не въ силахъ летать.* Ты смолода, глуздырь, не попархивай III, 22, 107.

Говорящій, пр. *Эпитетъ орла.* Орелъ, птица говорящая. З. С. 32, 17.

Голубъ-скурлатъ, *См. Скурлатъ.* III, 24, 68.

Гольный, пр. *Голый.* Гольныя щилья. I, 54, 3.

Гомотить, гл. ср. *Шумно говорить, шумѣть.* Тутъ въ углу говорятъ, въ другомъ гомотятъ. II, 31, 257.

Горетница, с. ж. *Горькая.* Побѣдная она горетница. III, Д.

Горынь-змія, с. ж. *Змѣя горынчатая.* III, 29, 123.

Горюнъ, с. м. *Горькій бѣднякъ* См. III, 12, 55.

Горюша, горюшица, с. ж. *Несчастная.* Горюшица молода жена. 3, 63, 30. **пуд.**

Горючій, пр. *Эпитетъ камня.* На розстани-то бѣлъ горючь камень. I, 11, 3.

Гостебищо,, с. ср. *Пирушка, гости.* Принимай ты гостей въ гостебищо. 3, 21, 90.

Гостибищо, с. ср. *Пирушка.* Доложусь я во любимое гостибищо. З. С. 6, 2.

Гостьбице, с. ср. *См.* **Гостебищо.**

Гремъ, с. м *Громъ.* Въ томъ терему стукъ да гремъ. I, 54, 203.

Гридня, гредня, гривня, с. ж. *Столовая комната.* Приходитъ изъ гридни изъ столовыя. I, 6, 40.

Грудью пойти, *Поскакать.* У оратая кобыла-то грудью пошла. I, 3, 131.

Грядка, с. ж. *Шестъ или жердь на веревочкахъ для перевѣшиванія чрезъ нее платья* А цвѣтну платьицу (висѣть) на грядочкѣ и на гвоздикѣ. I, 78, 11.

Гряновитый, пр. *Эпитетъ луговъ.* Луга гряновитые. III, 3, 96.

Гряночка, с. ж. *Грань.* На три гряночки стрѣлы были строганы. II, 29, 16.

Грянцатый, пр. *Четырехгранный.* Противъ сердца былъ гвоздь грянцатый. II, 15, 375.

Гуля, с. ж. *Гулянье.* По гулямъ гулялъ двѣнадцать лѣтъ. I. 29, 40.

Гуня, с. ж. *Верхнее платье.* Гуня на калѣкѣ сорочинская. III, 10, 4.

Гуркать, гл. ср. *Ворковать.* III, 23, 143.

Гусельный, пр. *Играющій на гуслях.* Ай же ты, дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная. I, 26, 153.

Гыкать, гл. ср. *О звукѣ, издаваемомъ лебедями.* Какъ бѣлы лебеди гычутъ. III, 31, 268.

Д.

Двуемѣсячный, пр. *Двухмѣсячный.* III, 61, 60.

Двуродимый, пр. *Двоюродный.* З. С. 6, 38.

Держать, гл. д. *Носить.* Помретъ молодецъ, шубу держивалъ. III, 34, 90.

Дивовать, гл. с. *Удивляться.* Не дивую я женщинѣ. II, 3, 397.

Дивья, въ вид. нар. *Не диво, легко.* Дивья мнѣ потыкатися. I, 8, 188.

Довлѣетъ, гл. безл. *Подобаетъ, прилично.* Не довлѣетъ ти, Чурила, жить во Кіевцѣ. I, 45, 135.

Дойдетъ, гл. безл. *Приходится.* Самому молодцу не дойдетъ сидѣть. I, 9, 116.

До калины, въ вид. нар. *До калени, до красна.* II, 47, 27.

Докуль, нар *Поки.* Докуль не провѣдаютъ короли нечестивые. III, 22, 41.

Долгомѣрный, пр. *Имѣетъ копья.* Напр. III, 5, 34.

Долонь, с. ж. *Ладонь.* Я бы его на долонь поклалъ, а другой-то рукой сверху прижалъ. I, 17, 120.

Домовище, с. ср. *Гробъ* I, 36, стр 209.

Дородній, пр. *Имѣетъ удалаго добраго молодца.* Нѣтъ удала дородня добра молодца, сослужить мнѣ службу важную. I, 2, 90-91.

Доступить, гл. д. *Достать, добраться.* Тебя доступлю. I, 83, 12.

Досюль, нар *Прежде, до сего времени.* Досюль Добрынюшка матушкѣ говаривалъ. II, 7, 1.

Досюльный, досюлешный, пр. *Доселѣшній, прежній.* I, 81, 1.

Доходный, пр. *Доходящій.* Знать молитвы мои къ Богу не доходныя. З. С. 2, 33

Драпь, с. ж *То, что деруть.* Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья драпь. I, 13, 113.

Дребь, с. ж. *Низкое тонкое мѣсто.* Палъ-то Сокольникъ во дребь о сыру землю II, 64, 116.

Дробь, с. ж. *Гуща послѣ пива, браги или квасу, выжимки.* Дробью объѣлась (корова). III, 9, 117.

Дроворубный, пр. *Имѣетъ топора.* Возьмите топоры дроворубные. I, 1, 70.

Дрокушка, (отъ корня: д, о за), с ж. *Изба.* Во дрокушкѣ жилъ у матушки. I, 78, 2.

Другожды, нар. *Въ другой разъ.* Сдѣлалъ В. другожды почестенъ пиръ. I, 18, 23.

Дубье, с. ср. собирательное. Онъ дубье-колодье все повырубилъ. I, 8, 72.

Дубяный, пр. *Окрашенный ивовою корою.* Дубяные сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ. II, 11, 152.

Дымъ, с. м., **на дымъ опустить.** *Пожечь.* Божьи церкви на дымъ спустить. I, 1, 2, 57.

Дѣдій, пр. *Дѣдовскій.* Приданое мое дѣдье-материне. II. Б. 21, 7.

Дѣвочій, пр. *Дѣвичій.* Во своемъ уборѣ дѣвочьемъ III, 3, 77.

Е.

Единый, числ *Одинъ.* Тридцать молодцевъ безъ единаго. I, 2, 11.

Ейный, пр. *Ея.* Прибезчестила ейна матушка. I, 52, 66.

Есть бы, союзъ. *Если бы.* Есть бы было кольцо во матушкѣ сырой землѣ. III, 1, 65.

Ж.

Жалуха, с. ж. **заон.** *Жалость.* Они другъ друга били не жалухою. I. 12, 134.

Жаровчатый, пр см. **Жаровый.** III, 29, 118

Жаровый, пр. *Высокоствольный.* Выше дерева жароваго. III, 31, 96.

Жеребеечекъ, с. ср. *Долечка.* Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны хоть малый жеребеечекъ. II, 42, 10.

Жеребье, жеребьице, с ср. *Жеребенокъ.* Привязалъ къ тремъ жеребьицамъ къ поучамъ. III, 11, 148

Живность, с. ж. *Жизнь.* Оставь-ко ты меня во живности. III, 21, 187.

Жира, с. м. *Жизнь.* З. С. 3, 22.

Жога, с. ж. *Птица съ длиннымъ носомъ и навислыми бровями.* Брови у него будто у жоги. I, 79, 12.

Жуковинье, с. ж. *Перстень.* Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать. II, 20, 106.

Жупѣть, гл. ср. *Пѣть.* Пташица стала пѣть-жупѣть. I, 73, 90. III, 51, 67.

З.

За, предл. *Изъ-за.* Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба. I, 12, 55.

Забанвать, гл. д. *Заговаривать.* Забанивать, заговаривать, въ замужъ подсватывать II, 7, 108.

Заберега, с. ж. *Та часть водъ, которая закрыта узкою полосою берега отъ прочаго воднаго пространства.* Тихая заберега. I, 72, 21.

За боемъ, въ вид. нар. *Съ бою.* Силомъ нейдетъ, такъ за боемъ возмемъ. II, 6, 151.

Забудущій, забыдущій, пр *Повергающій въ забытье, отъ котораго впадаютъ въ забытье* Налила ковшъ питья забыдущаго. I, 37, 355 Спитъ Чурила забудущимъ сномъ. II, 24, 75.

Забытка, с. ж. *Забытье.* Кинуло его въ забытку спать. I, 37, 365.

Завидливый, пр. *Завистливый.* Поповскіе глаза завидливы. II, 29, 101.

Заводь, с. ж. *Заливъ, защищенный отъ вѣтра: отъ того заводь называется тихою.* Уѣзжалъ Сухмантій ко тоя ко тихія ко заводи. I, 6, 48.

Завозный, пр. *Взятый на дорогу, привезенный для дороги.* Угощеньице завозное. III. 57, 442.

Завѣдать, гл. д. *Признать.* Что вы здѣсь завѣдали. III, 7, 67.

Завѣчать завѣты, гл. д. *Класть заповѣдь, давать обѣтъ.* Всякъ человѣкъ на свѣтѣ завѣтъ завичалъ, но не каждый человѣкъ завѣтъ справлялъ. II, 63, 266.

Заграять, гл. ср. *Закаркать.* Какъ возграю во первый наконъ. I, 73, 156.

Загуменье, с. ср. *Мѣсто позади гумна.* I, 52, 46.

Задаться, гл. воз. *Поступить въ обученіе или службу.* Задался Вольга на семь лѣтъ. I, 1, 15.

Задворенка, с. ж *(Отъ задворки, задней улицы въ деревнѣ или задворья, мѣста, обнесеннаго заборами съ навѣсомъ).* III, 10, 68.

Задернуть, гл. д. *Приготовить.* А она дубовы столики задернула. III. 11, 78. Задернулъ Олешенька почестенъ пиръ. III, 16, 163.

Задній, пр. *Задній уголъ, или полонешый, на право отъ входа.* З. С. 1, 9.

Задумсливый, пр. *По долгу думающій.* Добрыня застойсливый и задумсливый. III. Д.

Заздынуть, гл. д. *Поднять.* Заздынула она голову подъ оболоку. II, 1, 3.

Зазорко, пар. *См.* **Зарко.** III, 29, 332.

Зазыватель, с. м. *Позовщикъ.* III, 24, 262,

Закликать, гл. ср. *Унять крикомъ.* Когда ты у меня была унята, когда ты была закликана. I, 37, 64.

Заколодить, гл ср. *Покрыться колодьемъ.* Прямоѣзжая дорожка заколодила. I, 10, 27.

Закопань, с. ж. *Застава, ровъ, которымъ перекопана дорога.* Попадала Добрынюшкѣ закопань, онъ ту закопань перескочилъ. II, 8, 26.

Закустички, с. м. мн. *Частый кустарникъ за полями около лѣса.* Много въ Кіевѣ богатырей, какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ. II, 27, 12.

Залѣсть, гл. д. *Найти.* Старца убить не спасенья зались. II. 33, 188.

Залячить, гл. д. *Задрать голову вверхъ.* Воронке голову залячилъ и хвостъ заломилъ. III, 34, 132.

За маленька, въ вид. нар. *Съ измаленька, съ малолѣтства.* У меня замаленька да было хожено. II, 19, 157.

Замолотникъ, с. м. *Работникъ на гумнѣ.* З. С. 1, 10.

Заморянинъ, с. м. *Пріѣзжій изъ за моря.* Таракашко гость Заморянинъ. III, 56, 37.

Замуравѣть, гл. ср. *Покрыться муравою.* Прямоѣзжая дорожка замуравила I, 10, 25.

Замызгать, гл. ср. *Залаять.* Замызгалъ собака по собачьему. I, 9, 104.

Заносъ, с. м. *Сугробъ снѣга въ селеніи,-въ противуположность сумету, сугробу на поляхъ и на дорогѣ.* Б. 5, 11.

Заобщая, въ вид. нар *Сообща.* I, 27, 285.

Запольный, пр. *Живущій по ту сторону полей.* Обернулся сѣрымъ волкомъ заполнішмъ. III, 51, 123.

Зарабочее, с. ср. *Заработная плата.* Это мое зарабочее. I, 17, 188.

Зарко, пр *Завидно, отсюда зариться (корень зр, зрѣть).* Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко. I, 18, 5.

Зарудиться, гл. стр. *Замараться, загрязниться.* У тебя, голь кабацкая, личико зарудилося. II, 7, 271.

Зарукавный, пр. *Спрятанный въ рукавъ.* Пистолетъ зарукавный. З. С. 33. 31.

Зарѣка, с. ж. *Зарѣчье.* Пошелъ по зарѣкамъ. III, 30, 23.

Засадиха, с. ж. *Ягода черемха.* П. Ч. 7, 17.

Застойсливый, пр. **заон.** *Который по долгу стоитъ на одномъ мѣстѣ.* Столько Добрыня напускомъ застойсливый. III, Д.

Застолье, с. ср. *Мѣсто за столомъ.* Король по застолью бѣгаетъ. I, 31, 157.

Застоялый, пр. *См. Стоялый.*

Застояться, гл. об. *Остановиться.* Рука правая въ плечѣ застоялася. I, 12, 174.

Затхнуться, гл. об. *Сдѣлаться затхлыми.* Паниточки тамъ заткнулися. II, 30, 43.

Затохаль, с. ж. *Затхлый запахъ.* Зелено вино пахнетъ на затохаль великую. III, 24, 320.

Затресье, с. ср. *Та часть водъ, которая покрыта трестою.* Зеленое затресье. I, 72, 22.

Затулый, пр. *Опущенный (собств. опрятый).* Пришечалилась затула бѣла завѣска. З. С. 11, 90.

Затюремщикъ, с. м. *Тюшикъ.* III, 57, 63.

Заугольникъ, с. м. *Незаконорожденный сынъ.* Не хочу слыть заугольникомъ. III, 14, 166.

Заугроза, с. ж. *Угроза.* Грозитъ ему заугрозою. II, 5, 4.

Зачагать, гл. д. *Достать, добыть.* На вѣкъ увѣчьице зачажено. III, 39, 66.

Защектать, гл. д. *Засвистать по соловьиному.* Защекталъ онъ по соловьипому. III, 6, 50.

Забахвалиться, гл. возвр *Расхвастаться.* Какъ забахвалился большой сватъ. З. С. 3, 39.

Звонунылый, пр *Унылo звенящій. Эпитетъ пѣсенъ и колоколовъ.* З. С. 6, 16 и 19.

Звѣзда, с. ж. **Зародиться въ звѣзду, минуту безчастную, нeталанную.** III, 18, 22. *По вѣрованію древнихъ, участь человѣка зависѣла отъ зарожденія его подъ извѣстной планетой (каждой принадлежалъ одинъ день въ недѣлю) и подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака (каждому знаку соотвѣтствовала неподвижная звѣзда). Такъ планеты Бѣлъ* (Сатурнъ) *и Марсъ приносили несчастіе.*

Звѣщеваніе, с. ж. *Извѣстіе, рѣчи.* Услыхалъ Коцей тое воронпно звѣщеваніе. I, 33, 112.

Здохъ, с. м. *Вздохъ.* Выпиваетъ чару на единый здохъ. II, 3, 115.

Здымъ, с. м. *Подъемъ.* На здымъ здынулъ бы два камня. I, 37, 433.

Здынуть, гл. д. *Поднять.* Здынулъ бы тобя, Алешу, черезъ столы дубовые. II, 7, 414.

Здѣ, нар. *Здѣсь* Нельзя мнѣ-ка здѣ жить. I, 9, 62.

Зелизить, гл. ср. *Принимать видъ желѣза, желѣзѣть.* Чисто серебро не зелизіитъ. II, 7, 44.

Земельный, пр. *Эпитетъ царя той земли, въ которой живетъ его подданный.* III, 57, 188.

Зень, с. ж. *Земь,* **озень,** *оземь.* I, 49, 309.

Зенька, с. ж. *Колыбель.* II, 59, 25.

Златоверховатый, пр. *У котораго золотой верхъ.* Поводитъ въ свой теремъ златоверховатый. II, 6, 230.

Злодѣйный, пр. *Злодыйскій.* Чужая злодѣйная сторона. З. С. 2, 13.

Злучить, гл. д. *Залучить, захватить.* Можете ли злучить эту лебедку на синемъ морѣ. I, 36, 19.

Знадебка, с. ж. *Родимое пятно, родинка.* Подъ правой пазухой родимая знадебка. II, 7, 294.

Знамя, с. ср. *Примѣта, родимое пятно.* У Добрыни на правомъ лицѣ три знамени было. III, 18, 143.

Знать, гл. д. *Умѣть.* Не знаешь ты кобылушки цѣны цѣнить. I, 4, 100.

Зобать, гл. д. *Ѣсть что нибудь мелкое, разсыпающееся.* Копи зоблютъ пшену бѣлоярову. III, 35, 120.

Зоренъ, пр. *Крѣпокъ.* Табакъ зоренъ. III, 59, 140.

Зубоватый, пр. *Зубастый, насмѣшливый.* З. С. 7, 44.

Зыбучій, пр. *Эпитетъ болотъ и мховъ.* На мхи, на болота зыбучія. З. С. 8, 9.

Зычный, пр. *Звонкій, звучный. Эпитетъ голоса.* Вскричалъ Илья зычнымъ голосомъ. I, 18, 12.

И.

Избыть, гл. ср. *Избавиться.* Избыли мужики отъ смерти напрасныя. I, 57, 208.

Извара, с. ж. *Ввзваръ.* Поилъ коня изварою медяною. III, 22, 131.

Извить, гл. д. *Завить.* Извей кудри. З. С. 27, 9.

Извѣриться, гл. об. *Выйти изъ вѣры.* Почто ты тепереча извѣрился. III, 35, 238.

Издаваться, гл. возв. *Удаваться.* А не всякому женидьба издавается. II, 13, 176.

Издачный, пр. *Удачный.* Первая женидьба Михайлы неудачна была, а вторая женидьба издачная. II, 15, 406, 407.

Ижно, союзъ. *Вѣдь, ань.* III, 51, 19.

Имать, гл. д. *Ловить, хватать.* I, 74, 265.

Имянство, с. ср. *Имѣніе, имущество.* Положилъ на дощечку полъ-царства, полъ-имянства. II, 16, 117.

Ино, инъ, союзъ. 1) *Сверхъ того.* Вся небесная луна поналедена была, инъ всякія утѣхи несказанныя. III, 24, 155. 2) *Ань, а напротивъ того.* Не такъ бывать дѣвушкѣ, ино дома быть, вода носить. I, 54, 232. Идетъ-де старикъ подпирается, инъ мать-то земля колыбается. III, 10, 8. Инъ Добрыня матушки не слушался. II, 4, 19.

Изотчина, с. ж. *Отцовское имя.* Какъ молодца звеличаютъ по изотчины? I, 47, 182.

Изуваленый, пр. *Заваленый.* Изуваленъ мой зеленъ садъ кунами да лисицами. С. З. 74.

Изученіе, с. ср. *Благовоспитанность въ свѣтскомъ смыслѣ.* Изученіе видимъ твое полное, а не знаемъ ни имени, ни водчины. III, 29, 197.

Ископытиться, гл. об. *Содрать, расколоть копыто.* Тридцать жеребцовъ ископытились. III, 34, 129.

Ископыть, с. ж. *Комъ грязи или земли изъ копыта.* Ископыти у коня метано по цѣлой овчины по барановой. III, 14, 28. I, 30, 167.

Испровѣщиться, гл. об. *Подать, голосъ, заговорить.* Испровѣщится добрый конь голосомъ человѣческимъ. III, 15, 288.

Источня, источенка, с. ж. *Разноцвѣтный струйчатый поясъ; цвѣта въ поясѣ идутъ одинъ за другимъ струями.* Источнями подпоясанось. III, 24, 69. I, 45, 84.

Истратить, гл. д. *Погубить.* Истратила она восмерыхъ молодцевъ. I, 28, 14.

К.

Ка, Частица, служащая для усиленія указанія. Не набъ мнѣ-ка ни злата, ни серебра. III, 5, 88. Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. III, 7, 38.

Казакъ, с. м. *Наемный работникъ.* Въ казаки наймусь. Б. 21, 9.

Канюкъ, с. м. *Родъ ястреба: запоетъ передъ дождемъ, крестьяне говорятъ: «вотъ, дескать, уже нить проситъ».* II, 59, 93.

Капучій, пр. *Капающій. Эпитетъ сыры.* I, 49, 190.

Каурка, (кавурка) с. ж. *Каурый конь (желторыжій).* III, 30, 64.

Качаться, гл. возвр. *Качать себѣ.* И сама себѣ головушкой качается. II, 22, 96.

Керегодъ, с. м. *Сѣть, которую двѣ лодки забрасываютъ въ воду и, ставши на якорь, собираютъ ее.* З. С. 33, 40.

Клевецъ, с. м. *Дятелъ.* III, 51, 12.

Клеснуть, гл. д. *Хлестнуть.* Марья Соловеевна клеснула Ильюшеньку межъ уши въ голову. III, 5, 180.

Клюша, с. ж. *Клюка.* III, 10, 6.

Княгиня порученая, с. ж. *Молодая.* З. С.

Князь, с. м. *Женихъ молодой.* З. С.

Княжна порученая, с. ж. *Невѣста.* З. С.

Кодолъ, с. ж. *Толстый канатъ.* Спасти и кодолы были шелковые. I, 53, 15. III, 32, 21.

Кожанъ, с. м. *Кожухъ, невыдѣланный овчинный тулупъ.* Кожанъ на плечахъ въ пятьсотъ рублей. I, 11, 39.

Коковка, с. ж. *Запутый, верхній конецъ палки.* Уходила та клюшка (въ землю) до коковочки. III, 7, 44.

Колодье, с. ср. собир. Опъ дубье-колодье все повырубилъ. I, 8, 72.

Кологривый, пр. *У которыя грива стоитъ коломъ, дыбомъ.* Кологривый жеребецъ. III, 34, 126.

Колсанъ, с. м. *Колчанъ.* Кладывала калены стрѣлы да во колсаны. II, 19, 90.

Комель, с. м. *Корень.* Выдергивалъ дубъ со кореньями, за вершину бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ. I, 6, 93, 94.

Комонь, с. м. Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней. *Форма комонь, вм. конь, сохранилась до сихъ поръ въ Заонежьи. Когда парни чересчуръ разыграются на улицѣ, старики, чтобы унять ихъ кричатъ:* «эко, комони, расходились». *Въ бытовыхъ пѣсняхъ тоже поется.* Цвѣтно платьице не держится, добры комони не ѣздятся, добры молодцы не старѣютъ. II, 20, 24.

Конецъ кукшы, въ вид. пад. *Концами, пальцовъ.* Ср. **конецъ рукмы.** Хватилъ онъ камень конецъ кукшы. I, 38, 199.

Конечь-рукмы, въ вид. пад. *Концами рукъ.* Хватилъ онъ камень конечь-рукмы. II, 16, 223.

Конченіе, с. ср. *Конецъ.* Тутъ ему было и конченіе. I, 7, 27.

Копылокъ, с. м. *Клинъ.* Копылкомъ бородку наладила. II, 7, 6.

Корба, с. ж. *Чаща мелкаго лѣса.* Корбы дремучія. II, 63, 220.

Коржинья, с. ср. *Шпевы.* Мачты-коржинья позолочены. I, 54, 23.

Корить, гл. д. *Покорить.* Я корила непокорное сердечушко. З. С. 2, 52.

Корпусъ, с. м. *Сила.* Я теперь корпусъ въ себѣ имѣю. III, 5, 22.

Корчажный, пр. *Кольчужный.* Латы корчажныя. III, 35, 286.

Косерчетый, пр. вм. *Косматый.* III, 27, 14.

Косица, с. ж. *Високъ.* Выбилъ ему правое око со косицею. I, 10, 70.

Край, пар. *На краю* Край пути дороги. III, 59, 114.

Красовитый, пр *Прекрасный.* Пошелъ онъ въ палаты красовитыя. III, 3, 39. На лицо была красовитая. II, 52, 18.

Крестьяновать, гл. ср. *Заниматься крестьянскимъ дѣломъ.* Божья ти помочь оратаюшко, орать да пахать, да крестьяновать. I, 3, 53, 54.

Кречень, с. м. *Кречетъ.* I, 27, 109.

Кроватникъ, с. м. *Убирающій кровать.* III, 52, 48.

Кружало, с. ср. *Казенное питейное заведеніе.* Владиміръ князь пошелъ по кружаламъ государевымъ. II, 11, 74.

Крупчатый, пр. (**Кручатый,** II, 31, 25). *Хрущатый, плотный.* Паруса-флаки-крупчатой камки. I, 53, 14. III, 32, 18. Не крупчатая жемчужина скатилася. 3, 27, 125.

Крутить, гл. д. *Одѣвать снаряжать къ замужеству.* Двухъ дочерей кручу. II, 43.

Крутиться, гл. возвр. *Одѣваться.* Сталъ крутиться во платьице родительско. III, 22, 132.

Кручинить, гл. ср. *Кручиниться.* Кручинитъ, печалитъ добрый молодецъ. III, 18, 40.

Кручиноватый, пр. *Нѣсколько кручинный.* Что идешь кручиноватъ-печаловатъ? III, 39, 120.

Крылецъ, с. м. *Крыльцо.* II, 25, 45.

Крылосо, с. ср. *Клиросъ.* I, 49, 289.

Кряжъ, кряжокъ, с. м. *Гора прибережная.* Мечите сходинки на крутъ кряжокъ. II, 31, 117.

Крякновистый, пр. *Съ корявымъ пнемъ.* Поѣзжай къ сыру дубу крякновисту. I, 72, 40.

Крянуться, гл. возвр. *Тронуться съ мѣста.* Стоитъ Потапюшка, не крянется. III, 39, 41.

Кубовастый, пр. *Жирный.* Сѣрый котъ безхвостый, самъ кубовастый. III, 59, 86.

Куделба, с. ж. *Пыль столбомъ.* Только видятъ въ чистомъ полѣ куделба стоитъ. II, 64, 48.

Куковаться, гл. воз. *Ласкаться, забавляться отъ радости.* Кукуются воры и ликуются. III, 22, 60.

Кулехтиться, гл. об. *Жаловаться на разслабленіе.* Вставать начнетъ, кулехтится. II. Ч. 4, 22.

Куль, нар. *Коль.* Куль солнышко Владиміръ князь отдастъ богатырску молоду жену безъ боя, безъ драки великія. I, 37, 295.

Кунка, с. ж. *Кунца.* III, 24, 54.

Кунный, пр. *Обильный, дорогой.* Всю кунную рыбу повыловилъ. I, 2, 35.

Купавъ, пр. **(Упавъ).** *Красивый.* Ходилъ-гулялъ купавъ молодецъ. III, 27, 6.

Курево, с. ср. *Пыль столбомъ.* Только видѣли стараго сядучись, а не видѣли стараго поѣдучись, только куревко въ полѣ воскурилось. I, 13, 91, 92, 93.

Куръ, с. м. *Пѣтухъ.* Куры пропѣли. П. Ч. 9. 2.

Куря, с. м. *Молодой пѣтухъ.* (Зват. **куряте**). Молодой куряте, не поскакивай. III, 17, 134.

Куреный, с. м. *Курный.* Притянула его въ избу куреную. I, 57, 478.

Курень, с. м. *Пѣтухъ.* I, 55, 294.

Куриться, гл. воз. *Подниматься столбомъ.* Только курево въ полѣ воскурилось. I, 13, 93.

Кутельба, кудельба, с. ж. *Тоже что курево, пыль столбомъ.* Отъ Котенина коня кутельба стоитъ. III, 28, 88.

Кухнать, гл. д. *Поносить.* Не кухнай его отечества. З. С. 15, 61.

Кучерявый, пр. *Кудрявый.* П. Ч. 11, 2.

Л.

Ладить, гл. д. *Приготовлять.* Ладилъ бы онъ ему поединщика, супротивъ его силушки супротивника. I, 15, 7.

Ладиться, гл. воз. *Собираться.* Тутъ то солнышко ладился, поскорѣй Владиміръ кольчужился. I, 45, 57.

Ласкота, с. ж. *Ласка.* З. С. 9. 8.

Ластинье, с. ср. *Тонкая дрань.* Расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ. I, 24, 208. III, 15, 260.

Лелѣевать, гл. д. *Перекидываться, колыхать волнами.* Какъ не долго сиию морю лелѣявати. II. 3. 2, 2.

Ликоваться, гл. вз. *Играть (собственно о птицахъ).* Голубь со голубушкой ликуется. II, 14, 14, III. Кукуются воры и ликуются. III, 22, 60.

Липень, с. м. *Дверная притолока.* Вылетѣли двери со липеньями. III, 11, 126.

Лихоманецъ, с. м. *Злодѣй.* II. Ч. 2, 1.

Ложить, гл. д. *Класть.* Ложите удалаго добра молодца. III, 53, 60.

Ложня, с. ж. *Спальная комната.* Приходитъ она на ложню на спальную. I, 2, 103.

Ломъ, с. м. *Завалъ въ лѣсу.* Побѣжалъ во ты во ломы во великіе. I, 2, 59.

Лопатникъ, лопатчикъ, с. м. Лопатчики дорожку розгребаютъ. III, 30, 316.

Луда, с. ж. *Подводный камень.* Намѣряйте-ко луды морскія. I, 54, 33.

Лукоморье, с. р. *Излучина морскаго побережья.* Изъ-за того лукоморья зеленаго. I, 53, 3.

Лучейная, с. ж. *Комната, гдѣ хранятся луки.* Заскочилъ онъ во лучейную. III, 51, 134.

Лучиться, гл. об. *Случаться.* Добрыня лучился и Царяграда. I, 25, 112.

Лучный, пр. *Эпитетъ зори.* III, 27, 123.

Лѣсывать, гл. ср. собств. *Заниматься лѣснымъ промысломъ, сторожить въ лѣсу,* за тѣмъ *ходить по лѣсу.* По лѣсу ты не лѣсывалъ. II, 3, 35.

Любешенькій, пр. *Любезный, нравящійся.* Лужишка посѣяны низешеньки, не любешеньки. III, 3, 101.

Люби, род. и дат. пад. отъ **любовь.** А денегъ давать тебѣ до люби. I, 9, 60.

Лядина, с. ж. *Возвышенное мѣсто, поросшее лѣсомъ.* З. С. 3, 9, 6.

М.

Макомка, с. ж. *Маковка.* У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися, по макомкамъ отломилися. I, 12, 138, 139.

Мало, нар. *Вскорѣ.* **Мало-мало,** *то-то.* Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ. I, 55, 77.

Маломошница, с. ж. *Малость.* Силы-рати маломошница. I, 74, 67.

Маломочный, пр. *Некрѣпкій, малосильный. Въ первомъ значеніи:* маломошны домы въ Кіевѣ разсыпались. III, 5, 278. III, 9, 73.

Марево, с. ср. *Воздушные призраки, видящіеся въ туманѣ.* Напалъ туманъ со маревомъ. II, 27, 27.

Матерый, пр. *Престарѣлый и сильный.* Подносили старой собакѣ матерой выпить съ дороги. I, 11, 63.

Матерѣть, гл. ср. *Расти, становиться большимъ и сильнымъ.* Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть. I, 3, 5.

Матица, с. ж. *Приподнятая надъ концами середина.* Не заѣзжай въ середку въ матицу. III, 22, 163.

Медвяный, пр. Пойте его питьицемъ медвянымъ. I, 10, 711.

Меженный, пр. *Отъ* **межень** *жаркая пора.* Идетъ-то калика перехожая въ меженный день по красному по солнышку. I, 17, 7.

Мійсцо, с. ср. *Мѣстечко.* III, 33, 74.

Мережа, с. ж. *Рыболовная снасть.* III, 19, 114.

Мертвый, пр. *Эпитетъ якоря.* III, 41, 34.

Метельникъ, метельщикъ, с. м. Метельщики пескомъ дорогу посыпаютъ. III, 30, 317.

Мети метать. *Образное выраженіе о бѣгѣ коня: конь скачетъ такъ быстро, что какъ будто бы выметываетъ изъ-подъ себя*

участки въ версту и болѣе. Мети-мечетъ конь по версты. III, 29, 114.

Мидить, гл. ср. *Принимать видъ мѣди, мѣдѣть.* Красно золото не мидиетъ. II, 7, 43.

Мизгирь, с. м. *Паукъ.* Мизгрище. III, 59, 111.

Многовытный, пр. *Имѣющій частый позывъ на ѣду, многопоѣдающій заразъ.* Сиротные дѣтушки за столомъ многовытные. З. П. 6, 26.

Могута, с. ж. *Мощь.* Изо всей могуты богатырскія. III, 27, 88.

Могутный, пр. *Могучій.* III, 22. 45.

Молвія, с. ж. *Молнія.* Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвія. III, 15, 54.

Молитвиться, гл. об. *Молиться.* I, 30, 89.

Монисто, монищато, с. ср. *Металлическая шейная цѣпочка.* Мое золото монищато все по спайкамъ распаялося. З. С. 25, 15. И принесла она ему золотыя монисты со крестами. II, 51.

Монистро, с. ср. *См.* **монисто.** Золоту монистру лежать въ кованномъ ларцу. III, 53, 5.

Мостина, мостовина, с. ж. *Половица.* З. С. 6, 37.

Мостъ, с. м. *Полъ.* У насъ во гридняхъ во столовыихъ мосты-то все кленовые. III, 30, 288. Мосты, настланные переходы. Идетъ онъ, мостинки подгибаются. I, 19, 84.

Мошникъ, с. м. *Птица изъ породы самыхъ большихъ глухарей.* II, 37, 44.

Муница, с. ж. *Вмѣсто* **гуница.** III, 9, 9.

Муравленый, пр. *Росписной разводами.* Добрыня скочилъ на печку на муравлену. III, 16, 182.

Мурашъ, с. м. *Муравей.* Мудрены вырѣзы вырѣзаны, а и только въ вырѣзу мурашу пройти. I, 1, 2, 140, 141.

Мурманка, с. ж. *Шапка, у которой съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.* На головкахъ шапки черно-мурманки. II, 31, 61.

Мызганье, с. ср. *Лай.* Развѣ не слыхалъ ты мызганья собачьяго. I, 9, 115

Мызгать, гл. ср. *1) Лаять. 2) Свистать по соловьиному.* Соловей разбойникъ замызгалъ по соловьиному. III, 5, 119.

Мыльня, с. ж. *Баня.* III, 45, 27.

Мѣдь-казарка, с. ж. III, 29, 102.

Н.

На, предл. *Противъ, въ сравненіи.* Нѣтъ на друга на стараго. I, 55, 284.

На четырехъ костяхъ. *На четвереньках.* Онъ на четырехъ костяхъ поплылъ во зеленый лугъ I, 40, 115.

Набъ, въ вид. гл. безл. *Надобъ.* Набъ покорному быть сердцу ретивому. З. С. 9, 15.

Навидъ, с. м. *(Отъ корня* **навье,** *мертвецъ. Ср. греч.* Νεκυς и *перс.* насус.). *Смертная рана.* Оброни Соловья-вора Рахматаго безъ навиду. III, 5. 136.

Наволокище, с. ср. *Мысъ.* Гулялъ по частымъ наволокищамъ. III, 51, 6.

Надвѣсистый, пр. *Навѣсистый.* III, 26, 3.

Надзола, назола, с. ж. *Досада.* Даетъ Василью на его ретивое сердечушко назолу великую II, 14, 21. А Кощею-то надзолу даютъ. III, 23, 145.

Надійный, надѣйный, пр. *Надежный.* Два товарища, два надѣйные, два ножички, два булатные. I, 82, 22.

Надлетникъ, с. м. *Летающій надъ другими.* Соколъ птица надлетникъ. III, 59, 66.

Надолызнуть, гл. д. *Надоѣсть.* Надолызнула волокитушка твоя. Б. 6, 14.

Надѣя, надѣюшка, с. ж. *Надежда* Только и есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу. I, 27, 483.

Нажадѣться, гл. стр. *(Отъ* корня **жад-ати).** *Почувствовать жажду.* Богатырско его сердце нажадѣлося. I, 24, 30. III, 15, 30.

На зени. *На земи.* II, 19, 167.

На зень. *На земь.* II, 20, 231.

Наказанье, с. ср. *Наказъ,* II забылъ ,Добрыя наказаньице матушкино. III, 19, 17.

Наквасити, гл. д. Тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова. I, 55, 13.

Наконъ, с м. *Разъ.* Въ первый наконъ. I, 73, 136.

Накрутиться, гл. воз. *Нарядиться.* Накрутилися они тутъ каликами. II, 16, 175.

Налпчникъ, с. м. *Оконный ставень съ закроями и болтомъ для запранья.* III, 19, 26.

Наложница, с. ж. *Служанка, убирающая ложе, постельница.* III, 31, 234.

Налучіе, с. ср , **налучникъ,** с. м. *Чехолъ на лукъ.* Клалъ тугіе лука во налучія. III, 17, 43. Кладывалъ тѣ луки во налучники. II, 7, 47.

Наметъ, с. м. *Верхній чехолъ.* Онъ луки во наметы полагалъ. III, 17, 46.

Наметывать, гл. д. *Налагать.* Службу-заботу наметывалъ. II, 5, 20.

Нани, нар. *Будто.* Нани лучная зоринька просвѣтлила, острая сабелька промахнула. III, 27, 123.

На околъ, въ вид. нар. *Окольными путями.* А на-околъ-то ѣхать семьсотъ верстъ. I, 9, 82.

Нападкою, нападчи, нар. *Припавъ къ земли пикомъ.* Которая сила пила нападкою. III, 51, 97. **Пить нападкою, нападчи** *у славянъ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Напр., у Сербовъ:* Кад би знала мушка глава, што ће ником воде напит, нигди не би ником пила.

Напогощаны, с м. мн. *Живущіе на погостѣ, т. е. усадьбѣ причта.* Б. 2, 9.

Напрокучить, гл. ср *Надоѣсть.* Видно напрокучила своимъ долгимъ дѣвичествомъ. З. С. 32, 50.

Напускъ, с. м. *Сильное нападеніе.* Алеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣлъ. III, 30, 397.

Напустить. гл. ср. *Напуститься.* Ежели бы было теперь колько силы поганой, напустилъ бы. III, 5, 28.

Нарядить, гл. ср. *Справиться.* III, 59, 54.

Насадъ, с. м. *Судно, низъ котораго изъ одного дерева, а съ боковъ досчатые борты.* Исполадимъ-ка насадъ черленый. II, 52, 45.

Наслышка, с. ж. Я слыхалъ наслышкой человѣческой, что у него на бою смерть не писана. II, 63, 481.

На-старшій, пр. *Наи-старѣйшій.* Большая дочи на-старшая. II, 12, 159.

Настоятель, с. м. *Начальный человѣкъ.* Вы настоятели Новогородскіе. I, 64, 96.

Наступчивый, пр. *Эпитетъ коня.* I, 82, 15.

Настъ, с. м. *Обледенѣвшій снѣгъ.* А и буйные вѣтры по насту тянутъ. I, 1, 2, 109.

Натяжный, пр. *Эпитетъ лука.* Стрѣлялъ съ того лука натяжнаго. III, 37, 76.

Нахалиться, гл. об. *Дерзко, нахально поступать.* Станутъ на насъ они нахалиться. III, 22, 35.

Нацвѣтъ, с. м. Возжики съ нацвѣтами. II, 29, 12.

Началъ, с. м. *Начало.* Теперь старины его началъ пойдетъ. III, 18, 11.

Начаяться, гл. об. *Полагать.* Пріѣдучись не начаются (имъ кажется, что не пріѣдетъ). II, 7, 94.

Не къ лицу придти. *Непоправиться.* Тутъ-то поганому не къ лицу пришло, эгыя рѣчи не слюбилися. I, 17, 132.

Невѣмъ, нар. (Отъ корня **вѣдати**). *Неизвѣстно.* Невѣмъ дѣвица перепалася. I, 53, 231.

Неготь, с. м. *Ноготь.* Нетемъ востра III, 55, 10.

Незамочь, гл. ср. *Замолчь.* А ты незамоги. I, 37, 227.

Незнай собою, невѣмъ собою, въ вид. прим. *Неизвѣстный.* Дѣтина незнай собою. I, 30, 130.

Нелегченый, пр. **Нелегченый конь,** *не мерин*. III, 31, пр.

Немудрый, пр. *Простой*. Мужикъ ведетъ жеребчика немудраго. I, 8, 90.

Нехоженый, пр. *Не бывшій въ употребленіи*. Деньга нехоженая. III, 29, 516.

Новой, пр. *Другой*. Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ. I, 55, 77.

Ножье, (острие), *ви ножевое*. Попасть во ножье острие стрѣлою каленою за триста саженъ. II, 19, 182.

Ныркомъ, нар. Охвочь-то добрыя ныркомъ нырять. II, 6, 112.

Нынѣча, нар. *Нынѣ*. Нынѣча теперь я вамъ скажу. I, 2, 22.

Нынѣчку, нар. *Нынѣ*. III, 26, 42.

О.

О, предл. 1) *Около, для обозначенія времени*. О полночь разбойники опочинъ держатъ, о полденъ люты звѣри опочинъ держатъ. III, 38, 26—28. 2) *Около, для обозначенія пространства*. Дубье-колодье о борозду валитъ. I, 4, 23.

Обворотистый, пр (**злон**). *Изворотливый* II собой Добрыня очень-обворотистый. III, Зам.

Оббаять, гл. ср **Обгалиться,** гл. об. и **обголчить,** г. ср. *Осмѣять, оговорить, надсмѣхаться*. Многіе люди не обгалятся I, 43, 33. Добрые людишки не обголчатъ. II, 22, 26.

Обграять, гл. д. *Обыграть* Черну ворону этой силы не обграяти. I, 20, 179.

Обжа, с. ж. *Оглобля отъ сохи*. Оны сошку за обжы вокругъ вертятъ. I, 3, 104.

Обжорчивый, пр. *Обжорливый*. Была корова обжорчива. III, 9, 115,

Обзариться, гл. об. *Польститься*. Обзарился на имѣнье, на богачество. II, 13, 790. Обзарился ты на прелести на женскія, II, 15, 52.

Обираться, гл. воз. *Убираться.* Скоро обирайся во свою землю. I, 2, 147.

Обкольчужиться, гл. воз. *Надѣть на себя кольчугу* III, 5, 32.

Облатиться, гл. воз. *Надѣть на себя латы.* III, 5, 32.

Облелѣять, гл. ср. *Облить со всѣхъ сторонъ, въ переносномъ смыслѣ-окружить.* Сила-то вся облелѣяла. III, 56, 304.

Облочкать, гл. д. *Расщепить* На лозпиочки дубиночка облочкана. I, 6, 167.

Обночьнце, с. ср. *Ночное время.* Средь темное обночьнце. З С. 4, 8.

Ободверина, с. ж. *Притолока и косяки.* Выскочила дверь съ ободвериной. I, 17, 140.

Оболоко, с. ср. *Облако.* **Оболока,** с ж. Похотѣлося Вольгъ птицей соколомъ летать подъ оболока. I, 3, 8.

Оброна, с. ж. *Оброненное.* Обронила я оброночку. З. II. 5, 11.

Обрученый, пр. *Обручальный,* Перстень обрученный. II, 7. 373.

Обрыкъ, с. м. *Шумная болтовня, крикъ.* Развѣ ты бабьяго обрыку не слыхивалъ. III, 5, 127.

Обрядить, гл. д. *Спрятать.* Тутъ-то обрядилъ свою сопку позолоченую. I, 4, 48.

Обрядиться, обряжаться, гл воз. *Прятаться.* Буду отъ тебя обряжатися. I, 76, 10.

Обрядъ, с. м. *Женскій нарядъ.* Что же ты не въ снарядѣ, не въ обредѣ. II, 24, 61.

Обстать, гл. д. *Обступить.* Вы обстаньте, подружки любезныя. З. С. 7, 27.

Обцѣньщикъ, с м. *Оцѣнщикъ.* I, 49, 419.

Объумѣться, гл. об. *Воротить себѣ умъ.* Можетъ король объумѣется. III, 3, 88.

Объявиться, гл. об. *Оказаться.* Объявилася чаша княженецкая въ подсумкѣ у Михайлы. I, 40, 100.

Овершій, пр. *Впускной, опрокидывающійся.* Кроватка была овершная. I, 11, 94.

Огнева, с. ж. *Горячка.* I, 84, 25.

Огородникъ, с. м. *Горожанинъ.* Всѣ мужи огородники. III, 24, 83.

Огужище, с. ср. *Стропка, петля для весель.* II. 3, 5, 36.

Одва, нар. *Едва.* I, 75, 27.

Одинакій, пр. *Единственный.* Дочь одинакая. III, 35, 66. Одинаку сестру замужъ выдали. III, 62, 4.

Одинцовый, пр. *Темнозеленый.* Настланы сукна одинцовыя. II, 30, 390.

Одноличный, пр. *Одинакаго лица.* Молодцы на конях одноличные. III, 24, 62.

Одномѣдный, пр. *Изъ одной мѣди.* Кони подъ нима одношерстные, узды на нихъ одномѣдныя. I, 45, 82.

Одноносный, пр. *Рожденный одиночкой, а не въ числѣ двойней, тройней и болье.* Одноносный жеребенокъ. II, 2, 76.

Однорядка, с. ж. *Однобортная одежда.* I, 45, 222.

Ожуреный, пр. *Охаенный, поданный съ побранкой, съ поношеніемъ.* Пить чарочка ожуреная I, 86, 129.

Озлобный, пр. *Который злобитъ.* Эпитетъ чужой стороны. З. С. 7, 42.

Окаракою, въ вид. нар. *На четверенькахъ.* Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою. III, 5, 251.

Окичаться, гл. воз. (отъ корня хут.) *Хорониться, прятаться.* Призамолкли всѣ, окичаются. III, Д.

Окладывать, гл. д. *Укладывать, въ переносномъ смыслѣ— бить.* III, 43, 103.

Оклескивать, гл. д. *Обзывать бранным словомъ.* I, 43, 24. III, 28, 24.

Окольный, пр. *Идущій около чего нибудь* Садился онъ за столики дубовыя, за тыя за скамеечки окольныя. I, 10, 23.

Окутать, гл. д. *Покрыть.* Окутай меня каменной накрышечкой. III, 2.

Окучаться, гл. воз. (отъ кут.) *Скрываться.* Другъ за друга туляются и окучаются. II, 34, 87.

Ольга, с. ж. (вѣроятно отъ корня влага). *Топкое болото.* Первая застава великая, ольги топучія. III, 5, 100.

Омѣхъ, омѣшикъ, с. м. *Рало у сохи.* Омѣшики по каменкамъ почеркиваютъ. I, 3, 30.

Опакишь, с. ж. III, 24, 271.

Опахивать, гл. д. *Выметать.* Улицы опахивалъ. II, 37, 18.

Опережь, нар. *Прежде.* Опережь я возилъ богатыря и женку богатырскую. I, 8, 186.

Опочевъ или **опочивъ держать.** *Опочивать. Напр.* II легъ опочевъ держать. III, 17, 80.

Опочинуться, гл. об. *Уснуть.* III, 13, 96.

Опочинъ, с. м. *См.* **опочивъ.** II, 13, 94.

Орда, с. ж. *Земля, сторона.* Ты коей земли, коей орды. III, 31, 119.

Ордынскій, пр. *Эпитетъ телѣги.* Складите имѣнье на ты телѣги ордынскія. II, 63, 354.

Орленый, орловый, пр. *Граненый. Эпитетъ грядки.* II грядочку прокладемъ орленую. II, 52, 61. Орловыя грядки повыпадали. III, 28, 111.

Ортина, с. ж. *Пасть.* Отворила ортину великую. I, 76, 193.

Оружьина, с. м. *Оружье.* III, 36, 230.

Особина, с. ж. **Въ особину.** *Особенно.* Напр. Князю Владиміру поклонъ въ особину. III, 5, 210.

Островье, с. ср. Стали разбойники ставиться островьямы. III, 11, 47.

Остуда, с. ж. *Постылая.* Остуда чужая сторонушка. З. С. 2, 49.

Ошарашиться, гл. воз. *Встать дыбомъ.* Ильи Муромца добрый конь ошарашился. III, 5, 121.

Отвернуть, гл. д. *Снова оборотить, возвратить прежній*

обрязъ. И зачала искать по Москвѣ докторовъ, чтобы отверпуть Добрыню добрымъ молодцемъ. III, 19, 65.

Отвѣдать, гл. д. *Попробовать*. Отвѣдай взять мою пошицу. III, 1, 32. Посланъ я поотвѣдать твоей силы. III, 1, 57.

Отдали, пар. *Издали*. Хоть отдали-то Турицы поганыя, посмотрѣли на князя на Владиміра. I, 20, 9.

Отдынуть, гл д. *Поднять*. Ср. **Здынуть.**

Откулечный, производное прилагат отъ **откуль,** откуда. Ты откуленшій, дородній, добрый, молодецъ. I, 10, 133.

Отложать, гл. д. *Отпирать задвижку*. Отложай воротечка рѣшетчетые. II, 7, 245.

Отодраться, гл воз. *Отдѣлиться съ силою*. Отодрался конь отъ сырой земли выше лѣсу стоячаго. III, 16, 123.

Отребный, пр. (отъ **отребье** или **отрепье,** низшій сортъ льна). Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ. III, 26, 68.

Отрушить, гл. д. *Сорвать*. Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ. I, 79, 73.

Отслышаться, гл. об. *Непослушаться*. Не можетъ отъ нихъ отслышаться. III, 53, 99.

Оттрагивать, гл. д. *Отодвигать*. Оттрагивала столики дубовые. III, 16, 215.

Отчина, с. ж. 1) *Отцовское имя*. Какъ тебя зовутъ по отчины. 2) *Отцовское значеше. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ:* Или мѣсто было не по отчины. I, 6, 27.

Охвота, с. ж. *Охота*. **заон.**

Охканье, с. ср. *Оханье, крикъ отъ боли*. Бухканья не слышно, охканье. III, 16, примѣч.

Охаплять, гл. д. *Охватывать*. I, 33, 157.

Очелье, с. ср. **карг.** *Передъ сороки, головнаго убора, надъваемаго на сдерику. Очелье бываетъ бѣлое, вытканное узорами, матеревое или парчевое и низанное жемчугомъ*. Красныя дѣвки очелье дерутъ. III, 24, 275.

Ошестокъ, с. м. *Шестокъ*. II, 59, 24.

Още, нар. *Еще.* Ѣхалъ Вольга още третій день. I, 3, 41.

П.

Па, надставка, *означаетъ въ сложныхъ словахъ неразвитое или бывшее прежде того, что выражено въ корнѣ слова.* Ср. На-дчерица, па-ужинъ, *(ѣда до ужина* послѣ обѣда), па-бѣдъ, *(ѣда до обѣда),* па-морокъ *(не полный мракъ, сумерки.)*

Пабѣдье, с. ср. *Время около* **пабѣда,** т. е *первой ѣды, бывающей до обѣда.* I, 72, 13.

Павитье, с. ср. *Молодыя, неразвившіеся вполнѣ вѣтки.* З. П. 9, 5.

Падовый, пр. На ту ли на улицу падовую. III, 24, 128.

Паевать, гл. д. *Дѣлить на паи.* Начнемъ на камню деньги паевать. I, 37, 421.

Палъ, с. м. *Обгорѣлый лѣсъ.* Очистить надо палъ отъ дубья колодья. I, 8, 71.

Паробка или **паробокъ,** с. м *Слуга.* И былъ взятъ у него малый паробка. I, 23, 41, III. Своего паробка, слугу вѣрнаго. III, 19, 39. Стоялъ его слуга, Акимъ паробокъ. IV, 20, 38.

Пахать, гл. д. *Мести.* Какъ метлой пахнули силу поганую. III, 26, 241.

Паче, нар. *Больше.* Крестовый братъ паче роднаго. II, 6, 93.

Пашница, с. ж. *Несчастливая.* Какъ у вдовушки было у пашницы. III, 62, 1.

Пелечко, с. ср. *Лопатка передней ноги у животнаго.* Подвязывалъ подъ пелечко подъ правое. III, Д.

Пело, с. ср. (множ. **пелы**), **пелька,** с. ж. (мн. **пельки**). *Передняя часть рубахи, покрывающая грудь.* На него дѣвки глядятъ, золоты пелы ломятъ. I, 46, 7. Копай по пелькамъ въ сыру землю. I, 30, 256.

Пенье, с. ср *Пни.* Колодье-пенье вы повырубите. II, 31, 202.

Пестно-уголъ, с. м. *Уголъ, гдѣ печь.* I, 55, 138.

Перебраный, пр. *Отборный.* Перебраный жемчугъ. З. С. 13, 109.

Перебѣгъ, с. м. *Пространство бѣга.* Перебѣгу ровно триста верстъ. III, 34, 37.

Перевалъ, с. м. *Холмистое возвышеніе между двумя увалами или ухабами.* Лежатъ-то мужики увалами и перевалами. I, 55, 74.

Перевозное, с. ср. *Плата за перевозъ.* Перевознаго дати нечего. I, 86, 184.

Переговорныя слова. *Пересуды.* З. С. 36, 6.

Перегрузъ, с. м. *Плотъ для подъема и перевоза груза.* Б. 19. 11.

Передомъ, въ вид. нар. *Впереди.* Единый корабль передомъ пошолъ. III, 41, 19.

Перекладъ, с. м. *Помостъ въ наружныхъ сѣняхъ отъ лѣсницы до дверей.* Переклады гиблются. III, 44, 124.

Перелѣтныя дрова, *срубленныя осенью и оставленныя сохнуть слѣдующія зиму и лѣто.* З. С. 39, 5.

Перемѣнщица, с. м. *Сѣняющая кого либо на работѣ.* Не легкая была перемѣнщица. З. С.

Переный, пр. *Окруженный перилами.* Крылечко переное.

Перепасться, гл. стр. *Испугаться.* Пѣвѣмъ дѣвица перепалася. I, 53, 231.

Переплавывать, гл. ср. *Переплывать.* Синія моря переплавывать. II, 6, 173.

Переправить, гл. ср. *Поколотить въ другой разъ.* I, 17, 152.

Пересмѣтывать, гл. д. *Сдѣлать смѣту.* Кто бы ѣхать могъ .... силу пересмѣтывать. III, 22, 89.

Пересѣсться, гл. возвр. *Наоорваться.* Бьется тамъ Ермакъ, пересядется. I, 19, 277.

Порехедъ, с. м. *Помостъ въ сѣняхъ или галлереи отъ на-*

ружной двери до жилыхъ покоевъ. Переходы колыбаются. III, 44, 123.

Перехолоднуть, гл. ср. *Сильно перезябнуть.* Сидятъ они всѣ перехолоднули. I, 76, 188.

Перить, гл. д. *Садить перьями съ обѣихъ сторонъ.* Стрѣлы перены перьемъ сиза орла. III, 29, 21.

Персъ, пересокъ, с м. *Перстъ, палецъ.* Пересни тоненьки все по женскому. II, 20, 105.

Печалить, гл. ср. *Печалиться.* Кручинитъ, печалитъ добрый молодецъ. III, 18, 90.

Печаловатый, пр. *Нѣсколько печальный.* Что идетъ кручиноватъ, печаловатъ. III, 39, 120.

Пластина, с. ж. *Половина разрубленнаго тѣла.* Безъ числа пластина принарублена. I, 56, 264.

Плаченый, пр. *Заплатанный.* На ножкахъ чоботы рваные-плаченые. II, 7, 269.

Племникъ, с. м. **племница,** с. ж. *Племянникъ, племянница.* I, 20, 125. I, 43, 178.

Плутивцо, с. ср. *Поплавокъ.* Плутивца клалъ серебряные. I, 4, 7.

Плывомъ плыть. Глубокія рѣки плывомъ плылъ. III, 58, 14.

Плящій, *(Отъ корня* **пл,** *откуда:* пламя, пылъ, пылать). *Эпитетъ огня и морозовъ.* Огни плящіе. З. С. 2, 23.

По, пр. *Для обозначенія продолженія времени.* По три дни и по три ночи. I, 1, 30. Наѣхалъ онъ ратая по третій день. I, 5, 12.

Побѣда, с. ж. *Бѣда.* Тая побѣда учинилася.

Побѣдный, пр. *Жалкій, бѣдный.* Взвивайся побѣдный зыченъ голосъ. З. С. 7, 51. Курица на морѣ побѣдна птица. II, 59, 94.

Повелѣный, пр. *Эпитетъ дѣла.* Дѣло повелѣное. I, 1, 32.

Повернуться, гл. воз. *Оборотиться львомъ, щукой.* Повернулся Вольга левымъ звѣремъ. I, 1, 37.

По версту, *Подходящій къ кому нибудь.* Неровня мнѣ, да не по версту. II. Ч. 4, 9.

Поверткій, пр. *Поворотливый, проворный.* Ильюша былъ на ноженьку повертокъ. I, 17, 136. III, 8, 34.

Поволока, с. ж. *Покрышка шубы* Шьютъ-то шубу черныхъ соболей, а поволоку-то дорогаго самита. III, 57, 256, 278.

Поволжаный, см. **волжаный.**

Поводиться, гл. об. *Случиться.* Поводился у Ставра свой человѣкъ. I, 42, 30.

Поводить, гл. д. *Собираться, приниматься вести.* Поводитъ Добрыня Настасью въ свой теремъ. II, 6, 230. *Ср.* **походить, поѣзжать.**

Поворотъ держать. *Вернуться* Скоро оны поворотъ держатъ. I, 9, 285.

Повыздынуть, гл. д. см **Здынуть.**

Повыщербить, гл д. *Выломать часть цѣлаго.* I, 75, 125.

Повыщербѣть, гл. ср *Иззубриться.* У нихъ сабли въ рукахъ погибалися, повыщербѣли на латы кольчужныя I, 13, 125.

Поговоря или **проговоря,** с. ж. *Оговоръ.* Рѣчь-проговоря все съ провизгомъ. II, 19, 144.

Погона, с. ж. *Погоня.* I, 30, 161..

Пограянье, с. ср *Покаркапье.* Чернымъ воронамъ на пограянье. III, 13, 132.

Погрядочка, с. ж. *Бѣлая бранечая занавѣска.* П. З. 1, 9.

Погуменный, пр. *Летающій по гумнамъ.* Сорока погуменная. II, 4, 66.

Подброздья, с. ср. множ. (отъ **брозды,** бразды, конскія удила, желѣзный колѣнчатый прутъ, которымъ посредствомъ узды взнуздываютъ лошадей). *Конецъ удилъ.* Беретъ коня .... за подброздья серебряныя. III, 34, 58.

Подворникъ, с. м. *Постоялецъ.* З. С. 1, 9.

Поддаивать, гл. д. *Поддавать въ шашки.* II, 24, 24.

Подзолоточка, с. ж *Колчанъ.* Клалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку. III, 17, 44.

Подкамедить, гл. ср. *Напроказить.* Кто этакъ подкамедилъ. II, 2, 93.

Подколѣнный, пр. (отъ **колѣно,** старшій въ семьѣ или родѣ). *Младшій.* Поклонъ ведетъ князю Владимиру и всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ. I, 10, 131.

Подлыгаться, гл. об. *Льстить въ глаза.* Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься. I, 10, 133.

Подмостъ, с. м. *Помостъ.* I, 17, 45.

Подневольный, пр *Подвластный.* Сила подневольная. II, 22, 114.

Подоболочье, с. с *Подобличье.* I, 85, 265.

Подорожникъ, с. м *Попадающійся на дорогѣ.* Было сорокъ человѣкъ разбойничковъ, ночныхъ все поддорожничковъ. I, 11, 23.

Подорожный, пр. *1) Взятый на дорогѣ или на дорогу. 2) Платежный за дорогу.* Они просятъ грошевъ подорожнихъ. А былъ я съ шалыгой подорожною. I, 3, 75, 76.

Подпахивать, гл. д. *Посметать.* Тутъ зашла она въ ложню подпахивать. II, 32, 67.

Подпорожный, пр. *Что подъ порогомъ.* Стала грязь подпорожная. I, 37, 246.

Подрачивачь, гл. д. (отъ корня **дрока,** *пьга, ласка*), *Ласкать.* III, 22, 73.

Подумиться, гл. об. *Думу думать съ кѣмъ нибудь.* Царица съ Катрюкомъ подумилася. III, 44, 6.

Подхилый, пр. *Отвислый.* II, 35, 13.

Подъ, пр. *Супротивъ, въ сравненіи.* Смѣлости подъ собаку у тебя нѣтъ. III, 9, 61.

Подъугольный, пр. *Слоняющійся подъ углами домовъ.* Обвернулся сѣрымъ волкомъ подъугольнимъ. III, 51, 124.

Поелзывати, гл. ср. *Елозить, вертѣться на мѣстѣ.* III, 24, 193.

Пожаливаться, гл. воз. *Жаловаться.* III, 39, 15.

Позаочь, нар. *За глаза, заочно, долой съ глазъ.* Возьми моего сына позаочь II, 54. Тебя не позаочь бранятъ. III, 43, 98.

Позволеніе, изволеніе, с. ср. *Распоряженіе.* Я теперь въ изволеньицѣ у матушки. З. С. 28, 11.

Поиграть, гл. д. *Обыграть.* Я тебя поиграю, Богъ проститъ. III, 27, 33.

Поклонливый, пр. *Любящій кланяться.* Будь головушка поклонлива. З. С. 43, 18.

Покляпый, пр. *Наклонный въ одну сторону.* У тоя у березы у покляпыя. I, 10, 29.

Покорливый, пр. *Любящій покорность, умѣющій покаряться.* Будь сердечушко покорливо. З. С. 43, 19.

Покраса, с. ж. *Показъ своей красоты.* Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ. III, 28, 174.

Покрутъ, с. м. *Нарядъ, убранство.* Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ. I, 65, 75.

Поле, с. ср. *Плоскій край таза.* Положилъ яйцо на поле тазовое. III, 58, 31.

Полякъ, с. м. II, 48, 69. См. **поленица.**

Поленица, с. ж. (Отъ корня **поляковать**). *Удалый молодецъ, который ѣздитъ по полю и ищетъ приключеній. Прозваніе иноземныхъ богатырей и женщинъ богатырш.* Проѣхала паленичища удалая. I, 12, 8.

Поленской, пр. *Поленицынъ.* Али ты полякъ есть, поленской сынъ. II, 48, 69.

Полестися, гл. вз. *Поластиться, поласкаться.* Не съ кѣмъ добру молодцу полестися. II, 50, 17.

Полномочный, пр. *У котораго всего вдоволь, независимый.* Поди хоть за полномочнаго крестьянина. I, 26, 55.

Полона, с. ж. *Взятое въ плѣнъ.* Станемъ-те теперь полону подѣлять. I, 1, 178.

Подкопь, с. ж. *Подкопъ, волчья яма.* III, 96, 193.

Полоняночка, с. ж. *Плѣнница.* III, 51, 54.

Польскій, пр. *Полевой. Эпитетъ ворона.* II, 7, 18.

Поляковать, ср. *Рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.* III, 25, 13.

Помахъ, с. м. *Пространство, перемахнутое, перескоченное лошадью.* I, 48, 357.

Пометный, пр. *Стоющій того, чтобъ бросить.* Дряпное лученушко пометное. I, 27, 403.

Пометочка, с. ж. *Памятная записка.* III, 22, 105.

Поморозница, с м. *Мѣсто морозное.* Сверху горница, внизу поморозница. З. П. 8, 8.

Помуравленый, пр. (Чердаки помуравлены. II, 31, 42). *См.* **Муравленый.**

Помшиться, гл. стр. *Обломиться.* Шеломчатые гвоздики не помшилися. З. С. 7, 34.

Помятушиться, гл. об. *Помутиться.* Бѣлый свѣтъ въ глазахъ помятушился. II, 32, 139.

Понаводить, гл. д. *Поправить.* Перешили они башмаки, понаводили. III, 57, 221.

По надобью, въ вид. нар. *Сколько надобно.* А мы пошлину выплатимъ по надобью. II, 52, 88,

Понадѣться, гл. возвр. *Одѣться.* I, 84, 6.

Понакнуться, гл. об. *Согласиться.* Скоро Добрынюшка понакнулся. I, 30, 68.

Понапрасные, въ вид. нар. *Понапрасну.* III, 11, 19.

Поневольный, пр. *Невольный.* Мое дѣло поневольное. III, 56, 214.

Поносный, пр. *Беременный.* Поносныя бабы разродились. II, 63, 742.

Поносъ, с. м. *Беременность.* Захотѣлось на поносѣ мнѣ мяса лебединаго. I, 34, 76.

Поносъ понести. *Забеременить.* А втапоры княгиня поносъ понесла. I, 1, 2.

Пообидовать, гл. ср. *Жаловаться на обиду.* Попеняю, пообидую. З. П. 8, 52.

По-однакому, въ вид. нар. *Одинакимъ образомъ.* I, 27, 700.

Поостопаться, гл об. *Потоптаться.* Дайте мнѣ маленько поостопаться. II, 8, 58.

Поочепно, нар. *Очень.* Поочепно велико здоровье въ себѣ чую. II, 2, 40.

Попровѣдать, гл. д. *Провѣдать.* Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка. I, 12, 195.

Попустить голосъ, *Запѣть громко.* З. С. 11, 22.

Пора, с. ж. *Сила, опоръ.* Во всю-то пору лошадиную. I, 27, 637.

Поразмалтаться, (отъ корельскаго глаг. **малтада,** умѣть), гл. об. *Прійти въ себя.* Какъ всѣ они поразмалтались. II, 63, 751.

Порато, нар. *Сильно.* Дюкъ порато въ чужихъ людяхъ хвастаетъ. II, 29, 181.

Поретовать, гл. ср. (отъ корня **рет,** ретивый). *Сердиться.* Посудьячу, поретую. З. П 8, 51.

Поровеночка, с. ж. *Однолѣтка.* З. С. 45, 52.

Порока, с. ж. *Закладъ.* Порокъ поставили пятьсотъ рублей. III, 29, 342.

Пороха, порошица, с. ж. *Молодой сынъ.* III, 27, 3—4.

Портъ, с. ж. *Платье, одежда.* Иной хвастаетъ шелковымъ портомъ. II, 16, 11.

Порутчикъ, с. м. *Порука, поручитель.* III, 29, 404.

Порученки, с. ж. мн. *Перила.* Настланы мостички кирпичные и порученки положены калиновы. I, 48, 70.

Поручный, пр. *За рукоприкладствомъ.* Записали записи поручныя. II, 28, 488.

Порядный, пр. **пуд.** *См.* **Спорядобный.** З. П. 7, 18.

Порядь, с. ж. Становитесь всѣ попоряди. III, 41, 34.

Посажденье или **посаженье,** с. ср. *Благословеніе посаженаго отца или посаженой матери.* З. С. 10, 32.

Поселица, с. м. *См.* **Поселье.** III, 24, 91.

Поселье, посельице, с. ср. *Мѣсто поселенія, постояннаго жительства.* III, 2.

Поскакучій, пр. *Эпитетъ заіца.* Поскакучіихъ заюшекъ. I, 1, 41.

Поскокъ, с м. Скочилъ конь на три поскока. III, 34, 180.

Пословничать, гл. ср *Жить въ послахъ.* По три году Добрынюшка пословничалъ. II, 4, 3.

Послѣдне, нар. *Въ послѣдній разъ.* Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися II, 49, 71.

Посмѣхъ вести, *Насмѣхаться.* На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ. I, 13, 21.

Пособникъ, пособничекъ, с м. *Помощникъ.* III, 21, 54.

Постельничать, гл. ср *Убирать постель.* III, 53, 44.

Постельщикъ, с. м. *Постилальщикъ.* Постельщики по дорожкамъ сукна постилаютъ. III, 30, 318.

Посѣдатѣть, гл. ср. *Посѣдѣть.* Русы кудри посѣдатѣли. I, 74, 198.

Посѣмена, с. ср. *Сѣмена.* I, 27, 573.

Потикъ, с. м. *Подикъ у печки* III, 24, 149.

Потникъ, потикъ, с. м. *Подстилка подъ сѣдло, чтобы не терпѣть спину лошади.* Потнички клалъ на потнички, а на потнички кладетъ войлочки. I, 24, 13, III, 15, 13.

Потархивать, гл д (отъ корня **торокъ,** ударъ вѣтра). *Толкать.* Зачали калику потархивать. III, 9, 35.

Потоки, с. м. мн. *Выдолбленныя бревна, на которыя опираетел нижними концами своими кровля избы и по которымъ стекаетъ дождевая вода.* Потоки съ потоками сростались. III, 63, 33.

Потребить, гл. дл *Убить.* Моего-то мужа взяли-потребили. III, 62, 15.

Потурять, гл. д (Отъ корня **тр,** означающаго толчокъ, ударъ, а за тѣмъ поспѣшность) *Погонять ударами, торопить.* Не твое было дѣло коня потурять. III, 28, 151.

Потыкаться, гл. об. *Спотыкаться.* Что ты собака потыкаешься? I, 10, 63.

Поученый, пр. *Знающій.* Молодцы поученые, скоморохи. III, 43, 14.

Пофурекивать, гл. ср. *Фыркать.* Станетъ конь въ лошадиныя ноздри пофурскивать. III, 2, 17.

Похматка, с. ж. *Похватка.* Повыучить всѣмъ похматкамъ, поѣздкамъ богатырскимъ. I, 47, 202.

Походить, гл. ср. *Собираться итти.* Походитъ Василій на почестный пиръ. III, 39, 71.

Пошапка, с. ж. *Пощапка, щегольство.* III, 18, 62.

Пошатать, гл ср. *Встряхнуть.* Пошатаю своей старостью глубокою. II, 7, 262.

Почерпуга, с. ж. *Посуда, употребляемая для черпанія воды.* Третья сила пила почерпугами. III, 51, 99.

Почтивать, гл. д. *Подчивать, угощать.* Чимъ будешь гостя почтивати. I, 45, 118.

Поѣзжане, с. м. мн. *Провожатые жениха.* З. С. 45, 9.

Поѣзжать, гл. ср. *Собираться ѣхать.* Поѣзжалъ я добрый молодецъ. I, 9, 210. Ты куда поѣждешь на широко далече чисто поле. III, 17, 13.

Прека, с. ж. *Упрекъ, укоръ.* Мнѣ за преку будетъ за великую. III, 31, 46.

Прета, с. ж. *Перекоръ, раздоръ.* Съ каменной Москвой прѣты не было. III, 39, 7.

Прибавочекъ, с. м. *Прибавка.* I, 78, 26.

Придержать, гл. д. *Издержать.* З С. 2, 64.

Призабавить, гл. ср. *Промышкать, пропустить что либо.* Мѣстечка всѣ призабавлены. II, 63, 386.

Призагормовѣть, гл. ср. (**заон.** призагорбовѣть). *Призалѣснѣть.* Бѣлоярово тишено призагормовѣло. III. 26, 22.

Призаздынуть, гл д *Приподнять.* III, 33, 21.

Призоръ, с. м *Дѣйствіе слезенья* На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ. III, 59, 47.

Прикладка, с. ж. Говори не съ упадкою, говори со прикладкою III, 44, 38.

Прилучиться, гл. об. *Случиться.* Я одна прилучилася. III, 27, 21.

Приниматься къ рѣчамъ, гл. об *Обращать вниманіе.* Къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался. III, 47, 26.

Пріогрюшиться, гл. воз. *Погрузиться.* Чурила посередъ рѣки пріогрюшился. I, 48, 362.

Пріокинуться, пріукинуться, гл. воз. *Польститься.* На тыя лясы Батыга пріукинулся. III, 37, 134.

Пріомалтаться, гл. воз. *Прійти въ себя, справиться.* (Отъ карельскаго корня **малтада,** передѣланнаго изъ русскаго корня **умѣл).** Тутъ-то Илья пріомалтался. I, 9, 170.

Пристраниться, гл. воз *Посторониться.* Пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку маленько. I, 15, 78.

Присѣнникъ, с м *Сѣнный служитель.* З. С. 13, 20.

Притычизать, гл. д. *Притыкать.* Тычки къ берегу притычивали. III, 33, 35.

Пріужахнуться, гл. воз. *Ужаснуться.* Его сердце богатырское пріужахнулось I, 12, 111.

Пріулокъ, с. м. *Переулокъ.* III, 44, 43.

Причетникъ (отъ **чета,** дружина). *Дружинникъ.* II, 46, 5.

Прищивиться, гл. воз. *Плотно пристать къ чему нибудь, отъ* **прищивить**-*слѣпка приколоть иголкою.* Серебряной иголочкой прищивиться. З С. 9, 9.

Провизгъ, с. м. *Визгливый тонъ рѣчи.* Рѣчь-проговоря все съ провизгомъ. II, 19, 144.

Проводины, с. м. мн *Трата за проводъ коня съ одного мѣста въ другое.* Мой конь . . . . съ проводинами сталъ цѣлу тысячу. III, 34, 153.

Прогрязывать, гл. ср. *Погрязнуть въ грязь.* Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ I, 30, 162.

Прогуркивать, гл д *Воркотать.* I, 27, 619.

Продрыгивать, гл. ср. *Вздрацивать, дрожать.* Мать сыра земля продрыгиваетъ. I, 12, 294.

Проклаждаться, гл. воз. *Продолжаться.* И много времени проклаждается. III, 17, 65.

Прокурить, гл. ср. *Подняться столбомъ.* Одна куревка прокурила. II, 63, 75.

Прокырчить, гл. ср *Кикать, кричать по лебединому.* Не бѣлая лебедушка прокырчила. III, 27, 15.

Пролетный, пр. *Пролетающій.* Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному. I, 9, 85.

Промежъ, нар. *Между.* I, 17, 10.

Пропетаться, гл. об. *Провозиться до поту.* Пропетался съ Соловьемъ. II, 3, 89.

Прописать, гл. д. *Писать на конъ* (въ игрѣ въ шахматы). Прописалъ король свою землю польскую. II, 15, 226.

Просвѣтлить, гл. д. *Дать свѣтъ.* Зоринька просвѣтлила. III, 27, 123.

Просто, пр. *Легко.* Тобѣ просто надо мною насмѣхатися, какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою. I, 12, 201.

Простокиша, с. ж. *Простокваша.* П. З. 3, 17.

Просторый, пр. *Просторный.* Дубовая колода просторая. II, 15, 122.

Проступывать, гл. ср. *Ступать потихоньку.* III, 51, 146.

Прохватиться, гл об. *Спохватиться, прійти въ себя.* Спитъ Илья Муромецъ, высыпается, не прохватится ото сна богатырскаго. I, 12, 290.

Прощаться, гл. об. *Просить прощенье.* Прощается Василій во первой большой винѣ. II, 11, 115.

Прямохожій, пр. *Эпитетъ дороги.* Дорожка прямохожая. II, 3, 23.

Пугвица, с. ж. *Пуговица.* Покатилась голова, будто пугвица. II, 6, 120.

Пустохвастъ, с. м. *Хвастающій вздоромъ.* Олеша пусто-

хвастъ то есть, вѣкъ Олеша пустымъ хвастастъ. II, 7, 79.

Путо, путевья, с. ср. *Сѣти.* Вяжите путевья шелковыя. I, 1, 73.

Путыни, с. ср. *Путы.* Поразлопали путыни шелковыя. III, 22, 281.

Пшена, с. ж. *Пшеница. Пшена бѣлоярова постоянный конскій кормъ въ былинахъ, напр.,* III, 11, 71.

Пырять, гл. д. (отъ корня **пыр,** означающаго быстроту движения, напр. **прыткій**) *скоро разъѣзжать.* Не твое дѣло было по полю пырять. III, 28, 150.

Пьянь, собир. имя *Пьяницы.* Дала ты мнѣ пьянь да голь кабацкую. III, 56, 141.

Пѣвучій, пр. *Пѣвчій.* Птицы пѣвучія. I, 49, 307.

Пѣхотою, въ видѣ нар. *Пѣшкомъ.* Усмотрѣлъ идучись молодца пѣхотою. III, 1, 5.

Пясть, пялъ, гл. д. *Пнуть.* Пялъ Чурила правой ногой. III, 29, 562.

Пята, с. ж. *Конецъ стрѣлы противуположный острію.* Вчерано было въ пяты каменье все яхонты. III, 29, 44.

Пятникъ, пятничекъ, с. м. *Крюкъ у воротъ.* Ко тымъ ко пятничкамъ ко булатнимъ. III, 26, 89.

Пененизо, (т. е. *Пенензисто,* отъ **пенязь,** пенензь, какъ монисто отъ монета), с. ср. *Металлическая цѣпь.* III, 35, 243.

Р.

Рагуза, с. ж. Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ. III, 59, 38.

Развалить, гл. д. *Расчистить.* Развалилъ поле великое. II, 2, 89.

Разгуркаться, гл. воз. *Разворковаться.* Голубь да голубка промежъ собой разгуркались. I, 37, 185.

Разложиться, гл. об. *Разсудиться.* Что ему по разуму разложится. II, 23, 74.

Разрывчатый, пр. *Эпитетъ лука.* Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ. I, 10, 65.

Раменье, с. ср. *Мѣсто, гдѣ растетъ большой строевой лѣсъ.* Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью. I, 1, 2, 66.

Раскрежаться, гл. стр. *Разломаться.* Столы всѣ дубовые раскрежались. I, 30, 121.

Распастаться, гл. воз. (отъ **пасъ,** поясъ). *Распоясаться.* Скоро Ванюшенька распастался. I, 17, 71.

Раструбистый, пр. *Трубою.* Эпитетъ кафтана и сарафана. III, 37, 176.

Растуляться, гл. воз. *Попрятаться.* I, 64, 55.

Расхутиться, расхучиться, гл. возвр. *Попрятаться* (Отъ корня **хит, хут**). Всѣ по чуланчикамъ расхучалися. III, 9, 19.

Ратай, с. м. *Землепашецъ.* Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ. I, 3, 28.

Ребро, с. ср. *Вм. Бедро, напр.* III, 5, 122.

Ревня, с. ж. *Ровня.* II. 3. 4, 17.

Рель, с. ж. *Висѣлица.* Будьте скоро у рели у дубовыя. III, 56, 201.

Риньга, с. ж. *Гридня, столовая комната.* Гляди-тко на риньгу королевскую. II, 12, 98.

Рипсоватый, (отъ **рибуша,** испорченнаго изъ корельскаго *ритак,* которое въ свою очередь испорчено изъ русскаго *тряпка.* Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ употребляется и *ришковатый* отъ *ряски,* тряпье, откуда глаголъ *ряшиться),* пр. *Употребляется о матеріи, которой ткань начинаетъ расползаться и на окончностяхъ виситъ нитками.* Рипсоватые подолы Почезерочки. II, 11, 154.

Робить, гл. д. *Работать.* Не работы робить деревенскія. II, 33, 50.

Ровнакій, пр. *Ровный.* Обѣ половиночки на взглядъ ровнакія. I, 30, 225.

Ровнымъ, въ вид. нар. *Ровно.* А волосомъ, ростомъ ровнымъ съ меня. I. 17, 112.

Рогачъ, с. м. *Рукоятка у сохи.* Ушла сошка до рогача въ землю. I, 4, 47.

Родитель, с м. *Родной.* Ай же ты, родитель мой дядюшка. II, 13, 21.

Родникъ, с. м. *Сродникъ, родственникъ.* I, 43, 171.

Роздѣять, гл. д. *Разсыять.* Гдѣ роздѣять мнѣ великая кручинушка. З. П. 1, 33.

Розливной, пр. *Эпитетъ весны.* До разливной красной веснушки. З. С. 1, 3.

Розстань, с. ж. *Перекрестокъ.* Пріѣхалъ Илья Муромецъ на розстани. I, 11, 2.

Ромода, с. ж *Хлопоты, безпокойство.* Сочинилась ромода. III, 59, 105.

Розбракаться, гл. воз. *Разболтаться.* Тутъ ты, удалый, раскуражишься и порозбракаешься. III, 53, 77.

Роскатный, пр. *Эпитетъ шлема.* Другая сила пила роскатнымъ шеломомъ. III, 51, 98.

Рудожелтый, пр. *Красножелтый. Эпитетъ песковъ.* I, 49, 393.

Рукобитье, с. ср. *См. свадебный обрядъ въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ.*

Рукотерникъ, с. м. *Полотенце ручное, не личное.* П. З. 3, 15.

Рыкучій, пр. *Издающій рыкъ.* Звѣри рыкуціе. I, 49, 308.

Рыскучій, пр. *Эпитетъ звѣрей: волка, оленя, тура.* III, 19, 60.

Рыть, гл. д. *Бросать.* Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски, и рылъ онъ по раздольицу чисту полю. I, 12, 319.

Рыцарь, с. м. III, 21, 131.

Рѣчистый, пр. *Эпитетъ языка.* З. С. 2, 31.

Рядный, пр. *Холщевый.* Рядные сарафаны Кенозерочки. II, 41, 155.

Рядобный, пр. *Идущій, достающійся по ряду.* Али чара ти шла не рядобная. I, 6, 26.

Рядомъ дойти, въ вид. нар. *Какъ сидять, по ряду.* Али чара тебѣ не рядомъ дошла. II, 18, 48.

Ряды рядить, *Быть судьею и надзирателемъ за порядкомъ.* Стань-ко къ намъ ряды рядить. III, 6, 21.

С.

Саженый перьями, пр. *Оперенный.* III, 30, 10.

Самитъ, с. м. *Аксамитъ.* III, 24, 131.

Самолетный, пр *Летающій самъ собою.* Коверъ самолетный. III, 57, 164. Орелъ самолетный. III, 58, 9.

Самосмѣнный, пр. *Самъ собою перемѣняющійся.* Надѣвастъ платье самосмѣнное. III, 25, 4.

Сбережатай, с. м. *Охранитель.* Не было въ Москвѣ сбережатая. III, 45, примѣч. 5.

Сверкучій, пр. *Эпитетъ молніи.* З. С. 45, 4.

Сверстной, пр. *Ровный, подходящій.* Умомъ сверстна. III, 56, 22.

Свистучій, пр. *Эпитетъ соловья.* З. С 32, 16.

Сворохнуться, гл. воз. *Пошевелиться.* Сидитъ Соловникъ, не стряхнется, желтыя кудерка не сворохнутся. I, 14, 40.

Свычный, пр. *Привычный.* Какъ Илья былъ свыченъ, догадливъ былъ. I, 14, 83.

Сдержава, с ж. *То, за что можно держаться.* Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка. I, 26, 40.

Сдоложиться, гл. воз *Выпроситься, испросить чьего нибудь разрѣшенія.* У царя сдоложилася. III, 44, 5. Доложусь я во любимое гостебищо. З. С. 6, 2.

Сдѣять, гл. д. *Сдѣлать.* Тутъ оны здоровье сдѣяли (поздоровались). I, 9, 196.

Семья, с. об. *Общее названіе супруговъ въ отношеніи къ другъ другу, подобно тому, какъ нарочка общее названіе любящихся.* З. П. 11. 4.

Середа, с. ж. *Пол.* **карг.** По той-то середы по кирпичныя. II, 23, 57.

Сеевѣтный, пр. *Сего свѣта.* По сеевѣтному есть прегрѣшеньице. III, 25, 135.

Сивогривый, пр. *Съ сивой гривой.* III, 34, 120.

Сидуномъ, въ вид. пар. *Сидемъ.* Тридцать лѣтъ іонъ сидѣлъ сидуномъ. II, 2, 3.

Сидѣльный, пр. *Знитетъ бесѣдки.* II, 31, 41.

Силомъ, въ вид. пар. *Силой.* „Добромъ буде не дашь, силомъ возьму. III, 8, 7.

Сказать Божью помочь. *Поздороваться.* Не сказала Божьей помочи богатырямъ. I, 12, 16.

Склеснуть, гл. д. *Схлеснуть, такъ сдавить въ одно мѣсто, что послышится „хлесть“.* Третьяго склеснулъ въ середочку. II, 20, 230.

Сколнуть, гл. д. *Сколотить.* Сколнутъ оѳѣшки булатніе. III, Д.

Скоморовчатый, пр. *Скоморошій.* I, 27, 680.

Скорбить, гл. д. *Доводить до скорби.* Скорбила она лице бѣлое. I, 25, 74.

Скоромъ, с. м. *Скоромное.* Среду-пятницу скоромъ кушаютъ. III, 56, 183.

Скрятать, гл. д. *Скрутить, захватить въ плѣнъ.* Тутъ они скрятали татарина поганаго. I, 20, 284.

Скурлатный, пр. *См.* **Скурлатъ.**

Скурлатъ, с. м. *Шерстяная ткань разнаго цвѣта, напр.* **голубъ скурлатъ.** Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна. I, 45, 83.

Славу пѣть кому нибудь. *Пить въ честь умершаго. Въ древности смерть героя или богатыря сопровождалась пѣніемъ хвалебныхъ пѣсенъ въ честь покойника. См. напр. Амміана Марцеллина о смерти Теодорика Готѳскаго* XLI *и Аттилы* XLIX. Тутъ Соловью и славу поютъ. I, 10, 230.

Слезить, гл. д. *Вводить въ слезы* Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей. I, 25, 13. Слезила она очи ясныя. I, 25, 73.

Слухать, гл. д. *Слушать* Слухайте больнаго брата. I, 1, 24.

Сыть, с. ж. *То, чимъ бываютъ сыты.* Ахъ ты, волчья сыть. III, 4, 24.

Слыхъ, с. м. *Слухъ.* Двенадцать лѣтъ и слыху нѣтъ. I. 78, 147.

Смануть, гл. ср. *Прибратьея.* Смануль Ванька въ подворотенку. I, 76, 30.

Смертный, пр. *Грозящій смертію, напр.,* **смертное побоище, мѣсто.** Почто вы меня бьете-убиваете и со смертнаго мѣста не спущаете. III, 11, 34.

Снарядный, пр *Нарядный.* Что Катерина не снарядна идешь? III, 27, 97.

Споровить, споровливать, гл. ср. *Содѣйствовать.* Своимъ Татарамъ не споровливаешь. III, 9, 131.

Собиться, гл. без. *Быть по себѣ, чувствовать себя хорошо.* Илье Муромцу не спится, мало собится. III, 35, 203.

Собачина, с. ж. *Шкура.* Сердце смердитъ на собачину. II, 54.

Собольщикъ, с. м. *Обдѣлыватель собольихъ шкурокъ.* II, 51.

Со временемъ, въ вид. нар *По истеченіи извѣстнаго времени.* II, 50, 31.

Совѣтный, пр. *Съ кѣмъ совѣтуются.* Совѣтные милы подруженьки. З. С. 6, 14.

Совѣтовать, гл. д. *Держать совѣтъ.* Что онъ царь совѣтуетъ со своей царицей со Давыдьемъ I, 2, 79—80.

Содержатай, с. м. *Который можетъ сдержать, остановить.* Не было въ Москвѣ содержателя. III, 45, примѣч. 4.

Сожидать, гл. д. *Ждать.* Промежду собой уговорилися братьямъ дружка-дружкѣ сожидать. II, 13, 37.

Сойка, с. ж. *Лѣсная сорока.* II, 56, 68.

Сокрутиться, сокручаться, гл. воз. *Нарядиться.* Сокрутился онъ старчищемъ пилигримищемъ. III, 8, 8. I, 56, 181.

Солоный, пр. *Соленый.* I, 75, 90.

Сорога, с. ж. *Рыба плотица* Рыбу сорогу повыловили. III, 24, 29.

Соромы довести кому. *Осрамить.* Молодыхъ молодицъ соромы довели. III, 24, 78.

Сохутиться, гл. воз. *Спрятаться* II, 15, 253.

Сподобляться, гл. воз. *Готовиться.* Мужики Бѣжеговцы къ скорой смеретушки сподобляются. III, 6, 10.

Спознаться, гл. воз. *Дать себя признать.* Срѣтается царю земельному и самъ ему не спознается. III, 57, 188.

Сноровка, с. ж. *Сноровка.* Ты не знаешь сноровки богатырскія. I, 20, 134.

Спорядобный, пр. **заоп.** *Знатенъ сосѣдовъ.* Живущіи рядомъ. З. С. 2, 80.

Спящій, пр. *Усыпляющій* Спускалъ зелья спящаго. I, 36, 136.

Сродники, сродцы. *Родственники.* З. С. 6, 21.

Сряжаться, гл. воз. *Снаряжаться.* Сряжался Илья Муромецъ. II, 3, 1.

Ссать, гл. д. *Сосать* Ладила змѣя ссать тѣло мертвое. I, 37, 230.

Стадо, с. ср. *Стая.* Налетѣло на молодца стадо грачевъ. III, 29, 138. **Стая** *же въ Олонецкой губерніи означаетъ дворъ у дома.*

Станешенькій, пр. *Статный.* Станомъ была станешенька. II, 52, 16.

Станливый, пр. *Рано встающій.* Лѣнивая у него взята, не станливая. З. С. 9, 20.

Станъ, с. м. *Глубокое мѣсто, въ рѣкѣ, озерѣ, морѣ.* А рыбы ушли въ глубоки станы. I, 4, 4.

Статникъ, с. м. (Отъ корня **тать**). *Грабитель, воръ.* Наѣхалъ статьниковъ, разбойниковъ. III, 11, 22.

Статья, с. ж. *1) Собственно свойство характера, качество, выпавшее кому нибудь на долю.* Сколько тыя статьи есть, а другимъ Богъ не далъ. I, 25. 25. *2) Самая участь, судьба. Судьба, по древнему воззрѣнію, при извѣстныхъ случаяхъ взвѣшивается высшими силами, и за тѣмъ выпадаетъ человѣку счастіе или несчастіе. Оттого* во II, 27, 26. *находимъ:* Не по Дюковой пало участи, *а въ* III, 29, 159. Подошла статья Дюка Степановича, *т. е., наставала роковая минута въ судьбѣ Дюка.*

Стойка, с. ж. *Косякъ у окна.* Шапка Чурилина на стойкѣ виситъ. I, 46. 59.

Столованье, с. ср. *Пированье.* Завелося столованьице почестенъ пиръ. III, 22, 13.

Стольничать, гл. ср. *Исправлять должность стольника.* III, 53, 43.

Столыпаться, гл. об. *Бродить толпами.* Голи по царевымъ кабакамъ столыпаются II, 65, 24.

Стопка, с. ж. *Вышалка.* Беретъ со стопки саблю острую. III, 27, 120.

Стоялый, пр. *1) Давно стоявшій, эпитетъ меда, напр.* I, 48, 114. *2) Гдѣ есть стойла. Эпитетъ конюшни, напр.* II, 28, 68.

Стравница, стратница, с. ж. *Губительница.* Маришка стравница. II, 4, 15.

Струмя, с. ж. *Стремя.* Вязалъ Соловья ко струмену. II, 3, 44.

Стрѣта, с. ж. *Встрѣча.* И на стрѣту ѣдетъ Илья Муромецъ. I, 17, 40.

Студоватый, пр. *Толстый.* Студовато личище. III, 59, 112.

Ступа, с. ж. *Шагъ.* Микула-то ѣдетъ ступою впереди. I, 5, 29.

Ступень, с. м *Ходъ.* Просмотрѣлъ ступень шашечный. I, 27, 355.

Ступистый, пр. *Эпитетъ лошади.* З. С. 1, 32.

Ступь, с. ж. *Ступа, тихій шагъ, слѣдъ.* Наѣхалъ онъ на ступь лошадиную. II, 30, 119.

Стѣнь, с. ж. *Образъ, подобіе живаго существа, отсюда — тинь, призракъ.* Напишите намъ его всю стѣнь-то человѣческую. З. II. 8, 50.

Сугона, с. ж. *Погоня.* Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною. I, 74. 203.

Суды судить. *Быть судьею.* Стань-ко къ намъ суды судить. III, 6, 20.

Супостатый, пр. *Злющій (отъ* **супость,** *злоба).* Поминайте Терентья постылаго и супостатаго. III, 43, 94.

Супротивиться, гл. об. *Драться, вступить въ бой.* Самъ-ли пойдешь, али меня пошлешь съ Тугариномъ супротивиться. III, 20, 43.

Супротивникъ, с. м. *Сверстный, ровный по силѣ или другому свойству противникъ.* Выкликаетъ она поединщика, супротивъ себя да супротивника. I, 12, 50.

Сурядинный, пр. *Изъ толстаго сукна.* Накинулъ попону не сурядинную. III, 29, 98.

Сустигнуть, гл. ср. *Настигнуть.* Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай. I, 36, 163.

Сутычь, нар. *Вплоть.* Ударилъ сутычь по шеѣ-то. I, 14, 85.

Сухояловый, пр. *(Отъ* **яловый).** *Голый, пустой.* Нашелъ Василій косточку сухояловую. III, 15.

Схарпывать, гл. ср. *Всхрапывать.* Спитъ богатырь схарпываетъ. I, 37, 75.

Сходня, сходенка, с. ж. *Лѣстница.* I, 54, 64. II, 31, 14. III, 32, 46.

Счастки, с. ж. мн. *Счастье, удача.* III, 15, 17.

Счудиться, гл. об. *Сотвориться (о чудѣ).* Что это чудо счудилося. III, 33, 81. III, 32, 132.

Сѣверикъ, сиверикъ, с. м. *Сѣверный вѣтеръ.* Б. 4, 2.

Сѣдатый, пр. *Сѣдой.* Было-то исище сѣдатое. III, 20, 17.

Т.

Тавлеи, (валеи), с. ж. мн. *Шашки, шахматы.* Играютъ въ шашки, шахматы, во тыи вели золоченые I, 19, 225.

Тамый, пр. *(производное отъ нарѣчія* **тамъ**). Я изъ тамаго изъ города изъ Муромля. III, 5, 78.

Тарыкать, потаркивать, гл. д *(Отъ* **торокъ,** *Сильный ударъ вѣтра). Бить, ударять.* Гдѣ было Татарина коньемъ тарыкать. I, 30, 171. Сталъ косматаго бурушка потаркивати. I, 36, 175.

Темный, темный глазами, пр. *Сѣдой.* II, 55, 4.

Теперечу, теперече, нар. *Теперь.* III, 22, 38.

Тереть, гл ср. *Толкать другъ друга въ потыкахъ, (отъ корня* **тр,** *постышать, откуда и* **туркій**-*постышный,* **туриться**-*стышить).* Бѣжатъ да трутъ промежу собой. I, 9, 275.

Тетива, с. ж. *Веревка, прикрѣпленная къ верхнему или нижнему основанію четыреугольной сѣти.* Тетивочки были семи шелковъ. III, 24, 21.

Тожно, нар. *Тогда, въ такомъ случаѣ.* Дайте выпить чару зелена вина, тожно засвищу я вамъ въ полсвиста. II, 3, 111.

Толкучій, пр. *Сталкивающійся.* Стоятъ горы толкуши. I, 48, 40.

Толмачить, гл. ср. *Понимать и переводить.* Кто знаетъ баять по русскому, толмачить по татарскому. III, 33, 14.

Тоневье, с. ср. *Тони, сѣти.* Вяжите вы тоневья шелковыя. I, 2, 26,

Тонецъ, с. м. *(Отъ* **тонъ,** *иногда произносится* **танецъ**), *тонъ.* Тонцы по голосу налаживаетъ I, 33, 32. Тонцы онъ ведетъ отъ Нова-города I, 53, 33. Тонецъ поетъ. III, 33, 84.

Топучій, пр. *Тонкій.* Ольги топучія. III, 5, 100.

Торить, гл. д. *(Отъ корня* **тр**). *Торопить ударами.* Алеша гонялъ, торилъ добра коня. II, 28, 489.

Торгомъ торговать. Торгомъ ли торговать. III, 32, 80.

Тороки, с. м. мн. *Дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.* Настасью Дмитріевну въ тороки вязалъ III, 23, 70.

Тоцливый, пр. *Тоскливый, имѣющій жалость.* Тоцливая тетушка. З. II. 3, 2.

Тошто, нар. *Тогда, то.* Буде не пріѣдетъ Добрыня со чиста поля, тошто я Настасья хоть вдовой живу, хоть замужъ пойду. III, 10, 75. Пусть-ко Дунай въ горобры погоститъ, тошто Дунай объумѣется. II, 12, 125.

Тощиться, гл. об. *Истощаться.* Есть-то у Олешеньки золота казна, не тощится. II, 21, 23.

Трапезовать, гл. д. *Обѣдать.* Садился хлѣба кушать, трапезовать. II, 7, 112.

Треста, трестиночка, с. ж. *Тростникъ.* III, 29, 17.

Треста, с. ж. *Полотнище.* Бралъ ее за тресту за заднюю. I, 9, 173.

Трое, трое, нар. *Трижды.* А будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы. I, 4, 77. I, 17, 145.

Трудница, с. ж. *Работница.* Знать я вамъ была не трудница, не работница З. С. 1, 5.

Трынкать, гл. ср. *Рвать къ клочья, расклевывать (отъ того же корня* **трупье-***лохмотья,* **трянки-***тряпки).* Черные вороны тѣло трынкаютъ. III, 18, 102.

Ту, нар *Тутъ.* Закричалъ ту Кирилушка во всю голову. III, 26, 11. Она видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку, ту она и слезно плакала. I, 20, 29.

Тукъ, с. м. *Дородство.* Было туку пришабавлено. З. С. 14, 17.

Тулово, с. ср. *Туловище.* У Добрынюшки головушка отсѣчена, а тулово лежитъ посреди поля. II, 6, 141.

Туляться, гл. воз. *Прятаться.* Большой туляется за средняго. I, 2, 85.

Тупица, с. ж. *Затупленный топоръ.* I, 83, 33.

Турица, с. ж. *Самка тура.* I, 20.

Турыжный, пр. *Потаскушка.* I, 85, 36.

Тухлый, пр. *Потухший, мутный.* Поглянулъ Грозный царь тухлымъ окомъ. I, 66, 143.

Тучмянный, пр *Вм. тесмянный.* III, 22, 232.

Тынить, гл. д. *Обносить тыномъ.* Золотомъ-то не тыны тынить З. С. 32, 47.

Тычка, с. ж. *Что втыкаютъ.* Тычки втыкайте въ круты берега. I, 53, 69.

Тѣсто, с. ср. *Густой растворъ изъ овсяной муки.* III, 59, 25.

У.

Убавочекъ, с. м. *Убавочка.* I, 78, 26.

Увалъ, с. м. *Ухабъ, выбоина. См.* **перевалъ.** Лежатъ-то мужики увалами. I, 55, 73.

Угожество, с. ср. *Красота.* Не для красы, для угожества. I, 20, 162.

Удоистый, пр. *Эпитетъ коровы.* З. С. 1, 31.

Удроба, с. ж. *Робость.* Говоритъ Иванъ да не съ удробою. III, 23, 93.

Укинуться, гл. воз. *Накинуться, польститься.* Илья на женскую прелесть не укинулся. III, 11, 91.

Укладка, с. ж. *Пріятность.* Говори не съ укладкою, говори со прикладкою. III, 44, 37.

Уклетать, гл. ср. *Поблекнуть.* Всѣ травы-муравы уклетаютъ. III, Д.

Укрѣпа, с. ж *Крѣпость.* Не для красы, для угожества, а для ради укрѣпы богатырскія. I, 20, 163.

Укрятать, гл. д. *Укротить.* Не укрятаешь плеча ты могучаго. I, 72, 30.

Уловный, пр. *Гдѣ кто захваченъ.* А только не выѣзжай съ этаго съ уловнаго мѣстечка. I, 17, 69.

Умершій, пр. *Траурный, на случай смерти.* Третье платье надѣнь умершее. I, 79, 64.

Умильный, умѣльный, пр. *Вѣжливый, любезный.* Цѣловалъ ю въ уста сахарныя за нея за рѣчи за умильныя. I, 43, 150.

Умоечки, с. ж. мн. *Помои.* II. З. 3, 14.

Умоленникъ, с. м. *За кого умолили.* Пусть ты бабій умоленникъ. II, 30, 855.

Умѣняться, гл. об. *Обмѣняться.* Съ Чурилушкой санкамы умѣнялися. I, 46, 50.

Упадка, с. ж. *Упадокъ духа.* Говоритъ ему не съ упадкою. III, 34, 28.

Упалый, пр. *(Отъ корня* **пад**, *означающаго иногда—имѣть несчастіе, неудачу, напр.:* **упадь**, *несчастіе).* Черный воронъ упалый. I, 73, 202.

Упачливый, пр. *Падкій.* Михайла до вина былъ упачливый. II, 16, 162.

Упеченка, с. ж. *Мѣсто на зноѣ, сильномъ теплѣ.* Садился Добрынюшка на упеченку. III, 18, 156.

Упечечье, с. ср. *Мѣсть на зноѣ, на сильномъ теплѣ.* Кіевъ на красы стоитъ, да упечечьѣ. III, 31, 9.

Упрашивальникъ, с. м. *За кого упросили.* Старшій упрашивальникъ. II, 30, 856.

Унылый, пр. *Унылый.* III, 58, 127.

Уродище, с. ср. *Юродивый.* А сынище твой уродище. I, 44, 26. А тебя теперь называемъ уродищемъ.

Уродовать, уродствовать, гл. ср. *Юродствовать.* Ѣздитъ Хотинка по городу, уродуетъ со паробкомъ любимыимъ. I, 43, 36. III, 28, 25. III, 24, 74.

Ускочить, гл. ср. 1) *Вскочить, увернуться прыжкомъ.* Онъ скоро ускочилъ на добра коня. I, 13, 144. 2) *Убѣжать.* Ай же упавъ дородній добрый молодецъ, хочешь ускочить, да не ускочить. I, 86, 210, 211.

Усова, с. ж. *Усобица.* Нажили усовы себѣ вѣчныя. I, 59, 44.

Ухватка, с. ж. *Охабка.* Захватилися они въ ухваточку, стали они боротися ломатися. I, 13, 125.

Уходный, пр. *За которыми ходять.* Много уходны сердечны малы дѣтушки. З. Ш. 1, 16.

Ф.

Фея, с. ж. *Хвол.* II, 30, 435.

Х.

Хамкать, гл. ср. *Лаять по собачи.* Тутъ-то поганое захамкало. I, 17, 131.

Хмѣлина, с. ж. *Хмѣль.* И ударила хмѣлина кабацкая. I, 78, 19.

Ходило, с. ср. *Лопатка.* Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ. II, 33, 15.

Холма, с. ж. *Холмъ.* Съ горы на гору перескакивать, съ холмы на холму перемахивать. I, 10, 44.

Холомчатый, пр. см. *Шеломчатый. Эпитетъ горы (отъ холмъ).* Не ѣзди на крутую, слазну, на гору холомчатую. II, 30, 68.

Хоробрый, пр. *Храбрый.* Дружина хоробрая. I, 1, 20.

Храпъ, с. м. Наложи-ко храпы крѣпкия, на его на плечики могучия. I, 20, 210.

Художество, с. ср. *Отъ* **худоба,** *имущество.* Не хвастайка своимъ художествомъ. I, 48, 14.

Хупаво, нар. *Хорошо, красно.* Царица красно снарядилася, хупаво. II, 37, 3.

Ц.

Цѣну цѣпить, гл. д. *Цѣнить.* Не знаешь ты кобылушки цѣны цѣпить. I, 4, 100.

Ч.

Частобертатый, пр. *(Отъ* бердо). *Узорчатый. Эпитетъ*

ськей. И въ сѣни зайдешь частоберчаты. III, 31, 150.

Частоплетный, пр. *Эпитетъ косы*. З. С. 7, 18.

Частоступчатый, пр. *Эпитетъ лѣстницы*. З. С. 7, 50.

Чашничать, гл. ср. *Исправлять должность чашника*. III, 53, 43.

Челомбитчикъ, с. м. *Челобитчикъ*. III, 24, 223.

Челядинка, с. ж. *Черноработая (отъ челядь)*. III, 25, 18.

Челядична *(отъ* **челядь)**. Тая ли дѣвка челядична. III, 26, 60.

Черево, с. ср. *Чрево*. II, 24, 67.

Черемшина, с. ж. *Палка, прутъ черемхи*. П. Б. 6, 21.

Черепь, чєрєнья, с. м. *черенокъ*. III, 27, 133.

Черленый (черненый. III. 31, 26), **Червленый**, пр. *Эпитетъ корабля, вяза и стула*. На томъ ли на черленомъ на кораблѣ. I, 53, 14. Исподъ вязу, сподъ черленаго. III, 53, 10. Сидитъ на стулѣ на черленоемъ. I, 54, 212.

Черный, пр. *Черный, червленый. Эпитетъ корабля и вяза*. На тыхъ ли на черныхъ на корабляхъ. III, 32, 12. Изъ подъ того ли вяза, вяза чернаго. II, 31, 13.

Чеснуть, гл. д. *Ударить*. Хотѣлъ чеснуть Плью Муромца. II, 63, 312.

Чета, с. ж. *Чадь*. Малую чету (т. е. князевыхъ ближнихъ людей) дарилъ чистымъ серебромъ. III, 33, 60. Ср. Ист. Кар. II, пр. 26 и 106.

Чинжалище, с. ср. *Кинжалъ, въ ножнахъ котораю еще охотничій ножъ*. Вынималъ изъ чинжалища острый ножъ. III, 14, 110.

Чужанинъ, с. м. *Чужой человѣкъ*. Повыкупите отъ этого чужаго чужанина. З. С. 1, 14.

Чужбининъ, с. м. *См.* **Чужанинъ**. З. С. 31, 8.

Ш.

Шалыжище, с. ср. *Ручка шалыги*. Учалъ шалыжищемъ (Алешу) охаживать. I, 24, 582.

Шаять, гл. ср. *Таять.* Не шайте жараточки муравленные. З. С. 3, 3.

Шевелимость, с. ж. *Движеніе.* Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку безъ шевелимости. I, 27, 146.

Шеломчатый, пр. *Съ выпуклою шляпкою. (Отъ* **шелóмя,** *холмъ). Эпитетъ гвоздя.* Въ косы-то вплетено по дорогому гвоздочку шеломчатому. II, 30, 694.

Шеломъ, с. м. *Шлемъ.* I, 56, 220.

Шеломя, с. ср. *Холмъ, гора. Ср. Слово о полку Игор.* А поди ты на гору высокую, на тое на шеломя оскатное. I, 19, 238.

Шепеткомъ, въ вид. пар. *Шепотомъ.* I, 53, 213.

Ширинка, с. ж. *Полотенце.* Въ шелкову ширинку утирается. III, 34, 97.

Ширинка, с. ж. *Шеренга.* Вываживай, налаживай удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками. III, 44, 54.

Шишира, с. ж. *Праздношатающійся.* I, 13, 51.

Шишкомъ, въ вид. пар. *Шепотомъ.* Шишкомъ говорятъ. III, 33.

Шпенекъ, с. м. *Пряжечная шпилька, напр.* I, 24, 21, III, 15, 22.

Штурмовать, гл. ср. *Отвѣдать силы въ бою.* III, 30, 417.

Шурчать, гл. ср. *Журчать, ворчать.* Ходитъ по терему шурчитъ да бурчитъ. III, 27, 58.

Щ.

Щанъ, с. ж. *Чанъ.* Глаза-то у него—пивны щапы. II, 8, 77.

Щектанье, с. ср. *Соловьиный свистъ.* Не ужель ты не слыхалъ щектанья соловьинаго. III, 6, 50.

Щелыгать, гл. ср. *Жадно и много пить.* Меды щелыгать. П. Ч. 1, 8.

Щелье, щилье, с. ср. *Голый камень, утесистый берегъ.* Гольныя щелья къ Бѣлу-озеру. I, 54, 3. III, 33, 3.

Щенять, с. ср. *Щенокъ.* За этою щенятью бѣлогубою. I, 74, 209.

Щепетко, нар. *Щегольски.* Баско-щепетко по городу погуливаетъ. III, 49, 3.

Щепленье, с. ср. *Щегольство.* I, 30, 218.

Щепливый, пр. *Щегольской.* Походка щепливая. I, 24, 280.

Щепетливый, пр. *Щепливый, щеголь.* На походочку щепетливый. З. С. 3, 47.

Щепомъ щепить. *Щеголять.* Зачнемъ-ко мы съ тобой щепомъ щепить на три года. II, 22, 80.

Щеточка, с. ж. *Мѣсто надъ копытомъ.* Подточили у бурки опи (змѣеныши) щеточки. III, 15, 165.

Щилецъ, с. м. *Палочка съ затесанными клиньями, употребляемая въ особаго рода игрѣ. Дѣти раздѣлившись на два отряда стрѣляютъ щильцомъ (т. е. бьютъ другой палочкой по концамъ щильца) изъ одного отряда на улицу, а изъ другаго щилецъ руками отбрасываютъ назадъ въ городъ.* Маленьки ребятки играютъ щильцомъ-мячомъ. III, 16, 165.

Ѣ.

Ѣздучись, *Ѣздючи.* III, 18, 131.

Ѣзды брать. *Выигрывающіе въ городки бросаютъ палку въ цѣль, сидя верхомъ на обыгранныхъ, и это называется ѣзды брать.*

Э.

Эстотъ, мѣст. *Этотъ, ближайшій къ 2-му лицу.* **(Эвтотъ** *ближе къ 1-му лицу,* **энтотъ** *къ 3-му).* Тебѣ съ эстою удачею молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова. I, 55, 19.

Я.

Яблуко, с. ср. *Шаръ подъ остріемъ копья.* Копья по яблукамъ срывалися. III, 17, 142.

Яловикъ, с. м. *(Отъ корня* **яловый)** *волъ.* Ѣстъ по три быка яловика. III, 9, 47.

Яловица, с. ж. *Корчага.* Щей хлѣбаю по той яловицы по русскія. I, 17, 127.

Яндова, с. ж. *Мѣдный жбанъ.* Поднесъ имъ яндову квасу. III, 5, 15.

Ясновый, пр. *Изъ дерева ясеня.* Перекладинка ясновая. III, 56, 254.

Ясь-соколъ, с. м. *Ясный соколъ.* З. С. 18, 16,

Яровицкій, пр. *Аравійскій.* Выложенъ тынъ мѣдью яровицкою. I, 45, стр. 226.

Яровчатый, ярывчатый, пр. *Яворчатый, изъ явора.* Гусельки яровчаты.

Ярыжный, пр. *Развратный.* I, 85, 36.

—

ПЕРЕЧЕНЬ ОПЕЧАТОКЪ, ОШИБОКЪ И ДОПОЛНЕНІЙ ВЪ I И II ЧАСТЯХЪ.

I часть.

Стр. 63, стихъ 39: *кожа*, вм. кожанъ, т. е. кожухъ, не покрытый овчинный тулупъ.

— 185 — 256: *попелькамы*, опечатка вмѣсто по пелькамъ, т. е. по переднюю часть рубахи, покрывающую грудь.

— 263 — 84: *источенки*, разноцвѣтные пояса струйчатые, т. е. цвѣта идутъ въ нихъ струями одинъ за другимъ.

II часть.

— 14 — 17: *на со угрозою*. По моему мнѣнію: съ наугрозою, подобно тому, какъ употребляется: ни во что, не съ какима дарамы, вм. съ нѣкоторыми дарами.

— 21 — 89: *копылкомъ*. По объясненію Л. Богданова, борода у Добрыни была растрепана, и мать зачесала ее клиномъ.

— 24 — 117: *опачей рѣку*, т. е. о Пачей рѣку въ томъ же смыслѣ, какъ о стѣну, о взморье, о море.

— 32 — 389: *скошорошина*, опечатка вм. скоморошина.

— 95 — 68: гости бажоные, т. е. любимые, любезные [по Пудожскому нарѣчію].

— 173 — 481: *пень залисскій*. Деревни, расположенныя вдали отъ другихъ, посреди лѣсовъ и теперь зовутся у заонежанъ и Пудожанъ ,,залисскими", а жители ихъ ,,залѣшанами".

— 258 — 81: есте, т. е. есть.

— 313 — 69: дегтярь, дятелъ. По объясненію Л. Богданова, это баская пестрая птица съ долгимъ носомъ: имъ безперечь долбитъ дерево.

— — — 80: заюшка, опечатка вм. загожка.

— 314 — 103: лежать, опечатка вм. летать.

— 319 — 14: Я-яснаго сокола, вм. ясь-яснаго сокола.

—

ПЕРЕЧЕНЬ ПѢСЕНЪ И ПРОЧИХЪ СКАЗАНІЙ III ЧАСТИ ПО МѢСТУ И ЛИЦАМЪ, ГДѢ, У КОГО И КѢМЪ ОНИ ЗАПИСАНЫ.

1) Записанныя г. Лысановымъ отъ крестьянина Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Андрея Сарафанова. №№ 4, 21, 25, 28.

2) Записанная А. П. Пановымъ отъ Кемскаго крестьянина и напечатанная въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: № 64.

3) Изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1857 г. №№ 31 и 32, отъ крестьянина Каргопольскаго уѣзда: № 33.

4) Записанныя по порученію собирателя:

Отъ крестьянина дер. Пирзаковской, Колодозерской волости, Пудожскаго уѣзда, Трофима Романова: №№ 5, 9, 12, 19, 23, 31, 36.

Отъ крестьянина Уножскаго погоста, Пудожскаго уѣзда, Гавриды Амосова №№ 11, 18, 43. 44, 47, 53.

Отъ Поромскаго старика, съ Кенозера, Пудожскаго уѣзда: №№ 10, 13, 14, 16, 24, 27, 29. 28, 56.

Отъ крестьянина дер. Гагарской, Шальскаго погоста, Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда, Потапа Трофимова Потахина: №№ 17, 26, 32, 37, 51.

5) Записанныя самимъ собирателемъ:

Отъ крестьянина дер. Середки, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Т. Г. Рябинина №№ 1, 2.

Въ Петрозаводскѣ отъ крестьянина дер. Горки, Пудожгорскаго погоста, Абрама Евтимѣева Чуккоева, по прозванію Бутылки: №№ 3, 8, 15, 20, 46, 52, 57, 58, 62.

Отъ крестьянина Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Г. Ѳедотова: №№ 6, 7, 30, 39, 40, 42, 45.

Отъ крестьянина Сѣногубскаго погоста, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Кузьмы Иванова Романова: № 55.

Отъ Кореляка Повѣнецкаго уѣзда, дер. Кяменицы, Василья Лазарева: № № 24, 41.

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, Кижской волости, со словъ Каргопольскаго захожаго калѣки слѣпаго: № 35.

Отъ крестьянина Андрея Иванова, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда: № 34.

Отъ крестьянина Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Л. Богданова: № № 48, 49, 63.

Отъ крестьянина Деревянскаго общества, Петрозаводскаго уѣзда, Никиты Байнина: № 60.

Въ г. Петрозаводскѣ отъ родственника Л. Богданова: № 61.

Списанный съ подписи подъ старинным портретомъ: № 50.

Списанный съ рукописи: № 54.

Отъ крестьянина Петрозаводскаго уѣзда, Ладвинскаго погоста, Никиты Рѣзина: № 59.

Заплачки, бесѣдныя пѣсни и бытовыя пѣсни записаны собирателемъ; въ текстѣ объяснено, что изъ этого отдѣла записано другими лицами.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ III ЧАСТИ.

Напечатано:	Слѣдуетъ поправить:
Стр. 15, ст. 35:	
ѣдѣтъ	ѣдетъ
Стр. 40, въ названіи былины:	
При	Три
Стр. 62, ст. 81:	
змѣинны	змѣинины
Тамъ же, ст. 89:	
топташь	топтать
Стр. 65, ст. 170:	
бьегъ	бьетъ
Стр, 74, ст. 171:	
раасказывати	разсказывати
Стр. 78, ст. 89:	
Приходитъ	Проходитъ
Стр. 92, ст. 26:	
серебряныя	серебряные
Стр. 165. ст. 16:	
сворахнется	сворохнется
Тамъ же, ст. 19:	
карабельщики	корабельщики
Стр. 171, ст. 234:	
Спепановичь	Степановичъ
Стр. 179, ст. 46:	
запреку	за преку
Стр. 184, ст. 295:	
« »	— —
Стр. 187, въ нумерѣ былины:	
31.	32.
Стр. 268, ст. 52:	
но слюбилися	не слюбилися
Стр. 269, въ нум. былины:	
42.	47.
Стр. 294, стр. 29:	
подлинник	подлинника
Стр. 295, ст. 3:	
восняхъ	во сняхъ
Стр. 300, ст. 161-й лишній	
Стр. 305, ст. 9:	
привидется	привидится,

Стр. 311, ст. 225:	
накось	на-кось
Стр. 328, въ нумерѣ былины:	
57.	59.
Стр. 349, ст. 21:	
тысячкой	тысяцкой
Стр. 350, ст. 3:	
сходилося.	сходилося
Стр. 352, пр. 6:	
Прохоровскимъ	Прозоровскимъ
Стр. 372, ст. 47:	
приселкаме	приселкамы
Стр. 372, ст. 72:	
непзвѣстная,	непзвѣстная.
Стр. 377, ст. 55 и 378, ст. 6:	
княжаямъ-брюдгамъ	княжаямъ брюдгамъ
Стр. 389, примѣч.	
этапѣсня	эта пѣсня
Тоже, строк. 3 снизу:	
Аль цвѣтики	Алы цвѣтики

ЗАМѢТКА.

Стр. III, стр. 4 снизу:	
и 42 III	41 и 42 III
Стр. XXVII, стр. 3 снизу:	
№ 91 III	№ 21 III
Въ третьемъ листѣ послѣ стр. XL:	
XLIII—XLVIII	XLI—XLVI

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ.

Стр. V, стр. 10 сверху:	
пешутшука	пешутушка
Стр. XVI, стр. 5 снизу:	
Ввзваръ	Взваръ
Стр. XXVII, стр. 2 снизу:	
въ вид. прим.	въ видѣ прилагат.
Стр. XXXVI, стр. 19 сверху:	
Оговоръ	Говоръ, рѣчь
Стр. XXXIX, стр. 4 снизу:	
Забременить	Забременѣть
Стр. XL, стр. 2 снизу:	
Посажденье	Посаждэнье

—

ОГЛАВЛЕНІЕ III ЧАСТИ.

1. БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Страницы.

I. Время до Владимира, богатыри старшіе.

Самсонъ богатырь: . . . . . 1.
Святогоръ богатырь и Илья: 2. . . . . 5.

II. Время Владимирово, богатыри Кіевскіе.

Женидьба князя Владиміра: 3. . . . . 9.
Илья Муромецъ и Соловей: 4, 5, 6. . . . 13, 16, 24.
Онъ же и Идолище поганое: 7, 8, 9. . . 28, 32, 33.
Илья у Царя Константина: 10. . . . . 37.
Три поѣздки Ильи: 11, 12, 13. . . . . 40, 45, 49.
Бой Ильи съ сыномъ: 14. . . . . 54.
Добрыня, бой его съ змѣемъ, встрѣча съ Настасьей Микуличной и женидьба на ней: 15. 60.
Добрыня въ отъѣздѣ, Алеша Поповичъ: 16, 17, 18. . . . . 69, 76, 84.
Добрыня и Марина: 19. . . . . 92.
Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ: 20 . 95.
Дунай Ивановичъ: 21. . . . . 96.
Данила Игнатьевичъ и Михайла Денисьевичъ: 22. . . . . 103.
Иванъ Годиновичъ: 23. . . . . 113.
Чурило Пленковичъ: 24. . . . . 118.
Смерть Чурилы Пленковича: 25, 26, 27. . 127, 132, 136.
Хотенъ Блудовичъ: 28. . . . . 141.
Дюкъ Степановичъ; 29, 30, 31. . . . . 147, 164, 178.
Соловей Будиміровичъ: 32, 33. . . . . 187, 193.
Иванъ Гостиный сынъ: 34. . . . . 194.

III. Татарское время.

Калинъ Царь, Илья и Самсонъ богатырь: 35,

36. . . . . 205, 214.
Василій Игнатьевичъ и Батыга Батыговичъ: 37. 224.
Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка: 38. . . 227.

Удальцы и мужи Новгородскіе.

Василій Буслаевичъ: 39. . . . . 234.
Смерть Василья Буслаева: 40. . . . . 239.
Садко купецъ, богатый гость: . . . . . 241, 248.
Терентій мужъ Данильевичъ: 43. . . . . 251.

V. Москва.

Кострюкъ Кострюковъ сынъ, молодой Черкашенинъ: 44. . . . . 257.
Гришка Отрепьевъ: 45. . . . . 264.
Земскій соборъ: 46, 47. . . . . 267, 269.

Историческія пѣсни.

Князь Голицынъ: 48. . . . . 272.
Сынъ Стеньки Разина: 49. . . . . 273.
Емельянъ Пугачевъ 50. . . . . 273.

VI. Былины княженецкія, молодецкія и безъимянныя.

О двухъ Ливикахъ: 51. . . . . 277.
Настасья, королевна Политовская: 52. . . . 283.
Добрый молодецъ и жена неудачливая: 52. . 287.
Царь Саламанъ: 54, 55, 56. . . . . 294, 295, 296.
Неразсказанный сонъ: 57. . . . . 305.
О царствѣ подсолнечномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ: 58. . 319.
Каково птицамъ жить на Руси: 59, 60, 61. 328, 335, 338.
Девять братьевъ и сестра: 62. . . . . 340.
Поѣздка на море: 63. . . . . 341.
Смерть княгини Михайловны: 64. . . . . 342.

II. Заплачки свадебныя и похоронныя.

I. Свадебный обрядъ Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ: . . . . . 347.

II. Заплачки о покойникѣ. . . . . 410.

III. БЫТОВЫЯ ПѢСНИ РАЗНАГО РОДА.

I. Бесѣда и бесѣдныя пѣсни въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ. . . . . 427.

II. Пѣсни, записанныя въ слободахъ Черниговской губерніи. . . . . 442.

III. Пѣсни записанныя въ Олонецкой губерн. 451.

ЗАМѢТКА. . . . . I—LII.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ. . . . . I—LXII.

Перечень опечатокъ, ошибокъ и пропусковъ въ I и II части. LXIII

Перечень пѣсень и прочихъ сказаній III части по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ они записаны. . . . . LXV.

Перечень опечатокъ въ III части . . . . LXVII.

Оглавленіе III части. . . . . LXIX.

2007065008